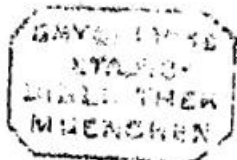


ВЪ РАЗБОЙНОМЪ СТАНЪ





Б. Л. Седерхольмъ.

Борисъ Леонидовичъ Седерхольмъ родился 14 января 1884 г. въ Россіи въ гор. Николаевѣ Херсонской губерніи. По окончаніи Морского корпуса въ С.П.Б. въ 1903 г. поступилъ на службу въ Черноморскій флотъ, откуда былъ переведенъ въ Балтійскій флотъ и въ сентябрѣ 1912 г. назначенъ портовымъ минеромъ Свеаборгскаго порта. 10 апрѣля 1916 г. Б. Л. Седерхольмъ былъ произведенъ въ капитаны II ранга.

Б. Л. Седерхольмъ былъ человѣкъ общительный, отзывчивый, жизнерадостный. На его живую, незлобивую и чуткую душу пребываніе въ „разбойномъ станѣ“ легло самымъ роковымъ образомъ. Пережитое въ С.С.С.Р. потрясло его душу и привело къ нервному разстройству, окончившемуся воспаленіемъ мозга.

Скончался Б. Л. Седерхольмъ 30 мая 1933 г. въ Гельсингфорсѣ, гдѣ и былъ погребенъ на православномъ кладбищѣ.

Б. Л. Седерхольмъ не чуждъ былъ литературѣ. Онъ участвовалъ въ сборникѣ „Флагъ Адмирала“ (Рига, 1930 г.) своими бойко написанными очерками. Но лучшимъ свидѣтельствомъ его литературнаго таланта служатъ печатаемыя нынѣ его воспоминанія.

Вотъ что о немъ писало въ свое время „Возрожденіе“:

„Всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, сначала въ „Возрожденіи“, затѣмъ почти на всѣхъ языкахъ*) въ лучшихъ издательствахъ и наиболѣе распространенныхъ органахъ печати появились обратившія на себя всеобщее вниманіе воспоминанія Бориса Леонидовича Седерхольма. Бывшій русскій морской офицеръ, ставшій финляндскимъ гражданиномъ, по порученію крупной южно-американской фирмы отправившійся въ СССР, описалъ въ нихъ съ большой искренностью условія совѣтской жизни, переговоры, которые онъ велъ съ коммунистической верхушкой о заключеніи торговаго договора, невѣроятный шантажъ совѣтской власти и, наконецъ, свой арестъ, сидѣніе по тюрьмамъ, допросы, пытки и пребываніе на Соловкахъ. Теперь это все извѣстно до послѣднихъ мелочей, тогда же мы, привыкшіе къ большевицкимъ звѣрствамъ, содрогнулись. Для многихъ иностранцевъ, прочитавшихъ книгу Седерхольма, она была открывеніемъ.

Бориса Леонидовича Седерхольма не стало въ Гельсингфорсѣ послѣ тяжелой болѣзни, основанной на нервномъ разстройствѣ, несом-

*) Кромѣ русскаго (въ подлинникѣ) въ полномъ видѣ.

нѣнномъ слѣдствіи всѣхъ вынесеныхъ имъ въ совѣтскихъ застѣнкахъ пытокъ физическихъ и нравственныхъ.

Б. Л. Седерхольмъ былъ произведенъ въ офицеры въ 1903 году, специализировался по мѣнной и электрической части, во время Великой войны служилъ въ штабѣ Балтійскаго флота, наблюдая за постройкой новыхъ кораблей и оборудованіемъ ихъ сложнѣйшими электрическими установками. Последнее время жизни Б. Л. на новой родинѣ въ виду его болѣзни протекала тяжело; жилъ онъ въ Гангэ, гдѣ его жена руководила курортнымъ пансіономъ и гдѣ неоднократно онъ пытался примѣнить свои морскія познанія и любовь къ морю къ всевозможнымъ портовымъ работамъ. С. занимался литературой и переводами со шведскаго языка, что во время кризиса тоже не могло спасти его отъ нужды. Со смертью кап. II р. Б. Л. Седерхольма ушелъ стойкій борецъ съ большевизмомъ, талантливымъ и искреннимъ свидѣтельствомъ, распространявшимся по всему міру, нанесшій серьезный ударъ совѣтской власти.“



Капитанъ II ранга Б. Л. СЕДЕРХОЛЬМЪ.

Б. СЕДЕРХОЛЬМЪ.

Въ разбойномъ станѣ.

(ТРИ ГОДА ВЪ СТРАНѢ КОНЦЕССІЙ и „ЧЕКИ“)

1923—1926.

Я зналъ страну, гдѣ правитъ самовласть,
Гдѣ—дикій произволъ, — гдѣ безпросвѣтный гнетъ,
Гдѣ—власть безправія, жестокое пристрастье,
Гдѣ—рабство, нищета, невѣжества оплотъ.
Я зналъ страну гдѣ властвуетъ преступникъ,
Гдѣ—пиръ разбойника, разнузданный грабежъ,
Гдѣ злобный лицемѣръ, злодѣй - богоотступникъ,
Плететь свою безсовѣстную ложь.
Я зналъ страну, гдѣ всюду—голодь, холодъ.
Гдѣ вождь палачъ кровавый изуверъ,
Гдѣ все крушить расправы тяжкій молотъ,
Гдѣ—иго мрачное съ клеймомъ: „С. С. С. Р.“

П. Я.

Р И Г А.

1934 г.

Печатано въ типографіи
„STAR“, Рига,
Курмановская ул. № 15.

Въ концѣ лѣта 1923 года я выѣхалъ въ совѣтскую Россію въ качествѣ представителя одной Южно-Американской фирмы, занимающейся экспортомъ дубильныхъ веществъ.

Моя поѣздка не являлась случайной, а подготавливалась уже давно. Новая экономическая политика совѣтскаго правительства, или по совѣтской терминологіи — „Нэп“, привлекала вниманіе директоровъ нашей фирмы съ самаго начала своего зарожденія. Многие иностранные коммерческіе круги видѣли въ „Нэпѣ“ возрожденіе русской промышленности, рассчитывая что „Нэп“ откроетъ широкія возможности для снабженія русскаго рынка сырьемъ.

Я, лично, относился весьма скептически ко всѣмъ слухамъ о блестящихъ выгодахъ торговли съ совѣтскимъ правительствомъ, но въ концѣ концовъ я долженъ былъ уступить желаніямъ моихъ принципаловъ, довольно прозрачно намекавшихъ на мою малую освѣдомленность въ современномъ положеніи совѣтскаго рынка и совѣтской торговой политики.

По полученіи подробныхъ инструкцій отъ моей фирмы я началъ переговоры съ совѣтскимъ торговымъ представительствомъ въ Гельсингфорсѣ о возможности заключенія концессионнаго договора на монопольную и постоянную поставку нашего товара для совѣтской кожевенной промышленности.

Съ первыхъ же шаговъ я замѣтилъ, что совѣтское торговое представительство было чрезвычайно стѣснено въ своихъ дѣйствіяхъ инструкціями изъ „центра“, т. е. изъ Москвы. Мои переговоры протекали крайне медленно, и по каждому самому незначительному поводу торговое представительство должно

было запрашивать Москву. Около двух съ половиной мѣсяцевъ потребовалось для того, чтобы выработать нашъ договоръ, заключавшій 47 пунктовъ. Въ концѣ концовъ все таки наступилъ день, когда этотъ контрактъ былъ нами взаимно подписанъ, и мнѣ лишь оставалось выждать, когда будетъ въ одномъ изъ англійскихъ банковъ открытъ совѣтскимъ правительствомъ аккредитивъ. Съ этого момента нашъ контрактъ вступалъ въ законную силу взаимно для обѣихъ сторонъ.

Прошли обусловленные контрактомъ двѣ недѣли для открытія аккредитива, но... онъ не былъ открытъ. Послѣ безчисленныхъ телеграмъ, переговоровъ и напоминаній торговое представительство сообщило мнѣ, что изъ Москвы получено предписаніе ратифицировать нашъ контрактъ... въ Петербургѣ, въ правленіи коженнаго синдиката. Для скорѣйшаго проведенія всего дѣла по разнымъ инстанціямъ необходимо было мое личное присутствіе въ Петербургѣ. Итакъ надо было ѣхать.

Полученіе визы на въѣздъ въ предѣлы совѣтской республики заняло около шести недѣль, но наконецъ виза была получена, и я выѣхалъ въ концѣ лѣта 1923 года въ Петербургъ.

Я покидалъ Финляндію съ тяжелымъ сердцемъ, такъ какъ ѣхалъ въ страну, въ которой несмотря на „Нэп“ и кажущуюся эволюцію царили неопредѣленность, терроръ и произволь. Нѣсколько смущало меня и то обстоятельство, что до революціи я былъ офицеромъ Россійскаго Императорскаго флота; но я не считалъ нужнымъ скрывать моей прежней профессіи. Въ данной мнѣ въ совѣтскомъ дипломатическомъ представительствѣ анкетѣ, для полученія визы, я написалъ: „Финляндскій гражданинъ, торговый представитель такой то и такой то фирмы, бывший капитанъ 2-го ранга Русскаго Императорскаго флота“.

Скрывать мое прежнее званіе было бы не умно и бесполезно, такъ какъ не подлежало никакому сомнѣнію, что о моей прежней службѣ въ Царскомъ флотѣ было извѣстно Чека. Если бы я не упомянулъ въ анкетѣ о моемъ прежнемъ званіи, то это лишь вызвало бы обостренныя подозрѣнія Чеки. На мою прежнюю профессію и на мой офицерскій чинъ я

давнымъ давно поставилъ крестъ, и послѣ революціи и отдѣленія Финляндіи отъ Россіи я всецѣло посвятилъ себя коммерческой дѣятельности. Обо всемъ этомъ было, внѣ всякихъ сомнѣній, извѣстно Чекѣ черезъ своихъ агентовъ, такъ какъ обо всѣхъ лицахъ, вѣвжающихся въ предѣлы совѣтской Россіи, Чекѣ имѣеть самые подробныя свѣдѣнія.

* * *

Послѣ Выборга въ вагонѣ, кромѣ меня осталось только два пассажира: голландскій купецъ и его жена, — типичная русская дама.

Голландецъ былъ довѣреннымъ какой-то очень крупной голландской фирмы, заключившей недавно съ совѣтскимъ правительствомъ концессионный договоръ. Онъ провель въ Петербургѣ почти весь 1922 и часть 1923 года. Несмотря на то, что ему удалось въ концѣ концовъ добиться концессіи, голландецъ былъ настроенъ весьма скептически и не вѣрилъ въ прочность договорныхъ обязательствъ совѣтскаго правительства.

„Поживемъ — увидимъ. Мое дѣло исполнять желанія моихъ хозяевъ“ и, обращаясь съ улыбкой ко мнѣ, окъ закончилъ свой рассказъ:

„И вы поживете и увидите. А теперь давайте кончать разговоры, такъ какъ сейчасъ станція Теріоки, и къ намъ сядутъ въ вагонъ агенты финляндской развѣдки и тайные агенты совѣтской Чеки. И вообще помните мой совѣтъ: поменьше говорите въ Россіи. За нами, какъ за иностранцами, Чека тщательно слѣдитъ“.

На станціи Теріоки въ вагонъ вошло нѣсколько новыхъ пассажировъ. Еще не искушенный опытомъ я, при всемъ моемъ стараніи, не могъ различить кто изъ пассажировъ шпионъ и гдѣ именно „наши“ и гдѣ „ихъ“ агенты.

Послѣ станціи Райяйоки нашъ вагонъ передали на другую вѣтку и мы покатали по пограничной зонѣ. Въ послѣдній разъ мелькнули въ окнѣ вагона нарядныя и аккуратныя зданія финляндской станціи, прошелъ черезъ вагонъ бравый унтеръ-офицеръ финляндской пограничной стражи, и „сдалъ“ насъ, т. е. меня и голландца съ женой, какому то субъекту въ неряш-

ливой, наброшенной на плечи солдатской шинели и въ русской фуражкѣ съ зеленымъ верхомъ.

На русской пограничной станціи „Бѣлоостровъ“, очень неряшливой и запущенной, мы вышли изъ вагона. Предстоялъ таможенный осмотръ нашихъ вещей и контроль паспортовъ. Всѣ стѣны станціи пестрѣли плакатами, пригласившими совѣтскихъ гражданъ бороться противъ взятки. Среди этихъ плакатовъ выдѣлялись ярко раскрашенныя воззванія о подпискѣ на золотой крестьянскій заемъ. На картинѣ былъ изображенъ мужикъ такимъ, какъ его обыкновенно изображаютъ на сценахъ провинціальныхъ театровъ: аккуратно причесанный, въ шелковой красной рубашкѣ и плисовыхъ шароварахъ, заправленныхъ въ высокіе лакированные сапоги. Чья то благодѣтельная рука сыпала на мужика дождь золотыхъ монетъ, а внизу значилось большими буквами: „отдай всѣ сбереженія на облигаціи золотого займа и, со временемъ, ты будешь богатъ“.

Голландецъ иронически и незамѣтно подмигнулъ мнѣ, показывая на золотой дождь, и я подумалъ: „недурно для коммунистическаго пролетарскаго государства это „со временемъ ты будешь богатъ“...“

Послѣ осмотра вещей и паспортныхъ формальностей мы пересѣли въ русскій вагонъ. Изъ оконъ виденъ былъ печальный пейзажъ русской сѣверной природы съ разбросанными тамъ и сямъ покривившимся полуразрушенными избами и чахлыми деревьями.

Въ вагонѣ было довольно много пассажировъ бѣдно и неряшливо одѣтыхъ. Всѣ лица какого-то грязно землистаго цвѣта, съ выраженіемъ сосредоточенной озабоченности. Нигдѣ ни смѣха, ни улыбки. Двое, сидящихъ въ углу, бросаютъ на меня, по временамъ, острые и внимательные взгляды. Отъ этого противнаго сверлящаго взгляда мнѣ становится стыдно за мой элегантный костюмъ. Эти двое, несмотря на различіе въ ихъ костюмахъ и во внѣшности, имѣютъ между собой что то общее неуловимое, но дѣлающее ихъ похожими другъ на друга. Я стараюсь дать себѣ отчетъ, что именно такъ дѣлаетъ этихъ двухъ людей похожими другъ на друга и что ихъ такъ отличаетъ

отъ остальной сѣрой массы пассажировъ. Вдругъ мое сознание пронизываетъ мысль: „агенты Чеки“.

„Ну и чертъ съ ними. Пусть себѣ смотрятъ“, — рѣшаю я и углубляюсь въ газету.

На платформѣ вокзала бывшей финляндской желѣзной дороги, я простился съ голландцемъ, и къ своему большому удовольствію увидѣлъ шедшаго мнѣ навстрѣчу нашего генеральнаго консула въ Петербургѣ, магистра Х.

Мимо сновали небрежно и бѣдно одѣтые люди и всюду преобладала молодежь. Какая разница съ прежней петербургской толпой!

Ни одного интеллигентнаго лица. У всѣхъ сумрачный, сосредоточенный взглядъ, и у всѣхъ на лицахъ: „о з а б о ч е н н о с т ь“.

Мы ѣдемъ въ автомобилѣ по знакомымъ петербургскимъ улицамъ, которыхъ я не видалъ болѣе семи лѣтъ. Петербургъ производитъ какое то обвѣтшалое, полинявшее впечатлѣніе. Полинявшіе сѣрые люди, дома съ пятнами наспѣхъ и кое-какъ набросанной свѣжей штукатурки, выбоины и ухабы мостовой, на которыхъ нашъ автомобиль немилосердно подскакиваетъ. Всюду обиліе простонародной молодежи, на набережной Невы стоятъ дворцы и особняки съ облупившейся краской. На нѣкоторыхъ красуются надписи и вывѣски, вродѣ: „домъ отдыха рабочихъ“ или „музей труда“ и т. д. Доминируетъ впечатлѣніе запущенности и точно все сдѣлано на спѣхъ, временно.

На Екатерингофскомъ проспектѣ № 19, у дома, принадлежащаго финляндскому правительству, нашъ автомобиль остановился. Въ этомъ домѣ живутъ генеральный консулъ и служащіе генеральнаго консульства. Свободныя комнаты сдаются пріѣзжающимъ въ Петербургъ по различнымъ торговымъ дѣламъ финляндцамъ.

Мнѣ отвели комнату въ одномъ изъ флигелей дома, выходящемъ окнами во дворъ.

Глава 2-я.

Жизнь въ нашемъ домѣ шла развѣреннымъ регулярнымъ темпомъ. Съ утра всѣ служащіе консульства уѣзжали на занятія. Консульство помѣщалось тоже въ

финляндскомъ домѣ на Невскомъ проспектѣ № 26, въ одномъ изъ этажей этого громаднаго дома. Свободныя помѣщенія въ этомъ зданіи отдавались въ наемъ подъ конторы различныхъ финляндскихъ коммерсантовъ.

Къ шести часамъ вечера мы всѣ возвращались домой и сходились къ обѣду въ большой столовой нашего общежитія.

Вечерами, мы большею частью сидѣли дома, лишь изрѣдка посѣщая оперу или балетъ. Наши русскіе знакомые навѣщали насъ рѣдко, и такія посѣщенія всегда вызывали въ насъ нѣкоторое безпокойство за ихъ судьбу, такъ какъ иногда Чека арестовывала кого либо изъ нихъ по подозрѣнію въ шпіонажѣ. Послѣ этого мы временно теряли всѣхъ нашихъ друзей и знакомыхъ, и при встрѣчахъ на улицѣ, ни они насъ, ни мы ихъ „не узнавали“... Такъ проходило нѣсколько недѣль и... все начиналось снова, часто съ тѣми же послѣдствіями.

Нашъ домъ съ его изолированной жизнью, совершенно отличной отъ мрачной и подавляющей совѣтской дѣйствительности, естественно являлся приманкой для изстрадавшихся людей, знававшихъ когда-то лучшія времена. У насъ они хоть на мгновенье забывали, среди культурной обстановки, весь ужасъ и убожество совѣтской жизни.

* * *

Первые дни моего пребыванія въ Петербургѣ, я признаюсь, не замѣчалъ ничего ужаснаго. Мнѣ даже казалось, что веѣ равсказы нашихъ знакомыхъ и отзвыы заграничныхъ газетъ о ненормальностяхъ совѣтской жизни черезчуръ преувеличены.

Я началъ прозрѣвать по мѣрѣ того, какъ, въ хлопотахъ по дѣламъ моей фирмы, мнѣ приходилось все тѣснѣе соприкасаться съ совѣтскими учрежденіями и съ совѣтскимъ бытомъ.

Съ первыхъ же шаговъ подтвердилось мое предположеніе, что нельзя дѣлать никакихъ серьезно обоснованныхъ расчетовъ и предположеній въ коммерческихъ дѣлахъ, связанныхъ съ совѣтскими торговыми учрежденіями. Успѣхъ любыхъ торговыхъ переговоровъ зависѣлъ исключительно отъ случая и поли-

тического момента, такъ какъ монополизированная совѣтскимъ государствомъ торговля направлялась интересами Коминтерна. Я убѣдился, что въ торговлѣ и промышленности совѣтской Россіи доминировалъ и доминируетъ политическій моментъ, и совершенно отсутствуеъ торговая политика.

Въ правленіи коженнаго государственнаго синдиката я былъ встрѣченъ не только любезно, но даже съ нѣкоторой „помпой“. Все правленіе этого учрежденія состояло изъ случайныхъ людей, какъ это вообще наблюдается во всѣхъ совѣтскихъ учрежденіяхъ. Предсѣдатель правленія — заслуженный членъ коммунистической партіи, очень подвижный и болтливый еврейчикъ Эрисманъ, въ недавнемъ прошломъ помощникъ провизора, принялъ меня въ своемъ служебномъ кабинетѣ, и часа полтора рассказывалъ мнѣ о блестящемъ будущемъ націонализированной промышленности.

Громадный кабинетъ, устланный восточными коврами и обставленный сборной, но роскошной мебелью; самъ хозяинъ въ черной сатиновой толстовкѣ, подпоясанной ремнемъ, и его наигранный энтузіазмъ совѣтскаго краснорѣчія, — производилъ на меня впечатлѣніе чего то временнаго, ненастоящаго, лишеннаго прочнаго фундамента. Мнѣ кажется, что и самъ Эрисманъ смотрѣлъ на себя и на возглавляемое имъ учрежденіе, какъ на инсценировку, необходимую для требованій даннаго политическаго момента.

Во время этого нашего перваго дѣловаго свиданія мы такъ и не коснулись въ разговорѣ содержанія моего контракта. По словамъ Эрисмана необходимо было запросить Москву объ инструкціяхъ. Пока что, въ ближайшее время мы должны были обсудить, съ принципиальной стороны, всѣ пункты договора, и для этого на будущей недѣлѣ Эрисманъ распорядился назначить засѣданіе синдиката.

„А теперь позвольте васъ пригласить позавтракать“, — обратился ко мнѣ съ любезной улыбкой, Эрисманъ. — „Вы въ первый разъ въ Совѣтской Россіи, и воображаю, какого вы о насъ представленія“.

Въ семимѣстномъ открытомъ „Банцѣ“, въ обществѣ Эрисмана и консультанта синдиката — профессора технолога Свенторжецкаго, мы понесли по

Невскому проспекту въ Европейскую гостиницу, сохранившую свое прежнее названіе, но, разумѣется, націонализированную.

Въ большой залъ ресторана было все почти какъ раньше — пожалуй, грязнѣе и запущеннѣе. Было замѣтно, что за годы революціи зданіе сильно пострадало. Потускнѣла позолота. мѣстами обвалились лѣпные украшенія и потрескалась штукатурка. Оффицанты въ поношенныхъ фракахъ съ чужого плеча, видимо старались создать иллюзію былого, но тщетно. За столиками сидѣла самая пестрая публика, которую когда-либо мнѣ приходилось видѣть. Масса ярко и грубо покрашенныхъ дамъ въ несоотвѣтственно утрированныхъ модныхъ платьяхъ; преобладающее количество молодыхъ людей въ сѣрыхъ, черныхъ, коричневыхъ и бархатныхъ рубашкахъ-толстовкахъ, подпоясанныхъ ремнями; иностранцы въ обще-европейскихъ костюмахъ, и несуразно модно одѣтые представители новой совѣтской буржуазіи, такъ называемые „нѣпманы“ — совѣтскіе дѣльцы.

Мы заняли одинъ изъ боковыхъ круглыхъ столиковъ, и мой любезный хозяинъ заказалъ завтракъ и вино. „Профессоръ“ — консультантъ синдиката, вѣроятно былъ приглашенъ, какъ лицо „буржуазнаго происхожденія“, специально для разговоровъ со мной.

Никогда не забыть мнѣ той почти неуловимый, грустной ироніи, съ которой этотъ пожилой, умный и образованный человѣкъ, подавалъ реплики разговорчивому Эрисману.

Глядя мнѣ въ переносицу, профессоръ посвящалъ меня въ организацію „стройной системы“ совѣтской торговли и промышленности, доказывая всѣ неоспоримыя выгоды для насъ иностранцевъ, желающихъ торговать съ совѣтскимъ государствомъ.

Подогрѣтое „Шамбертэнъ“ отсвѣчивало кровавымъ рубиномъ въ хрустальныхъ бокалахъ. Съ хоръ лилась томная, чувственная мелодія „en vaudive“, и за сосѣднимъ столикомъ, молодой человѣкъ въ кожанной курткѣ, сосредоточенно говорилъ дамѣ съ коралловыми губами: „Да ты не бойся его. Что съ того, что онъ твой мужъ? Мнѣ только мигнуть, и его

въ два счета ликвидируютъ. Пусть скажетъ спасибо, что еще дышетъ. Это я тебѣ говорю*.

На тарелкахъ солиднаго, толстаго фарфора красовался старый императорскій гербъ — двухглавый орелъ. Одинъ Богъ вѣдаетъ какую сложную кривую должна была описать судьба, чтобы соединить въ одномъ мѣстѣ чекиста съ подругой, стараго профессора технологіи, помощника провизора — председателя синдиката, меня и тарелки изъ императорскаго дворца, въ национализированной „Европейкѣ“.

Г л а в а 3 я.

Въ ожиданіи назначеннаго черезъ недѣлю совѣщанія въ кожевенномъ синдикатѣ, я могъ посвятить мой вынужденный досугъ осмотру и изученію совѣтскаго Петербурга.

По имѣвшимся у меня свѣдѣніямъ, нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ и друзей были еще пощажены терроромъ Чеки, и влачили жалкое существованіе „бывшихъ“ людей. Но, не ознакомившись съ укладомъ совѣтской жизни, было благоразумнѣе отложить встрѣчи съ друзьями до поры до времени, а пока заняться внѣшнимъ осмотромъ города и его окрестностей.

Какъ разъ противъ нашего дома высился среди запыленныхъ деревьевъ сквера Никольскій соборъ, бывший соборъ для морскихъ частей расквартированныхъ въ Петербургѣ. Какъ снаружи, такъ и внутри соборъ очень обвѣтшалъ за время революціонныхъ годовъ и церковныхъ гоненій.

На субботней вечерней службѣ было довольно много молящихся, все почти исключительно пожилые люди изъ „бывшихъ“. Еще задолго до революціи я знавалъ одного изъ священниковъ собора, и, замѣтивъ его во время всенощной, я рѣшилъ пройти къ нему въ алтарь по окончаніи службы. Старичекъ священникъ очень удивился и обрадовался мнѣ, но его повѣсть о событіяхъ послѣднихъ лѣтъ была не изъ веселыхъ. Двое изъ его бывшихъ сослуживцевъ были разстрѣляны въ 1922 году, а третій былъ сосланъ въ Соловецкій концентраціонный лагерь, расположенный на островахъ Бѣлаго моря. Мой собесѣд-

никъ, хотя удѣлѣлъ, но влачилъ полуголодное существованіе, подѣ ежечасной угрозой внезапнаго ареста. Вся утварь собора, заключающая, между прочимъ, много историческихъ предметовъ, была конфискована совѣтскимъ правительствомъ, и обнищавшіе прохожане бѣли не въ силахъ обезпечить существованіе приюта собора.

„Вотъ посмотрите въ чемъ хожу“ — сказала мнѣ старикъ, показывая свою рясу, заплатанную разноцвѣтными кусками матеріи, и дырявые сапоги.“ Вотъ дьякону хорошо, — онъ молодой и здоровый, подрабатываетъ на разгрузкѣ барокъ, а иногда въ театральномъ хорѣ поетъ. Я совсѣмъ пропалъ бы, если бы не жена и дочь. Онѣ обѣ на прядильной фабрикѣ работаютъ“.

Дня черезъ два послѣ этой встрѣчи со старымъ священникомъ, я проходилъ вмѣстѣ съ однимъ изъ моихъ соотечественниковъ по Троицкому переулку, мимо такъ называемой „залы Павловой“, гдѣ устраиваются спектакли различныхъ гостролеровъ и всевозможныя лекціи.

Въ стоящую у подъѣзда щегольскую коляску, запряженную парой прекрасныхъ сѣрыхъ лошадей, усаживался очень красивый и представительный священникъ, въ шелковой бѣлой рясѣ и въ бѣломъ шелковомъ клобукѣ. Рядомъ съ нимъ и напротивъ на скамеечкѣ, помѣстились двѣ молодыхъ и нарядныхъ дамы. Коляска тронула, лошади сразу пошли крупной рысью, а изъ параднаго подъѣзда залы Павловой выливался на панель людской потокъ.

Я невольно вспомнилъ заплатанную рясу моего пріятеля священника, и разгружающаго барки съ дровами дьякона. Мой спутникъ, съ которымъ я подѣлился своими мыслями, сказалъ:

„Ну развѣ можно сравнивать положеніе того священника съ этимъ артистомъ. Тотъ, кого мы сейчасъ видѣли — это такъ называемый „красный епископъ“ Введенскій, ставленникъ совѣтской власти, защитникъ и пропагандистъ идеи „живой церкви“. Это блестящій ораторъ, циничный и безпринципный эпикуреецъ, не вѣрующій ни въ Бога, ни въ черта. „Живая церковь“ — это просто на просто вуаль, въ которую облекается коммунистическая пропаганда и

апологія совѣтской власти, для тѣхъ слоевъ населенія, которые еще цѣпляются за религію. Вы уже навѣрное слышали выраженіе „по столько — по сколько“? сказавъ это, мой собесѣдникъ засмѣялся. „Ну такъ вотъ, живая церковь, — это религія, по столько — по сколько это требуется интересами даннаго политическаго момента. Совсѣмъ какъ „Нэп“, — тоже торговля по столько, по сколько.“

Мы вышли на Лиговскую улицу. Мимо насъ шли сумрачные, озабоченные люди, изрѣдка проносились автомобили съ сидящими въ нихъ молодыми людьми въ кожаныхъ курткахъ и сдвинутыхъ на затылокъ мягкихъ спортивныхъ фуражкахъ. Десятки дѣтей и подростковъ съ ящиками и лотками продавали на панели папиросы, лакомства и .. самихъ себя. Дѣвочки не старше 10—11 лѣтъ, сразу опредѣляли насъ по костюму, какъ выгодныхъ кліентовъ, подбѣгали къ намъ, и быстро скороговоркой, дѣлали намъ самые циничныя предложенія.

Это было въ концѣ августа 1923-го года въ центральной части коммунистическаго Петербурга.

Петербургъ и въ особенности Москва поражаютъ вновь прибывшаго иностранца обиліемъ хулигановъ и безпризорныхъ дѣтей. Во многихъ совѣтскихъ общественныхъ мѣстахъ висятъ плакаты:

„Дѣти — цвѣты нашей жизни.“

Въ совѣтскихъ газетахъ, отъ времени до времени появляется подъ такой же рубрикой сладко рѣчивыи трогательный фельетонъ — воззваніе, приглашающее жертвовать на дѣтскія колоніи и пріюты. Все это лицемѣріе, лирика и теорія. Какъ можно разсчитывать на пожертвованія, если все населеніе обнищало. Оттого и много безпризорныхъ дѣтей, что родителямъ не до нихъ.

Колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ, и обыкновенныя уголовныя тюрьмы, биткомъ набиты дѣтскими преступниками. Въ Москвѣ и Петербургѣ, я лично, среди бѣлаго дня, видѣлъ десятки маленькихъ дѣвочекъ, занимающихся проституціей, и неоднократно мнѣ приходилось видѣть какъ мальчуганы 12-ти—13-ти лѣтняго возраста нюхали кокаинъ.

Какъ то поздно вечеромъ, я возвращался изъ Царскаго Села по пригородной желѣзной дорогѣ. Все

отдѣленіе было биткомъ набито оборванными мальчишками не старше 12-ти лѣтъ, цинично и откровенно разговаривавшими между собою на эротическія темы. Проходившій черезъ вагонъ кондукторъ, знакомъ пригласилъ меня выйти изъ отдѣленія и предложилъ мнѣ перейти въ другой вагонъ, говоря: „тамъ хотя и грязнѣе, но безопаснѣе. Мальчишки озорные и способны даже на убійство. Они всѣ „наюхавшись“.

Я отнесся иронически къ словамъ старика кондуктора, но вотъ что я прочелъ въ совѣтской газетѣ („Красная Газета“ отъ 18-го сентября 1923-го года). „На завѣдующаго пятымъ дѣтскимъ пріютомъ имени Зиновьева, вчера днемъ въ пріютскомъ саду, напали нѣсколько малолѣтнихъ воспитанниковъ пріюта, и подвергли его пыткамъ съ нанесеніемъ ножевыхъ ранъ. Завѣдующій вскорѣ скончался. Дознаніе производится“.

На глухихъ улицахъ Петербурга и Москвы, маленькіе преступники цѣлыми бандами нападаютъ на мало мальски прилично одѣтыхъ женщинъ, и подъ угрозой облить лицо ѳдкой жидкостью или укусить съ цѣлью зараженія венерической болѣзью, вымогаютъ деньги.

Около Александровскаго рынка въ 11 часовъ вечера, на одну мою знакомую даму набросилась ватага маленькихъ дѣвченокъ и мальчишекъ, угрожая напустить въ ея мѣховое манто тифозныхъ вшей специально хранившихся маленькими преступниками въ коробочкѣ.

Моя знакомая откупилась пятью рублями и она находитъ, что очень дешево отдѣлалась...

По официальной статистикѣ 1925-го года, въ Совѣтской Россіи имѣется около одного милліона дѣтей, содержащихся въ 2500 различныхъ пріютахъ и интернатахъ. Но эта статистика ничего не говоритъ намъ о тѣхъ дѣтяхъ, которыя хотя и имѣютъ родителей, но предоставлены самимъ себѣ и возвращаются къ родителямъ только на ночлегъ, и то не всегда.

Благодаря особенностямъ совѣтскаго уклада жизни, большинство родителей не имѣютъ возможности слѣдить за дѣтьми. Какъ мужъ, такъ и жена съ утра до вечера на службѣ или на работѣ. Послѣ службы

надо успѣть принести дрова, занять очередь въ кухню у плиты, приготовить обѣдъ. Потомъ надо опять бѣжать на какіе нибудь предвыборные собранія, или на лекцію, или въ партійную школу. Все связанное съ коммунистической пропагандой, является обязательнымъ для совѣтскихъ рабочихъ и служащихъ. Манкированіе партійными и общественными обязанностями карается увольненіемъ со службы. Кроме того, благодаря диктатурѣ коммунистической партіи и ненормальнымъ условіямъ совѣтскаго быта, появилось много деклассированныхъ людей безъ опредѣленныхъ занятій. Эти люди перебиваются случайными заработками, требующими длительной отлучки изъ дому. Если ко всему вышесказанному прибавить такъ называемое, жилищное уплотненіе, т. е. проживаніе нѣсколькихъ семействъ въ одной квартирѣ, семействъ совершенно различныхъ по своему соціальному положенію и образовательному уровню, то становится понятнымъ угрожающій ростъ количества безпризорныхъ дѣтей, дѣтей преступниковъ, впитывающихъ въ свои дѣтскія души, грѣшное дыханіе улицъ развращеннаго революціей, анархіей и терроромъ города.

Всѣ мѣры, предпринимаемыя самимъ правительствомъ, сводятся, главнымъ образомъ, къ періодическимъ полицейскимъ облавамъ и водвореніемъ пойманныхъ дѣтей въ исправительныя колоніи.

Какъ ни стѣснена общественная инициатива въ совѣтскомъ государствѣ, но все же благодаря ей учреждено ей нѣсколько дѣтскихъ домовъ-интернатовъ, не для сиротъ, а именно для, такъ называемыхъ, безпризорныхъ дѣтей. Но что значать эти нѣсколько пріютовъ въ сравненіи съ сотнями тысячъ, безпризорныхъ подросткающихъ преступниковъ.

Спеціально для демонстрированія иностранцамъ и различнымъ делегаціямъ, въ Москвѣ и Петербургѣ имѣются два такъ называемыхъ коллектора, гдѣ содержатся осиротѣвшія дѣти (но не безпризорные). Въ этихъ коллекторахъ дѣти обставлены вполне удовлетворительно.

Мнѣ рассказывалъ лѣчившій меня профессоръ В., въ обязанность котораго входитъ санитарный надзоръ за домами для безпризорныхъ дѣтей, что почти всѣ дома не приспособлены для своего назначенія. Не

хватает даже кроватей, и дѣти спать по два и по три на одной кровати. Отъ этого масса больныхъ трахомой и венерическими болѣзнями.

Изъ обследованныхъ санитарной комиссіей 10000 безпризорныхъ дѣтей, оказалось около 1500 ненормальныхъ, 400 эпилептиковъ и 2000 кокаинистовъ. Обследование производилось въ Петербургѣ въ 1924 году, въ теченіе 3 хъ зимнихъ мѣсяцевъ. Эти 10000 дѣтей представляютъ собой сравнительно небольшую часть всѣхъ безпризорныхъ Петербурга. Это наименіе упорные маленькіе преступники, испугавшіеся зимняго холода и сдавшіеся почти добровольно въ руки надзора.

Ни время, ни мѣсто, ни спеціальныя знанія не позволяютъ мнѣ освѣтить затронутый выше вопросъ съ надлежащей полнотой. Я написалъ лишь то, съ чѣмъ меня случайно свела судьба. Но мнѣ кажется, что и то немного, что я описалъ, достаточно характеризуетъ одну изъ сторонъ совѣтскаго быта и кричащую совѣтскую фразеологию: „Дѣти—цвѣты нашей жизни“.

Г л а в а 4-ая.

Во время перваго „торжественнаго“ засѣданія въ кожевенномъ синдикатѣ, я впервые познакомился съ совѣтскимъ дѣлопроизводствомъ. Въ теченіе трехъ часовъ, которые заняло обсужденіе контракта, суетливый „товарищъ“ Эрисманъ умудрился разогнать по разнымъ отдѣленіямъ синдиката, свыше десятка служащихъ. Въ концѣ концовъ весь столъ, покрытый краснымъ сукномъ, оказался заваленнымъ горами всевозможныхъ статистическихъ свѣдѣній и диаграммъ производства кожевенныхъ заводовъ и безчисленныхъ декретовъ, предписаній и т. п.

Все свелось къ тому, что оказалось необходимымъ затребовать отъ трестовъ и заводовъ новыя свѣдѣнія, такъ какъ имѣвшіяся уже въ синдикатѣ, были, по мнѣнью „товарища“ Эрисмана, не полными. По его же красочному выраженію, онъ не получалъ „моноклитнаго“ впечатлѣнія о ежемѣсячныхъ и ежегодныхъ потребностяхъ синдиката въ дубильномъ экстрактѣ.

Мои попытки подойти къ вопросу съ менѣ на-

учной, но болѣе коммерческой точки зрѣнія, не имѣли никакого успѣха. Все дѣло было отложено на двѣ недѣли, впредь до полученія всѣхъ необходимыхъ Эрисману свѣдѣній.

При прощаньи, товарищъ Эрисманъ съ большимъ чувствомъ пожаловался мнѣ на свою перегруженность работой и на полное отсутствіе надежныхъ помощниковъ. По его словамъ выходило, что вся кожевенная промышленность Россіи лежала на его слабыхъ плечахъ, и одновременно онъ состоялъ предсѣдателемъ массы партійныхъ организацій.

Такъ какъ все дѣло осложнилось, а телеграммы изъ Америки требовали, чтобы я продолжалъ переговоры и выжидалъ благопріятнаго случая, то мое пребываніе въ Россіи затягивалось на неопредѣленно долгое время. Поэтому я снялъ въ домѣ нашего консульства на Невскомъ проспектѣ небольшое конторское помѣщеніе и рѣшилъ выжидать. Имѣя кое-какія техническія представительства отъ англійскихъ и финляндскихъ фирмъ, я рѣшилъ попытаться ихъ использовать, въ ожиданіи какого либо опредѣленнаго рѣшенія по моему прямому и главному дѣлу, т. е. по заключенію концессионнаго договора на монопольную продажу дубильнаго экстракта для совѣтской кожевенной промышленности.

Въ организаціи конторы мнѣ очень помогъ инженеръ Копоненъ, родившійся и получившій высшее образованіе въ Россіи и почти безвыѣздно прожившій въ этой странѣ. Копоненъ былъ финляндскимъ подданнымъ и встрѣтился я съ нимъ совершенно случайно въ нашемъ консульствѣ. Этотъ молодой человекъ, съ пріятнымъ, открытымъ лицомъ сразу произвелъ на меня крайне симпатичное впечатлѣніе. Такъ какъ онъ былъ безъ работы, а я нуждался въ секретарѣ и помощникѣ, знакомомъ съ совѣтскими порядками, то послѣ недолгихъ переговоровъ Копоненъ поступилъ ко мнѣ на службу, и контора моя начала функционировать.

Рядомъ съ нашей конторой, въ томъ же корридорѣ пятого этажа, было еще нѣсколько конторъ нашихъ соотечественниковъ. Они занимались небольшими, случайными дѣлами, по товарообмѣну между Финляндіей и совѣтской Россіей. Благодаря тому, что

въ этой странѣ нельзя провести ни одного дѣла безъ помощи посредниковъ, въ корридорѣ и на лѣстницѣ толпилась масса самаго разнообразнаго люда. Кого, кого только не было въ этой толпѣ. Евреи всѣхъ видовъ и возрастовъ, бывшіе офицеры, бывшіе банковскіе дѣятели, бывшіе чиновники, свѣтскія львицы, маклера черной биржи, нэпманы, бывшіе купцы и мелкіе лавочники.

Несмотря на мое нежеланіе пользоваться услугами посредниковъ, я вскорѣ увидѣлъ, что безъ нихъ мнѣ не обойтись. Всякая самая легальная и простая торговая операція, для выполненія которой въ любой культурной странѣ было бы достаточно пятиминутнаго разговора по телефону, здѣсь, въ странѣ всевозможныхъ запрещеній, регламентацій и націонализаций, такая операція разрасталась въ длительное и сложное дѣло. Начиналась безконечная переписка, долгіе часы ожиданій въ пріемныхъ различныхъ учреждений и частные разговоры, „по душамъ“, съ совѣтскими чиновниками, съ постояннымъ рискомъ налетѣть на провокатора и быть арестованнымъ за нарушеніе того или иного постановленія.

Торговля съ частными предпріятіями была для меня совершенно исключена. Ни одно изъ нихъ не имѣло права даже возбуждать ходатайство о полученіи лиценціи на ввозъ того или иного товара изъ за границы.

Немногіе частные магазины и небольшія частныя, оптовые предпріятія имѣли право пріобрѣтать товары только отъ государственныхъ организацій.

Далеко не каждое совѣтское государственное предпріятіе даже сравнительно крупное, имѣетъ право на полученіе импортной лиценціи. Напримѣръ такія громадныя учрежденія, какъ Путиловскій заводъ или Кожевенный синдикатъ или центральный закупочный органъ всѣхъ кооперативныхъ лавокъ Сѣверозападной области, не имѣютъ права на непосредственные заказы за границей. Всѣ эти предпріятія должны заказывать все необходимое для нихъ черезъ посредство особыхъ закупочныхъ органовъ въ Москвѣ. Эти центральные органы, въ свою очередь весьма стѣснены въ своихъ дѣйствіяхъ, такъ называемымъ, совѣтомъ труда и обороны („Сто“), и комиссаріатомъ внѣшней

торговли. Это учреждение при дачѣ заказовъ всегда руководится требованіями политическаго момента, и не считается ни съ нуждами промышленности, ни съ потребностями населенія, медлить съ заказами, выбирая для ихъ помѣщенія наиболѣе подходящій къ текущему политическому моменту иностранный рынокъ.

Экономическій отдѣлъ Чеки, получающій и отъ своихъ заграничныхъ агентовъ свѣдѣнія о настроеніяхъ заграничнаго общественнаго мнѣнія, играетъ доминирующую роль въ распредѣленіи даже очень небольшихъ заказовъ, такъ какъ всякая покупка, производимая совѣтскими органами за границей, должна прежде всего способствовать созданію слуховъ выгодныхъ для репутаціи совѣтской власти, въ тѣхъ государствахъ, гдѣ это желательно при данной политической конъюнктурѣ.

Впрочемъ иногда удается какому нибудь иностранцу раздобыть лиценцію на ввозъ какого либо товара, имѣющаго спросъ на совѣтскомъ рынкѣ. Но добываніе такихъ лиценцій имѣетъ всегда очень непріятную, закулисную сторону: какой нибудь хитроумный обходъ закона, и слѣдовательно большой рискъ попасть въ лапы Чеки.

Самый стереотипный приемъ для полученія лиценцій, такой: разыскивается какое нибудь сугубо пролетарское учреждение что нибудь вродѣ рабочаго или крестьянскаго кооператива, или даже кооператива Чеки и тамъ надо узнать въ какомъ именно товарѣ нуждается въ данный моментъ одно изъ этихъ учреждений. Такъ какъ всѣ безъ исключенія совѣтскіе предприятия нуждаются въ товарѣ и не имѣютъ наличныхъ денегъ, то правленіе всегда соглашается охотно на покупку товара въ кредитъ и берется исхлопотать ввозную лиценцію. Для большей вѣрности, въ контрактѣ пишется самая минимальная цѣна, иногда даже явно убыточная для продавца. Когда лиценція получена, то ее вмѣстѣ съ контрактомъ посылаютъ совѣтскому торговому представительству въ той странѣ откуда товаръ долженъ прибыть. Благодаря ненормально низкой цѣнѣ, торговое представительство не можетъ протестовать противъ сдѣлки, такъ какъ въ противномъ случаѣ оно обязано само закупить товаръ по такой же низкой цѣнѣ.

Когда товаръ полученъ заказчикомъ, то по за-ранѣе сдѣланному соглашенію между продавцомъ и вліятельными членами правленія, извѣстная часть товара бракуется, очень часто половина или даже три четверти всего полученнаго количества, и продавецъ получаетъ забракованную часть обратно, что и требуется.

Послѣ этого онъ продаетъ свой товаръ частнымъ магазинамъ и спекулянтамъ по такой цѣнѣ, которая съ лихвой окупаетъ всѣ расходы такой хитроумной комбинаціи.

Благодаря монополіи внѣшней торговли, на совѣтскомъ рынкѣ всегда товарный голодъ, и благодаря чудовищнымъ накладнымъ расходамъ государственныхъ торговыхъ предпріятій, экономическая конкуренція съ ними не страшна.

Какъ примѣръ, могу разсказать о такомъ случаѣ, происшедшемъ лично со мной. Какъ то мнѣ удалось, послѣ многихъ и долгихъ хлопотъ, получить вполне легально, черезъ одно крупное государственное учрежденіе лиценцію на сравнительно небольшую партію такого товара, который былъ крайне необходимъ двумъ петербургскимъ заводамъ. Они отчаялись получить этотъ товаръ черезъ свой синдикатъ, несмотря на то, что требованіе на товаръ было послано заводами за нѣсколько мѣсяцевъ до описываемаго случая.

Синдикатъ медлил, и положеніе сдѣлалось настолько обостренное, что заводы должны были съ часу на часъ закрыться. Совершенно случайно, благодаря кое какимъ связямъ, мнѣ удалось узнать объ этой заминкѣ въ производствѣ, и, по совѣту одного искушеннаго въ такихъ дѣлахъ нѣпмана, я заготовилъ партію нужнаго товара въ Финляндіи. Впредь до полученія необходимаго для производства заводовъ товара отъ синдиката, было рѣшено дать мнѣ небольшой заказъ на условіяхъ трехмѣсячнаго кредита. За это я выговорилъ себѣ право распорядиться по своему усмотрѣнію $\frac{1}{4}$ всего количества привезеннаго товара.

Когда товаръ былъ полученъ, привезенъ на заводъ, я приступилъ къ продажѣ имѣвшагося въ моемъ распоряженіи товара. Не смотря на то, что я продалъ мой товаръ съ барышемъ въ сто процентовъ, я ликвидировалъ его почти моментально.

Немного спустя, встретившись съ однимъ изъ инженеровъ завода, я заинтересовался узнать, по какой цѣнѣ получилъ заводъ то количество товара которое я по контракту сдать непосредственно синдикату. Къ моему удивленію и досадѣ синдикатъ обложилъ товаръ 150 проц. накладныхъ расходовъ, и слѣдовательно я могъ продать, бывшій въ моемъ распоряженіи товаръ значительно дороже, чѣмъ я продалъ.

Вышеприведенный фактъ является случайнымъ, но тѣмъ не менѣе онъ достаточно характеризуетъ положеніе совѣтскаго хозяйства и совѣтской индустриіи.

Г л а в а 5-я

Даже при полной хозяйственной разрухѣ и самыхъ рискованныхъ экспериментахъ, продѣлываемыхъ во славу міровой революціи надъ страной группой фантастовъ и честолюбцевъ, все же нельзя забывать что 150 миллионный народъ требуетъ для своего существованія нѣкоторого минимума благъ. Если у народа, какъ бы онъ ни былъ пассивенъ, нетребователенъ и подавленъ, отнять тотъ минимумъ, безъ котораго не мыслимо его, хотя бы полукультурное, существованіе, то народъ погибаетъ. Вполнѣ естественно, что 150 миллионовъ людей, занимающихъ площадь равную $\frac{1}{8}$ части земного шара не могутъ безъ протеста исчезнуть съ лица земли, или обратиться въ первобытныхъ дикарей.

Поэтому эпоха такъ называго военнаго коммунизма, доведшая страну почти до того предѣла, когда люди стали возвращаться къ примитивному существованію, смѣнилось эпохой государственнаго капитализма. Этотъ переходъ къ новой экономической политикѣ или сокращенно „Нэп“, далъ возможность его творцамъ—членамъ коминтерна удержать свои позиціи. Они получили ту „передышку“ которая была столь необходима для выжиданія запаздывающаго, по мнѣнію красныхъ вождей, прихода міровой пролетарской революціи.

Политика государственнаго капитализма создавала новый жизненный укладъ и требовала денегъ, — много денегъ! Кромѣ того, возрождавшаяся жизнь

государства требовала для своего обслуживания культурных силъ.

Благодаря монополіи виѣшной торговли, совѣтскому правительству удалось временно стабилизировать на внутреннемъ рынкѣ, денежную единицу-червонецъ.

Широко примѣняемая система продовольственнаго налога на сельское населеніе, конфискованные церковныя, дворцовыя, частныя капиталы, драгоценности и недвижимыя имущества явились государственнымъ фондомъ. Систематическія полицейскія облавы, тюрьма, ссылка и разстрѣлы способствовали упроченію червонца несмотря на произвольно расширяемое право эмиссіи.

Изъ полуразрушенныхъ фабрикъ и заводовъ удалось выдѣлать рядъ предприятий, наименѣ пострадавшихъ отъ разрушенія, и пополнить ихъ оборудованіе за счетъ тѣхъ предприятий, которыхъ нельзя было возстановить.

Вся эта работа была выполнена, въ буквальномъ смыслѣ слова, цѣною многихъ десятковъ тысячъ, если не сотенъ, человѣческихъ жизней. Люди умирали отъ истощенія, тысячами разстрѣливались за малѣйшее проявленіе неудовольствія, такъ какъ въ началѣ денежной реформы, заработная плата производилась обезцѣненными деньгами и жалкими продовольственными пайками.

Экспедиціонныя отряды Чеки опустошали деревни, чтобы дать возможность правительству снабжать полуголодныхъ рабочихъ тощими пайками. Въ обмѣнъ на экспортируемый за границу, отнятый у крестьянъ хлѣбъ, ленъ, шерсть и лѣсъ, совѣтское правительство получало тотъ минимумъ товаровъ, который былъ необходимъ для созданія миража пробуждающейся промышленности.

Заводы и фабрики заработали, кое какъ наладились желѣзныя дороги. Нетребовательное, изстрадавшееся за годы разрухи и анархіи деревенское населеніе начало получать отъ городовъ дрянную мануфактуру, примитивный инструментъ и земледѣльческія орудія. Города начали оживать. Мертвые молчали, а оставшіеся въ живыхъ присматривались къ „Нэпу“, съ надеждой на дальнѣйшее развитіе и улучшеніе жизненныхъ условій.

На нэповскую приманку стали вылезать из разных щелей уцѣлѣвшіе отъ террора военного коммунизма коммерсанты, торговцы, интеллигенція. Кажущіеся возможности „Нэпа“ сулили вновь надежду для однихъ обогащенія, для другихъ подходящей работы. Постепенно вытягивались на свѣтъ Божій припрятанныя драгоценности и золото. Появились иностранные купцы, предприниматели и даже финансисты, привлеченные новыми перспективами зарождающійся жизни громаднаго государства. Декретъ правительства о концессіяхъ и смѣшанныхъ государственныхъ акціонерныхъ обществахъ, способствовалъ появленію нѣсколькихъ банковъ и предприятий, имѣвшихъ всю видимость частныхъ учреждений.

Но скоро наступило разочарованіе, и постепенно начали вытягиваться лица у тѣхъ оптимистовъ, кто ожидалъ отъ „Нэпа“ эволюціи и видѣлъ въ немъ отходъ съ коммуническихъ позицій.

Такъ называемая диктатура пролетаріата осталась непоколебленной, и Чека, реформированная въ Государственное Политическое Управление, — сокращенное „Ге Пе-У“, „невѣроятно разросшаяся и усовершенствованная“ — осталась по прежнему Чекой съ еще болѣе широкими полномочіями, чѣмъ раньше.

Двуликій „Нэп“ не только вызвалъ къ жизни уцѣлѣвшіе кадры старой интеллигенціи. Онъ создалъ новую, скороспѣлую „красную“ интеллигенцію, вышедшую изъ рядовъ пролетарскихъ и крестьянскихъ массъ. Эта новая интеллигенція очень быстро воспринимаетъ буржуазныя привычки и вкусы, отходя постепенно отъ такъ называемой пролетарской идеалогіи.

Благодаря „Нэпу“, появились на территоріи совѣтской республики иностранные купцы и концессионеры, входившіе въ соприкосновеніе съ совѣтскими обывателями.

Жизнь непрестанно усложнялась, выходя изъ тѣсныхъ рамокъ, поставленныхъ еще бывшимъ у всѣхъ въ памяти военнымъ коммунизмомъ.

Такимъ образомъ дѣятельность Чеки становилась съ каждымъ моментомъ разностороннѣе и утонченнѣе, охватывая всѣ самые малѣйшіе проявленія жизни въ самыхъ глухихъ углахъ совѣтскаго государства.

Чека всюду. Въ школахъ, на фабрикахъ, въ партійныхъ организаціяхъ, во всѣхъ предпріятіяхъ и заводахъ, въ полиціи, въ войскахъ, на желѣзныхъ дорогахъ, и сами народные комиссары находятся подъ наблюденіемъ Чеки.

Чека въ семьяхъ, такъ какъ благодаря массѣ разрушенныхъ и разрушающихся домовъ, почти во всѣхъ квартирахъ живутъ по нѣскольکو семействъ и на каждый домъ непременно приходится нѣскольکو секретныхъ сотрудниковъ Чеки.

Всѣ дома націонализированы и управляются домовыми комитетами жильцовъ, причемъ въ домовый комитетъ долженъ входить по крайней мѣрѣ одинъ надежный коммунистъ. Если такого не находится среди жильцовъ, то объ этомъ немедленно доносить мѣстный секретный агентъ Чеки въ надлежащее учрежденіе и изъ районнаго комитета вселяется въ домъ надежный коммунистъ. Если на выборахъ въ домовый комитетъ этотъ коммунистъ не будетъ выбранъ, то объ этомъ немедленно становится извѣстнымъ районному комитету. Производятся новые выборы по заранѣе заготовленному кандидатскому списку подъ контролемъ Чеки и районнаго комитета.

Всѣ выборы, въ совѣтской Россіи, производятся исключительно открытымъ голосованіемъ (поднятіемъ руки). Сначала прочитывается громко кандидатскій списокъ. Затѣмъ предлагается вопросъ: „кто за?“ Послѣ этого слѣдуетъ ехидный вопросъ „кто противъ?“ — Нужно ли прибавлять, что „противъ“, никогда и никого не бываетъ, такъ какъ всякій ребенокъ въ совѣтской Россіи знаетъ, что въ выборномъ помѣщеніи сидятъ чекисты, и за поднятіе руки „противъ“, можно укатить по меньшей мѣрѣ въ Сибирь на вольное поселеніе.

Но люди всегда и всюду въ концѣ концовъ приспособляются къ обстоятельствамъ, и совѣтскіе граждане не составляютъ въ этомъ отношеніи исключенія.

Я посѣтилъ однажды моихъ старинныхъ знакомыхъ, живущихъ въ прежнее, дореволюціонное время, на одной изъ очень фешенебельныхъ улицъ. Самого милѣйшаго и почтеннаго г на Б. я случайно встрѣтилъ на Невскомъ и я не узналъ бы никогда въ

этомъ грязномъ оборванцѣ, когда то эlegantнаго предсѣдателя массы всевозможныхъ акціонерныхъ обществъ Онъ самъ окликнулъ меня, но, вспомнивъ повидимому, что я „иностранецъ“, успѣлъ только быстро шепнуть мнѣ свей старый адресъ и прибавить: „съ чернаго хода“, тамъ на двери мѣломъ написано. „Увидите сами“.

Домъ въ которомъ живутъ Б., громадный, съ шикарнымъ параднымъ подъѣздомъ, разумѣется, закрытымъ на глухо. Поднявшись по черной лѣстницѣ въ 4 й этажъ, я нашель указанную мнѣ, помѣченную мѣломъ дверь. Послѣ неоднократныхъ стуковъ, и долгого разсматриванія меня сквозь пріотворенную узкую щель двумя парами глазъ, я былъ впущенъ. Оказалось, что Б. живутъ въ старой „холостой“ квартирѣ сына, въ томъ же домѣ, гдѣ была ихъ громадная квартира. Въ квартирѣ сына, состоявшей изъ трехъ комнатъ кухни и ванной размѣстилось 6 человекъ. Супруги Б., взрослая дочь, сынъ, старикъ бывший камердинеръ Б., и пріемная дочь камердинера, дѣвочка 15 лѣтъ. Все населеніе квартиры, „Ноевъ ковчегъ“, по выраженію самого Б., было въ сборѣ.

„Какъ видите“ началъ Б.*), „мы устроились недурно. Всѣ служимъ и ни одного черта намъ вселить не могутъ, такъ какъ вся площадь заполнена. Я служу счетчикомъ въ артели грузчиковъ, этотъ „старый мошенникъ“ — кивнулъ головой Б. на своего бывшего вѣрнаго слугу — благодаря пролетарскому происхожденію шикарно устроился: капельдинеромъ въ Х-театрѣ, и такая продувная бестія, достаетъ всѣмъ намъ два раза въ мѣсяцъ даровые билеты.“

„Продувная бестія“ добродушно усмѣхнулся, и вернулся къ прерванному моимъ приходомъ, мытью пола въ кухнѣ.

За чаемъ я узналъ изъ рассказовъ всѣхъ членовъ „Ноева ковчегъ“ всѣ подробности ихъ жизни въ минувшіе съ момента революціи годы. Съ переходомъ власти къ большевикамъ вся семья Б. благоразумно скрылась на маленькій хуторъ у брата камердинера, а самъ камердинеръ поселился на холостой квартирѣ

*) По понятнымъ причинамъ, измѣнены мною какъ начальныя буквы фамилій моихъ знакомыхъ, такъ и названія мѣстъ ихъ службы.

сына Б., служившаго инженеромъ на одномъ изъ большихъ петербургскихъ заводовъ. Чтобы обезпечить себя отъ вторженія нежелательныхъ квартирниковъ, инженеръ Б. записался въ „союзъ изобрѣтателей“ (этотъ „союзъ“ до сихъ поръ существуетъ) и оборудовалъ у себя въ квартирѣ нѣчто вродѣ лабораторіи, зарегистрировавъ ее, какъ „Пролетарская испытательная лабораторія Красный Марать“. На зарѣ военного коммунизма такая чушь достигала цѣли и какъ инженеръ, такъ и его „лаборантъ“, — отцовскій камердинеръ, варили на керосинкѣ лошадиное мясо и овесъ, дѣлали для обмѣна на продукты металлическія зажигалки и воровали съ барокъ и старыхъ заборовъ дрова для отопленія.

Съ появленіемъ „Нэпа“, вся семья вернулась въ Петербургъ, и всѣ по немногу устроились на службу, которая не могла прокормить, но давала право на существованіе и понижала квартирную плату. Всѣ шестеро вырабатывали, въ общей сложности 160 рублей въ мѣсяцъ, причемъ больше всѣхъ вырабатывалъ инженеръ, получавшій 8) рублей въ мѣсяцъ (около 34 долларовъ). Но благодаря службѣ квартирная плата была всего 30 рублей въ мѣсяцъ. У госпожи Б. и ея дочери были припрятаны кое какія драгоценности, и постепенная и осторожная реализація этихъ остатковъ „былого величія“ давали возможность не голодать.

Какъ разъ наканунѣ моего посѣщенія происходили такъ называемые „октябрьскія торжества“, по случаю годовщины большевистскаго переворота. Эта годовщина всегда празднуется громадными демонстраціями митингами парадными спектаклями и парадомъ войскъ

Разумѣется, вся семья участвовала въ этихъ демонстраціяхъ, сообразно съ мѣстомъ своей службы. Почтенный г-нъ Б., несъ даже плакатъ съ надписью: „Смерть международной буржуазіи“..

Какъ организуются массовыя демонстраціи въ совѣтской Россіи?

Задолго до назначеннаго для торжествъ дня, мѣстный комитетъ партіи сообразно съ полученными изъ Москвы инструкціями, разсылаетъ по всѣмъ районнымъ комитетамъ подробнѣйшія указанія о порядкѣ

и организаціи демонстрацій. Районные комитеты дѣлають, въ свою очередь, распоряженія по всѣмъ коммунистическимъ коллективамъ, различныхъ учреждений, фабрикъ, заводовъ и прочихъ совѣтскихъ предприятий. Нѣтъ такого, хотя бы самаго маленькаго учреждения, гдѣ не существовала бы такъ называемая коммунистическая ячейка. Благодаря такой организаціи, въ назначенный для шествія демонстрацій день, буквально все населеніе всей совѣтской Россіи дефилируетъ въ городахъ, селахъ и деревняхъ съ плакатами и пѣніемъ интернаціонала. Уклониться отъ участія въ этихъ демонстраціяхъ совершенно невозможно, такъ какъ всѣ служащіе и рабочіе всѣхъ предприятий, при отправленіи демонстрацій на сборный пунктъ, контролируются членами коммунистической ячейки коллектива даннаго учреждения. Кромѣ того, въ средѣ состава служащихъ любого совѣтскаго учреждения, всегда имѣются нѣсколько секретныхъ агентовъ Чеки.

Не выйти на демонстрацію, — это значитъ подвергнуть себя риску увольненія со службы, а это равносильно для совѣтскаго гражданина потерѣ тѣхъ немногихъ человѣческихъ правъ на существованіе, которыя даетъ служба, несмотря на нищенское вознагражденіе и десятки налагаемыхъ ею обязанностей.

Я собрался покинуть моихъ гостепріимныхъ хозяевъ. Какъ разъ уходилъ на службу, въ театр, — старикъ камердинеръ, а инженеръ и его сестра спѣшили въ свои учрежденія на какіе то доклады и выборы кого-то, куда-то

„Подождите минуточку, дорогой мой“, — пропросилъ меня г-нъ Б, — „пусть Настенька (пріемная дочь камердинера) пойдетъ съ ними внизъ и посмотритъ, что около дома никто не наблюдаетъ. Долго ли до бѣды съ вашимъ братомъ иностранцемъ. Вонъ вы какъ разошлись“.

Настенька вскорѣ возвратилась съ докладомъ, что „путь чистъ“.

Такъ живутъ въ совѣтской Россіи „бывшіе люди“.

Г л а в а 6-я.

Однажды на представленіи оперы „Борисъ Годуновъ“, по случаю юбилея заслуженнаго опернаго

артиста Андреева, я столкнулся во время антракта въ театральномъ корридорѣ съ моимъ бывшимъ попутчикомъ голландцемъ. Въ отвѣтъ на высказанное мною неудовольствіе и жалобы на убійственную медлительность и бюрократизмъ совѣтскихъ учреждений, мой пріятель подвелъ меня ко входу въ освѣщенный театральнѣй залъ. Показывая рукой на нѣсколько ложъ бенуара съ сидящими въ нихъ людьми въ смокингахъ и фракахъ, голландецъ мнѣ сказалъ:

„Всѣ эти господа — наши съ вами коллеги — иностранные купцы. Я почти со всѣми съ ними знакомъ. Хотите на пари — ужинъ у Донона съ шампанскимъ, что самый счастливый и ловкій изъ нихъ, добился какого нибудь опредѣленнаго рѣшенія по своему дѣлу не менѣе какъ по истеченіи года ожиданій и хлопотъ. А большинство занимаются случайными дѣлишками въ надеждѣ на измѣненіе обстановки къ лучшему.

Одному какому нибудь изъ насъ удастся обработать крупное дѣло, благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ и политической конъюнктурѣ. Тогда всѣ сразу оживаютъ духомъ, такъ какъ каждый думаетъ что и его счастливый чередъ прійдетъ. Я сдѣлалъ, на свое несчастье, одно крупное дѣло, такъ какъ это какъ разъ совпало съ моментомъ, когда большевики хотѣли добиться признанія ихъ въ Голландіи. Теперь мои принципалы держатъ меня тутъ, въ этомъ болотѣ, надѣясь на дальнѣйшіе выгодные дѣла. Черта съ два!

На дняхъ, вотъ тотъ черненькій французъ очень выгодно закупилъ у Совѣтскаго правительства громадную партію льна. Онъ здѣсь торчитъ уже десятый мѣсяць. За этотъ лень мы и нѣмцы давали цѣну гораздо выше, чѣмъ французы, но сейчасъ здѣсь въ модѣ Франція“... Отъ пари съ голландцемъ, я разумѣется отказался, но все же мы рѣшили поужинать, послѣ спектакля, въ небольшой компаніи у „Донона.“

Бывшій Императорскій Маріинскій театръ или по-совѣтски „государственный театръ оперы и балета“, пострадалъ отъ совѣтскаго режима сравнительно мало. Стало чуть грязнѣе, потускнѣла позолота, обвѣтшали роскошныя портьеры парадныхъ ложъ и на нихъ были вышиты золотомъ эмблемы совѣтской

власти — серпъ и молотъ, вмѣсто прежняго двухглаваго орла. Но въ общемъ, въ сравненіи со всѣмъ, что мнѣ приходилось видѣть въ совѣтской Россіи, театръ производилъ нарядное и даже торжественное впечатлѣніе, если не присматриваться къ публикѣ.

Какъ всегда и во всѣхъ общественныхъ мѣстахъ совѣтской Россіи, театральная толпа производитъ впечатленіе сѣрой, бѣдно одѣтой массы подавленныхъ людей. Въ партерѣ много чрезмѣрно покрашенныхъ дамъ, доминируютъ еврейскія и восточныя лица. На балконѣ и галеркѣ доминируютъ типичныя русскіе скуластыя физиономіи. Ложи бенеуара и первый рядъ партера былъ занятъ исключительно иностранцами и нѣпманами. Въ корридорахъ и въ театральномъ фойѣ, я замѣтилъ среди сѣрой массы простонародья нѣсколько интеллигентныхъ русскихъ лицъ повидимому, уцѣлѣвшихъ „бывшихъ.“ Это замѣтно было по скромной элегантности перешитыхъ дамскихъ платьевъ и по старомоднымъ, но опрятнымъ костюмамъ мужчинъ.

Опера была превосходно поставлена, въ изумительно художественно исполненныхъ декораціяхъ.

По окончаніи спектакля происходило чествованіе заслуженнаго опернаго артиста-юбиляра. Говорились рѣчи представителей всевозможныхъ пролетарскихъ организацій. Почти непрерывно играли интернаціональ и во всѣхъ рѣчахъ, разумѣется, заготовленныхъ въ районныхъ комитетахъ, подчеркивалась мысль, что искусство должно быть исключительно пролетарскимъ и служить интересамъ пролетаріата.

Голландецъ и я не досидѣли до конца торжества. и поѣхали къ Донону.

Это старинный фешенебельный ресторанъ, который опять возродился, съ появленіемъ „Нэпа“. Это учрежденіе открыто группой частныхъ лицъ, на очень льготныхъ арендныхъ условіяхъ. Секретъ полученныхъ арендаторами льготъ, очень простъ: существованіе ресторана отвѣчало интересамъ Чеки, такъ какъ здѣсь собиралась исключительно избранная публика — иностранцы и нѣпманы, т. е. какъ разъ тотъ элементъ который наиболѣе всего привлекаетъ къ себѣ вниманіе Чеки.

Здѣсь, въ этой западнѣ было все „по старо-режимному“. Великолѣпный струнный румынскій оркестръ,

выдресированные, съ иглочки одѣтые, лакеи, превосходное вино и изысканная кухня. Обѣ залы раздѣленные колоннадой, были полны элегантною публикой, шампанское лилось рѣкой, и непрерывно шель дивертисментъ, исполнявшійся тутъ же въ залахъ, между столиками артистами оперы и балета.

Мы заняли отдѣльный кабинетъ, съ выходящимъ въ общій залъ открытымъ балкономъ. По моей просьбѣ, среди приглашенныхъ голландцемъ, былъ также одинъ нѣпманъ, на котораго мнѣ уже давно указывали „вѣрные люди“, какъ лицо, вхожее въ совѣтскія дѣловыя сферы. Этотъ еврей, бывший присяжный повѣренный, успѣлъ за время „Непа“, сдѣлать себѣ крупное состоянiе. Онъ былъ въ самыхъ короткихъ отношенiяхъ съ комиссаромъ внѣшней торговли Красинымъ и съ начальникомъ государственной торговли Лежавой. Въ моемъ рассказѣ я назову этого нѣпмана вымышленнымъ именемъ, — Левинсонъ. Его гражданская жена, весьма небезызвѣстная оперная артистка X, тоже была въ нашей компанii, блистая умопомрачительными брильянтами и только что полученнымъ изъ Парижа туалетомъ.

Ужинъ нашъ затянулся до шести часовъ утра и былъ очень удачнымъ во всѣхъ отношенiяхъ. Подъ шумокъ я успѣлъ договориться съ Левинсономъ по поводу моего дѣла и заручился его поддержкой у московскихъ заправиль государственной торговли.

Моя поѣздка въ Москву должна была состояться въ срединѣ ноября, а пока что, такъ сказать, между дѣломъ, Левинсонъ предложилъ мнѣ довольно выгодную комбинацiю. Дѣло сводилось къ поставкѣ нѣкотораго количества товара нашей фирмы, для одного государственнаго учрежденiя. Половина всего поставляемаго мной товара должна была находиться въ такомъ состоянii, чтобы покупатель имѣлъ возможность забраковать товаръ.

Я зналъ уже настолько хорошо совѣтскiя условiя, что понялъ Левинсона съ полуслова. Но предложенная комбинацiя мнѣ совершенно не подходила, такъ какъ и всемогущiй Левинсонъ могъ рано или поздно оказаться въ лапахъ Чеки. Не желая портить налаженныхъ отношенiй съ нужнымъ мнѣ человекомъ, я не далъ рѣшительнаго отказа и условился съ Левин-

сономъ заѣхать къ нему на квартиру для подробнаго обсужденія всего дѣла. Интересно, что Левинсонъ ни за что не соглашался прїѣхать ко мнѣ въ контору, такъ какъ, благодаря его связямъ съ совѣтскими вельможами, онъ находился подъ наблюденіемъ Чеки.

Въ исходѣ шестого часа утра, залы были еще на половину полны публикой. На одномъ изъ столиковъ лихо отплясывалъ чечетку балетный артистъ Орловъ, среди хрустальныхъ рюмокъ и бокаловъ. Какой-то англичанинъ, усадивъ на плечо хорошенькую артистку балета Зиночку К., жонглировалъ бутылками.

Въ туманномъ сумракѣ Петербургскаго осенняго утра, я ѣхалъ по соннымъ еще улицамъ города-сфинкса, города контрастовъ и миражей. На площади главнаго штаба, нынѣ площади Урицкаго, тяжело высилась громада Зимняго дворца, съ выѣской: „Музей революціи“. Наспѣхъ сооруженная на площади большая деревянная трибуна, была задрапирована красной матеріей. У колонны Славы, уже помѣстилась продавщица газетъ, и на лоткѣ пестрѣли „Правда“, „Безбожникъ“, „Красная звѣзда“...

Въ самой верхушкѣ колонны, фигура ангела казалось вотъ-вотъ уронить на землю лавровый вѣнокъ и унесется въ сѣрую небесную даль.

Частой дробной рысью проскакалъ полуэскадронъ конной милиціи. И тутъ обманъ и игра словами. Типичныя солдатскія лица, форма. вся выправка, были такія же, какъ и „раньше“. Почти точная копія старой дореволюціонной полиціи. Вся внѣшняя разница со старой полиціей выражалась въ фуражкахъ съ прямымъ козырькомъ и красныхъ петлицахъ на воротникѣ шинели

У конно-гвардейскаго бульвара двое милицейскихъ вели за шиворотъ пьянаго оборванца, пѣвшаго, повидимому въ свое оправданіе, „интернаціональ“.

Въ этомъ пьяномъ человѣкѣ, пѣвшемъ интернаціональ, какъ бы выражалась вся внутренняя сущность современнаго совѣтскаго пролетарія, влекомаго за шиворотъ милиціей...

* * *

У Левинсона было двѣ квартиры, и я поѣхалъ по его указанію и приглашенію на ту, гдѣ жила артистка Х.

Квартира эта была на одной изъ бывшихъ элѣгантныхъ улицъ и состояла изъ восьми громаднхъ комнатъ, обставленныхъ съ музейной роскошью. Античная мебель, масса картинъ, всюду восточные, старинные ковры. Разумѣется, что какъ квартира, такъ и вся обстановка, были результатомъ плодотворной и хитроумной дѣятельности самого Левинсона, сумѣвшаго найти, по мѣткому выраженію артистки Х., „истинный нервъ“ пролетарской революціи.

„О. Абрамъ Соломоновичъ, — это геніальный человекъ,“ говорила мнѣ съ гордостью, г-жа А.

„Подумайте только, Абрамъ Соломоновичъ совершенно аполитиченъ, а какъ его всѣ цѣнятъ. Онъ даже четыре раза уже былъ арестованъ, но его всегда выручаютъ его вліятельные друзья.“

Г-жа Х. не упомянула мнѣ, что она сама была тоже вліятельнымъ лицомъ, но я узналъ объ этомъ, къ сожалѣнію много спустя послѣ описываемой встрѣчи. Она была секретнымъ агентомъ Чеки, и благодаря ея близкимъ отношеніямъ съ Левинсономъ, Чека закрывала глаза на многія комбинаціи „геніальнаго коммерсанта.“

Съ Левинсономъ я пришелъ къ опредѣленному соглашенію, давъ ему возможность получить требуемое количество товара, черезъ посредство агенства нашей фирмы въ одномъ изъ ближайшихъ къ Россіи государствъ. Я, лично, оставался совершенно въ сторонѣ отъ всей этой „комбинаціи“, предоставивъ Левинсону дѣйствовать за свой страхъ и рискъ.

Такъ какъ за товаръ уплачивалось по прибытіи его на совѣтскую территорію, то оставался сомнительнымъ вопросъ о денежной гарантіи. Несмотря на всю „геніальность“ Левинсона, я не хотѣлъ и не могъ брать на себя отвѣтственность передъ агентствомъ нашей фирмы за судьбу товара и за своевременность платежа, такъ какъ товаръ долженъ былъ прибыть даже не въ мой адресъ. Но въ концѣ концовъ и этотъ щекотливый вопросъ былъ улаженъ и я переслалъ нашему агентству, вѣрнымъ и безшумнымъ путемъ всѣ необходимыя гарантіи.

Черезъ двѣ недѣли я получилъ отъ Левинсона два письма, открывавшія мнѣ двери къ „центру“... Съ Левинсономъ было условлено, что въ нужный моментъ

онъ прїѣдетъ въ Москву, и поможетъ мнѣ протолкнуть дѣло.

Дѣло моей личной конторы, сверхъ всякаго ожиданія расширились. Бумажная переписка и толпы посредниковъ, летавшихъ по моимъ порученіямъ по городу, грозили поглотить и меня, и моего секретаря. Большая часть всѣхъ дѣлъ, разумѣется, оказывалась блефомъ, такъ какъ нерѣдко появлялось обстоятельство, измѣнявшее кореннымъ образомъ всѣ мои планы и расчеты. То кто-либо изъ посредниковъ безслѣдно исчезалъ въ объятіяхъ Чеки, и набожный философъ Копоненъ въ такихъ случаяхъ говорилъ: „Миръ его праху. Мы во всякомъ случаѣ тутъ непричемъ. Ну, ничего, скоро новые явятся.“

Появлялись новыя, съ новыми предложеніями, съ новыми планами.

Иногда рушилось все настроенное дѣло, такъ какъ весь составъ того учрежденія, съ которымъ мы трактовали сдѣлку, арестовывался, т. е. исчезалъ съ лица земли нашъ кліентъ.

Поставивъ себѣ за правило быть строго лояльнымъ въ отношеніи дѣйствующихъ въ совѣтскомъ государствѣ постановленій, я не шель ни на какія самыя заманчивыя комбинаціи, если только къ нимъ примѣшивалось что либо незаконное. Благодаря этому всѣ эти аресты нашихъ кліентовъ и посредниковъ вызывали во мнѣ глубокое сожалѣніе, но за себя и за Копонена я былъ совершенно спокоенъ.

Съ кожевеннымъ синдикатомъ я долженъ былъ передѣлать совершенно на-ново весь контрактъ. Когда, послѣ безконечныхъ переговоровъ, совѣщаній и переписки, новый контрактъ былъ наконецъ выработанъ, оказалось.... что синдикатъ не имѣетъ права на непосредственный импортъ товаровъ изъ-за границы. Это право было отнято у синдиката какъ разъ во время нашихъ заключительныхъ переговоровъ. „Товарищъ“ Эрисманъ все время леталъ между Москвой и Петербургомъ въ стараніяхъ вернуть возглавляемому имъ учрежденію утерянныя права.

Изъ Гельсингфорса мнѣ переслали, черезъ наше консульство, письма, полученныя на мое имя изъ южной Америки. Изъ этихъ писемъ я узналъ, что въ томъ государствѣ, гдѣ помѣщалась главная контора и

заводы нашей фирмы, большевиками усиленно ведутся переговоры о признаніи совѣтской власти де-юре и носятся слухи объ открытіи тамъ совѣтскаго торговаго представительства и о предполагаемыхъ громадныхъ закупкахъ сырья для нуждъ совѣтской промышленности.

Если бы послѣдующіе событія подтвердили полученные мною свѣдѣнія, то это могло бы имѣть рѣшающее и благопріятное вліяніе на исходъ моего дѣла, поэтому я не смущался моими неудачами въ кожевенномъ синдикатѣ и возлагалъ надежды на мои переговоры въ Москвѣ и на главный факторъ въ торговыхъ дѣлахъ въ совѣтской Россіи — „Время“.

Г л а в а 7-я.

Однажды ко мнѣ въ контору позвонили по телефону и чей-то незнакомый голосъ освѣдомился: „Можно ли говорить съ господиномъ Седергольмъ?“ На мой удовлетворительный отвѣтъ, въ телефонѣ прозвучало: „Сейчасъ съ вами будетъ говорить председатель Севзапгосторга (государственный синдикатъ торговли сѣверо-западной области) товарищъ Ланда.“

Этотъ совѣтскій „вельможа“, возымѣвъ желаніе лично со мной познакомиться, просилъ меня назначить время, когда мнѣ было бы удобно пріѣхать въ возглавляемое имъ учрежденіе.

На слѣдующій день я поѣхалъ въ назначенный часъ и былъ принятъ товарищемъ Ландой въ его служебномъ кабинетѣ. Сборная мебель, ковры, масса всевозможныхъ діаграммъ на стѣнахъ кабинета. Все какъ всюду у совѣтскихъ вельможъ. Самъ товарищъ Ланда, плотный, ярко рыжій еврей съ сильно выраженнымъ еврейскимъ акцентомъ и съ европеизированной виѣшностью: приличный пиджачный костюмъ, воротникъ, галстухъ.

Изъ послѣдовавшей бесѣды выяснилось, что товарищъ Ланда, слышалъ о вѣдущихся мною переговорахъ и будучи въ Москвѣ на засѣданіи высшаго Экономическаго совѣта, онъ тамъ предложилъ свой проектъ о снабженіи кожевенной промышленности сѣверо-западной области. Онъ успѣлъ убѣдить „сферы“, что право импорта дубильныхъ матеріаловъ должно быть изъято изъ вѣдѣнія кожевеннаго синдиката, такъ

какъ этотъ синдикатъ и безъ того имѣть возможность торговать кожей и обувью, а Севзапгосторгъ нуждается въ поддержкѣ и торговля дубильными веществами весьма увеличить обороты этого учрежденія.

Во мнѣ все клокотало внутри, такъ какъ изъ-за карьерныхъ соображеній Ланда, мнѣ приходилось начать съизнова все дѣло. Но надо было сдерживаться, такъ какъ у меня впереди была поѣздка въ Москву, гдѣ я надѣялся съ помощью „геніальнаго“ Левинсона провести мое дѣло помимо Ланды и болтливаго Эрисмана. Сдѣлавъ видъ, что меня заинтересовало предложеніе Ланды, я согласился обсудить дѣло въ рядѣ назначенныхъ Ландой засѣданій.

На этихъ засѣданіяхъ прежде всего выяснилось, что Севзапгосторгъ не имѣетъ наличности и мнѣ предлагалось продавать имъ партіи товара на условіяхъ шестимѣсячнаго кредита съ такой шаткой гарантіей, какъ векселя Севзапгосторга. Дѣло должно было фактически обстоять такимъ образомъ: Севзапгосторгъ продавалъ мой товаръ въ кредитъ всѣмъ государственнымъ кожевеннымъ заводамъ сѣверо-западной области. Заводы изготовляли кожу и обувь, и въ кредитъ сдавали все производство трестамъ, а тѣ въ свою очередь, тоже въ кредитъ распредѣляли товаръ по розничнымъ магазинамъ и кооперативнымъ лавкамъ въ городахъ и деревняхъ. Когда послѣ долгихъ мѣсяцевъ деньги, поступившія отъ розничныхъ покупателей, пройдя длинный путь, наконецъ достигали Севзапгосторга, я могъ надѣяться получить расчетъ.

Я уже достаточно присмотрѣлся къ совѣтской торговлѣ и быту, чтобы рисковать ставить мою фирму въ положеніе кредитора Совѣтской промышленности. Несмотря на то, что тресты, синдикаты и заводы принадлежать государству, векселя этихъ учрежденій почти не учитываются совѣтскими банками, такъ какъ банки тоже страдают хроническимъ безденежьемъ, а тресты и синдикаты, не смотря на ихъ „государственность“ всѣ работаютъ съ громаднымъ убыткомъ и задолженностью. Какъ ни подавлено городское населеніе и крестьяне, но правительство все же не можетъ повышать цѣны на товары безпредѣльно, такъ какъ и безъ того населеніе, въ особенности

деревенское, вынуждено приобретать товары по невероятно высоким ценам. Советскую иллюзорную промышленность, спасает лишь отсутствие конкуренции с внешним рынком, благодаря государственной монополии внешней торговли.

Вся советская промышленность это картонный игрушечный арлекинъ, движущій безъ всякаго ритма конечностями, благодаря веревочкамъ, за которыя держаетъ „Центръ“. Вся промышленность въ современной Россіи такъ же мертва, какъ картонная игрушка.

Я посѣтилъ подъ разными благовидными предложениями нѣсколько наиболѣе крупныхъ заводовъ Петербурга, Москвы и Ивано-Вознесенскаго района — самого промышленнаго во всей Россіи.

Что мнѣ показали? „Красные уголки Ленина“, кооперативныя лавки и техническія бюро, въ которыхъ масса людей что-то калькулировала, чертила діаграммы, проекты и пр.

На одномъ изъ заводовъ цѣлая группа инженеровъ разрабатывала проектъ метрополитена въ Петербургѣ, — городъ въ которомъ разрушаются дома, отъ отсутствія средствъ на ремонтъ старой деревянной канализаціи и въ которомъ на 16-ти квадратныхъ метрахъ сырой и душной комнаты ютится семья рабочаго изъ 6-ти человекъ.

Чертившіе проектъ метрополитена съ наивной гордостью показывали мнѣ эскизъ фасада „дома отдыха рабочихъ метрополитена“ и рисунокъ въ краскахъ „домовъ садовъ“ для рабочихъ.

Что я видѣлъ?

Я видѣлъ устарѣвшее оборудованіе заводовъ, старыя, наспѣхъ отремонтированныя станки и мастерскіе съ такимъ чудовишнымъ накладнымъ процентомъ расходовъ, что заводы должны все время испрашивать добавочныя ассигнованія. Въ производствѣ заводовъ царитъ какой-то мозаичный дилетантизмъ и часто смѣняемые правленія приносятъ съ собой новыя взгляды и новыя эксперименты.

На нѣкоторыхъ заводахъ состоятъ техническими директорами настоящіе инженеры, но ихъ дѣятельность парализуется совершенно неподготовленными къ своей роли членами правленія, состоящими изъ рабочихъ, иногда очень умныхъ и развитыхъ, но аб-

солютно не компетентныхъ въ веденіи большого технического предпріятія.

Монополія государственной внѣшней торговли не можетъ быть никомъ образомъ отмѣнена, хотя бы частично, такъ какъ это противорѣчитъ основнымъ тезисамъ программы коммунистической партіи. Даже частичная отмѣна монополіи повлекла бы за собой соприкосновеніе съ Западомъ, т. е. привела бы государственную промышленность къ полному краху. Поэтому совѣтское правительство нашло компромиссное рѣшеніе задачи, какъ привлечь иностранный капиталъ и удовлетворить растущій товарный голодъ. Часть наиболѣе пострадавшихъ фабрикъ и заводовъ сдана иностраннымъ предпринимателямъ на сроки 10—15 лѣтъ съ правомъ концессионеромъ выписывать все сырье, необходимое для производства, изъ за границы. Благодаря непомѣрно высокимъ цѣнамъ на предметы государственнаго производства, нѣкоторые концессионеры удачно работаютъ, держа свои цѣны на уровнѣ государственныхъ, но давая лучшій товаръ. Но всѣ эти концессионныя предпріятія очень мелкія, такъ какъ крупные иностранныя промышленники не рискуютъ вкладывать большихъ капиталовъ въ совѣтскія предпріятія. Самое существованіе концессионныхъ предпріятій находится подъ тѣмъ же знакомъ: „по стольку, поскольку“ и ничѣмъ не обезпечено, кромѣ договора... съ совѣтскими властями. Надежды совѣтскаго правительства на концессионеромъ не оправдались, такъ какъ даже самые крупные изъ нихъ, не создаютъ ничего солиднаго и прочнаго, выписывая изъ-за границы поддержанныя машины и ведя дѣло такъ, чтобы изъ него поскорѣй выжать все, что только возможно, благо условія изолированнаго совѣтскаго рынка это позволяютъ.

Вся торговля и промышленность совѣтскаго правительства идутъ вѣрными шагами къ полному краху и покупная способность стабилизированнаго червонца, медленно понижаясь, въ концѣ концовъ катастрофически рухнетъ. Несомнѣнно, что будетъ постепенно введена еще масса палліативовъ, полумѣръ, но этимъ не спасти положенія: нужны чудовищныя суммы, чтобы переоборудовать заводы и поднять ихъ производительность. Если это

не будетъ сдѣлано, то еще нѣсколько лѣтъ—и все придетъ къ тому же, чѣмъ было до появленія „Нэпа“, а за этимъ послѣдуетъ самая ужасающая анархія, безпримѣрная въ исторіи міра. Изъ этого слѣдуетъ, что какъ нынѣшнее совѣтское правительство, такъ и его творецъ Коминтернъ находятся въ заколдованномъ кругу, и выходъ изъ этого круга только одинъ: отменить монополію внѣшней торговли и создать такія правовыя нормы, которыя бы гарантировали иностраннымъ капиталистамъ какъ ихъ личную безопасность, такъ и вкладываемыхъ ими въ совѣтскія предпріятія капиталовъ.

Если это произойдетъ, то и Коминтернъ и Чека перестанутъ быть тѣмъ, чѣмъ они теперь, и поэтому, совершенно ясно, что такому крутому повороту въ политикѣ будетъ предшествовать рядъ лѣтъ, когда будетъ использованъ весь запасъ жестокостей и полумѣръ изъ арсенала Чеки и Коминтерна.

Г л а в а 8-ая.

Для ознакомленія съ качествами стандартнаго типа нашего товара я предложилъ Севзапгосторгу поставить имъ немедленно по фабричной цѣнѣ около ста тоннъ дубильнаго экстракта на сумму около 2000 фунтовъ стерлинговъ, разумѣется, за наличный расчетъ. Мое предложеніе пришлось какъ нельзя болѣе во время, такъ какъ, по обыкновенію, одинъ изъ кожевенныхъ заводовъ Петербургскаго треста былъ въ затрудненіи, не получая отъ своего синдиката давнымъ давно затребованнаго сырья.

Давая товаръ по фабричной цѣнѣ, я не преслѣдовалъ прямыхъ личныхъ выгодъ, а лишь рассчитывалъ, что эта небольшая поставка введетъ меня въ болѣе тѣсное соприкосновеніе съ заводами, и подъ предлогомъ сдачи товара и производства опытовъ, мнѣ удастся ближе ознакомиться съ постановкой совѣтскаго кожевеннаго производства и его требованіями. Это входило однимъ изъ первыхъ пунктовъ въ полученныя мною заданія отъ моей фирмы.

Не желая портить отношеній ни съ „товарищемъ“ Ландой, ни съ „товарищемъ“ Эрисманомъ, я поѣхалъ въ Москву и тамъ въ комиссаріатъ внѣшней торговли мнѣ удалось обставить все дѣло такъ, что право

на импортъ пробной партіи товара было давно кожевенному синдикату и такимъ образомъ это учрежденіе благодаря моему вмѣшательству получило прецедентъ для возвращенія своихъ утраченныхъ правъ непосредственнаго импорта изъ-за границы, что весьма облегчало мою задачу. Нашъ товаръ былъ на складѣ въ Германіи, прибылъ довольно скоро въ Петербургъ и я аккуратно получилъ въ синдикатѣ расчетъ.

„Товарищъ“ Ланда рвалъ и металлъ громъ и молніи противъ синдиката и его директора и продолжалъ вести переговоры со мной въ тысячахъ всевозможныхъ варіацій. Въ концѣ ноября я съѣздила вторично въ Москву и былъ принятъ какъ начальникомъ комиссаріата торговли Лежавой, такъ и самимъ Красинымъ. Насколько первый изъ нихъ оказался ограниченнымъ и тупымъ бюрократомъ, настолько второй съ полуслова понималъ все мое дѣло и обѣщавъ мнѣ свою помощь, находя, что предложенія моей фирмы вполне отвѣчаютъ интересамъ совѣтской промышленности. Къ сожалѣнію Красинъ уѣзжалъ на слѣдующій день послѣ нашего свиданія въ Парижъ и Лондонъ и, подтвердивъ въ принципѣ, что наша фирма будетъ обслуживать непосредственно синдикатъ, онъ отложилъ окончательное разсмотрѣніе и подписаніе контракта до своего возвращенія изъ-за границы, т. е. черезъ 3 недѣли.

Я успѣлъ все же добиться отъ него письма къ правленію синдиката, которое должно было облегчить мнѣ защиту моего основнаго контракта въ первоначальной редакціи.

Около Рождества, внезапно пронеслась по Петербургу вѣсть: весь кожевенный трестъ и все правленіе кожевеннаго синдиката арестованы Чекой, такъ какъ раскрыты грандіозныя хищенія, взяточничества и растраты. Количество арестованныхъ превышало 400 человекъ, такъ какъ по своему обыкновенію, Чека арестовала не только прикосновенныхъ къ намъ совѣтскихъ чиновниковъ, но также ихъ знакомыхъ, родныхъ и друзей.

Случайно встрѣченный мною въ одномъ изъ банковъ, „геніальный“ Левинсонъ, былъ очень взволнованъ и трагически сказалъ мнѣ: „Подумайте. Такой

скандалъ въ социалистической республикѣ, и въ то время, когда всѣмъ управляютъ сами рабочіе“.

Эти слова были неискренни, такъ какъ Левинсонъ зналъ, еще лучше меня, что именно въ совѣтской Россіи, панамы сдѣлались самымъ зауряднымъ явленіемъ, и еженедѣльно арестовываются то въ одномъ, то въ другомъ совѣтскомъ предпріятіи десятки служащихъ за совершенныя имн, или спровоцированныя Чекой преступленія.

Не безъинтересно для характеристики совѣтскаго чиновнаго быта, что „товарищъ“ Ланда дѣятельно способствовалъ производству обыска и ареста въ коженномъ синдикатѣ, надѣсь утопить своего врага и конкурента „товарища“ Эрисмана. Хотя этотъ послѣдній не былъ арестованъ, но все, происшедшее вывело изъ строя весь синдикатъ, и, разумѣется, теперь не могло быть и рѣчи для меня о какихъ либо переговорахъ.

Когда, послѣ Рождества, я поѣхалъ въ Москву въ третій разъ, для свиданія съ Красинымъ, то получилъ отъ него отвѣтъ, что пока все не успоится и не наладится вновь, работа синдиката, никакіе конкретные переговоры не мыслимы.

Такимъ образомъ я, силою обстоятельствъ, возвращался вновь къ моимъ личнымъ торговымъ дѣламъ. Необходимо было выждать, пока въ синдикатѣ все опять войдетъ въ норму.

* * *

Въ концѣ января 1924 года началась эпидемія арестовъ по дѣламъ, связаннымъ со шпионажемъ и „контръ-революціей“. Корридоры нашего дома на Невскомъ проспектѣ, совершенно опустѣли, такъ какъ даже посредники и комиссіонеры были въ паникѣ, и обходили за версту всѣ иностранныя конторы.

Всѣ мы, точно по мановенію волшебной палочки, сразу потеряли нашихъ русскихъ знакомыхъ и друзей. Это случалось періодически и раньше, но теперь Чека почему то неистовствовала безъ передышки.

Глухо поговаривали, что въ застѣнкахъ Чеки идутъ массовые разстрѣлы, и что всѣ Московскія и Петербургскія тюрьмы совершенно переполнены.

Въ массовыхъ арестахъ мы не сомнѣвались, такъ

какъ даже совѣтскія газеты пестрѣли описаніемъ такихъ громадныхъ процессовъ, какъ дѣло кожевеннаго синдиката, Николаевской желѣзной дороги, Сѣверо-Западной желѣзной дороги, Путиловскаго завода, Владимірскаго клуба, союза кооператоровъ и т. п., и т. д., — все на протяженіе полутора мѣсяцевъ. По самымъ скромнымъ подсчетамъ, одни только эти процессы, обогатили совѣтскія тюрьмы не менѣе, чѣмъ 2000 заключенныхъ.

Но все это были аресты, связанные такъ или иначе съ экономическими правонарушеніями. Въ странѣ, гдѣ правительство, во имя партійныхъ интересовъ, регламентируетъ мельчайшія детали общественной и частной хозяйственной жизни, — естественны эти массовыя правонарушенія. Эпидемія арестовъ за весь трехлѣтній періодъ моего пребыванія въ совѣтской Россіи (включительно до 1926 года) никогда не прекращалась и нынѣ продолжается.

Въ газетныхъ судебныхъ отчетахъ часто упоминалось о смертныхъ приговорахъ, но десятки ежемѣсячно разстрѣливаемыхъ по приговорамъ судовъ, далеко не соответствовали тѣмъ глухимъ слухамъ, дошедшимъ до насъ, о еженедѣльныхъ сотняхъ, казненныхъ въ застѣнкахъ Чеки.

Свѣдѣнія о массовыхъ арестахъ, производимыхъ Чекой по дѣламъ о шпіонажѣ, контрреволюціи, политическихъ заговорахъ, и т. п., хотя и не проникали въ печать, но сомнѣнія въ ихъ достовѣрности въ насъ не возникали.

То одинъ, то другой изъ моихъ соотечественниковъ, или кто-либо изъ членовъ иностранныхъ миссій, рассказывали за вечернимъ чаемъ, о неудачномъ посѣщеніи ими кого либо изъ русскихъ знакомыхъ. Посѣтителей всюду встрѣчали съ испуганными лицами и произносилась стереотипная фраза: „У насъ не благополучно. Коля (или Маня) арестованы. Уже столько недѣль, какъ не имѣемъ о немъ (или о ней) никакихъ вѣстей.“

Я самъ, въ январѣ, отправился навѣстить одну семью, жившую далеко внѣ центра города. Эта семья стараго профессора юриста, состояла изъ восьми членовъ, ютившихся въ трехъ комнатахъ съ самой примитивной мебелью. Домъ былъ отвратительный,

полуразрушенный и члены профессорской семьи никогда не снимали теплаго платья, такъ какъ бюджетъ семьи не позволялъ приобретать дрова для отопленія квартиры. Одинъ изъ сыновей профессора скрылся нелегально за границу и проживалъ тамъ уже третій годъ. Передъ моимъ отъѣздомъ въ Совѣтскую Россію, онъ просилъ меня навѣщать его родныхъ и передавать имъ деньги и письма, которыя онъ мнѣ пересылалъ по дипломатической почтѣ одного изъ иностранныхъ консульствъ.

Какъ разъ въ это мое послѣднее посѣщеніе изъ семьи профессора *) исчезла дочь, только что получившая дипломъ врача, и сынъ-юноша 18-ти лѣтъ, удаленный изъ технологическаго института за „буржуазное“ происхожденіе.

Брата и сестру арестовали за недѣлю до моего визита, по подозрѣнію въ принадлежности къ социаль-демократической партіи. Тамъ же я узналъ, что у нѣкоторыхъ нашихъ общихъ знакомыхъ произведены обыски и рядъ арестовъ.

Въ этотъ разъ я уходилъ отъ профессора не безъ тревоги за себя, и вдохнулъ спокойно, лишь переступивъ черезъ порогъ подъѣзда нашего финляндскаго дома.

Навѣщая кого-либо изъ моихъ знакомыхъ, я всегда бралъ съ собой, какъ авангардъ, одного моего русскаго пріятеля, Сидорова, котораго я зналъ безконечно давно, и онъ былъ многимъ обязанъ моимъ родителямъ и мнѣ. Благодаря своему пролетарскому происхожденію и лавкости, Сидоровъ занималъ очень скромную, но „вѣрную“ должность въ одномъ изъ бюро профессиональныхъ союзовъ и даже состоялъ членомъ партіи. Мои свиданія съ Сидоровымъ происходили обычно въ какой-нибудь пивной или второклассномъ кафе. Немного поболтавъ о разныхъ дѣлахъ, мы отправлялись къ кому-либо изъ моихъ знакомыхъ. Соскочивъ съ трамвая и подходя къ нужному мнѣ дому, я посылаю Сидорова впередъ, на развѣздку, а самъ проходилъ мимо, поджидая пріятеля у какой-нибудь витрины. Если Сидоровъ сообщалъ мнѣ, что „засады“

*) Специальность профессора и его дочери мною намѣренно измѣнены, по вполнѣ понятнымъ причинамъ.

и ничего подозрительнаго нѣтъ, то, простившись съ нимъ, я шелъ къ знакомымъ. Я всегда поступалъ такъ не столько изъ боязни за себя, сколько изъ опасенія подвести подъ несприятность моихъ друзей, для которыхъ знакомство съ иностранцемъ могло превратиться въ „дѣло о шпионажѣ и контр-революціи за №“.

Нѣсколько разъ я нарывался на засады. вѣрнѣе будетъ сказать, что Сидоровъ нарывался, такъ какъ я, по обыкновенію, поджидалъ его на улицѣ. Сидоровъ, благодаря своимъ многочисленнымъ мандатамъ и партійному билету, не вызывалъ подозрѣній и его всегда отпускали. Но однажды и его продержали 4 дня въ тюрьмѣ, и послѣ этого случая благорозуміе требовало подыскать новаго провожатаго для авангарда.

Мой новый развѣдчикъ былъ мальчуганъ 12-ти лѣтъ, сынъ старой прислуги моихъ давнихъ знакомыхъ, нынѣ державшей кустарную бѣлошвейную мастерскую. Мы соорудили двѣ картонки и положили въ одну изъ нихъ три мужскихъ рубашки, а въ другую женское бѣлье.

Въ зависимости отъ обстоятельствъ, мальчишка пользовался то одной, то другой дежурной картонкой, заходя въ нужныя мнѣ квартиры подъ видомъ сдачи заказа, будто бы перепутавъ адресъ заказчика.

Этотъ же мой маленькій провожатый, первый, раньше меня самого, замѣтилъ, когда за мной началась слѣжка.

Но, видимо, мой часъ пробилъ, и несмотря на всѣ принятыя мною мѣры, я уже не въ силахъ былъ измѣнить начертаннаго въ книгѣ моей жизни. Но объ этомъ потомъ...

Г л а в а 9-я.

Я уже упоминалъ въ предыдущей главѣ, что всѣ мы, недавно живущіе въ Россіи иностранцы, относились съ недоувѣріемъ къ слухамъ о массовыхъ разстрѣлахъ Ческой, т. е. о разстрѣлахъ безъ предварительнаго гласнаго суда. Объ этихъ разстрѣлахъ совѣтская печать теперь не публикуетъ. Говорю „теперь“, т. е. въ періодъ „Нэпа“, такъ какъ въ эпоху откровеннаго террора, эпоху военнаго коммунизма не только со-

вѣтскія газеты, но и Чека, въ отдѣльныхъ брошюрахъ, публиковала обширные списки разстрѣлянныхъ.

Удивительно, какъ всегда люди склонны къ оптимизму, и какъ немного нужно, чтобы заставить насъ повѣрить въ пріятное намъ, и совершенно разубѣдить насъ въ томъ, что намъ непріятно.

Мы всѣ безъ исключенія прекрасно сознавали, что въ природѣ и въ методахъ совѣтской власти ничто не измѣнилось и не можетъ измѣниться, коль скоро вся политика направляется интересами Коминтерна подъ наблюдениемъ Чеки.

Мы всѣ, безъ исключенія, могли наблюдать, какъ явно и тайно люди массами бросаются въ тюрьмы и какъ всѣ обыватели терроризированы. Казалось бы, что не могло существовать причинъ, мѣшающихъ намъ повѣрить въ справедливость слуховъ объ ужасахъ застѣнковъ Чеки. Предпосылка для такого умозаключенія формулировалась сама собой: „Разъ вообще Чека полномочна, безконтрольна, разъ въ странѣ царитъ только право диктатуры, разъ въ систему управления страной введены сыскъ, провокація и административный произволь, то почему не быть и массовымъ казнямъ безъ суда.“

Такъ говорить логика. Но люди, воспитанные въ условіяхъ старой культуры права и нормальныхъ человѣческихъ взаимоотношеній, всегда руководствуются въ своихъ заключеніяхъ, не одной лишь логикой, но также голосомъ своей совѣсти и побужденіями сердца.

Наши совѣсть и сердце отказывались вѣрить слухамъ о массовыхъ казняхъ, безъ суда, и я, лично, считалъ всѣ эти слухи правдой болтовней перепуганныхъ обывателей. Мои соотечественники и друзья изъ различныхъ иностранныхъ миссій, успѣвшіе уже ознакомиться съ совѣтскимъ бытомъ и порядками, только приговаривали: „Ничего, поживете — увидите.“

Въ концѣ января 1924-го года я, совершенно случайно, встрѣтилъ на улицѣ сестру моего бывшего сослуживца по Россійскому Императорскому флоту. Не смотря на 9 лѣтъ, протекшихъ съ момента нашей послѣдней встрѣчи въ семьѣ сенатора Я., я сразу узналъ въ увядшей и блѣдно одѣтой въ трауръ женщинѣ, бывшую красавицу и свѣтскую львицу Т.

Ея братъ, мой бывший сослуживецъ, послѣ нѣ-

сколькихъ арестовъ былъ въ концѣ концовъ оставленъ въ покоѣ. Въ періодъ „Нэпа“, какъ и многіе бывшіе офицеры, онъ кое-какъ приспособился къ режиму, и даже устроился, на какую-то очень маленькую должность въ одномъ изъ совѣтскихъ торгово-промышленныхъ предпріятій. Эта должность давала полуголодное существованіе, но зато казалось, что на прошлое „офицерство“ теперь можетъ быть поставленъ крестъ, и о старой профессіи „царскаго“ офицера, уже никто не напомнитъ ни обысками, ни арестами, ни угрозами. Такъ казалось бѣдному Т., и онъ чувствовалъ себя почти счастливымъ, надѣясь на дальнѣйшую эволюцію „Нэпа“, и имѣя возможность поддерживать мать и сестру.

Въ октябрѣ его внезапно арестовали по подозрѣнію въ контръ-революціи и шпіонажѣ, такъ какъ кто то изъ живущихъ за границей русскихъ эмигрантовъ, былъ настолько неостороженъ, что въ одномъ изъ писемъ къ своимъ друзьямъ въ Россіи, упомянулъ фамилію Т.

При одномъ изъ обычныхъ, повальныхъ обысковъ, производимыхъ періодически Чекой, это письмо было найдено у одного изъ корреспондентовъ легкомысленнаго эмигранта. Это повлекло за собой арестъ массы всевозможныхъ лицъ, и въ томъ числѣ несчастнаго Т. съ сестрой. Дѣвушку выпустили изъ тюрьмы въ декабрѣ, а ея брата и еще нѣсколькихъ человекъ, арестованныхъ по тому же „дѣлу“, разстрѣляли по постановленію коллегіи Московской Чеки, т. е. безъ суда.

Немного спустя послѣ вышеописанной встрѣчи, мнѣ опять пришлось соприкоснуться съ однимъ изъ многихъ случаевъ массовой казни, произведенной только на основаніи провокаціи и подозрительности Чеки. Но я не хочу вдаваться въ утомительный перечень всѣхъ этихъ ужасныхъ фактовъ, такъ какъ обо всемъ этомъ я расскажу въ главахъ, посвященныхъ моему пребыванію въ совѣтскихъ тюрьмахъ. Тамъ я имѣлъ возможность наблюдать „въ натуральную величину“ всю закулисную сторону совѣтскаго быта. Тамъ я видѣлъ собственными глазами, сотни людей, которыхъ убивали безъ всякаго суда.

Въ началѣ февраля я столкнулся невдалекѣ отъ нашего дома съ моимъ бывшимъ школьнымъ товарищемъ и сослуживцемъ по Императорскому флоту, Л.

Онъ меня весьма радостно привѣтствовалъ, и сверхъ всякаго ожиданія, безъ тѣни опасенія, пригласилъ меня къ себѣ на обѣдъ. На мой подчеркнутый намекъ, что я теперь иностранецъ, и что мое посѣщеніе можетъ навлечь на Л. всякія бѣды, мой товарищъ сангвинически засмѣялся и сказалъ:

„Вы всѣ иностранцы, все ужасно преувеличиваете. Все далеко не такъ ужасно, какъ вамъ это кажется.“

На слѣдующій день, послѣ этой встрѣчи я поѣхалъ къ Л., на обѣдъ.

Все какъ всюду и всегда въ совѣтской Россіи, т. е. парадный ходъ запертъ, и входить надо черезъ черный ходъ. Пройдя кухню, въ которой хлопотала повариха въ бѣломъ колпакѣ, я попалъ въ отлично обставленную квартиру, не носившую ни малѣйшихъ слѣдовъ пронесшагося урагана революціи, террора и голодныхъ годовъ.

Въ уютной гостиной, освѣщенной мягкимъ свѣтомъ затемненной абажуромъ лампы, я засталъ довольно большое и элегантное общество. Моя боязнь, что мой смокингъ будетъ шокировать угнетенныхъ „бывшихъ“, совершенно разсѣялась, при видѣ мужчинъ, одѣтыхъ, не хуже меня, въ смокинги и декольтированныхъ дамъ, одѣтыхъ въ изящныя, модныя платья. Самъ Л. сиялъ брилліантовыми кольцами, золотымъ портсигаромъ и изумительно суетливымъ радушіемъ.

Нѣсколько позднѣе меня, въ гостиную вошла артистка Х., въ сопровожденіи Левинсона. Среди гостей были два совѣтскихъ видныхъ чиновника изъ приспособившихся „бывшихъ“, представитель Польши по эвакуаціонному вопросу (тоже служившій, до революціи, офицеромъ русскаго флота), техническій директоръ одного изъ текстильныхъ заводовъ — всѣ съ женами, кромѣ меня.

Обѣдъ былъ превосходный и вина лились въ изобиліи.

За чашкой кофе и сигарой, Л. и я вспомнили старые школьные годы и именно эти годы дали мнѣ право задать старому школьному товарищу вопросъ: какимъ чудомъ, какимъ образомъ удалось ему не только сохранить прежнее благосостояніе, но продолжать такъ храбро вести прежній образъ жизни, вопреки царящему вокругъ террору Чеки?

Отвѣтъ моего школьнаго товарища меня не удовлетворилъ, и мое недоувѣріе къ нему еще больше возросло.

По его словамъ, онъ занималъ какую-то должность въ какой-то комиссіи, по распродажѣ техническихъ матеріаловъ, оставшихся послѣ войны. Больше чѣмъ сомнительно предположеніе, что онъ могъ нелегально зарабатывать на этихъ распродажахъ. При его незначительной должности и тщательномъ контролѣ со стороны Чеки, такой способъ заработка долго продолжаться не могъ бы. Объ этомъ свидѣтельствовали часто публикуемая въ газетахъ судебныя разбирательства всевозможныхъ дѣлъ о взяточничествѣ и десятки еженедѣльно разстрѣливаемыхъ по судебнымъ приговорамъ.

Л. мнѣ говорилъ, что ему удалось припрятать отъ конфискаціи драгоценности его жены и свои, и теперь, — во время „Нэпа“, онъ ихъ выгодно продавалъ. Кроме того, сестра его жены, по словамъ Л., концертировала за границей съ громаднымъ успѣхомъ и присылала Л. значительныя суммы.

Всѣ эти розказни были сплошной неправдой. Во-первыхъ, Л. давнымъ давно посадили бы въ тюрьму, за полученіе изъ за границы большихъ суммъ. Во-вторыхъ, я узналъ уже немного позднѣе, что сестра жены Л., служила въ одномъ изъ совѣтскихъ заграничныхъ дипломатическихъ представительствъ. Въ третьихъ, не смотря ни на какія деньги, Л. не могъ бы такъ широко жить, какъ онъ жилъ, если бы это не получило санкціи свыше, въ силу какихъ то тайныхъ причинъ.

Въ совѣтской Россіи, — при условіяхъ „Нэпа“, могутъ относительно безопасно и широко жить иностранцы-концессионеры. Иногда пробуютъ откровенно широко жить „нэпманы“, но... это почти всегда кончается арестомъ и конфискаціей всего имущества.

Если нэпманъ широко живетъ, то это совершенно убѣдительно доказываетъ, въ условіяхъ совѣтскаго режима, что доходы нэпмана основаны на цѣломъ рядѣ противозаконныхъ комбинацій.

Въ условіяхъ совѣтскаго быта и права, совершенно невозможно для совѣтскаго гражданина заработать легально, мало-мальски значительную сумму денегъ. Поэтому можно безошибочно опредѣлить, по образу жизни совѣтскаго гражданина, насколько его дѣятельность закономѣрна, съ точки зрѣнія Чеки. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Чека проявляетъ „сверхчеловѣческую пронизательность“. Разъ вся жизнь совѣтскаго обывателя обставлена тысячами всевозможныхъ запрещеній, и ему фактически разрѣшается только дышать, и то не всегда, то не нужно обладать какой либо особой пронизательностью, чтобы понять, какъ наполняются тюрьмы нарушителями закона.

Ни одному слову Л., я не повѣрилъ. Впослѣдствіе я убѣдился, что, если не самъ Л., то его супруга и ея сестра были секретными агентами Чеки.

Артистка Х., подруга Левинсона, предполагала на ближайшихъ дняхъ ѣхать въ Парижъ. Она довольно ловко перевела разговоръ на мои отношенія къ моей южно-американской фирмѣ, и распространилась о трудностяхъ полученія визы для совѣтскихъ гражданъ, желающихъ попасть въ Америку. Полушутя, полусерьезно, очаровательная дива старалась осторожными вопросами вызвать меня на откровенность. Насколько помню, больше всего интересовалъ ее вопросъ, собираются ли шефы моей фирмы отозвать меня обратно, и знаю ли я что-либо о положеніи переговоровъ совѣтскаго правительства, по поводу его признанія правительствомъ той республики, гдѣ были плантаціи и главная контора нашей фирмы.

Даже при всемъ моемъ желаніи, я не могъ бы удовлетворить любопытства моей собесѣдницы. Я былъ очень мало освѣдомленъ въ политикѣ экзотическихъ государствъ, и та маленькая южно-американская республика, въ экономикѣ которой доминировало вліяніе моей фирмы, вела свою политику въ отношеніи совѣтской Россіи, совершенно внѣ экономическихъ соображеній, справедливо считая, что совѣтскіе хозяйство и

финансы не могут имѣть никакого вліянія на бюджетъ даже маленькой республики.

* * *

Представитель польской реэвакуаціонной комисіи г-нъ Ч., очень красивый и видный молодой человекъ, знавшій нашего гостепріимнаго хозяина по совмѣстной службѣ въ Императорскомъ флотѣ, держалъ себя очень сдержанно. Насколько я понялъ изъ разговоровъ, онъ бывалъ неоднократно въ домѣ Л.

Вскорѣ послѣ этого обѣда, я еще два раза встрѣчался случайно съ г-мъ Ч. въ ресторанѣ и на улицѣ. Я былъ очень удивленъ, когда однажды пронесся слухъ, что Чека обнаружила цѣлую сотню шпионажа въ пользу Польши, и организаторомъ этого шпионажа, по мнѣнію Чеки, былъ никто другой, какъ Ч., успѣвшій впоанѣ легально выѣхать за границу.

Вопреки своему обыкновению, Чека рѣшила вести весь процессъ о польскомъ шпионажѣ, въ гласномъ судѣ. Какъ и всегда, процессъ былъ „сдѣланъ“ громаднымъ, съ нѣсколькими десятками обвиняемыхъ. Результатомъ всего этого, абсолютно беспочвеннаго процесса, было много разстрѣлянныхъ и осужденныхъ на десятилѣтнее тюремное заключеніе.

Удивительно, что ни мой школьный товарищъ Л., ни артистка Х., съ которой г-нъ Ч. встрѣчался неоднократно въ домѣ Л., не были привлечены къ дѣлу даже въ качествѣ свидѣтелей. Это тѣмъ болѣе удивительно, такъ какъ за Ч. было установлено тщательное и долговременное наблюденіе. Объ этомъ можно было судить по массѣ арестованныхъ лицъ, вина которыхъ заключалась въ шапочномъ знакомствѣ съ Ч.

За всѣмъ процессомъ по дѣлу польскаго шпионажа я слѣдилъ по газетамъ, находясь уже въ тюрьмѣ, и этотъ процессъ причинилъ мнѣ не мало тревожныхъ дней. Ежеминутно, игрой слѣпого случая, могло открыться и мое знакомство съ Ч.,—знакомство совершенно невинное, но и этого было бы достаточно, чтобы окончательно погубить меня, обвинявшагося въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ противъ совѣтской власти.

Мнѣ до сихъ поръ кажется страннымъ и подозрительнымъ, что моя, хотя и мимолетная, встрѣча съ

г-мъ Ч. въ домѣ Л., ни разу не вызвала вопросовъ со стороны слѣдователей Чеки. Они часто ставили меня въ тупикъ на безконечныхъ допросахъ, называя мнѣ имена лицъ, которыхъ я никогда въ своей жизни не встрѣчалъ, или за мимолетностью знакомства даже не помнилъ. Болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы встрѣча двухъ такихъ лицъ какъ Ч. и я, бывшихъ подъ бдительнымъ надзоромъ Чеки, осталась бы ей неизвѣстной. Невольно напрашивается предположеніе, что въ интересахъ Чеки, было не спрашивать меня о знакомствѣ съ Ч., такъ какъ это повлекло бы за собой упоминаніе мною о мѣстѣ нашей встрѣчи, и слѣдовательно потребовалось бы привлечь къ допросу самого Л. и артистку Х.

Это знаменовало бы, такъ называемый на языкѣ Чеки, — „проваль“ двухъ видныхъ, секретныхъ сотрудниковъ-провокаторовъ, т. е. конецъ ихъ отвѣтственной дѣятельности на пользу Чеки.

Глава 10-я.

Въ началѣ февраля я получилъ письма отъ моей фирмы изъ Южной Америки, пересланныя мнѣ изъ Гельсингфорса въ Петербургъ по дипломатической почтѣ, дабы избѣжать нескромной любовзательности совѣтской цензуры.

Изъ послѣдняго письма, отправленнаго изъ Ю. Америки въ началѣ января, я узналъ весьма важную для моихъ дѣлъ новость. Оказалось, что прелиминарные и полуофициальные переговоры совѣтскихъ делегатовъ съ правительствомъ той республики, гдѣ помещалась наша фирма, о признаніи совѣтскаго правительства де-юре и де-факто — не увѣнчались успѣхомъ. Одновременно съ отъѣздомъ совѣтскихъ делегатовъ, были аннулированы намѣчавшіяся крупныя сдѣлки на каучукъ, сахаръ, *) хлопокъ и... нашъ дубильный экстрактъ.

*) Прим. авт. Удивительно, что Сов. прав. собиралось закупить въ Ю. Америкѣ сахаръ. Этотъ продуктъ производится въ Россіи въ достаточномъ количествѣ. Очевидно, переговоры о закупкѣ сахара, велись для приданія большаго значенія тѣмъ перспективамъ, которыя открывались, благодаря официальнымъ торговымъ сношеніямъ съ сов. правительствомъ.

Мнѣ ничего другого не оставалось, какъ выразить моей фирмѣ сожалѣніе въ томъ, что мои предположенія и мои рапорты, оказались справедливыми, и просить освободить меня отъ обязанностей торговаго представителя въ совѣтской Россіи.

Не имѣло никакого смысла оставаться дольше въ совѣтской Россіи, такъ какъ случайная продажа небольшихъ партій нашего товара, совершенно не входила въ планъ дѣятельности моей фирмы. Предполагавшійся концессионный договоръ на постоянную, монопольную поставку, былъ при данныхъ обстоятельствахъ совершенно невозможенъ.

Даже о единичныхъ крупныхъ поставкахъ нашего товара, не могло быть и рѣчи, такъ какъ я съ неоспоримой ясностью видѣлъ, что всякая крупная сдѣлка пріурочивалась всегда совѣтскимъ правительствомъ къ известному политическому моменту и почти не зависѣла отъ дѣйствительныхъ нуждъ и требованій совѣтской промышленности и интересовъ населенія.

Въ періодъ начала 1924 года для совѣтскаго правительства было важно, въ силу какихъ-то причинъ, занять твердую позицію въ Южной Америкѣ. Для этого оно выбрало одну изъ маленькихъ южно-американскихъ республикъ, откуда, утвердившись прочно, можно было бы распространять свое вліяніе и на другія сосѣднія республики. На этотъ разъ игра была проиграна, и совѣтскому правительству не помогли щедро раздававшіяся обѣщанія на громадныя закупки въ астрономическихъ цифрахъ.

Я началъ подумывать объ отъѣздѣ, но сначала, мнѣ надо было закончить дѣла моей собственной конторы. Полученныя мною свѣдѣнія, разумѣется, нисколько не измѣнили внѣшне моихъ отношеній съ тѣми совѣтскими учрежденіями, съ которыми я велъ переговоры о концессіи.

Со дня на день я ожидалъ, что съ совѣтской стороны не замедлитъ послѣдовать рядъ предложеній, которыя мнѣ облегчатъ сведеніе на нѣтъ всѣхъ предыдущихъ переговоровъ.

Въ срединѣ февраля въ Петербургъ пріѣхалъ Красинъ (народный комиссаръ внѣшней торговли) и начальникъ государственной торговли Лежава. Изъ

кожевеннаго синдиката мнѣ позвонили по телефону и просили прїѣхать на совѣщаніе.

Этого совѣщанія я никогда въ своей жизни не забуду, такъ какъ именно тогда рѣшилась моя участь, и съ момента этого совѣщанія я былъ переданъ въ руки Чеки.

* * *

Въ большомъ, уже знакомомъ мнѣ, безвкусномъ кабинетѣ директора синдиката, меня уже ожидали нѣсколько человекъ.

Среди присутствовавшихъ я замѣтилъ мефистофильскую фигуру Красина, вертляваго Эрисмана, топорнаго Лежава. Остальныхъ трехъ я не зналъ, но изъ дальнѣйшей бесѣды выяснилось, что двое были видными чиновниками комиссаріата внѣшней торговли. Личность третьяго осталась мнѣ въ то время неизвѣстной, и я вновь встрѣтился съ нимъ лишь черезъ полтора мѣсяца послѣ совѣщанія, уже находясь въ тюрьмѣ. Этотъ третій былъ начальникъ отдѣла Чеки по контръ-шпіонажу—извѣстный чекистъ Мессингъ.

Едва я успѣлъ раскланяться съ членами совѣщанія, какъ экспансивный Эрисманъ, въ нервно повышенномъ тонѣ, обратился ко мнѣ словами: „Что же, Борисъ Леонидовичъ, намъ надо все-таки придти къ какому нибудь соглашенію. Времени прошло довольно для раздумываній“.

На это, я совершенно спокойно отвѣтилъ, что въ моемъ портфельѣ, находится вся переписка о нашихъ переговорахъ и изъ нихъ видно, что менѣ всего можно упрекнуть меня въ медлительности и нежеланіи довести дѣло до благопріятнаго результата.

Съ этими словами я выложилъ на столъ всѣ документы, и обращаясь къ Красину сказалъ: „Я надѣюсь, что, можетъ быть, ваше личное присутствіе дастъ намъ возможность договориться до чего нибудь опредѣленнаго“.

На это, Красинъ мнѣ отвѣтилъ: „Такъ какъ дѣло идетъ не о промышленной концессіи, а о предоставленіи вашей фирмѣ монопольнаго права на постоянную поставку товара для совѣтской кожевенной промышленности, то вопросъ этотъ могъ бы быть рѣшенъ въ желаемомъ для вашихъ довѣрителей направленіи,

лишь въ томъ случаѣ если бы государство, въ которомъ находится ваша фирма, было бы съ нами въ официальныхъ сношеніяхъ. Такъ какъ этого нѣтъ, то договоръ нашъ долженъ быть перестроенъ на иныхъ началахъ, такъ же, какъ это сдѣлано для другихъ фирмъ, съ государствами которыхъ мы не находимся въ официальныхъ сношеніяхъ“.

„Иныя начала“ договора заключались въ томъ, чтобы мы поставляли нашъ товаръ на территорію Сов. Россіи въ склады Госторга (государственный торговый синдикатъ), и чтобы вся продажа нашего товара велась Госторгомъ, на условіяхъ долгосрочнаго кредита, безъ иныхъ гарантій кромѣ... самаго договора.

Поэтому я счелъ моментъ, какъ нельзя болѣе подходящимъ, чтобы отказаться отъ предложенія, мотивируя мой отказъ необходимостью списаться съ моей фирмой.

У меня гора свалилась съ плечъ, и я могъ теперь уѣхать изъ совѣтской Россіи къ себѣ на родину.

Совершенно неожиданно въ нашъ разговоръ вмѣшался Мессингъ, державшійся во время совѣщанія въ сторонѣ, и лишь изрѣдка бросавшій на меня, острое, непріятные взгляды. Глухимъ голосомъ, съ сильнымъ восточнымъ акцентомъ, онъ мнѣ задалъ вопросъ: „Скажите пожалуйста, какъ вы переписывались съ вашей фирмой?“

Этотъ вопросъ такъ меня удивилъ своей неумѣстностью, что я могъ только сказать въ отвѣтъ: „Я не понимаю вашего вопроса, и мнѣ кажется, что онъ не имѣетъ никакого отношенія къ предмету нашего совѣщанія.“

Въ этотъ моментъ Красинъ и Лежава встали, извинились неотложными дѣлами, и, простившись со мной, вышли изъ комнаты.

Мой рѣзкій отвѣтъ, повидимому, нисколько не смутилъ Мессинга, и несмотря на знакъ глазами, сдѣланный ему Эрисманомъ, онъ усмѣхнулся, и вторично обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

„Я думаю, что письма въ Америку очень долго идутъ. Вы вѣроятно теперь уѣдете домой въ Финляндію, такъ какъ здѣсь вамъ нѣтъ смысла ожидать от-

вѣта вашей фирмы. Да и переписываться изъ Финляндіи гораздо удобнѣе."

Послѣдняя фраза звучала вродѣ вопроса, но я не счелъ нужнымъ отвѣчать и, простившись со всѣми присутствующими, я вышелъ изъ кабинета.

Въ вестибюль, надѣвая шубу, я нѣсколько задержался, и въ отраженіи зеркала вдругъ замѣтилъ, какъ стоявшій въ корридорѣ Мессингъ, сдѣлалъ знакъ головой и глазами въ мою сторону, и прошелъ къ выходу.

Тутъ же въ вестибюль, почти у дверей я замѣтилъ двухъ человекъ, очень невзрачной внѣшности и почти одинаково одѣтыхъ въ короткія пальто съ каракулевымъ воротникомъ и такихъ же шапкахъ. Я сдѣлалъ видъ, что не замѣчаю ихъ и прошелъ мимо, чувствуя на себѣ противный, колющій взглядъ сыщиковъ.

Когда мой автомобиль двинулся впередъ, то, обернувшись я видѣлъ, какъ оба сыщика вышли изъ подъѣзда, и одинъ изъ нихъ что то оживленно говорилъ своему товарищу, показывая на меня рукой.

Г л а в а 11-я.

Тотъ кто провелъ въ совѣтской Россіи нѣсколько мѣсяцевъ, не станетъ портить себѣ настроеніе, обнаруживъ за собой слѣжку. Агенты Чеки слѣдятъ за каждымъ иностранцемъ и къ этому постепенно привыкаешь. Иногда слѣжка ведется или очень неумѣло или черезчуръ навязчиво, тогда ее начинаешь замѣчать и это раздражаетъ. Я иногда и раньше замѣчалъ за собой сыщиковъ, но, повидимому, слѣжка за мной на улицѣ велась не постоянно, такъ какъ несмотря на мою осторожность и наблюдательность, я не часто обнаруживалъ за собой „лягавыхъ". (прозвище агентовъ Чеки).

Съ момента моего послѣдняго совѣщанія, я сталъ замѣчать усиленное вниманіе ко мнѣ со стороны Чеки.

Въ послѣднихъ числахъ февраля я понемногу привелъ въ ясность всѣ мои личныя дѣла и телеграфировалъ моей фирмѣ, что я въ скоромъ времени выѣзжаю въ Финляндію. Во избѣжаніе нежелательнаго любопытства со стороны Чеки, телеграмма въ Америку была послана изъ Гельсингфорса, куда я

переправилъ по дипломатической почтѣ текстъ телеграммы и письма. Приблизительно въ это же время мой секретарь, инженеръ Копоненъ, рассказывалъ мнѣ, что онъ встрѣтилъ недавно одну свою старинную знакомую даму, которая просила его во имя старой дружбы выручить ее изъ бѣды. По словамъ дамы, ея братъ — служащій совѣтской таможи у совѣтско-финляндской границы, очень выгодно купилъ небольшой ящикъ съ американскими лентами для пишущихъ машинъ, но она боится внезапнаго обыска и потому проситъ Копонена спрятать товаръ „въ той финляндской конторѣ, гдѣ онъ служитъ“, такъ какъ „эти мерзавцы, чекисты, не смѣютъ производить обыска въ домѣ консульства.“

Копоненъ очень резонно отвѣтилъ своей пріятельницѣ, что, во первыхъ, контора принадлежитъ не ему, во вторыхъ, экстерриториальностью пользуется лишь самое помѣщеніе консульства, а отнюдь не весь домъ и, въ третьихъ, ленты для пишущихъ машинъ настолько невинный товаръ, что онъ готовъ выручить даму и временно спрятать ихъ у себя, на своей квартирѣ.

Когда я услышалъ рассказъ Копонена, то очень взволновался, такъ какъ я далеко не раздѣлялъ его мнѣніе, что „ящичекъ“ съ нѣсколькими десятками лентъ для пишущихъ машинъ — невинный товаръ. По моему, это было прежде всего контрабанднымъ товаромъ, а, во-вторыхъ, вся эта исторія съ начала и до конца была, по моему глубокому убѣжденію, самой грубѣйшей формой провокаціи.

Поэтому я въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ потребовалъ, чтобы Копоненъ немедленно уничтожилъ весь „ящичекъ“, и, зная чрезмѣрную мягкость и деликатность Копонена, я предложилъ ему сейчасъ же взять у меня необходимую сумму, чтобы вознаградить его знакомую даму за тотъ убытокъ, который ей причинитъ мое рѣшительное распоряженіе. Копоненъ денегъ не взялъ, такъ какъ не зналъ стоимости лентъ, но сейчасъ же отправился домой съ обѣщаніемъ немедленно все уладить.

Весь остатокъ дня и вечеръ я былъ очень взволнованъ, такъ какъ какое-то смутное чувство говорило мнѣ, что вся эта исторія съ лентами должна имѣть какое-то отношеніе ко мнѣ.

Утромъ слѣдующаго дня, выходя изъ автомобиля, я замѣтилъ у подъѣзда консульства двѣ уже знакомыя мнѣ фигуры сыщиковъ.

Копоненъ меня встрѣтилъ въ конторѣ, какъ и всегда со своей привѣтливой жизнерадостной улыбкой и, шутя, сказалъ мнѣ: „Вы всюду и вездѣ видите провокацію и сыщиковъ. Успокойтесь: я все уладилъ и сохранилъ вамъ деньги. Съ васъ бутылка шампанскаго. Я вчера отвезъ ящикъ обратно къ госпожѣ Л.“

Это извѣстіе меня не особенно успокоило, но отъ бутылки шампанскаго я не отказался съ условіемъ, что Копоненъ самъ сходитъ за ней въ ближайшій магазинъ. Когда Копоненъ, смѣясь, собирался уже идти за виномъ я ему совершенно спокойно сказала: „Когда будете выходить изъ подъѣзда, обратите вниманіе, не торчатъ ли около него двѣ фигуры, и я описалъ, какъ могъ подробнѣе, моихъ сыщиковъ.“

„Когда будете возвращаться, полюбуйтесь на нихъ еще разъ; а когда мы съ вами вмѣстѣ выйдемъ, то мы вмѣстѣ будемъ любоваться ими.“

Когда вино было принесено, то Копоненъ несмотря на игристое шампанское, былъ почему то озабоченъ и больше не подшучивалъ надъ моею „маніей предслѣдованія“...

8-го марта Копоненъ въ контору не явился, а еще черезъ двѣ недѣли удалось выяснить, что онъ арестованъ и находится въ тюрьмѣ Чеки на Шпалерной улицѣ.

* * *

Изчезновеніе Копонена меня чрезвычайно огорчило и обезпокоило. Мое собственное положеніе начинало также внушать мнѣ опасенія, такъ какъ я все больше и больше убѣждался въ томъ, что вся исторія съ Копоненомъ и его арестъ являются лишь предлюдіей моего собственнаго ареста.

Я тщетно старался уяснить себѣ тѣ мотивы, которые такъ привлекли ко мнѣ вниманіе Чеки, но, какъ я ни проанализировалъ всю мою дѣятельность за время моего пребыванія въ совѣтской Россіи, я не нашелъ ни малѣйшаго формальнаго повода, который давалъ бы право даже Чеки меня арестовать. По

миѣнію нѣкоторыхъ моихъ ближайшихъ друзей, мнѣ слѣдовало, какъ можно скорѣй, уѣхать за границу.

Согласно совѣтскихъ правилъ никто не можетъ покинуть предѣловъ совѣтской республики безъ особаго разрѣшенія на выѣздъ. Процедура добычи такого разрѣшенія для иностранцевъ не такъ длительна, какъ для совѣтскихъ гражданъ, но все таки проходить не менѣе трехъ четырехъ дней, пока выполняются всѣ формальности необходимыя для выѣзда за границу.

Такъ какъ въ серединѣ марта истекалъ разрѣшенный мнѣ совѣтскими властями срокъ моего пребыванія въ совѣтскомъ государствѣ, то мой отъѣздъ не могъ возбудить болѣзненной подозрительности Чеки, и никоимъ образомъ не могъ быть поставленъ въ связь съ арестомъ Копонена.

Въ началѣ марта я поручилъ служащему консульства исхлопотать мнѣ разрѣшеніе на выѣздъ изъ предѣловъ совѣтской республики и мой паспортъ былъ отправленъ въ особый отдѣлъ „для иностранцевъ.“

Слѣжка за мной приняла совершенно откровенный характеръ, но наблюденіе велось главнымъ образомъ у дома на Невскомъ проспектѣ. Сыщики, всегда двое, дежурили регулярно у остановки трамвая, какъ разъ противъ параднаго подъѣзда нашего консульства. Изъ окна моей конторы, въ бинокль, я ежедневно разсматривалъ столь знакомыя и опротивѣвшія мнѣ фізіономіи совѣтскихъ пинкертоновъ.

Въ контору я старался ѣздить въ консульскомъ автомобилѣ въ обществѣ консула и служащихъ консульства и такимъ же образомъ я возвращался домой.

При такомъ способѣ было все таки меньше риска исчезнуть внезапно, какъ это часто случается съ жертвами Чеки.

Но я долженъ сказать, что искусство агентовъ Чеки оставляетъ желать многого.

Нѣсколько разъ я проходилъ изъ моей конторы внутреннимъ корридормъ на другой подъѣздъ нашего дома, выходящей на Малую Конюшенную улицу, перпендикулярную къ Невскому. Чуть высунувшись изъ подъѣзда, можно было видѣть, какъ прогуливались мои сыщики у остановки трамвая на Невскомъ.

Улучивъ удобный моментъ, можно было вскочить быстро на извозчика или въ ожидавшій автомобиль, совершенно не возбуждая вниманія наблюдавшихъ за главнымъ входомъ сыщиковъ, пересѣчь Невскій и спокойно ѣхать домой. Однажды одинъ изъ нихъ замѣтилъ меня, когда я на извозикѣ уже поворачивалъ по Невскому въ противоположную отъ консульства сторону. Какъ мнѣ въ то время ни было тяжело, я невольно засмѣялся при видѣ растерянно удивленной глупѣйшей физиономіи одного, и торопливо выхватившаго изъ кармана пальто мою фоторграфію, другого сыщика. Оба тутъ же на улицѣ стали по очереди сравнивать фотографію съ оригиналомъ. А вѣдь эти два совѣтскихъ Пинкертонъ уже съ мѣсяцъ, по крайней мѣрѣ, наблюдали за мной и не знали, что изъ консульства есть два выхода!

У дома на Екатерингофскомъ проспектѣ явнаго наблюденія за мной не было, но это происходило, во первыхъ, потому, что улица эта довольно малолюдная и фигуры сыщиковъ обращали бы на себя вниманіе.

Во вторыхъ, наблюденіе за мной велось, вѣроятно, черезъ кого-либо изъ лицъ, принадлежащихъ къ низшему персоналу служащихъ дома, или членовъ ихъ семействъ, или черезъ прислугу, такъ какъ внѣ всякаго сомнѣнія, Чека позаботилась имѣть своего агента и въ нашемъ домѣ...

Я чувствовалъ себя съ момента ареста Копонена наполовину арестованнымъ, такъ какъ по вечерамъ я не имѣлъ возможности выходить, да и не куда было, ибо я могъ причинить моимъ знакомымъ массу бѣдъ.

Въ серединѣ марта нашему консульству, наконецъ, удалось добиться черезъ народный комиссаріатъ иностранныхъ дѣлъ, что Копоненъ находится въ тюрьмѣ Чеки на Шпалерной улицѣ (бывшій домъ предварительнаго заключенія) въ „особо важномъ отдѣлѣ“ и что ему предъявлено обвиненіе въ военной контрабандѣ, карасмой по совѣтскимъ законамъ отъ трехъ лѣтъ тюремнаго заключенія до смертной казни включительно.

Это было для меня большимъ ударомъ, но я мнѣ, чѣмъ кто-либо, могъ помочь моему товарищу въ его бѣдѣ. Даже, наоборотъ, мое вмѣшательство только

ухудшило бы его положеніе, такъ какъ одинъ Богъ въдасть, въ какихъ только преступленіяхъ ни подозрѣвала меня Чека.

Г л а в а 12-ая.

Почти одновременно съ официальнымъ извѣстіемъ объ арестѣ Копонена, служащій нашего консульства сообщимъ мнѣ, что мое разрѣшеніе на выѣздъ, все время задерживаютъ, причѣмъ задержки не объясняютъ.

Тѣмъ временемъ я успѣлъ войти въ сношенія съ надежными людьми, спеціально занимающимися перевозомъ черезъ границу „живого товара“, т. е. бѣглецовъ изъ совѣтскаго рая. Профессія проводниковъ черезъ границу, въ совѣтской Россіи очень прибыльна, и такихъ проводниковъ великое множество. Они дѣлятся на нѣсколько спеціальностей: зимніе, лѣтніе, сухопутные, морскіе. Нѣкоторые изъ нихъ занимаются одновременно контрабандой, нѣкоторые шпіонажемъ, а нѣкоторые... провокаціей. Самые дорогіе по взимаемой платѣ за переводъ черезъ границу—это тѣ проводники, которые работаютъ исключительно по переводу „живого товара“. Они прекрасно освѣдомлены о дорогѣ, имѣютъ самыя свѣжія свѣдѣнія о пограничныхъ патруляхъ, у нихъ въ разныхъ потайныхъ мѣстахъ заготовлены землянки для временнаго пріюта и они всегда налегкѣ и прекрасно вооружены.

Мартъ на сѣверѣ—мало подходящее время для побѣга, такъ какъ начинаются свѣтлыя ночи и на подмороженномъ мокромъ снѣгу остаются замѣтные слѣды. Но выбирать мнѣ было не изъ чего и надо было попытаться бѣжать. Проводниковъ у меня было двое. Лучшей гарантіей ихъ благонадежности служили имена лицъ, уже переведенныхъ ими въ разное время черезъ границу. Двухъ ихъ бывшихъ кліентовъ я отлично зналъ, и съ однимъ изъ нихъ я до сихъ поръ встрѣчаюсь въ Гельсингфорсѣ.

Въ силу необходимости я долженъ быть кратокъ, такъ какъ одинъ изъ моихъ проводниковъ пока еще живъ...

За два дня до предполагаемаго побѣга, я съ утра притворился больнымъ и лежалъ въ своей ком-

натъ. Какъ только могъ, я постарался, чтобы о моей болѣзни стало извѣстно всему населенію дома. Въ первый день болѣзни я дважды вызывалъ врача, и на второй день опять его вызывалъ черезъ прислугу.

Въ концѣ третьяго дня, сильно волнуясь, я приступилъ къ выполненію моего плана, такъ какъ медлить было нельзя.

Все вышло очень удачно и въ толпѣ у находящагося недалеко отъ нашего дома бывшаго Маринскаго театра, я замель всѣ возможные слѣды.

Точно на мое счастье мела неистово мятель и я съ трудомъ разыскалъ въ условленномъ мѣстѣ того извозчика, который долженъ былъ доставить меня на квартиру, гдѣ меня ждали. Тамъ я переодѣлся въ подходящій для побѣга костюмъ и мы втроемъ на крестьянскихъ саняхъ покатали, несмотря на мятель, рѣзвой рысью. Оба моихъ спутника меня весьма удивили и поселили во мнѣ большое къ нимъ подозрѣніе. Когда я переодѣвался, то переложилъ свой браунингъ изъ кармана шубы въ карманъ полушубка. Одинъ изъ проводниковъ, наблюдавшій за моимъ переодѣваніемъ сказалъ: „Это вы бросьте. У насъ своихъ машинокъ, довольно, а вамъ это совершенно лишнее. Если васъ схватятъ съ оружіемъ—пишите пропало, а безъ оружія еще, можетъ, и подышите“.

Я запротестовалъ, такъ какъ лишній выстрѣлъ никогда не мѣшаетъ въ такихъ случаяхъ.

„Ну, не говорите такъ“,—дѣловито отвѣтилъ мнѣ мой проводникъ, — „вотъ именно, вы всѣ, не „спецы“ (спеціалисты), можете сдѣлать не нужный выстрѣлъ. Съ однимъ такимъ стрѣлкомъ мы чуть не влипли. Впрочемъ, если не вѣрите намъ, такъ мы доставимъ васъ обратно въ городъ, а съ машинкой ни за что не повеземъ. Такое у насъ правило“.

Дѣлать было ничего; я уже сдѣлалъ прыжокъ въ неизвѣстность и, если меня хотѣли предать, то все равно уже выхода не было.

„Чортъ съ нимъ, будь что будетъ“, — и мы покатали...

Въ лѣсу казалось, что мятель подтихла и, слава Богу, совсѣмъ стемнѣло. Валенки мягко ступали по наметанному свѣжему снѣгу. У самой опушки лѣса мы взяли чуть въ сторону и мои проводники разгреб-

ли снѣгъ и кучу хвороста, которой была прикрыта небольшая яма.

Одинъ изъ проводниковъ сошелъ вмѣстѣ со мной въ землянку, а другой, пошептавшись съ товарищемъ, быстрымъ шагомъ пошелъ къ концу опушки и скрылся въ темнотѣ.

Мы должны были ждать его возвращенія, такъ какъ нужно было провѣрить, свободенъ ли путь. Четыре дня тому назадъ, по словамъ проводника, на этомъ участкѣ застрѣлился начальникъ совѣтскаго пограничнаго поста и теперь весь районъ охраняется новой частью, присланной изъ Петербурга.

Происшедшая смѣна пограничниковъ была для насъ съ одной стороны выгодна, такъ какъ новые люди не были хорошо знакомы съ мѣстностью, но съ другой стороны, новый начальникъ могъ установить новые порядки и измѣнить планъ и систему надзора за пограничнымъ участкомъ.

По спокойному виду моего проводника можно было полагать, что все обстоитъ превосходно, но я чувствовалъ себя отвратительно и горячо раскаивался, что не остался въ томъ домѣ у Х., который былъ нашимъ послѣднимъ этапомъ передъ этой лѣсной авантюрой. Я могъ бы прожить тамъ совершенно спокойно 2 дня, предоставивъ проводникамъ изучать новые порядки охраны, вмѣсто того, чтобы сидѣть теперь въ ямѣ въ лѣсу и въ довершеніе всего абсолютно безоружнымъ. Нѣтъ ничего на свѣтѣ ужаснѣе, чѣмъ сознаніе своей незащитности и это чувство еще острѣе, когда рядомъ находится вооруженный товарищъ тѣлохранитель, потому что собственная безоружная незащитность кажется невыносимо унижительной. Я простить себѣ не могъ, что подъ вліяніемъ минуты поддался уговорамъ моихъ проводниковъ и не захватилъ браунинга.

Теперь, сидя въ ямѣ, было во всякомъ случаѣ невозможно исправить эту ошибку, и можно было только сожалѣть о ней, упрекая себя за легкомысліе.

Часы показывали два часа пополудни и, по нашимъ расчетамъ, вскорѣ долженъ былъ вернуться съ рекогносцировки нашъ товарищъ. Подождая еще немного, мы рѣшили выйти изъ нашего убѣжища и продвинуться ближе къ опушкѣ. Сдѣлавъ нѣсколько

шаговъ, мой провожатый рѣшилъ, что мнѣ лучше идти обратно въ землянку и тамъ выждать, такъ какъ все еще мела мятель, и мое присутствіе стѣсняло проводника, желавшаго встрѣтить своего товарища, быть можетъ блуждавшаго около самой лѣсной опушки.

Я просидѣлъ въ землянкѣ не больше получаса, но мнѣ казалось, что время остановилось. Вдругъ на краю ямы показался силуэтъ громадныхъ ногъ, обутыхъ въ валенки и вслѣдъ за этимъ, мой проводникъ спрыгнулъ въ землянку.

„Бѣда, слышали выстрѣлы? Нарвался нашъ Тимофей.“

„Что же теперь дѣлать?“ — спросилъ я, хотя признаться, я никакихъ выстрѣловъ не слышалъ; впрочемъ, слухъ у меня пониженный, и въ землянкѣ, за шумомъ мятели, я могъ и не слышать отдаленной перестрѣлки.

Проводникъ молчалъ, повидимому о чемъ-то крѣпко задумавшись, или къ чему-то прислушиваясь. Наконецъ, онъ рѣшительно поднялся, и сказалъ:

„Думать тутъ нечего и время дорого. Если Тимофея прикончили, такъ скоро начнутъ рыскать по всему участку, а если забрали Тимофея живымъ, то пытаться начнутъ. Онъ хоть и крѣпкій парень, ну, а все таки живой человѣкъ... Давайте скорѣй уходить отсюда“.

Какъ я ни былъ взволнованъ, но я не могъ примириться съ мыслью, что, если Тимофей не пойманъ, то мы его бросаемъ на произволь судьбы. Когда я сказалъ объ этомъ моему проводнику, то онъ иронически усмѣхнулся и проворчалъ, выѣзая изъ ямы:

„Если Тимофей живъ и на свободѣ, такъ онъ теперь отъ насъ будетъ удирать, какъ чертъ отъ ладана. Мы ему теперь только помѣха. Ну, давайте давайте ходу! Идите за мной!“

Въ шестомъ часу утра мы вѣзжали на крестьянскихъ саняхъ въ пригородную часть Петербурга, а часовъ около девяти утра, я, въ моемъ обычномъ костюмѣ, сошелъ съ извозчика на углу Малой Конюшенной улицы и Невскаго. Никѣмъ не выслѣживаемый, и никѣмъ не замѣченный я прошелъ къ себѣ въ контору, черезъ входъ съ Малой Конюшенной улицы.

Въ бинокль, черезъ окно, я имѣлъ возможность раз-
смотреть двѣ знакомыхъ фигуры „Пинкертоновъ“, де-
журившихъ у трамвайной остановки, противъ нашего
подъезда, выходящаго на Невскій проспектъ.

* * *

Не получая никакого опредѣленнаго отвѣта отъ
„иностраннаго отдѣла“ о разрѣшеніи мнѣ выѣхать, я
прибѣгнулъ къ помощи нашего генеральнаго консуль-
ства, которое въ корректной письменной формѣ за-
требовало у совѣтскихъ властей объясненія причинъ,
тормозящихъ выдачу мнѣ въѣздной визы.

2-го апрѣля 1924 года, въ Финляндіи происходили
выборы депутатовъ въ риксдагъ. Зная о моемъ за-
труднительномъ положеніи и желая меня легальнымъ
путемъ переправить за границу, нашъ генеральный
консуль внесъ мою фамилію въ списокъ финляндцевъ,
проживающихъ при консульствѣ, съ просьбой о вы-
дачѣ общаго разрѣшенія всѣмъ, поименованнымъ въ
спискѣ, на кратковременный въѣздъ за границу для
участія въ выборахъ въ Финляндіи. Кромѣ самого ге-
неральнаго консула и перваго секретаря, въ спискѣ
поименованныхъ были еще двѣ-три фамиліи, въ томъ
числѣ и моя.

1-го апрѣля списокъ былъ совѣтскими властями
возвращенъ съ отвѣтомъ, что коллективное разрѣше-
ніе на въѣздъ за границу не можетъ быть выдано и
на выборы могутъ лишь ѣхать лица, имѣющія дипло-
матическіе паспорта, т. е. консуль и его секретарь.

1-го апрѣля уѣхали генеральный консуль и секре-
тарь консульства.

Утромъ того же дня я получилъ повѣстку ниже-
слѣдующаго содержанія: „Государственное Политиче-
ское Управленіе (прим. автора: „Чека“) проситъ васъ
прибыть 2-го апрѣля въ 12 час. дня, въ помещеніе
Управленія, въ комнату № 184, въ качествѣ свидѣтеля
по дѣлу № 12506 ч. п. о. Явка обязательна“. Далѣе
слѣдовали неразборчивыя подписи.

Прочтя эту повѣстку, я сразу понялъ, что моя
игра безнадежно проиграна. Особенно неприятно дѣй-
ствовали эти три буквы: „ч. п. о.“—чрезвычайный по-
литическій отдѣлъ.

Такъ какъ за мной не значилось никакихъ пре-

ступлений и такъ какъ арестованный Копоненъ находился до ареста на службѣ въ моей конторѣ, то для меня было очевидно, что дѣло № 12506 ч. п. о. касается Копонена, т. е. упомянутой мною выше провокаціонной контрабанды. Но почему были прибавлены сакраментальныя буквы ч. п. о.—я не могъ понять, и эти буквы не предвѣщали, во всякомъ случаѣ ничего хорошаго.

Одинъ изъ моихъ друзей, — служащій нашего консульства, знатокъ совѣтскихъ порядковъ, убѣжденно сказала мнѣ, прочтя повѣстку Чеки: „Вы совершенно напрасно волнуетесь, Васъ, они не посмѣютъ арестовать. Это пахло бы большимъ скандаломъ. Ну а какъ вамъ нравится номеръ дѣла, — 12506? Недурно для начала года, да еще только по одному отдѣлу ч. п. о.“

Увѣренный и шуточный тонъ моего пріятеля не очень успокоили меня и я предполагалъ самое худшее. Весь день я приводилъ въ порядокъ мои бумаги и документы: часть я сдалъ на храненіе въ консульство, часть уничтожилъ. Вечеромъ я написалъ своей семьѣ въ Финляндіи, прощальныя письма и передалъ ихъ въ консульство съ просьбой переслать ихъ дипломатической почтой, въ случаѣ моего ареста.

Всякую дальнѣйшую попытку къ бѣгству я оставилъ. Съ меня было достаточно одной неудавшейся авантюры, стоившей человѣческой жизни. Думать о бѣгствѣ надо было мѣсяца 2—3 тому назадъ, такъ какъ организовывать побѣгъ наспѣхъ, — это только зря рисковать чужими и своей жизнями. Впрочемъ были причины еще болѣе важныя, для меня неожиданныя, дѣлавшія мой побѣгъ невозможнымъ. Но объ этомъ здѣсь говорить не время и не мѣсто.

Во всякомъ случаѣ я могъ разсчитывать, что мой арестъ не будетъ долговременнымъ, такъ какъ никакихъ уликъ противъ меня ни въ какихъ преступленіяхъ не могло быть. Единственный случай въ которомъ Финляндское правительство не могло бы меня вытащить изъ тюрьмы, — доказанность моей виновности въ политическомъ или уголовномъ преступленіи.

Такъ говорили здравый смыслъ и логика. Но въ жизни въ особенности, въ совѣтской жизни, событія

складываются далеко не всегда по законамъ логики и здраваго смысла.

Г л а в а 13-я.

2-го апрѣля, позавтракавъ въ полномъ одиночествѣ, въ нашей громадной столовой, я началъ собираться въ близкій, но непріятный путь.

Въ виду возможнаго ареста я предполагалъ взять съ собой небольшой саквояжъ съ необходимыми вещами, но въ самый послѣдній моментъ передумалъ, рѣшивъ, что моя предусмотрительность можетъ возбудить подозрѣніе Чека. свидѣтельствуя о томъ, что я самъ чувствую за собой какую-то вину.

День стоялъ довольно теплый, не болѣе 3-хъ градусовъ мороза, и поэтому я надѣлъ демисезонное пальто, а сверху англійскій дождевикъ съ поясомъ. Въ мой портфель я положилъ бритвенный приборъ, мыло, зубную щетку, гребенку и полотенце, полагая что съ такимъ снабженіемъ я коекакъ проживу 1—2 дня, а потомъ меня „очевидно“ освободятъ. Не болѣе чѣмъ черезъ 2 часа я убѣдился, что ничего нѣтъ очевиднаго въ этомъ лучшемъ изъ міровъ...

Почти у самаго нашего дома стояли сани и старикъ извозчикъ, увидя меня, сразу засуетился на козлахъ, приговаривая: „Па-а-а-жалте, вашъ сіясь! Куда прикажете ѣхать, вашъ сіясь?“

Мрачно усѣвшись въ сани, я бросилъ извозчику короткую, но столь краснорѣчивую для русскаго уха фразу: „На Гороховую. Чека.“

Извозчикъ окинулъ меня испуганно недовѣрчивымъ взглядомъ, и только могъ проговорить: „Эээ—эхъ! Н—ну и дѣла!“

Мы ѣхали по залитымъ апрѣльскимъ солнцемъ улицамъ, въ чуть морозномъ воздухѣ чувствовалась уже весна, а на душѣ у меня тяжелымъ камнемъ лежало предчувствіе, что дни моей свободы сочтены.

У громаднаго зданія на Гороховой улицѣ № 2, я расплатился съ извозчикомъ, который очень сочувственно пожелалъ мнѣ „счастливаго пути“...

* * *

У дверей этого „счастливаго пути“ стоялъ дежурный красноармеецъ въ походной формѣ, и по его

указанію я поднялся въ третій этажъ, по широкой, отполированной до блеска лѣстницѣ.

Мимо сновали съ портфелями молодые люди въ зеленыхъ фуражкахъ и длинныхъ кавалерійскихъ шинеляхъ. Всюду слышенъ былъ звонъ шпоръ, проходили смѣны часовыхъ. Вся обстановка внутренности зданія своей казенной, педантичной чистотой, и эти снующіе во всѣхъ направленіяхъ молодые люди въ щегольской кавалерійской формѣ напоминали не мрачный застѣнокъ, а скорѣе юнкерское училище или главный штабъ войскъ.

У двери комнаты № 184 я остановился и постучалъ. Тотчасъ же дверь открылась, и на порогѣ выросла фигура человѣка среднихъ лѣтъ, средняго роста, съ очень усталымъ, скучающимъ лицомъ. Всего зданія, повидимому, не отапливали, такъ какъ открывшій дверь комнаты № 184 былъ въ свѣтло-зеленой фуражкѣ и наглухо застегнутой длинной кавалерійской шинели.

Приложивъ на моментъ руку къ козырьку фуражки, въ отвѣтъ на мой полупоклонъ, человѣкъ въ шинели спросилъ меня: „Финляндскій гражданинъ Борисъ Леонидовичъ Седерхольмъ?“, и на мой утвердительный отвѣтъ, онъ опять отковырнулъ, и, мягко звякнувъ шпорами, произнесъ: „Слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ Фомины. Пожалуйста, входите и присаживайтесь къ столу. Намъ необходимо съ вами поболтать немного.“

Комната была небольшая, съ двумя американскими столами, и нѣсколькими стульями такого же типа. На стѣнахъ висѣли портретъ Ленина и таблицы какихъ-то правилъ или постановленій. За однимъ изъ столовъ сидѣлъ какой-то человѣкъ въ военной формѣ и что-то писалъ, не удостоивъ меня даже взглядомъ.

Я усѣлся у стола Фомина, и замѣтилъ, что писавшій человѣкъ разсматриваетъ меня изподтишка.

Порывшись въ бумагахъ и немного помолчавъ, Фомины бросилъ на меня острый взглядъ и спросилъ: „Вы хорошо говорите по-русски?“, на что я отвѣтилъ, что говорю по-русски безукоризненно.

„Тогда мы съ вами моментально договоримся,

сказалъ Фоминь. — „Вы, вѣроятно, знаете, почему мы васъ побезпоконли?“

— „Нѣтъ, не знаю,“ отвѣтилъ я.

Фоминь недовольно сморщился, а сидѣвшій за другимъ столомъ чекистъ, ехидно улыбулся.

„Ну, будто бы не знаете?“ спросилъ насмѣшливо Фоминь. „Вы вѣдь образованный человѣкъ, и не станете, какъ какой нибудь мужикъ, упираться: „не знаю да не знаю.“ Неужели вы не догадываетесь?“

Я началъ терять терпѣніе и рѣзко сказалъ: „Будьте любезны избавить меня отъ догадокъ, и назовите мнѣ причину, почему вы меня сюда вызвали?“

Скучное лицо Фомина, какъ будто повеселѣло, и, порывшись въ ящикъ стола, онъ вытащилъ оттуда и положилъ передо мной фотографическую карточку какой-то дамы среднихъ лѣтъ, и какого-то господина съ окладистой черной бородой. Я съ искреннимъ удивленіемъ и любопытствомъ посматрѣлъ на эти карточки, совершенно неизвѣстныхъ мнѣ лицъ. Не успѣлъ я сказать, что эти лица мнѣ совершенно не знакомы, какъ Фоминь протянулъ мнѣ третью фотографическую карточку. Это былъ портретъ Копонена.

Совершенно спокойно я посматрѣлъ на Фомина и сказалъ: „Это мой служащій, инженеръ Копонень“.

Мой отвѣтъ окончательно развеселилъ Фомина. Похлопывая рукой по портрету неизвѣстной мнѣ дамы и бородатаго господина и показывая головой на портретъ Копонена, онъ спросилъ: „Скажите пожалуйста, что вамъ извѣстно объ отношеніяхъ Копонена къ этимъ двумъ лицамъ? Вамъ извѣстно, какія дѣла онъ имѣлъ съ ними?“

„Нѣтъ, не извѣстно“.

„Въ такомъ случаѣ, разъ вы упираетесь, я обязанъ прочесть вамъ статью уголовно-процессуальнаго кодекса, изъ которой вы увидите, какое наказаніе вамъ угрожаетъ за отказъ дать добровольно свидѣтельское показаніе“. Съ этими словами Фоминь прочиталъ мнѣ нижеслѣдующее законоположеніе:

„Всякое лицо, привлеченное соотвѣтствующими судебными властями, или розыскными органами къ допросу, обязано дать чистосердечныя, подробныя показанія по всѣмъ вопросамъ, относящимся къ выясненію даннаго преступленія. Неисполненіе сего поста-

новленія карается тюремнымъ заключеніемъ на срокъ отъ шести мѣсяцевъ до одного года. Лица, коимъ извѣстно о совершенномъ преступленіи, обязаны немедленно довести объ этомъ до свѣдѣнія розыскныхъ органовъ власти. Неполненіе сего карается тюремнымъ заключеніемъ отъ трехъ лѣтъ и выше“.

Прочтя это постановленіе Фоминь освѣдомился хорошо ли понялъ смыслъ прочитаннаго, и на мой утвердительный отвѣтъ, сказалъ:

„Вы видите, что въ вашихъ интересахъ говорить правду. Въ противномъ случаѣ я долженъ написать ордеръ о вашемъ арестѣ“.

Теперь было совершенно очевидно, что вся исторія съ Копоненомъ, была дьявольскимъ планомъ, придуманнымъ Чекой для возможности моего ареста. Я попалъ въ заколдованный кругъ, изъ котораго выхода не было. Если я скажу, что я знаю о той жалкой контрабандѣ, которую пытались навязать Копонену, то меня арестуютъ за доношительство. Если я скажу, что я ничего не знаю о дѣлахъ Копонена, то меня арестуютъ за нежеланіе дать свѣдѣтельское показаніе

„Ну съ, какъ же будетъ, гражданинъ Седерхольмъ? Угодно вамъ давать показанія?“

„Мнѣ ничего неизвѣстно о частной жизни моего служащаго Копонена. Я ничего не могу сообщить вамъ интереснаго“.

„Очень жаль, что вы упираетесь. А еще такой образованный человекъ. Ничего не подѣлаешь—я обязанъ васъ взять подъ стражу. Посидите, подумайте, можетъ быть и вспомните что-нибудь“.

Съ этими словами Фоминь взялъ какой-то печатный бланкъ и сталъ его заполнять.

Не преслѣдуя никакой реальной цѣли, а больше для очистки совѣсти, я счелъ нужнымъ сказать: „То, что вы дѣлаете это неслыханный произволь, и вы не имѣете права взять меня, совершенно невиннаго человека, иностранца, подъ стражу. Вы берете на себя большой рискъ, такъ какъ о моемъ арестѣ будетъ немедленно извѣстно финляндскому правительству“.

Я зналъ, что вся эта моя тирада не стоитъ въ глазахъ Фомина, выѣденнаго яйца, но надо было протестовать, хотя бы изъ принципа.

Сверхъ всякаго ожиданія, Фоминь мнѣ отвѣтилъ съ подчеркнутой любезностью: „Когда ваше правительство насъ запроситъ о причинѣ вашего ареста, то мы его увѣдомимъ, что вы замѣшаны въ дѣло военной контрабанды, и я сомнѣваюсь, чтобы любое правительство на свѣтѣ, даже буржуазное, поощряло бы занятіе контрабандой. А вы какого мнѣнія объ этомъ?“ и Фоминь взглянулъ на меня, лукаво прищурившись.

Тутъ я потерялъ всякое самообладаніе, и внѣ себя, стуча кулакомъ по столу, я началъ говорить, почти крича: „Какъ вы смѣете говорить мнѣ подобныя вещи? Сначала докажите мнѣ, что я имѣю хоть какое какое-нибудь отношеніе ко всей этой вашей провокаторской контрабандѣ. Вы почти четыре мѣсяца, по какимъ-то вашимъ чертовымъ соображеніямъ ищите случая арестовать меня. Вы думаете, я не видѣлъ за собой слѣжки? Вы можете тысячу разъ обвинять меня въ какихъ угодно преступленіяхъ, ни одинъ дуракъ не повѣритъ этимъ обвиненіямъ.

Фоминь меня прервалъ, говоря: „Вы напрасно волнуетесь. О какой провокаціонной контрабандѣ вы изволили только что сказать?“

Тутъ только я замѣтилъ, что сгоряча, я почти проговорился и едва не выдалъ бѣднаго Копонена. Овладевъ собой, я, уже совершенно спокойно сказалъ: „Я говорю о той контрабандѣ, которую вы пытаетесь мнѣ навязать въ обвиненіе. Разъ это исходитъ отъ Чеки, то это не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ провокаціей“.

„Мы съ вами, гражданинъ Седерхольмъ, еще побесѣдуемъ по этому поводу, а пока будьте любезны подписаться подъ этимъ протокольчикомъ“ и Фоминь протянулъ мнѣ, заполненный имъ печатный бланкъ.

На бланкѣ значилось, приблизительно слѣдующее: „Я, уполномоченный Петербургской Чеки, слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ Фоминь, постановилъ на основаніи ст. ст. Угол. Проц. кодекса С.С.С.Р., взять финляндскаго гражданина Б. Л. Седерхольма подъ стражу, избравъ это мѣрой пресѣченія, такъ какъ гражданинъ Седерхольмъ отказался дать чистосердечное показаніе по дѣлу № 12506 ч. п. о.“

Разумѣется, я отказался подписать эту возмути-

тельную чушь, насмѣшку надъ правосудіемъ и надъ человѣческимъ достоинствомъ.

„Какъ вамъ угодно“, — сказала Фоминь, пожимая плечами и, позвонивъ, онъ отдалъ распоряженіе явившемуся ординарцу, кого-то позвать. Вскорѣ въ комнату вошли два молодыхъ человѣка, одинъ въ штатскомъ, другой въ военной формѣ. Обратившись къ нимъ, Фоминь еще разъ прочталь мнѣ громко протоколъ, и сказала, указывая на меня: „Этотъ гражданинъ не желаетъ подписать протоколъ. Потрудитесь засвидѣтельствовать, что протоколъ ему прочтенъ въ вашемъ присутствіи“.

Молодые люди подписали протоколъ и тотъ, что былъ въ военной формѣ, обратившись ко мнѣ сказалъ: „Идите впереди меня“, и вынувъ свой револьверъ изъ кобуры, ловко обшарилъ мои карманы и пропустилъ меня впередъ. Мой портфель онъ взялъ въ другую руку и мы пошли по безконечнымъ корридорамъ. Всюду встрѣчалось много различныхъ молодыхъ людей въ формѣ и въ штатскомъ платьѣ, но на насъ никто не обращалъ никакого вниманія.

Войдя въ очень большую, полутемную комнату съ телефоннымъ коммутаторомъ и скамьями вдоль стѣнъ, мой провожатый крикнулъ: „Конвойнаго начальника, принять арестованнаго“.

Къ намъ подошелъ, повидимому, вахмистръ или фельдфебель, судя по значкамъ на воротникѣ шинели, и принялъ отъ моего провожатаго какіе-то документы, мой портфель и... меня самого.

Ощупавъ опять мои карманы, и обшаривъ содержимое портфеля, вахмистръ сказалъ мнѣ: „Пѣшкомъ пойдете, или желаете ѣхать на извозчикъ? У васъ деньги есть?“ Я сказала, что деньги есть и что я хочу ѣхать на извозчикъ. „Сколько у васъ денегъ? Покажите“. Увидѣвъ, что денегъ достаточно, чтобы заплатить за извозчика, и что убытка казнѣ я не причиню, вахмистръ вызвалъ двухъ солдатъ, передалъ имъ документы, портфель и меня, подъ росписку, и мы двинулись опять корридорами къ выходу на улицу.

Я пошелъ посрединѣ, впереди и позади меня шли конвоиры съ револьверами въ рукахъ. Садясь въ извозничью пролетку, старшій изъ конвоировъ приказалъ извозчику ѣхать на Шпалерную улицу, въ

тюрьму особаго назначенія (бывшій домъ предварительнаго заключенія).

На веселыхъ, по весеннему улицахъ сновала публика, бойко пованивали трамваи, трещали автомобили, а въ душѣ моей эта, еще вчера казавшаяся мнѣ такой жалкой, запуганной и обнищавшей жизнью совѣтскаго города, претворялась въ праздникъ счастливыхъ, свободныхъ людей.

Все на свѣтѣ относительно, и когда ѣдешь въ тюрьму въ обществѣ конвоировъ съ револьверами въ рукахъ, то даже жизнь совѣтскаго обывателя кажется свободой.

Подъѣзжая къ громадному пятиэтажному зданію тюрьмы, у меня сжалось сердце, когда я взглянулъ на забранныя рѣшетками маленькія окна, на голубое небо и на залитую солнцемъ, покрытую снѣгомъ улицу съ весело чирикающими воробьями.

Суждено ли мнѣ когда либо выбраться живымъ изъ тюрьмы и изъ этой страны? Что тамъ теперь на родинѣ? Увижу ли я когда нибудь мою семью и друзей? Ахъ, въ какую дурацкую исторію я впутался!

Извозчикъ остановился у воротъ тюрьмы. Пока я расплачивался съ извозчикомъ, одинъ изъ конвойныхъ позвонилъ у воротъ. Калитка открылась и тюрьма проглотила меня.

14-я глава.

Комната, гдѣ принимаются прибывающіе въ тюрьму арестованные, помѣщается во второмъ этажѣ.

Дежурный по тюрьмѣ, въ тюремной формѣ Чеки, при шашкѣ и револьверѣ, пробѣжалъ наскоро, переданные ему моимъ конвоиромъ документы, и далъ мнѣ для заполнения анкетныя листы.

Пока я вписывалъ въ анкету свое имя, годъ и мѣсто рожденія, подданство и т. п., въ комнату все время приводили и уводили разныхъ арестованныхъ. Я былъ въ то время очень взволнованъ и смутно помню всѣ детали этихъ моихъ первыхъ минутъ въ тюрьмѣ. Большинство арестованныхъ, судя по внѣшнему виду и манерамъ принадлежали къ интеллигентному классу.

Какъ я ни былъ взволнованъ, но всеже очень внимательно просмотрѣлъ анкету, и замѣтилъ въ ней вопросы:

а) Въ чемъ обвиняетесь?

б) Врученъ ли обвинительный актъ?

я провель противъ вопросовъ черту. Когда дошла очередь до меня, то конвоирь подвель меня къ дежурному. Послѣдовалъ опять самый тщательный обыскъ. Отобрали деньги, часы, безопасную бритву, но выдали на отобраанные деньги и вещи квитанцію.

Просматривая анкету, дежурный спросил меня, почему я не указаль причины ареста. Я на это отвѣтилъ, что не знаю истинныхъ причинъ моего ареста.

„Ну, ничего. Скоро узнаете“, успокоительно сказалъ дежурный, и отдалъ приказаніе какому-то мальчику лѣтъ 15-16-ти, въ полувоенной формѣ, куда-то меня отвести. Изъ корндора, направо вела лѣстница, по которой мы спустились внизъ, пройдя черезъ рѣшетчатую дверь съ часовымъ. Внизу, мы прошли еще одинъ караульный постъ у рѣшатчатой загородки, и пошли очень длиннымъ корридоромъ, въ которомъ царилъ полумракъ. Было очень холодно. Изъ этого корридора мы спустились нѣсколько ступеней внизъ и повернули налѣво. Передо мною открылась перспектива очень длиннаго корридора, и такого высокаго, что его потолокъ терялся въ сумракъ. По правой сторонѣ были два окна съ затемненными стеклами, а по лѣвой сторонѣ тянулся безконечный рядъ дверей окванныхъ желѣзомъ. Надъ рядомъ дверей перваго этажа, вѣрнѣе полуподвального, шель другой рядъ такихъ же дверей, надъ ними слѣдующій, и т. д. Всего пять этажей. Каждый этажъ отдѣлялся довольно узкой желѣзной галлереей, со сквозными перилами. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ съ галлерей спускались внизъ узкія желѣзныя лѣстницы. Въ корридорѣ стояла гробовая тишина и наши шаги раздавались эхомъ въ этомъ чудовищно громадномъ каменномъ ящикѣ.

„Примите арестованнаго“, бойко выкрикнулъ мой провожатый.

По лѣстницѣ сбѣжалъ внизъ, маленькій, худой человекъ въ подпоясанной ремнемъ сѣрой солдатской шинели, и повель меня на третью галерею. Въ небольшой комнатѣ, похожей на кладовую, безъ оконъ, горѣла тускло электричеекая лампочка и по стѣнамъ на полкахъ лежалъ всякій хламъ. Подъ лампой за

столомъ сидѣлъ какой-то пожилой человекъ въ тюремной формѣ. Онъ равнодушно взглянулъ на меня сквозь круглыя, роговыя очки, взялъ отъ надзирателя документы и молча сталъ ихъ просматривать.

„Раздѣвайтесь!“, сказалъ онъ мнѣ такимъ тономъ, какъ обыкновенно говорятъ врачи. Я снялъ дождевикъ и пальто и выжидательно на него посмотрѣлъ.

„Нѣтъ, нѣтъ, совершенно раздѣвайтесь до гола“.

„Для чего?“ спросилъ я удивленно. — „А для того уважаемый, что я обязанъ васъ подробно обыскать. Поняли?“

Холодъ былъ чертовскій въ этой кладовой, и старикъ, какъ нарочно, ужасно медленно и детально прощупывалъ всѣ швы моего платья, бѣлья и даже оторвалъ внутреннія стельки въ ботинкахъ. Окончивъ осмотръ, старикъ равнодушно сказалъ: „Одѣвайтесь. подтяжки галстукъ, оставьте тутъ“.

Кое какъ одѣвшись, я въ сопровожденіи корридорнаго надзирателя спустился внизъ въ полуподвальный этажъ и передъ дверью № 27 мы остановились. Со звономъ и трескомъ надзиратель открылъ дверь и, указывая кивкомъ головы на камеру, отрывисто сказалъ:

„Входите“.

Дверь закрылась и дважды со звономъ повернулся въ замкъ ключъ.

Въ первый разъ въ своей жизни я оказался подъ замкомъ въ каменномъ мѣшкѣ, и чувство у меня было такое, что все происшедшее казалось только началомъ моихъ бѣдъ.

Камера была очень грязная, насколько можно было разсмотрѣть при слабомъ свѣтѣ, проникавшемъ сквозь запыленное подвальное окно съ толстой желѣзной рѣшеткой. Асфальтовый полъ былъ совершенно скрытъ подъ толстымъ слоемъ грязи и всѣ стѣны были исписаны и разрисованы.

Вдоль стѣны на право была привинчена желѣзная рама съ переплетенными желѣзными волосами. Повидимому, это должно было служить постелью. Напротивъ койки у противоположной стѣны былъ привинченъ желѣзный столъ и такое же сидѣніе. Немного впереди стола былъ вдѣланъ въ стѣну маленькій умывальникъ очень страннаго устройства: для того, чтобы

изъ крана потекла вода, надо было лѣвой рукой все время нажимать на длинный деревянный рычагъ. Дальше умывальника въ углу помѣщалось сидѣнье съ водопроводомъ.

Между умывальникомъ и столомъ я замѣтилъ вертикально стоящій очень тонкій и длинный радиаторъ парового отопления. Увы, радиаторъ былъ холодный, какъ ледь.

Въ камерѣ былъ невыносимый холодъ и я такъ промерзъ, во время обыска, что у меня дрожали челюсти. Было, вѣроятно, уже около четырехъ часовъ дня. Я, по своей тюремной неопытности, все ждалъ, что ктонибудь сейчасъ придетъ, откроетъ отопленіе и принесетъ матрацъ и одѣяло. Но прошла часъ и никто не являлся. Среди гробовой тишины иногда слышно было, какъ въ корридорѣ звенѣли ключами, хлопали дверями или раздавался крикъ, точно изъ граммофоннаго рупора: „Примите арестованнаго“.

Чтобы согрѣться, я бѣгалъ по камерѣ, размахивалъ руками, пока не покрывался весь испариной. Тогда садился передохнуть на желѣзное сидѣнье, которое было холоднѣе льда.

О, этотъ проклятый холодъ! Я его благославляю теперь потому, что именно ему и другимъ физическимъ пыткамъ я обязанъ тѣмъ, что я сохранилъ рассудокъ. Физическія страданія были настолько невыносимы, что моральныя ощущенія притупились. Посидѣвъ не больше 15 минутъ, надо было опять начинать бѣготню сначала до новой испарины, и такъ все время. Слышно было, какъ въ камерѣ надо мной, также бѣгалъ, стуча каблуками какой-то несчастный узникъ.

Наконецъ совершенно обезумѣвъ отъ холода, я рѣшилъ вызвать когонибудь и сталъ стучать ногой и кулакомъ въ дверь.

Маленькая форточка, закрывающая отверстіе продѣланное въ серединѣ двери для подачи пищи заключеннымъ, съ шумомъ открылась и въ четырехульное отверстіе просунулась голова корридорнаго надзирателя. „Что вы такъ шумите гражданинъ? Надо тихо благородно сидѣть. Чего вамъ надо?“ — „Дайте мнѣ одѣяло и постель и пустите отопленіе“.

Голова удивленно вытаращила на меня глаза и совершенно неожиданно искренно засмѣялась. „Да,

что вы гражданинъ, въ гостинницѣ вы, что ли? Отпленія не полагается здѣсь — это „особый ярусъ“. Одѣяла никому не даютъ. Матрацъ, когда управлюсь принесу“.

Форточка захлопнулась. И такъ выходило, что меня посадили въ особый ярусъ, и я долженъ былъ ожидать къ себѣ самого звѣрскаго отношенія. Одинъ, въ каменномъ ящикѣ, внѣ закона и въ полномъ распоряженіи Чеки. Что предпринять? Что можно предпринять среди этихъ голыхъ каменныхъ стѣнъ? Въ головѣ путались мысли. Но внутри все застывало и опять безконечная бѣготня на пространствѣ шести шаговъ въ длину и трехъ въ ширину.

Въ камерѣ совсѣмъ стемнѣло; ноги подкашивались отъ усталости, потъ отвратительно холодилъ шею и короткій отдыхъ на желѣзномъ холодномъ сидѣнье, когда приходилось опираться на покрытую инеемъ стѣнку, не давалъ облегченія.

Вѣроятно около 7-ми часовъ, форточка открылась и надзиратель протянулъ мнѣ жестяную, заржавленную миску, обломанную деревянную ложку и кусокъ чернаго хлѣба.

Бствъ совершенно не хотѣлось. Черезъ нѣсколько минутъ, опять форточка открылась и со словами: „ужинъ“, надзиратель протянулъ руку за миской. Вся миска, почти до краевъ была наполнена отвратительно пахнущей сѣрой жидкой массой. — насколько я могъ рассмотреть, ставъ на сидѣнье W. C. и поднеся миску къ еле освѣщенному окну. Все содержимое я вылилъ немедленно въ W. C. и нѣсколько разъ спустилъ воду, чтобы избавиться отъ мерзкаго запаха гнилой трески и прогорклаго подсолнечнаго масла. Минутъ черезъ двадцать, мнѣ дали черезъ форточку большую жестяную кружку, со словами: „кипятокъ“. Это было кстати. Кипятокъ обжигалъ губы, но внутри, по всему тѣлу, разливалась пріятная теплота. Сдѣлавъ нѣсколько глотковъ, я поставилъ кружку на столъ, желая немного остудить кипятокъ. Въ камерѣ стало совершенно темно. Поднося кружку ко рту, я замѣтилъ что она сдѣлалась необычайно легкой: оказалось что кружка была дырявой и весь кипятокъ изъ нея вытекъ.

Часовъ въ девять вечера загремѣлъ дверной замокъ, въ камерѣ зажгась электрическая лампочка и

надзиратель принесть соломенный матрацъ, вѣрнѣе — большой мѣшокъ набитый соломой. Было бы лучше, если бы онъ не зажигалъ свѣта, такъ какъ матрацъ оказался такимъ грязнымъ, что меня брало отвращеніе при мысли о ночлегѣ. Подушки не было. Выключивъ свѣтъ, надзиратель вышелъ, щелкнувъ замкомъ.

Моей первой ночи въ тюрьмѣ не стоитъ посвящать строкъ, такъ какъ все, что я не написалъ бы, — будетъ блѣдно. Всю ночь я только и дѣлалъ, что періодически бѣгалъ по камерѣ, падая иногда отъ усталости на грязный, зловонный матрацъ, и натянувъ дождевикъ на голову, старался согрѣться собственнымъ дыханьемъ. Такъ я забывался короткимъ полусномъ. Иногда въ ночной тишинѣ коридора слышались истерическіе крики; всю ночь, то тамъ, то тутъ, хлопали дверьми, и неоднократно раздавалось металлическое: „Примите арестованнаго“. За время моей долгой морской службы мнѣ пришлось много пережить всевозможныхъ приключеній, но этой моей первой ночи въ тюрьмѣ, мнѣ никогда не забыть.

Часовъ около шести утра, дверь камеры открылась и, протягивая мнѣ тощую метлу, надзиратель сказалъ: „уборка“. Повидимому, произнесеніемъ этого короткаго слова уплачивалась вся дань гигиенѣ, такъ какъ не успѣлъ я сдѣлать нѣсколькихъ взмаховъ метлой, какъ надзиратель сказалъ: „Хватить. Не на баль“.

Немного спустя раздали хлѣбъ и разнесли кипятокъ. Несмотря на мою просьбу, кружки мнѣ не замѣнили, и пришлось залѣпить дырки хлѣбнымъ мякишемъ. Благодаря этому, все таки удалось выпить четверть кружки. Чтобы не смѣшить больше надзирателя, я не задавалъ больше вопросовъ о сахарѣ или чаѣ, такъ какъ, очевидно, здѣсь этого не полагалось. Послѣ кипятку я не много отошелъ, и принялся отъ скуки читать, при тускломъ свѣтѣ, стѣнную литературу. Среди надписей, датированныхъ послѣ 1917 года, было мало утѣшительнаго.

„Сообщите на Ивановскую улицу. 24, роднымъ, что докторъ Алтуровъ разстрѣлянъ“.

„Сергѣй. Иванъ и Прохоръ Храповы пошли на лѣво. Сообщите Курскъ, Петровская улица 40“ и т. д... Такихъ надписей я прочелъ множество. Ими были

испещрены всѣ стѣны. Датированы онѣ отъ 1918-го года до 1-го апрѣля 1924-го года, т. е. послѣдняя надпись была сдѣлана за 1 день до моего вселенія въ камеру № 27. Эта послѣдняя надпись была нацарапана на подоконникѣ, кускомъ проволоки отломанной отъ ручки. Потомъ немного спустя, я нашелъ въ углу этотъ кусочекъ проволоки. Вышеприведенные мною два образчика надписей я воспроизвелъ на-память и возможно, что въ адресахъ я ошибся. Послѣднюю надпись я помню совершенно отчетливо. Вотъ она: „Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Архимандритъ Александро-Невской Лавры Антоній сегодня въ ночь долженъ быть разстрѣлянъ за отказъ взять на свою душу тяжкій грѣхъ. Прости имъ Господи — не вѣдаютъ, что творять. Добрые люди, сообщите братіи. Покидаю земную юдоль съ миромъ въ душѣ.“

Надписи чередовались изображеніями крестовъ подъ которыми стояли даты и имена. Въ переднемъ углу камеры, химическимъ карандашомъ, былъ нарисованъ образъ Св. Серафима Саровскаго. Нарисованъ былъ этотъ образъ трогательной, наивной, неумѣлой рукой, но всѣ детали рисунка были тщательно выполнены и внизу была подпись: „Образъ этотъ рисовала раба Божья Екатерина и думала о своихъ дѣточкахъ, которыя молятся за свою маму святому Угоднику Божьему. Январь 1924 года.“

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ на стѣнахъ и на подоконникѣ были изображены клѣтки съ размѣщенными съ нихъ пятью рядами буквъ алфавита. Подъ одной изъ такихъ клѣтокъ, рука какого-то альтруиста, написала инструкцію, какъ пользоваться этой азбукой для переговоровъ черезъ стѣнку, при помощи перестукиванія.

Отъ скуки, между бѣготней по камерѣ, я началъ изучать нумерацію буквъ и практиковаться въ составленіи разныхъ словъ цифрами. Положеніе каждой буквы опредѣляется двумя однознанными числами, причемъ первое число означаетъ положеніе буквы въ горизонтальномъ ряду, а второе число отвѣчаетъ положенію буквы въ вертикальномъ столбцѣ. Конецъ каждаго слова обозначается дробнымъ стукомъ-трелью.

Эта азбука существуетъ во всѣхъ русскихъ по-

литическихъ тюрьмахъ, и, точно предчувствуя, какъ она мнѣ пригодится впоследствии, я рѣшилъ выучить ее, какъ можно скорѣе.

Какъ характерно отличается содержаніе надписей до-революціонной эпохи, отъ надписей современныхъ. Насколько послѣднія проникнуты мистикой, тяжелыми душевными переживаніями покорностью судьбъ, настолько содержаніе дореволюціонныхъ надписей свидѣтельствуетъ о совершенно иномъ настроеніи ихъ авторовъ. Это понятно, такъ какъ до 1917 года контингентъ заключенныхъ въ преобладающемъ большинствѣ состоялъ изъ лицъ аморальныхъ и преступныхъ, выражавшихъ свои вкусы и настроеніе въ скабрзныхъ, шуточныхъ надписяхъ и порнографическихъ рисункахъ. Немногіе политическіе заключенные, составляли очень небольшую группу единственной интеллигенціи въ тюрьмѣ и надписи ихъ говорятъ о молодомъ задорѣ, бравадѣ и непримиримости. И это тоже понятно, такъ какъ энтузіазмъ молодости подогрѣвался идейной борьбой, хотя вопли фрондеровъ въ правительственномъ произволѣ и жестокостяхъ были большимъ преувеличеніемъ. Сомнѣвающихся въ этомъ я рекомендовалъ бы пережить хотя бы сотую долю того, что пришлось пережить и увидѣть мнѣ въ союзѣ совѣтскихъ социалистическихъ республикъ.

Г л а в а 15-ая.

Около девяти часовъ утра въ камеру вошелъ дежурный отдѣленный начальникъ, но не тотъ старикъ, который меня такъ подробно обыскивалъ, а молодой, высокаго роста съ привѣтливымъ лицомъ. Повидимому, произошла смѣна дежурствъ, такъ какъ и надзиратель былъ новый, также очень привѣтливый.

Отдѣленный поздоровался со мной и шуточно сказалъ: „съ новосельемъ!“ Ну, ничего: не надо унывать, навѣрное скоро выпустятъ.“

— „Скоро ли выпустятъ я не знаю, а пока выпустятъ, здѣсь можно подохнуть отъ холода. Нельзя ли меня перевести въ болѣе теплое помѣщеніе?“

— „Это отъ меня не зависитъ. Моя обязанность сторожить васъ.“ — Отдѣленный и надзиратель ушли.

Немного спустя открылась форточка и просунулась голова надзирателя.

„Вы что же, навѣрное не русскій? Изъ какихъ жѣсть?“ Я удовлетворилъ любопытство надзирателя, и, предлагая ему папиросу, пожаловался на холодъ, на грязный матрацъ и на дырявую кружку.

„Ладно, ужъ какънибудь устроимъ.“ Съ этими словами, надзиратель открылъ дверь и забравъ грязный матрацъ и всю мою несложную сервировку ушелъ.

Часа черезъ полтора у меня было два соломенныхъ матраца, одинъ совсѣмъ свѣжій и толстый, а другой уже, видимо, старый, такъ какъ онъ былъ сильно спресованъ. По совѣту моего добраго генія я, прикрылъ новымъ старый матрацъ, во избѣжаніи недоразумѣній при обходѣ надзирателя.

Хорошій человекъ былъ этотъ надзиратель и если бы не онъ, Богъ вѣдаетъ, какъ могъ бы я выдержать долгое пребываніе въ этой камерѣ — рефрижираторѣ.

До самаго обѣда я лежалъ, накрывшись матрацомъ, завернувшись въ пальто и натянувъ на голову дождевикъ.

Обѣдъ былъ не лучше вчерашняго ужина, но на этотъ разъ вонючая треска была сварена не съ грязной крупой, а съ гнилой капустой и картофелемъ. Проглотивъ двѣ-три ложки этой удивительной мерзости, я остальное опять вылилъ. Когда принесли кипятокъ, я съ наслажденіемъ выпилъ съ хлѣбомъ всю кружку, согрѣлся и накрывшись матрацемъ заснулъ.

Ужина я опять не ѣлъ, а выпилъ кипятку и съѣлъ хлѣбъ. Чувствовалъ я себя совершенно разбитымъ и морально, и физически.

Такъ прошло три дня. За это время я успѣлъ прочитать всѣ надписи на стѣнахъ, въ совершенствѣ изучилъ тюремную телеграфную азбуку и отчасти ознакомился съ тюремными порядками. Больше всего я страдалъ морально и отъ холода. Благодаря тому, что я не могъ пересилить отвращенія къ тюремной ѣдѣ, и принужденъ былъ довольствоваться хлѣбомъ и кипяткомъ, истощенный организмъ острѣе чувствовалъ холодъ и второй матрацъ мало согрѣвалъ.

Среди ночи въ исходѣ третьихъ сутокъ я былъ

разбужденъ шумомъ открываемой двери и надзиратель, читая по запискѣ, которую держала въ рукахъ какая-то довольно нарядно одѣтая женщина, спросилъ: „Финляндскій гражданинъ Борисъ Леонидовичъ Седергольмъ? Да?“ — „Да. Это я.“

„Идите на допросъ“ —

По длиннымъ корридорамъ нѣсколько разъ повернувъ и поднявшись по лѣстницѣ, моя провожатая привела меня въ небольшой корридоръ, въ которомъ было очень тепло. Въ корридоръ выходило нѣсколько дверей. У одной изъ дверей женщина постучала и получивъ отвѣтъ, знакомъ предложила мнѣ войти.

Комната была очень маленькая, со стѣнами, обитыми пробкой и вся меблировка заключалась въ столъ и двухъ стульяхъ.

За столомъ сидѣлъ Фомино, одѣтый въ довольно приличный штатскій костюмъ. Во взглядѣ Фомина я прочелъ молчаливый вопросъ: „Ну, что, сбавили мы съ васъ спѣси?“ Отвѣтивъ на полупоклонъ Фомина я, по его приглашенію, сѣлъ напротивъ него и нѣкоторое время царилъ молчаніе. Наконецъ, Фомино заговорилъ.

— „Ну такъ, какъ же? Признаете вы себя виновнымъ?“

— „Въ чемъ?“

— „Вы сами знаете, въ чемъ. Въ томъ, что зная о преступной дѣятельности гражданина Копонена, вы не только не донесли о ней надлежащимъ властямъ, но способствовали дѣятельности шайкѣ, занимающейся военной контрабандой“.

— „Я уже сказалъ вамъ, что я совершенно не знаю частной жизни Копонена“.

— „Ну, а если я вамъ покажу сейчасъ письменное показаніе Копонена, что вы тогда скажете“.

— „Скажу, что это наглая ложь и что я требую очной ставки съ Копоненомъ“.

— „Напрасно вы упираетесь. Вотъ Копоненъ уже завтра можетъ быть выйти на свободу до суда. Ну, а вамъ придется пока посидѣть. Желаете говорить?“

— „Я уже вамъ сказалъ, что мнѣ не о чемъ съ вами говорить и ничего общаго у меня нѣтъ съ провокаціей и контрабандой“.

„Какъ вамъ угодно.“

„Могу ли я сообщить въ Финляндское консульство обо всемъ со мной происшедшимъ? Вы не имѣете права лишать меня свободы. Это неслыханный произволь.“

— „Написать въ консульство вы можете, открытку. Но напрасно. Если консульство насъ запроситъ, то мы сообщимъ, что вы обвиняетесь въ уголовномъ дѣлѣ военной контрабанды и, пока дѣло не будетъ разслѣдовано, мы не выпустимъ васъ.“

— Дайте мнѣ очную ставку съ Копоненомъ, и я докажу вамъ всю необоснованность обвиненія.

— Предоставьте намъ думать и дѣйствовать по собственному усмотрѣнiю. А теперь можете идти къ себѣ въ камеру.

— Это не камера, а пытка. Вы не имѣете права пытать меня холодомъ и голодомъ.

— Развѣ васъ не кормятъ? А отопленія теперь вообще не полагается, такъ какъ дѣло уже къ лѣту идетъ. Впрочемъ, какъ только вы поможете намъ выяснитъ все дѣло, то мы васъ переведемъ на облегченный режимъ, а тамъ и совсѣмъ отпустимъ до суда. —

Явившійся на звонокъ дежурный выводной надзиратель отвелъ меня обратно въ мою камеру.

На слѣдующій день я попросилъ дать мнѣ бланкъ открытаго письма, карандашъ и написалъ въ консульство нѣсколько словъ, увѣдомляя о моемъ мѣстѣ нахождения и прося прислать мнѣ пищу, теплое платье, бѣлье и одѣяло.

Какъ я уже потомъ узналъ, ни одна изъ посланных мною открытокъ не была отправлена по назначенiю, и всѣ онѣ оказались пришитыми „къ дѣлу.“

Въ этотъ же день, вскорѣ послѣ обѣда, я замѣтилъ, что на окно упала какая-то тѣнь. Всмотрѣвшись, я замѣтилъ, что вплотную къ окну приставлена доска и постепенно весь четырехугольникъ окна закрывался вертикально поставленными досками. Камера погрузилась въ полную темноту и свѣтъ еле-еле проходилъ только у лѣваго края окна, гдѣ неплотно прилегала доска. Этотъ полусвѣтъ едва лишь освѣ-

щаль не больше нѣсколькихъ дюймовъ лѣвую стѣнку оконной амбразуры.

Вся остальная камера была погружена въ полную темноту.

Вызванный мною дежурный надзиратель на мое заявленіе только и сказалъ: „Это отъ насъ не зависитъ.“

Такъ прожилъ я въ темнотѣ 8 дней. Лампочка зажигалась на полъ минуты каждый часъ, и въ это время я видѣлъ глазъ надзирателя, смотрѣвшій черезъ особое маленькое отверстіе, продѣланное въ двери камеры и называемое „глазокъ“. Затѣмъ лампочка гасла, задвижка глазка съ легкимъ шумомъ опускалась и я опять оставался въ темнотѣ.

Гробовая тишина, прерываемая по временамъ истерическими криками кого-нибудь изъ заключенныхъ, ночные выкрики „примите арестованныхъ“, регулярные односложные слова черезъ форточку двери: „кипятокъ, хлѣбъ, обѣдъ, ужинъ, кипятокъ“ — это единственные отзвуки жизни, которые доносились до меня въ моемъ ледяномъ, сыромъ, грязномъ и темномъ склепѣ.

Были еще звуки, которые скрашивали мое одиночество и которымъ я, быть можетъ, даже обязанъ тѣмъ, что не сошелъ съ ума во время моей пытки.

Впервые я обратилъ на нихъ вниманіе, когда однажды, совершеннообезумѣвшій отъ холода и утомленный періодической бѣготней по темной камерѣ, я сѣлъ на свою койку, подложивъ одинъ матрацъ подъ себя и накрывшись другимъ. Затылкомъ я упирался на стѣнку.

Нужно сказать, что слухъ у меня, вслѣдствіи контузіи, нѣсколько пониженный, а въ холодной камерѣ я простудился и сталъ слышать еще хуже.

Но черезъ головную кость я слышалъ каждый шорохъ, произведенный у стѣны, и поэтому я замѣтилъ, что въ стѣнѣ слышны періодически повторяющіеся стуки. Шель оживленный разговоръ по тюремному „телеграфу“. Сначала я ничего не могъ, по неопытности, понять, но постепенно началъ разбирать отдѣльные слова, когда перестукивались, повидимому, малоопытные заключенные.

Нѣсколько разъ пытался со мной вступить въ

разговоръ мой сосѣдъ слѣва, но ничего не выходило, такъ какъ, хотя я разбиралъ отдѣльные слова, но многое пропускалъ. Съ грѣхомъ пополамъ, нѣсколько разъ сбиваясь со счета, я наконецъ самъ выступалъ: „Говорите медленно, у меня темно, не могу записывать.“

О, милая тюремная азбука и эти еле слышные робкіе стукі въ толщѣ тюремныхъ стѣнъ, пропитанныхъ человѣческими страданіями! Сколько долгихъ часовъ моей жизни въ этомъ склепѣ я скороталъ въ общеніи съ моими товарищами по несчастью! Сколько страдающихъ людей дѣлились со мной своими переживаніями, людей, которыхъ я не видѣлъ и никогда не увижу!

Если бы эти тюремныя стѣны и трубы отопленія могли повѣдать міру всѣ тѣ крики отчаянія и страданій безправныхъ, невинныхъ людей, заживо погребенныхъ, претворявшихъ свои крики и горе въ эти еле ощущимыя постукиванія!

Прислонишься, бывало, головой къ стѣнѣ, или къ холодному радиатору отопленія, и начинаешь ловить, не стучитъ-ли кто-нибудь „знакомый“. Это слово странно звучитъ, если подумать, что все знакомство ограничивалось только перестукиваніемъ.

Вотъ слышится: 27, 27, 27, 27, говоритъ 63, 27, 27, говоритъ 63.

Ага, это меня вызываетъ мой сосѣдъ сверху. Начинается разговоръ...

Постепенно я перезнакомился со всѣми моими сосѣдями сверху, справа и слѣва. Разумѣется разговоры носили отрывочный характеръ и не заключали въ себѣ ничего такого, что могло бы облегчить работу слѣдователей Чеки, нерѣдки случаи, когда агентовъ Чека сажаютъ по сосѣдству съ какимъ-нибудь доверчивымъ заключеннымъ и, подъ вліяніемъ одиночества и нервнаго состоянія, слабые люди проговариваются, расплачиваясь потомъ своей жизнью за минутную слабость.

Всѣ пять этажей нашего отдѣленія составляли, такъ называемый, „особый ярусъ“ и полуподвальный этажъ, въ которомъ находилась моя камера, носилъ названіе „секретнаго отдѣла“ особаго яруса.

Одинъ изъ моихъ невидимыхъ собесѣдниковъ

помѣщался прямо надъ моей камерой въ третьемъ этажѣ. Его звали Рѣдкозубовъ.

До революціи онъ былъ адвокатомъ и миллионеромъ. Сидѣлъ онъ уже больше года въ особомъ ярусѣ по подозрѣнію въ такъ называемомъ Таганцевскомъ контръ-революціонномъ заговорѣ. По этому дѣлу содержались въ нашей тюрьмѣ болѣе 200 человекъ, а въ московской, кажется, еще больше. Все дѣло велось въ административномъ порядкѣ, т. е. черезъ Чеку.

Слѣдствіе по Таганцевскому дѣлу было почти закончено и поэтому многихъ участниковъ этого дѣла перевели въ общіе камеры, т. е. на облегченный режимъ, но Рѣдкозубова и еще нѣсколькихъ его товарищей продолжали держать въ особомъ ярусѣ.

Все, что мнѣ удалось узнать отъ различныхъ заключенныхъ, было мало утѣшительнымъ. Оказывается въ секретномъ отдѣленіи было принято лишать заключенныхъ свѣта и права получать такъ называемую передачу, т. е. платье, бѣлье и продукты отъ близкихъ и друзей. Въ камерахъ особаго яруса было свѣтло и разрѣшалось получать передачу, но ни книгъ, ни газетъ, ни прогулки не разрѣшалось. Меня могли держать въ секретномъ отдѣленіи до безконечности, такъ какъ этой пыткой Чека рассчитывала добиться отъ заключеннаго полного признанія.

Что имъ нужно было отъ меня? Я ни на минуту не допускалъ мысли, чтобы вся эта глупѣйшая исторія съ какой то грошевой контрабандой, хотя и именованная Фоминымъ „военной контрабандой“, могла бы вызвать примѣненіе ко мнѣ, иностранцу, ареста и такого возмутительнаго безчеловѣчнаго отношенія.

Повидимому, Чека руководилась какими то очень чѣскими причинами, рискнувъ меня арестовать. Я мучился, терялся въ догадкахъ, и невыносимо страдалъ морально и физически, не видя конца этой пытки.

Г л а в а 16-я.

Среди ночи восьмыхъ сутокъ меня опять вызвали на допросъ къ Фомину.

На этотъ разъ Фомины были не одинъ. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ тотъ самый господинъ, котораго я видѣлъ на моемъ послѣднемъ совѣщаніи въ коженен-

номъ синдикатъ. Онъ иронически щелкнулъ шпорами и сказалъ:

„Мы уже встрѣчались.“

Фоминъ долго рылся въ своемъ портфель и вдругъ, нажавъ кнопку звонка, отдалъ короткое приказаніе явившемуся дежурному: „Введите.“

Въ комнату вошелъ Копоненъ. Видъ его былъ ужасенъ: зеленовато блѣдный, съ черными кругами вокругъ глазъ, онъ еле держался на ногахъ.

Увидя меня, Копоненъ весь затрясся и бросился ко мнѣ съ крикомъ:

„Борись Леонидовичъ! Боже мой! за что?“ Фоминъ однимъ прыжкомъ оказался между нами и, оттолкнувъ рыдающаго Копонена, рѣзко крикнулъ нѣсколько разъ:

„Молчать, молчать, говорю я вамъ! Отвѣчайте на вопросы!“

Я сидѣлъ совершенно потрясенный всей этой мгновенно развернувшейся драмой, а Копоненъ, закусивъ кулакъ и сдерживая прорывающіяся рыданія, все время свободной рукой по дѣтски тянулся ко мнѣ.

Усадивъ Копонена на стулъ въ дальнемъ концѣ комнаты, Фоминъ сказалъ:

„Гражданинъ Седергольмъ обвиняется въ соучастіи въ шайкѣ, занимавшейся военной контрабандой...“ Онъ не успѣлъ кончить, какъ Копоненъ, весь содрогаясь отъ рыданій, совершенно обезумѣвъ, истерическимъ голосомъ закричалъ:

„Не смѣйте! палачи! мерзавцы! я вамъ двадцать разъ говорилъ что онъ не виноватъ! Онъ мнѣ самъ говорилъ, чтобы я вернулъ этотъ проклятый ящикъ...“

У меня въ глазахъ все пошло кругомъ. Копонена моментально увели, а Фоминъ и его товарищъ оба, слегка наклонившись смотрѣли на меня въ упоръ.

Во мнѣ все замерло и хотѣлось только одного, чтобы этотъ допросъ, эта нравственная пытка скорѣе бы кончились.

Но пытка лишь начиналась.

Прерывая молчаніе, Фоминъ сказалъ: „Что же, вы и теперь будете утверждать, что вамъ неизвѣстно было о томъ, что Копоненъ находился въ сношеніи съ лицами, занимающимися военной контрабандой.“

„Мнѣ нечего вамъ говорить. Вы слышали сами,

что Копоненъ сказалъ, что я не виноватъ и что я самъ совѣтовалъ ему не брать ящика на храненіе.“

„Вы прежде всего виноваты въ томъ, что, зная о контрабандѣ, не только не донесли о ней властямъ но даже при опросѣ васъ слѣдственными органами, вы упорствовали.“ Сказавъ это, Фоминь о чемъ-то тихо переговорилъ съ товарищемъ и началъ писать на какомъ-то бланкѣ.

Заполнивъ два бланка, Фоминь протянулъ ихъ мнѣ, говоря: „Прочтите и подпишитесь.“

На одномъ бланкѣ, послѣ обозначеній моей фамиліи, имени, отчества и обстоятельствъ допроса было написано приблизительно слѣдующее заключеніе слѣдователя: „...Въ виду того, что на очной ставкѣ гр. Седергольма съ гр. Копоненомъ послѣдній чистосердечно признался, что гр. Седергольму было извѣстно о контрабандѣ, и гр. Седергольмъ это признаніе подтвердилъ, я слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ Фоминь постановилъ: „Впредь до судебного разбирательства дѣла избрать мѣрой пресѣченія содержаніе гр. Седергольма подъ стражей.“ На другомъ бланкѣ значилось слѣдующее: „Въ виду отказа гр. Седергольма дать добровольно свидѣтельскія показанія по дѣлу № 12506 и въ виду того, что на очной ставкѣ съ гр. Копоненомъ гр. Седергольмъ подтвердилъ свое соучастіе въ сокрытіи военной контрабанды, я, слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ Фоминь, постановилъ: привлечь гр. Седергольма къ отвѣтственности по ст. ст... уголовного кодекса С.С.С.Р.“

Прочтя эти два „документа“ я, рѣшительно сказалъ Фомину:

„Ни того, ни другого я не подпишу, такъ какъ это самое циничное издѣвательство надъ правосудіемъ и здравымъ смысломъ. Въ этихъ документахъ такое жонглированіе словами и факты такъ подтасованы, что для меня ясно только одно: въ силу какихъ-то причинъ вамъ нужно меня держать въ тюрьмѣ. При такихъ условіяхъ вамъ моей подписи не надо.“

На это Фоминь, довольно потирая руки и улыбаясь, сказалъ: „Это, какъ вамъ угодно. Постановленіе вамъ объявлено въ присутствіи начальника отдѣла контръ-развѣдки Петербургской Чеки, товарища

Мессинга. Мы сейчас засвидѣтельствуемъ, что вамъ постановленія объявлены.

До судебного разбирательства вамъ придется посидѣть мѣсяца два, но я васъ перевожу на облегченный режимъ. Вы будете переведены въ другую камеру Особаго яруса и я разрѣшаю вамъ получать передачу. Можете сообщить объ этомъ вашимъ друзьямъ открытымъ письмомъ.“

Съ этими словами Фоминъ вызвалъ дежурнаго, чтобы меня увели. Когда я былъ уже у выхода, Мессингъ меня остановилъ, говоря: „А какое отношеніе вы имѣли къ финляндскому генеральному консульству?“ На что я отвѣтилъ: „Никакого. Я просто снималъ помѣщеніе въ домѣ консульства, живя и столуясь вмѣстѣ со всѣмъ персоналомъ консульства. Но я никакого отношенія не имѣю къ дѣятельности консульства. Я совершенно частное лицо, торговый представитель Ю. американской фирмы.“

Мессингъ улыбнулся и, кивая головой, сказала: „Впрочемъ, теперь у насъ будетъ еще время съ вами побесѣдовать. Пока можете идти.“

Только придя къ себѣ въ камеру, я ясно понималъ ужасъ всего происшедшаго со мной. Петля, заброшенная Чекой, затягивалась на моей шеѣ, и было очевидно, что въ силу какихъ-то невѣдомыхъ мнѣ причинъ, Чека крѣпко вцѣпилась въ меня. Ни одного мгновенія во мнѣ не шевельнулось чувство какого-либо упрека по отношенію къ Копонену. Весь его ужасный видъ говорилъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ обо всемъ, что ему пришлось пережить съ момента ареста и я, по собственному опыту, зналъ, въ какихъ условіяхъ его содержали въ тюрьмѣ.

Доведенный до нервнаго припадка и въ состояніи полнѣйшей невмѣняемости, этотъ несчастный человекъ былъ окончательно сраженъ, увидѣвъ меня въ тюрьмѣ. Вѣроятно, и мой видъ, послѣ восьмидневнаго полуголоднаго пребыванія въ холодной и темной камерѣ былъ ужасенъ. Вся сцена моей очной ставки съ Копоненомъ произвела на меня такое впечатлѣніе, какъ будто бы Копонень лишь тогда повѣрилъ словамъ Фоминна о моемъ арестѣ, когда увидѣлъ меня. Повидимому, слѣдователь неоднократно старался убѣдить Копонена, что меня подозрѣваютъ, именно бла-

годаря его заперательству, въ болѣе серьезномъ преступленіи, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ. Всѣ эти увѣренія слѣдователя Копоненъ, вѣроятно, разсматривалъ, какъ желаніе чекистовъ его „поймать“, и менѣе всего предполагалъ, зная меня и то положеніе, какое я занималъ, что у Чеки хватитъ дерзости меня арестовать. Поэтому, увидѣвъ меня, убѣжденный, что именно благодаря ему меня посадили въ тюрьму, онъ въ состояніи истерики попытался, какъ могъ убѣдительно, заявить, что я не имѣю никакого отношенія къ контрабандѣ, а даже наоборотъ.

Вотъ это „наоборотъ“, какъ разъ и нужно было слѣдователю, такъ какъ давало ему возможность держать меня въ тюрьмѣ.

Я преклоняюсь передъ благородствомъ и мужествомъ Копонена, такъ какъ именно онъ, былъ спровоцированъ чекистами специально, чтобы дать имъ возможность „взять“ меня. Слѣдовательно, я явился невольной причиной ареста и дальнѣйшихъ страданій Копонена.

Когда незадолго до своего ареста, Копоненъ разсказалъ мнѣ о спрятанномъ имъ ящикѣ — я тогда же высказалъ ему мои подозрѣнія о желаніи Чеки прицѣпиться ко мнѣ. Слѣдовательно, находясь въ тюрьмѣ, Копонену не трудно было догадаться, что онъ вовлеченъ во всѣ несчастья вихремъ обстоятельствъ и близостью ко мнѣ. И несмотря на такое сознаніе, этотъ благородный человекъ претерпѣвалъ ужасныя физическія и моральныя мученія, стараясь изъ всѣхъ силъ не вовлечь меня въ непріятную исторію. Я именно подчеркиваю — „непріятную исторію“, такъ какъ Копоненъ могъ предполагать, что его откровенное признаніе, въ самомъ худшемъ случаѣ, могло лишь набросить на мое имя нѣкоторую тѣнь, замѣшавъ меня въ контрабандную глупую исторію. Не больше этого. Не зная всѣхъ хитроумныхъ вывертовъ совѣтскаго законодательства, Копоненъ никогда не могъ предполагать, что меня посадятъ въ тюрьму. Невольно вырвавшееся у него признаніе, съ благою цѣлью меня спасти, въ концѣ концовъ не многимъ ухудшило мое положеніе. Силы мои истощались и возможно, что наступилъ бы моментъ, когда доведен-

ный до такого же состоянія, какъ Копонень, я сдался бы.

Весь этотъ трагическій фарсъ съ контрабандой потерялъ для меня всякое значеніе, такъ какъ главное было, повидимому, еще впереди. Это я чувствовалъ интуитивно и угадывалъ по многимъ признакамъ.

Въ самомъ недалекомъ будущемъ мои предположенія, къ сожалѣнію, подтвердились.

Г л а в а 17-я.

На утро слѣдующаго дня — девятый день моего пребыванія въ тюрьмѣ, — меня перевели въ камеру № 92. Камера помѣщалась во второмъ этажѣ „особаго яруса“ и ея дверь выходила на желѣзную галерею. Все устройство и размѣры моего новаго помѣщенія были такими же, какъ и у предыдущаго но было значительно чище, и самое главное, было свѣтло и, какъ будто бы, теплѣе, чѣмъ въ полуподвальномъ этажѣ. Возможно, что во второмъ этажѣ не было той ужасной сырости, которая меня такъ донимала въ камерѣ № 27, въ которой стѣны были всегда покрыты инеемъ. Возможно, что сказывалась уже весна и потеплѣло на улицѣ. Во всякомъ случаѣ отопленіе не дѣйствовало и въ новой камерѣ, и къ вечеру я уже пожалѣлъ о моемъ „склепѣ“, гдѣ у меня было два матраца, спасавшіе меня отъ холода. Первую ночь на новомъ мѣстѣ я провелъ въ обычной періодической бѣготнѣ по камерѣ, такъ какъ ночью сдѣлалось невыносимо холодно. Нечего было и думать просить о второмъ матрацѣ, такъ какъ дежурный надзиратель Семеновъ, тотъ самый, который меня впервые водворилъ въ камеру № 27, былъ ревностный елужака, формалистъ и непроходимо глупъ. Но все-таки мой переводъ въ камеру № 92 означалъ облегченный режимъ, т. е. право получать передачу, и я надѣялся въ недалекомъ будущемъ получить изъ консульства все необходимое.

Такъ прошло 2 дня. Преодолевая отвращеніе, я уже „научился“ ѣсть тюремную пищу, и, какъ разъ собираясь поѣдать принесенный мнѣ ужинъ, я былъ вызванъ къ дежурному отдѣленному. Ничего не ожидая пріятнаго отъ такого вызова, я въ сопровожденіи надзирателя, поднялся на галерею третьяго этажа, и

вошелъ въ столь памятную мнѣ каморку отдѣленнаго. Отдѣленный предложилъ мнѣ расписаться на бумагахъ съ перечнемъ присланныхъ мнѣ изъ консульства продуктовъ и вещей. Чего, чего только не послала мнѣ заботливая хозяйка нашего дома на Екатерининскомъ проспектѣ. Больше всего меня обрадовали толстый шерстяной свитеръ, теплые фетровые сапоги, одѣяло, подушка, простыни и шерстяное бѣлье.

Принеся въ камеру все мое имущество, я прежде всего переодѣлся во все теплое платье и заварилъ чай въ полученномъ мною чайникѣ. О, блаженство! Теперь, когда живительное тепло разливалось пріятной волной по всему тѣлу, только теперь я понялъ, какъ я усталъ и какъ силы мои были почти на исходѣ.

Хорошее питаніе, теплое платье и нормальный сонъ очень быстро возстановили мои силы и съ новымъ приливомъ энергіи я началъ обдумывать мое положеніе, ища спасительнаго выхода. Увы! Въ моемъ распоряженіи была лишь одна возможность, о которой я узналъ изъ перестукиваній съ различными заключенными, — писать заявленія на имя главнаго прокурора Петербурга и на имя предсѣдателя совѣта народныхъ комиссаровъ.

Въ данный моментъ, когда я пишу эти строки, мнѣ совершенно непонятно, какъ могъ быть затемненъ мой разумъ, чтобы увѣровать въ пользу такихъ жалобъ и протестовъ. Такъ или иначе, но въ то время я былъ убѣжденъ, что мои длиннѣйшія заявленія и жалобы на произволь дѣйствій Чеки дойдутъ до правительственныхъ верховъ и меня съ извиненіями немедленно освободятъ. Энергія требовала выхода, и я исписывалъ по нѣсколько листовъ писчей бумаги большого формата. Все написанное я передавалъ черезъ отдѣленнаго въ канцелярію тюрьмы, полагая, что послѣдняя все пересылаетъ по назначенію.

Сильно простуженный, съ распухшимъ горломъ и отчаянно кашляя, я обратился за медицинской помощью. Приходилъ фельдшеръ оставилъ пакетикъ какихъ-то порошковъ, и этимъ все окончилось. Наконецъ я свалился и меня всего трясло въ лихорадкѣ. Опять посѣщеніе фельдшера, измѣреніе температуры и порошки. Когда градусникъ показалъ 39,8—пришелъ докторъ. Выслушавъ меня и пожавъ плечами, врачъ

сказаль: „Простудились. Надо теплѣ одѣваться. Если дойдетъ до 40, то переведемъ васъ въ лазаретъ. Пока температура ниже 40, не имѣю права взять васъ изъ камеры. Это особый ярусъ“.

Температура не пожелала подняться выше 40 и я остался лежать въ камерѣ. Со счета дней я совершенно сбился и этотъ періодъ я помню лишь урывками. Я пролежалъ больнымъ около недѣли и мое выздоровленіе совпало съ полученіемъ новой передачи. Повидимому, на дворѣ значительно потеплѣло, такъ какъ больше не мерзли руки и уши, и по утрамъ уже не было ледяныхъ сосулекъ на моихъ отросшихъ усахъ. По доносившимся до меня звукамъ изъ корридора и по перестукиваніямъ я зналъ, что тюрьма интенсивно наполняется. Въ сосѣднихъ камерахъ и надо мной сидѣло по пять человѣкъ и это доказывало, что тюрьма переполнена свыше всякой мѣры. Въ особомъ ярусѣ полагалось содержать заключенныхъ въ полномъ одиночествѣ, и, если администрація тюрьмы держала въ камерахъ особаго яруса по нѣсколько человѣкъ, то значитъ даже особый ярусъ (240 камеръ) былъ набитъ биткомъ.

На слѣдующій день, послѣ полученія передачи, въ мою камеру вошелъ щеголевато одѣтый въ тюремную форму, худощавый блондинъ, и, присѣвъ къ столу, началъ просматривать какіе-то списки. Затѣмъ онъ меня спросилъ: „За какимъ слѣдователемъ вы числитесь и по какой статьѣ обвиняетесь?“ на что я отвѣтилъ: „Я числюсь за слѣдователемъ Фоминымъ, который мнѣ предъявилъ обвиненіе въ военной контрабандѣ. Съ кѣмъ я имѣю удовольствіе говорить?“— Блондинъ улыбнулся, и, смѣривъ меня взглядомъ, отвѣтилъ: „Я помощникъ начальника тюрьмы—Поликарповъ. А вы недурно устроились“ и онъ показаль на толстое одѣяло и мой провіантскій складъ въ амбрузурѣ окна.“—Только вы мнѣ неправильно сказали фамилію слѣдователя, такъ какъ кромѣ Фомина, вы числитесь еще за отдѣломъ контръ-развѣдки. Вамъ развѣ не было предъявлено обвиненіе въ шпіонажѣ?“ Слова Поликарпова меня совершенно ошеломили, и я ничего ему даже не отвѣтилъ, а лишь удивленно переспросилъ его. Что-то отмѣтивъ въ своихъ спискахъ, Поликарповъ звякнулъ шпорами и удалился.

Потрясенный ужасной новостью, я нервно зашагал по камерѣ, погрузившись въ раздумье, и совершенно забывъ обо всемъ окружающемъ меня.

Какая дьявольская кухня! И какъ ловко все смастерили! Прежде всего подослали своихъ провокаторовъ къ несчастному Копонену, потомъ привязались ко мнѣ, и, смастеривъ „дѣло“ о контрабандѣ, надолго обезпечили себѣ возможность распоряжаться мною по своему усмотрѣнію, не опасаясь въ ближайшее время заступничества финляндскаго правительства.

Что могло предпринять мое правительство для моего освобожденія? Я—контрабандистъ и любое государство вправѣ бороться съ контрабандистами. Только послѣ судебного разбора всего моего дѣла, Финляндское Правительство сможетъ предпринять рѣшительные шаги для моего освобожденія. Но когда еще этотъ судъ будетъ? И будетъ ли вообще? И какой судъ? Разъ у нихъ хватило наглости обвинить меня въ контрабандѣ и арестовать, то что имъ можетъ теперь помѣшать сообщить нашему дипломатическому представителю, что дѣло мое весьма сложно и поэтому судъ будетъ подѣ разными благовидными предложениями откладываться. Это такъ очевидно. Теперь они изъ меня „сдѣлають“ шпіона, и вообще могутъ обвинять меня, въ чемъ имъ заблагоразсудится, такъ какъ теперь я всецѣло въ ихъ власти. Какъ шпіона меня въ любой моментъ могутъ разстрѣлять безъ суда, властью Чеки, и такимъ образомъ, дѣло о провокаціонной контрабандѣ даже не дойдетъ до суда, такъ какъ его поглотитъ новое „дѣло“ о шпіонажѣ.

Всѣ вышеприведенныя разсужденія были для меня совершенно ясны, кромѣ одного: почему они, вообще, привязались ко мнѣ? Этотъ вопросъ я въ тысячный разъ задавалъ себѣ, слоняясь по своей камерѣ, какъ звѣрь въ клѣткѣ. Я уже видѣлъ примѣры, я зналъ, что Чека свирѣпствуетъ безъ удержу. Я зналъ, что ежедневно по всей Россіи люди разстрѣливаются десятками безъ суда, и многими сотнями бросаются ежедневно въ тюрьмы. Я зналъ, что произволу Чеки нѣтъ границъ и что этотъ произволъ принимаетъ патологическія формы. Все это я зналъ, и, возмущаясь, я и не думалъ подыскивать оправданій всему этому кошмару. Но объясненіе такому произволу все таки я

находилъ : диктатура пролетаріата. революція, боязнь упустить власть надъ массами, желаніе терроризировать массы какими угодно средствами и, наконецъ, низкій моральный уровень людей, стоящихъ у власти. Но все это не объясняло, почему именно меня, иностранца, не имѣющаго никакого отношенія къ политикѣ, Чека избрала объектомъ своего особаго вниманія. Я держалъ себя во время моего пребыванія на свободѣ, настолько осторожно, что никакая самая болѣзненная подозрительность не могла бы найти въ моей дѣятельности что-либо похожее на шпіонажъ. Мой пріѣздъ въ Россію и пребываніе въ ней, носили исключительно коммерческій характеръ. Правда, наши переговоры не увѣнчались успѣхомъ, но вѣдь большевики сами лучше меня знали, что не я причина неудавшихся переговоровъ. Наоборотъ, успѣхъ переговоровъ сулилъ мнѣ большія матеріальныя выгоды, такъ какъ я былъ заинтересованъ въ прибыляхъ моей фирмы. Мой арестъ вызывалъ шумъ и, слѣдовательно, портилъ репутацію, „Нэпа“, что было невыгодно для совѣтскаго правительства, такъ какъ оно стремится теперь заигрывать съ иностранными купцами. Въ концѣ концовъ единственное рѣшеніе мучившей меня загадки я представилъ себѣ такъ: „Они, очевидно, подозрѣваютъ, что я освѣдомлялъ мою фирму о дѣйствительномъ положеніи вещей и что моя фирма, благодаря своему положенію, вліяла на общественное мнѣніе своей страны и такимъ образомъ частные переговоры делегатовъ о признаніи совѣтскаго правительства потерпѣли съ самаго начала фласко... Это казалось мнѣ единственнымъ наиболѣе правдоподобнымъ отвѣтомъ на загадку моего ареста.

Изъ моего раздумья меня вывелъ шумъ открываемой двери и въ камеру ввели пожилого борода-таго человѣка, громаднаго роста, въ старой офицерской шинели

Опустивъ на полъ принесенный съ собой парусиновый мѣшокъ съ вещами, гигантъ испуганно осмотрѣлся и, видимо, страдая отдышкой, присѣлъ на желѣзное сидѣнье. Отдышавшись, онъ вѣжливо мнѣ поклонился и сказалъ:

„Вы, пожалуйста, не обращайтесь на меня вниманія. Я совсѣмъ расклеился. Я прямо изъ лазарета. Я васъ ни о чемъ спрашивать не буду и вообще жи-

вите, какъ, будто бы, меня здѣсь нѣтъ. А у васъ здѣсь прохладно. Моя фамилія Максутовъ, Дмитрій Петровичъ“.

Все еще во власти вихря моихъ мыслей, отвыкшій отъ постороннихъ людей, я какъ-то безучастно отнесся къ моему новому товарищу, а что-то сказавъ ему въ отвѣтъ, я, помнится, даже забылъ ему назвать себя.

Максутовъ нѣсколько разъ взглянулъ на меня а я опять началъ измѣрять камеру шагами.

„Извините меня за навязчивость, но мнѣ ваше лицо удивительно кажется знакомымъ. Какъ ваша фамилія? Впрочемъ, ради Бога, извините и, если вамъ неприятно, то не говорите“.

Сказавъ это, Максутовъ громко вздохнулъ и началъ развязывать мѣшокъ.

Извинившись за свою невольную неучтивость, я назвалъ себя и, еще разъ извинившись, сказалъ: „Я ужасно разстроены и все время одинъ. Можно съ ума сойти тутъ“.

Услышавъ мою фамилію, Максутовъ поднялся во весь свой гигантскій ростъ и протягивая мнѣ съ привѣтливой улыбкой руку, сказалъ:

„Дорогой мой, вотъ гдѣ Господь привелъ встрѣтиться. Неужели же вы меня не узнали?“ Тутъ у меня точно какая-то пелена слетѣла съ мозга. Князь Максутовъ! Бывшій флотскій офицеръ, впоследствии перешедшій въ лейбъ гвардіи Преображенскій полкъ. Я былъ лѣтъ на 12 моложе его по выпуску изъ Морского корпуса, но встрѣчался съ нимъ нѣсколько разъ до революціи въ обществѣ. Мы были въ отличныхъ отношеніяхъ. Революція и тюрьма его на столько внѣшне измѣнили, что было немудрено не узнать его, тѣмъ болѣе, что ни мѣсто нашей встрѣчи, ни мое состояніе духа не способствовали пробужденію воспоминаній о минувшихъ годахъ.

Мы оба были поражены и растроганы нашей встрѣчей и Максутовъ безпрестанно повторялъ: „Ахъ ты, Господи, гдѣ встрѣтились, подумать только!“

И такъ я вступилъ въ новую фазу моего тюремнаго бытія: отнынѣ одиночества уже не было. Легче это или труднѣе? Поживемъ—увидимъ.

Часовъ около восьми вечера надзиратель внесъ въ камеру два деревянныхъ „козла“, деревянный щитъ и соломенный матрацъ. Это должно было служить постелью для Максutowa. Все это приспособленіе пошѣстилось какъ разъ вдоль свободной части стѣны позади моей койки. Благодаря своему гигантскому росту, ноги Максutowa упирались въ наружную стѣну камеры, а его голова выступала далеко за предѣлы изголовья. Видя, что онъ лежитъ согнувшись, я попросилъ его не стѣсняться и положить голову на мою подушку, что вызвало ироническое замѣчаніе надзирателя:

„На манеръ двуглаваго орла устраиваетесь, буржуазный элементъ“.

Максutowъ былъ боленъ тяжелой формой невращенія и всю ночь то ходилъ по камерѣ, то плакалъ, то самъ съ собой разговаривалъ.

У меня было по горло своихъ собственныхъ огорченій и мои нервы были напряжены, казалось, до послѣдняго предѣла. Истерическія всхлипыванія, вздохи и иногда довольно безсвязный разговоръ моего сожителя мѣшали мнѣ сосредоточиться. Быть можетъ, это было даже лучше для меня, такъ какъ все равно я не могъ найти никакого выхода изъ моихъ бѣдъ. По временамъ Максutowъ, какъ будто, успокаивался и тогда съ нимъ можно было разговаривать. Я его ни о чемъ не спрашивалъ и мы больше всего говорили на „нейтральныхъ“ темы о прошломъ, о минувшей войнѣ и о матеріальныхъ невзгодахъ деклассированной русской буржуазіи и аристократіи. Максutowъ находился въ тюрьмѣ уже около двухъ мѣсяцевъ и его продержали въ секретномъ отдѣлѣ особаго яруса почти три недѣли. Въ концѣ концовъ онъ заболѣлъ нервнымъ расстройствомъ, началъ буянить и его взяли въ лазаретъ, гдѣ, по словамъ Максutowa, было очень хорошо. Насколько я могъ понять по отдѣльнымъ отрывочнымъ фразамъ Максutowa, его арестовали по подозрѣнію въ контръ-революціонности, такъ какъ одна дама, жена его бывшаго сослуживца переписывалась со своимъ мужемъ, эмигрировавшимъ въ Германію, прося исплотать для нея визу на право въѣзда въ это государ-

ство. Это письмо было перехвачено Чекой, дама была арестована, а съ нею и всѣ ея знакомые, имѣвшіе къ ней хотя бы отдаленное касательство. Максutowъ оказался въ ужасномъ положеніи, такъ какъ арестъ и дальнѣйшія его послѣдствія обрекали молодую жену Максutowa съ годовалымъ ребенкомъ на голодную смерть. Изъ его разсказовъ я вынесъ впечатлѣніе, что за послѣдніе два года жизни до тюрьмы, онъ какъ-то примирился съ новой обстановкой и понемногу перестроилъ свою жизнь на новыхъ началахъ: одна комната съ общей кухней на всѣхъ жильцовъ квартиры, ежедневная колка дровъ, набиваніе папирозъ и продажа ихъ въ розницу, жена занятая съ утра до вечера грошевыми уроками французскаго языка, стиркой, шитьемъ и приготовленіемъ обѣда. Обычная картина верха благополучія деклассированнаго интеллигента, — въ Совѣтской Россіи. Даже это жалкое существованіе было разрушено и Максutowъ оказался въ тюрьмѣ, виновный лишь въ томъ, что имѣлъ несчастье родиться княземъ и служить офицеромъ во флотѣ, а потомъ въ Преображенскомъ полку. Онъ наивно и неоднократно спрашивалъ меня, что, по моему мнѣнію, его ожидаетъ. Разумѣется, какъ могъ, я его успокаивалъ, говоря, что все окончится пустяками... Что я могъ ему сказать? Черезъ два дня Максutowa вызвали изъ камеры „съ вещами“ и я встрѣтился съ нимъ полтора года спустя въ Соловецкомъ концентраціонномъ лагерѣ...

Вскорѣ послѣ ухода Максutowa, ко мнѣ въ камеру ввели какого то человѣка въ полушубкѣ, съ двумя чемоданами, который шуточно мнѣ сказалъ:

„Вы ничего не имѣете противъ, что я вошелъ не позвонивъ? Какая миленькая комнатка у васъ.“

Видно было сразу, что вошедшій былъ веселый парень и бывалый человѣкъ. Я засмѣялся и въ тонъ вошедшему отвѣтилъ: — Да, квартирка недурна, только очень дорогая. Вы надолго ко мнѣ? — „Аллахъ вѣдаетъ про то. Я изъ 147-й камеры. Перестукивался съ сосѣдомъ, который сидитъ тоже по моему „дѣлу.“ Надзиратель-подлецъ замѣтилъ и вотъ перевели къ вамъ. Позвольте представиться: Пляцкій, такъ сказать „король взятокъ“.

Когда я назвалъ себя, то Пляцкій очень до-

вольно засмѣялся и, пожимая мнѣ руку, сказалъ: „Очень пріятное знакомство. Такъ сказать нашъ братъ коммерсантъ — нэпманъ. Я все время сидѣлъ съ политическими: какіе-то дураки — социаль демократы. Надоѣли они мнѣ своими идіотскими разговорами. Давайте закусимъ, мнѣ жена прислала свѣжей икры, пирожки и все такое.“

Распаковывая чемоданъ, Пляцкій безъ устали болталъ, шутилъ и вообще всѣмъ своимъ видомъ мнѣ всего походилъ на несчастнаго узника. Изъ его рассказовъ выяснилось, что онъ обвиняется въ дачѣ взятокъ различнымъ совѣтскимъ чиновникамъ металлургической промышленности.

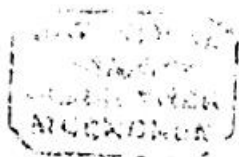
По „дѣлу Пляцкаго“ было арестовано болѣе 150-ти человекъ, и героя процесса называли въ газетной судебной хроникѣ „королемъ взятки“.

Я не понимаю до сихъ поръ, откуда черпалъ свою энергію и жизнерадостность этотъ человекъ, выплывшій на поверхность „Нэпа.“ На что онъ рассчитывалъ? Судъ надъ Пляцкимъ состоялся въ 19.6 году, то есть почти черезъ полтора года послѣ нашей встрѣчи и онъ былъ присуженъ къ смертной казни, поведя за собой на смерть болѣе 20-человекъ.

Къ вечеру въ нашу камеру посадили еще двухъ: инженера Чернова и доктора П. Стало ужасно тѣсно. Инженеръ очень былъ нервень, такъ какъ его арестовали въ связи съ дѣломъ кожевеннаго синдиката и ему угрожала смертная казнь. Докторъ П. — въ военной формѣ, былъ угрюмъ, и узнавъ, что я иностранецъ, совершенно неожиданно и безтактно сказалъ съ ненавистью: „Поменьше бы ѣздили къ намъ, было бы и вамъ, и намъ легче.“

Пляцкій и Черновъ, видимо, были очень сконфужены безтактной фразой доктора, и онъ самъ понялъ, что перешелъ границы, такъ какъ сейчасъ же протянулъ мнѣ руку, сказавъ: — Извините меня. Вы понимаете, что мое замѣчаніе не лично къ вамъ относится. Я арестованъ вчера, дома семья безъ копейки денегъ, и я совершенно не владѣю собой. Я арестованъ какъ разъ изъ за иностранца.“

У доктора до революціи былъ сослуживцемъ по полку одинъ полякъ, выѣхавшій впоследствии за границу. Недавно онъ пріѣхалъ въ Россію изъ Польши



въ качествѣ какого-то официальнаго представителя, какого-то польскаго учрежденія. Въ Петербургѣ онъ заболѣлъ и, разумѣется, вспомнивъ о своемъ русскомъ пріятелѣ докторѣ П., вызвалъ его къ себѣ. Докторъ нѣсколько разъ въ теченіе болѣзни поляка навѣщаль его. Недавно Чеки „открыла“ очередной шпионажъ въ пользу Польши, и, въ заброшенную сѣть, среди другихъ, попалъ и бѣдный докторъ П. По совѣтскому законодательству, каждый совѣтскій служащій обязанъ доносить своему прямому начальству о всякомъ разговорѣ съ иностранцемъ и о посѣщеніи таковыхъ. Разумѣется, это правило не всѣми выполняется, такъ какъ одни считаютъ для себя безопаснѣе умалчивать о случайныхъ встрѣчахъ съ иностранцами, а другіе же не дѣлаютъ этого просто изъ понятнаго чувства отвращенія къ доносамъ. Докторъ не донесъ по начальству о посѣщеніи имъ своего польскаго паціента и теперь несчастный человекъ ожидалъ для себя самыхъ ужасныхъ послѣдствій.

Въ камерѣ было ужасно тѣсно и благодаря герметически закрытому окну воздухъ не вентилировался.

Поздно ночью, часа въ три—четыре меня вызвали на допросъ, но противъ обыкновенія, меня повели не въ корридоръ, гдѣ были расположены камеры слѣдователей, а въ кабинетъ начальника тюрьмы.

Какъ ужасно дѣйствуютъ на нервы эти ночные допросы! Я вполнѣ понимаю, что слабонервные люди съ повышенной впечатлительностью, въ концѣ концовъ доходятъ до полнаго иступленія и даже клеветаютъ на самихъ себя, лишь бы окончить эту моральную пытку и такъ или иначе придти къ какому нибудь опредѣленному концу.

Тускло освѣщаютъ лампочки, замершіе въ мертвящей могильной тишинѣ, длинные корридоры съ висящими въ воздухѣ желѣзными галереями. Вдругъ остро прорѣзаетъ тишину чей то заглушенный истерическій крикъ. За поворотомъ корридора слышенъ звукъ открываемой двери и провожатый останавливается, какъ вкопанный. Это выводятъ на допросъ или приводятъ съ допроса „секретниковъ“ и мы не должны ихъ видѣть. Внизу, чуть пройдя мою бывшую камеру, на асфальтовомъ полу я замѣтилъ громадное

багровое пятно еще влажное, распространившее острый запах карболки. Это была слѣдь разбившагося на смерть, бросившагося внизъ съ пятой галлерей, какого-то студента. Какъ передавали намъ стучомъ, его невѣста оказалась провокаторшей.

Въ кабинетѣ начальника тюрьмы было очень уютно и тепло. Громадная комната, ковры, удобныя кожанныя кресла, тяжелые портьеры и мягкій свѣтъ лампы подъ зеленымъ абажуромъ, на письменномъ столѣ.

На небольшомъ столикѣ былъ сервированъ чай и въ креслѣ, удобно протянувшись, въ лѣнливой позѣ сидѣлъ съ папироской въ зубахъ Мессингъ. На стулѣ, рядомъ съ нимъ помѣстился какой то тщедушный молодой человекъ въ громадныхъ очкахъ. При моемъ появленіи Мессингъ сдѣлалъ видъ, что приподнимается съ кресла, а его сосѣдь всталъ и, показывая на стулъ предложилъ мнѣ сѣсть. Сѣлъ. Молодой человекъ зажегъ стоящую на столикѣ лампу съ рефлекторомъ и направилъ свѣтъ мнѣ прямо въ лицо. Молчаніе прервалъ Мессингъ, предлагая мнѣ папиросы и чай, но отъ чая я отказался.

„Въ такомъ случаѣ,“ — сказала своимъ эстонско-русскимъ языкомъ Мессингъ, — „мы не будемъ терять золотое время и побесѣдуемъ. Вы человекъ бывалый, интеллигентный и, кажется, ловкій, и мы, я надѣюсь, договоримся скоро. Сегодня мы писать ничего не будемъ, такъ какъ это не допросъ Я, собственно говоря, случайно заѣхалъ сюда, но за одно уже рѣшилъ съ вами побесѣдовать. Скажите, пожалуйста, что вамъ извѣстно о дѣятельности финляндскаго генеральнаго консульства въ Петербургѣ? Вы вѣдь были очень близки къ консульству и вамъ, вѣроятно, многое извѣстно о дѣятельности его персонала?“

— „Я не состоялъ и не состою на службѣ въ консульствѣ и меня консулъ не посвящалъ въ служебныя дѣла. Я только столовался съ персоналомъ консульства и снималъ въ консульскомъ домѣ конторское помѣщеніе. Я уже замъ объ этомъ, кажется, говорилъ.“

— „Перестаньте говорить пустяки. Кто же вамъ повѣритъ, что вы ничего не знаете. Вы здѣсь организовали цѣлую сеть шпионажа въ пользу Финляндіи и

Англин. Всѣ нити сходятся на васъ. Какъ вы переписывались съ вашей фирмой? По почтѣ?"

— „Пустяки говорите вы, а не я. Я переписывался по почтѣ“.

— „Неправда. За все время вашего пребыванія въ Россіи на ваше имя по почтѣ получено было всего три письма самаго обыденнаго содержанія. Вы же за все время отправили по почтѣ нѣсколько открытых писемъ. Какъ вы вели дѣловую переписку?"

„Я уже сказалъ вамъ, что по почтѣ. И какое вамъ дѣло до моихъ личныхъ дѣлъ? Вы не смѣете меня здѣсь держать и кто вамъ далъ право чинить мнѣ допросъ?"

— „Вотъ что, гражданинъ Седергольмъ: Вы этотъ тонъ и манеру говорить бросьте! Это я вамъ совѣтую. Какъ вы вели вашу переписку съ границей?"

— „Я уже сказалъ вамъ, какъ. Иногда при случаѣ я пересылалъ мои письма съ кѣмъ нибудь изъ моихъ земляковъ, возвращавшихся въ Финляндію.“

— „Съ кѣмъ именно?"

— „Ну, этого я не могу помнить, и это васъ совершенно не касается“.

— „Потрудитесь отвѣчать на мои вопросы, и я предлагаю вамъ измѣнить вашъ тонъ“.

Говоря это Мессингъ хлопнулъ рукой по столу и очень повысилъ голосъ.

— „Я вамъ совѣтую измѣнить вашъ тонъ, такъ какъ, хотя я въ вашей полной власти, и вы можете сдѣлать со мной все, что угодно, но пока я владѣю моими чувствами, я не могу допустить, чтобы со мной разговаривали такимъ тономъ, каковымъ себѣ позволяете говорить. Вы не имѣете права кричать на меня“.

— „Если вы убѣждены, — сказалъ Мессингъ, сразу сбавляя тонъ, — что мы можемъ сдѣлать съ вами все, что угодно, то вамъ прямой смыслъ быть откровеннымъ.“

— „Мнѣ не о чемъ рассказывать вамъ“.

— „Можете идти въ камеру. На дняхъ вамъ будетъ учиненъ формальный допросъ. Пока посидите и подумайте“.

Въ камерѣ всѣ мои три товарища не спали, ожидая моего возвращенія, но я отдѣлался нѣсколькими

общими фразами, такъ какъ не терплю совѣтовъ и соболѣзнованій отъ случайныхъ знакомыхъ.

Наступилъ конецъ третьей недѣли моего тюремнаго стажа и въ третій разъ меня вызвали получить передачу.

По обыкновенію все присланное было перевернуто, разрѣзано и обслѣдовано отдѣленнымъ начальникомъ до мельчайшихъ деталей. Весь этотъ осмотръ передачи отдѣленнымъ носить ужасно неаппетитный характеръ: грязными пальцами онъ роется въ каждомъ пирожкѣ, этими же пальцами попутно вытираетъ носъ и сейчасъ же опять принимается за изслѣдованіе ветчины, котлетъ. Тѣмъ же ножомъ, которымъ онъ разрѣзаетъ на мелкіе куски мыло, онъ разрѣзаетъ булки, масло, птицу, мясо.

Не успѣлъ я привести все принесенное, въ относительный порядокъ и угостить моихъ сожителей, какъ меня вызвали: „Гражданинъ Седергольмъ, съ вещами“.

Быстро собравшись, нагруженный вещами, я вышелъ изъ камеры, на галерею. Дверь захлопнулась, навѣки разъединивъ меня съ моими случайными сожителями. Меня повели куда то внизъ, и вдругъ, къ моему ужасу, мы остановились передъ камерой № 24.

Опять секретка.

Г л а в а 19-ая.

Камера № 24 ничѣмъ не отличалась отъ предыдущихъ. Было довольно грязно, такъ какъ, вѣроятно по заведенному обыкновенію, окно камеры закрывали досками. и темнота не особенно располагаетъ къ тщательной уборкѣ. Мои догадки подтвердились, и не прошло даже часа, какъ свѣтлый четырехугольникъ окна сталъ уменьшаться, и наконецъ камера погрузилась въ полную темноту. Какъ и въ первый разъ, у лѣваго края окна доска прилежала не плотно, и узкая полоска свѣта чуть-чуть освѣщала лѣвую стѣнку оконной амбразуры.

Съ невольной ироніей я сравнилъ мои теперешнія ощущенія съ тѣми, что я испыталъ въ первый разъ, когда попалъ въ секретку. Тогда меня все поражало и повергало въ отчаяніе. Теперь—умудренный уже тюремнымъ опытомъ, я только ожесточился, и

всѣ издѣательства и жестокости производили на меня слабое впечатлѣніе. Не берусь судить о томъ, какъ долженъ чувствовать себя интеллигентный чело-вѣкъ, посаженный въ темный каменный ящикъ, за дѣйствительно совершенное имъ преступленіе, но мнѣ кажется, что, если бы я даже чувствовалъ за собой какую либо вину, то при такомъ способѣ воздѣйствія, у меня не появилось бы раскаянія.

У меня было только одно чувство: бѣшеная, непримиримая злоба къ моимъ мучителямъ, и мысль, что они могутъ восторжествовать надо мной приводила меня въ отчаяніе. Вѣроятно, это чувство, въ связи съ моимъ нервнымъ состояніемъ, дало поводъ тѣмъ многимъ моимъ вспышкамъ и выходкамъ, которыя теперь, оглядываясь на прошлое, я не могу оправдать при всемъ желаніи, такъ какъ иногда онѣ носили совершенно мальчишескій характеръ.

Слава Богу, я былъ снабженъ теплымъ платьемъ, постелью и продуктами, которыхъ при экономномъ расходованіи, мнѣ должно было хватить на 2—3 недѣли. Въ данный моментъ это было самымъ главнымъ, такъ какъ я уже зналъ по опыту, что голодъ и холодъ сильно понижаютъ моральную сопротивляемость.

Съ момента прихода въ камеру № 24, я твердо рѣшилъ заставить себя ѣсть тюремную пищу, и какъ можно экономнѣе расходовать масло, сахаръ, сало и копченую колбасу. Все это я завязалъ въ два носовыхъ платка и помѣстилъ между оконными рамами. Скоропортящіеся продукты я разрѣшилъ себѣ ѣсть.

Такимъ образомъ я приготовился къ „затяжной осадѣ“.

Опять начались перестукиванія съ сосѣдями сверху и сбоку. Два, три раза въ день гимнастика по системѣ Миллера, и испуганное лицо надзирателя, въ форточкѣ, когда при внезапномъ освѣщеніи камеры, выступала вдругъ моя фигура во время какого нибудь головоломнаго упражненія.

— „Вы чего это такого дѣлаете тутъ, гражданинъ?“ — спрашивалъ въ такихъ случаяхъ надзиратель Семеновъ.

— „Не мѣшайте, товарищъ Семеновъ. Мѣнсь сана нинь корпорэ сано“.

„Что такое вы говорите, гражданинъ? Ой, ей Богу, я сейчасъ позову отдѣленнаго“.

Является отдѣленный, и слѣдоваль соответствующій вопросъ. Я объяснялъ, что дѣлаю гимнастику, и что, если это не разрѣшается, то я, разумѣется, не буду дѣлать. Отдѣленный пожималь плечами и уходилъ, а безпокойный служака Семеновъ чаще обыкновеннаго заглядываль въ „глазокъ“ двери и зажигаль свѣтъ.

Какъ то утромъ. незадолго до обѣда, я началъ напѣвать арію изъ „Жидовки“. Просовывается голова Семенова и слѣдуетъ вопросъ: „Что такое гражданинъ?“ Отвѣчаю: „Арія изъ оперы „Жидовка“, уважаемый гражданинъ Семеновъ“.

— „Тихо сидите гражданинъ. А вотъ за это слово я васъ возьму на карандашъ. (Прим. авт.: „взять на карандашъ“ — записать).“

— „За какое слово?“

— „А вотъ за это самое, за жидовку. Эти слова не дозволяются теперь. Прошло время“.

Отъ скуки я декламировалъ на всѣхъ извѣстныхъ мнѣ языкахъ, стихи, возстановливалъ въ памяти выводы разныхъ математическихъ формулъ, и помню, какъ въ теченіе нѣсколькихъ дней постепенно вывелъ въ умѣ формулу модуля логарифмической системы. О своемъ „дѣлѣ“, я рѣшилъ совсѣмъ не думать, такъ какъ это лишь разстраивало меня, не принося никакой пользы. Я обдумаль лишь, какъ себя держать на допросахъ, чтобы ни однимъ жестомъ не показать, что я взволнованъ. Пусть „они“ побѣсятся, въ этомъ пока мое единственное удовлетвореніе. Пока. — такъ какъ по моимъ расчетамъ, финляндское правительство предприняло уже, вѣроятно, шаги для моего обсужденія.

На пятый или шестой день моего нахождения въ камерѣ № 24, меня вызвали на допросъ. Было, вѣроятно, около 12-ти часовъ ночи. За столомъ, въ камерѣ слѣдователя, сидѣло 4 человекъ, но къ моему удивленію среди нихъ не было Фомина. Вообще я его больше никогда не видалъ, такъ-же, какъ никогда больше не слыхаль, съ момента очной ставки съ Копоненомъ, ни слова о „военной контрабандѣ“. Всѣ четыре индивидуума, сидѣвшіе за столомъ, видимо, старались при-

дать себѣ зловѣщій видъ, и это выходило ужасно. Одинъ изъ нихъ, сидѣвшій въ центрѣ, былъ въ штатскомъ платьѣ. Сидѣвшіе по бокамъ стола были въ пограничной формѣ. Я сѣлъ напротивъ штатскаго и спросилъ: „Съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить?“ Штатскій, человекъ лѣтъ тридцати, очень невзрачный и съ мало интеллигентнымъ лицомъ, важно нахмурилъ брови, и солидно-дѣланнымъ басомъ, сказала: „Васъ это не касается“. Я засмѣялся и сказала: „Очень даже касается. Вы знаете, кто я, а я не знаю, кто вы“.

Сидѣвшій справа военный, очень молодой, повидимому, грузинъ или армянинъ, заржалъ отъ хохота. и, хлопнувъ ладонями рукъ, весело крикнулъ: „Вотъ это здорово!“ Остальные товарищи укоризненно на него посмотрѣли. Штатскій, словно передумавъ, сказала мнѣ: „Я—уполномоченный отдѣла контръ-развѣдки Чеки—Иларіоновъ. Отвѣчайте на мои вопросы“.

— „Съ удовольствіемъ, если только смогу“.

— „Можно и безъ удовольствія. Какъ вы вели переписку съ заграницей? По дипломатической почтѣ? Да?“

— „Нѣтъ. Я уже сто разъ говорилъ вамъ это“.

— „Неправда. Намъ все извѣстно о вашей преступной дѣятельности. Ваше сознание облегчитъ вамъ наказаніе. Вы вѣдь знаете, что васъ ждетъ? Разстрѣль“.

Въ это время, сидѣвшій у лѣваго края стола, высокій, худой и блѣдный молодой человекъ, страдавшій нервнымъ подергиваніемъ головы и мускуловъ лица, вынулъ изъ кармана пальто револьверъ системы „Парабеллумъ“, осмотрѣлъ его и положилъ на столъ, пробуя его вертѣть на столъ, какъ волчокъ.

Мнѣ стало противно отъ всей этой дурацкой комедіи, которую такъ грубо-примитивно, разыгрывали эти полунинтеллигентные люди. Обращаясь къ Иларіонову, я сказала: „Во-первыхъ, не запугивайте меня, такъ какъ это смѣшно. Разстрѣлять вы меня не можете при всемъ вашемъ желаніи, потому что я иностранецъ и о моемъ арестѣ извѣстно консульству. Во-вторыхъ, попросите вашего товарища спрятать револьверъ, такъ какъ иначе я вообще не стану больше говорить, пока у меня передъ носомъ вертѣть оружіемъ“.

Грузинъ окончательно развеселился, хлопнувъ себя руками по груди и покруживъ головой, сказалъ краснорѣчивое и неподдающееся: „в-в-в-а-а-а!“

Сдѣлавъ знакъ въ сторону чекиста, игравшаго съ револьверомъ, Илларионовъ опять обратился ко мнѣ со словами: „Васъ никто не запугиваетъ и вы много о себѣ воображаете. Вотъ здѣсь, на листѣ, будьте любезны написать фамилии всѣхъ вашихъ знакомыхъ въ Совѣтской Россіи, и въ особенности въ Петербургѣ“.

— „Я такъ сразу не могу вспомнить. Позвольте мнѣ это сдѣлать въ камерѣ“.

— „Хорошо,—заявилъ, подумавъ, Илларионовъ,— а скажите, пожалуйста, кому вы писали письмо по-французски на Песочную улицу № 5?“

Припоминая, я сказалъ:— „Маклеру фондовой биржи г-ну Болю“.

— „А что вы ему писали?“

— „Ничего особеннаго. Писалъ, что деньги — 2700 рублей золотомъ, которые онъ мнѣ опоздалъ уплатить въ условленный срокъ, должны быть мнѣ немедленно уплачены“.

— „Вотъ видите, намъ все извѣстно“.

— „Ничего не нахожу въ этомъ удивительнаго. Очень печально, что вы просматриваете даже городскую корреспонденцію. Теперь, понятно, почему городское письмо попадаетъ къ адресату на третій день“.

— „Это не ваше дѣло. А кто такая гражданка Арцымова?“

— „Не знаю“.

— А вы можете быть вспомните, что вы дѣлали въ квартирѣ на углу Кронверкскаго проспекта и Пушкинской улицы? Вы тамъ часто бывали?

— „Никогда не былъ тамъ и не знаю даже, гдѣ находятся эти улицы“.

— „Подумайте объ этомъ. Потомъ, можете быть, и вспомните“.

Затѣмъ, взявъ у грузина довольно объемистое досье въ синей обложкѣ, Илларионовъ началъ его перелистывать и, найдя нужную страницу, сказалъ, „Вы знакомы съ полковникомъ Фэну?“

— „Да, я его знаю. Онъ живетъ въ Гельсингфорсѣ и состоитъ представителемъ русскихъ эмигран-

товъ въ Финляндіи. Но я знаю его очень отдаленно. Я не бываю въ эмигрантскихъ кругахъ”.

— „Неправда. Вы бывали на благотворительныхъ русскихъ вечерахъ. Что вамъ извѣстно о дѣятельности полковника Фэну?“

— „Я уже сказалъ вамъ, что знакомъ съ нимъ очень отдаленно. Кажется, онъ играетъ на піанино въ одномъ изъ кинематографовъ. Другихъ подробностей о его жизни не знаю.

— „Ага, видите, все таки вы съ нимъ знакомы. А кто такой майоръ Гибсонъ?“

— „Не знаю. Въ первый разъ слышу это имя“.

— „Вы конечно, и про Бунакова ничего не знаете?“

Только по возвращеніи изъ совѣтской Россіи въ Финляндію въ 1926 году я навелъ справки объ этихъ двухъ неизвѣстныхъ мнѣ именахъ, и узналъ, что майоръ Гибсонъ былъ когда-то въ Финляндіи британскимъ военнымъ агентомъ. О существованіи Бунакова, я узналъ въ 1927 году изъ перепечатокъ въ финляндскихъ газетахъ о нашумѣвшемъ процессѣ шпіонажа, будто бы организованнаго англичанами въ сов. Россіи.

— „Никогда не слыхалъ фамиліи Бунакова“.

— „Можете идти къ себѣ въ камеру. Завтра я васъ вызову. Подумайте хорошенько обо всемъ. Отъ всей души, желая вамъ добра, я совѣтую вамъ быть откровеннымъ“.

На слѣдующій, послѣ этого допроса, день, надзиратель принесъ мнѣ листъ бумаги и химическій карандашъ, чтобы я написалъ фамиліи и адреса всѣхъ моихъ петербургскихъ знакомыхъ. Это было трудной задачей. Назвать моихъ знакомыхъ — это значило навлечь на неповинныхъ людей массу всякихъ бѣдъ. Не назвать ихъ могло быть для нихъ еще хуже, такъ какъ Чека, зная о моихъ нѣкоторыхъ знакомствахъ, могла бы арестовать какъ разъ именно тѣхъ моихъ знакомыхъ, фамилій которыхъ я не назвалъ.

Камера была освѣщена и надзиратель поминутно навѣдывался съ вопросомъ: „Ну? Уже готово?“ Въ концѣ концовъ я рѣшилъ, что я напишу только имена тѣхъ совѣтскихъ чиновниковъ, начиная съ Красина, съ которыми я официально встрѣчался, а объ остальныхъ моихъ частныхъ знакомствахъ не буду упоми-

нать совѣмъ. Пусть Чека дѣлаетъ, что хочетъ, но моя совѣсть будетъ чиста—я никого не подвелъ. Такъ я и поступилъ.

Прошло нѣсколько дней. Похоже было то, что меня рѣшили взять изморомъ. Мое физическое и моральное состояніе опять весьма ухудшилось. Появились боли въ области почекъ и стали шалить нервы. На лѣвой стѣнки оконной амбразуры, чуть освѣщаемой сквозь щели доски, закрывающей окно, были пятна грязи и отбитой штукатурки. Эти пятна постепенно принимали въ моихъ глазахъ образы дорогихъ мнѣ лицъ и по временамъ эти образы выступали настолько явственно, точно на экранѣ кинематографа. Съ трудомъ отводя глаза отъ этихъ пятенъ, я заставлялъ себя усиліемъ воли, убѣдиться, что все это лишь галлюцинаціи и давалъ себѣ слово не смотрѣть больше на пятна. Успокоившись, я опять подходилъ къ окну и все начиналось снова. Въ промежуткахъ между галлюцинаціями я мыслить и рассуждалъ вполне нормально и, при вспоминаніяхъ о галлюцинаціяхъ, меня мучило опасеніе, не начинаю ли я сходить съ ума. Въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ я находился, достаточно позволить нервамъ выйти изъ повиновенія хоть одинъ разъ, чтобы потомъ потерять надъ ними всякій контроль. Это совѣмъ какъ во время атаки, подъ ураганнымъ огнемъ противника, пока думаешь только о привычныхъ обязанностяхъ, и усиліемъ воли внушаешь себѣ не думать о падающихъ снарядахъ, все идетъ великолепно. Но чуть подумалъ о личной опасности, какъ трудно тогда вернуть себѣ душевное равновѣсіе, и какимъ дѣланнымъ манернымъ, кажется для окружающихъ васъ, ваши наигранныя спокойствіе и бравада. Въ такихъ случаяхъ самое лучше средство,—убѣдить себя, что все равно конецъ неминуемъ, и что чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Такимъ образомъ, выведя себя мысленно въ расходъ, возвращаешь себѣ внѣшнее спокойствіе и понемногу приходитъ потерянное, было, душевное равновѣсіе.

Должно быть я началъ самъ съ собой разговаривать или какъ либо иначе проявлялъ признаки ненормальности и это было замѣчено надзирателемъ. Однажды дверь камеры открылась и вошелъ докторъ въ сопровожденіи фельдшера. Какъ разъ въ этотъ

моментъ, я чувствовалъ себя относительно спокойно, и на вопросы врача я далъ вполне нормальные отвѣты. Часа черезъ полтора, послѣ докторскаго визита, мнѣ принесли бутылку съ какой-то микстурой. Попробовавъ, я понялъ что докторъ прислалъ мнѣ бромъ. Это меня такъ вывело изъ себя, что, вызвавъ надзирателя, я вышвырнулъ склянку въ корридоръ, сопровождая дѣйствія соответствующими зыраженіями.

Съ этого момента ко мнѣ опять вернулось собственное мнѣ душевное спокойствіе.

Г л а в а 20-я.

Я все время, не переставая думалъ объ этой загадочной „гражданкѣ Арцымовой“ и о квартирѣ на углу Кронверкскаго проспекта и Пушкирской улицы. Ни фамилія „гражданки“, ни ея адресъ мнѣ ничего не говорили, но судя по inferнальному тону, съ какимъ слѣдователь назвалъ мнѣ фамилію дамы и адресъ, можно было предполагать, что въ отвѣтъ на этотъ вопросъ лежалъ весь центръ тяжести всего моего „дѣла“. Какъ я ни напрягалъ мозги, ничего подходящаго я не могъ припомнить.

За время моего тюремнаго житья, у меня успѣли весьма отрости ногти, и не имѣя чѣмъ ихъ остричь, я попросилъ надзирателя принести мнѣ ножницы. Онъ принесъ ужасающія заржавленные ножницы, съ отломанными, для безопасности, кончиками. Открывъ свѣтъ, надзиратель ожидалъ у открытой двери, пока я окончу операцію съ ногтями. Во время этого невиннаго занятія, я невольно вспомнилъ, что я въ январѣ мѣсяцѣ повредилъ себѣ руку во время фигурнаго состязанія на каткѣ, и нѣкоторое время не могъ самостоятельно ухаживать за ногтями на правой рукѣ.

По совѣту одной изъ моихъ соотечественницъ, я пользовался услугами маникюрстки въ одной изъ большихъ парикмахерскихъ на Невскомъ проспектѣ. Вспоминая все это, я также вспомнилъ, какъ однажды, когда оба отдѣленія парикмахерской, — мужское и женское, — были переполнены, моя маникюрстка усадила меня въ промежуточной между обоими отдѣленіями комнатѣ, и такъ какъ я очень спѣшилъ, то она тутъ же начала приводить въ порядокъ мои ногти. Разглядывая потокъ входящихъ, я обратилъ

вниманіе на очень красивую даму, средних лѣтъ, показавшуюся мнѣ знакомой.

Проходя мимо моего столика, дама пристально взглянула на меня и я видѣлъ, какъ удивленіе и радость отразились на ея лицѣ. Это оказалась моя старинная пріятельница, жена моего бывшего сослуживца по Императорскому флоту, г-жа Арчакова. Я не видѣлъ ея лѣтъ 12, и очень обрадованный встрѣчей, мы оба, второпяхъ забрасывали другъ друга вопросами.

Сколько разъ я давалъ себѣ слово не спрашивать моихъ русскихъ друзей объ ихъ жизни въ періодъ революціонныхъ годовъ.

Г-жа Арчакова успѣла въ 5 ти минутный промежутокъ разговора, развернуть передо мной тяжелую жизненную драму.

Мужъ ея умеръ въ 1920 году въ Харьковской тюрьмѣ. Въ томъ же году ея дѣвочка умерла отъ голоднаго истощенія. Сама г-жа Арчакова, послѣ многихъ страданій и приключеній, опять попала въ Петербургъ и теперь служила здѣсь въ какомъ-то управленіи, живя у своей замужной сестры. Нашъ разговоръ былъ прерванъ, такъ какъ моя собесѣдница спѣшила занять освободившееся мѣсто въ очереди въ дамскомъ отдѣленіи. Прощаясь, она мнѣ сказала: „Смотрите же. Я непременно жду васъ у себя.“

Боясь, что я забуду ея адресъ, она мнѣ тутъ же у кассы написала на клочкѣ бумажки улицу и № дома. Мы простились, я положилъ бумажку съ адресомъ въ портмонэ и поѣхалъ по своимъ дѣламъ. Потомъ мои дѣла обернулись такъ, что я совсѣмъ забылъ объ этой встрѣчѣ, а когда вспомнилъ, то адреса я уже не могъ найти. Видимо, я его потерялъ.

Вся эта исторія невольно вспомнилась мнѣ, когда я стригъ ногти, тупыми тюремными ножницами въ тускло освѣщенной камерѣ. Вдругъ сознаніе прорѣзала мысль: „Арчакова, Арчакова. Арцымова, уголь Кронверкскаго и Пушкарскаго“...

Я не зналъ въ какой части города находится Кронверкскій проспектъ, но я помнилъ, что г-жа Арчакова говорила мнѣ, что она живетъ гдѣ то въ Каменноостровскомъ районѣ. Къ сожалѣнію я совершенно не помнилъ написаннаго ею мнѣ адреса.

Вызванный на допросъ, я усѣлся передъ

слѣдователемъ Илларионовымъ, все время думая объ этой загадочной Арцымовой. Послѣ обычныхъ банальныхъ фразъ, я сказала слѣдователю: „Скажите мнѣ пожалуйста, въ какой части города находится Кронверкскій проспектъ и Пушкарская улица?“

— „Для чего вамъ это знать?“ — спросилъ Илларионовъ.

— „Потому что мнѣ кажется, что я смогъ бы отвѣтить вамъ на тотъ вопросъ, который вы мнѣ недавно задавали.“

Илларионовъ удовлетворилъ мое любопытство и загадка была разрѣшена: „Арцымова“ было извращенное имя г-жи Арчаковой и все объяснялось крайне просто.

Повидимому, среди служащихъ парикмахерской находился секретный агентъ Чеки, и подслушавъ мой случайный разговоръ съ г-жей Арчаковой, онъ на всякій случай, донесъ о немъ своему начальству, извративъ ошибочно фамилию дамы. Свѣдѣніе было записано, на всякій случай, на мое „конто“, такъ какъ агентъ, вѣроятно, узналъ мою фамилию отъ маникюрстки. Возможно, что сама маникюрстка была секретнымъ агентомъ Чеки. При моемъ арестѣ была сдѣлана въ Чеку сводка всего матеріала обо мнѣ, и встрѣча съ г-жей Арчаковой сразу приобрѣла въ глазахъ Чеки особенно важное значеніе.

Я сразу замѣтилъ, что мое объясненіе обстоятельствъ встрѣчи съ г-жей Арчаковой, вполне удовлетворили и разочаровали Илларионова, такъ какъ больше онъ меня ни разу не спрашивалъ ни про г-жу Арчакову, ни про Кронверкскій проспектъ.

Всѣ вопросы Илларионова, сводились къ тому, чтобы меня, такъ сказать, сбить съ позиціи и убѣдить въ томъ, что Чека имѣетъ противъ меня непровержимо компрометирующій матеріалъ. Нѣсколько разъ Илларионовъ называлъ мнѣ фамиліи иностранныхъ дипломатическихъ представителей аккредитованныхъ при финляндскомъ правительствѣ, настаивая на моихъ сношеніяхъ съ ними. Иногда онъ вычитывалъ изъ досье фамиліи русскихъ эмигрантовъ живущихъ въ Финляндіи въ Берлинѣ и въ Парижѣ, настаивая, чтобы я освѣтилъ дѣятельность этихъ совершенно неизвѣстныхъ мнѣ лицъ.

Вопросы чередовались неизмѣннымъ: „Вы на-

прасно упираетесь. У насъ противъ васъ имѣются неопровержимыя данныя. Я вамъ отъ всего сердца совѣтую сознаться. Подумайте о вашей несчастной семьѣ.”

Послѣдній мой допросъ у Илларионова, происшедшій недѣлю спустя послѣ только что описаннаго, ознаменовался коммическимъ эпизодомъ.

Послѣ всевозможныхъ устрашающихъ вопросовъ Илларионовъ, рассматривая написанный мною перечень моихъ „знакомыхъ“, сказала: „Вы гражданинъ, Седергольмъ, прекрасно понимаете, о какихъ именно знакомыхъ мы васъ спрашивали. Указанныя вами лица — это тѣ, съ которыми вы встрѣчались по официальнымъ дѣламъ. Неужели за восемь мѣсяцевъ пребыванія въ Ленинградѣ у васъ не было никакихъ знакомыхъ, кромѣ дѣловыхъ, официальныхъ? У васъ должны были сохраниться связи съ вашими прежними сослуживцами.“

На это я отвѣтила слѣдователю, что изъ моихъ сослуживцевъ, вѣроятно, очень мало осталось въ числѣ живыхъ, и эти немногіе уцѣлѣвшіе, при случайной встрѣчѣ со мной на улицѣ, избѣгали разговаривать со мной. Въ этотъ моментъ вспомнивъ моего бывшего сослуживца Л., у котораго я объѣдалъ и который такъ удивилъ меня своимъ широкимъ образомъ жизни, мнѣ захотѣлось проверить мои догадки и я сказала:

„Впрочемъ, у одного изъ нихъ я одинъ разъ случайно былъ. Это Л.“ Илларионовъ даже не потрудился записать названную мною фамилію и сейчасъ же перевелъ вопросы въ совершенно другую плоскость, видимо, не желая вызывать меня на подробности. Упомянутое мною фамилію Л. повлекло бы за собой и упоминаніе о моей встрѣчѣ съ польскимъ уполномоченнымъ Ч. и въ концѣ концовъ потребовало бы привлеченія къ процессу польскаго шпіонажа самого Л., что не входило въ расчеты Чеки.

О дѣлѣ польскаго шпіонажа я слышала незадолго до моего ареста и кое-что знала объ этомъ перестукиваясь съ сосѣдями.

Утомленный глупыми и столь надоевшими вопросами слѣдователя, очень нервный благодаря начавшимся болямъ въ почкахъ, я сказала слѣдователю:

„Позвольте мнѣ ходить по комнатѣ, такъ мнѣ

будетъ легче отвѣчать вамъ, у меня начинаются боли въ почкахъ.“

Ходя по комнатѣ отъ окна къ дверямъ, я парировалъ вопросы слѣдователя. Остановившись около окна, я мелькомъ взглянулъ на видѣвшуюся внизу улицу освѣщенную электрическимъ фонаремъ. Было вѣроятно часа 4 утра и свѣтъ фонаря сливался съ раннимъ весеннимъ разсвѣтомъ. Невольно я задумался и, вѣроятно, не слышалъ вопроса слѣдователя, такъ какъ изъ моего раздумья меня вывелъ его очень рѣзкій окрикъ. Этотъ окрикъ, боль въ почкахъ, дурацкіе вопросы слѣдователя вывели меня изъ моего обычнаго спокойствія. Не помня себя отъ раздраженія, топая ногами и стуча кулакомъ по столу, я высказалъ, вѣроятно, въ очень рѣшительныхъ выраженіяхъ мое мнѣніе объ Илларионовѣ и его начальникахъ. Илларионовъ сперва какъ будто ошалѣлъ при видѣ моей внезапной вспышки. Потомъ придвигая къ себѣ чернильницу онъ сказалъ: „Вы меня не поняли. Я и не думалъ на васъ кричать. Вы вотъ все время сыплете пепель вашей папиросы въ мою чернильницу и не дадите возможности мнѣ писать“...

Оказывается, я въ пылу раздраженія все время стуча одной рукой по столу, другой сбрасывалъ совершенно машинально пепель моей папиросы въ чернильницу слѣдователя.

Изъ моихъ неоднократныхъ бесѣдъ съ разными слѣдователями Чеки я вынесъ впечатлѣніе, что на этихъ полукультурныхъ людей несомнѣнно дѣйствуетъ корректныя, спокойныя манеры въ соединеніи съ твердостью и рѣшительностью.

Я неоднократно бывалъ свидѣтелемъ, какъ недопустимо грубо обращались слѣдователи съ заключенными совѣтскими гражданами и въ особенности съ евреями. Разбитыя въ кровь фізіономіи, выбитыя стволемъ револьвера зубы, площадная брань, — зарядныя явленія при допросахъ, и если бы я своими собственными глазами не видѣлъ изувѣченныхъ до неузнаваемости заключенныхъ, возвращавшихся съ допроса, то я никогда не повѣрилъ бы ихъ разсказамъ, настолько это противорѣчило тому, что я лично испытывалъ. Я не могу и не хочу дѣлать обобщеній, но нужно правду сказать, что тѣ евреи и тѣ совѣтскіе

граждане, которыхъ мнѣ случалось встрѣчать и видѣть въ тюрьмѣ избитыми послѣ допроса, были далеко не избранными дѣтьми Отца небеснаго. Подлинно культурныхъ и воспитанныхъ людей, а таковыхъ подавляющее количество въ совѣтскихъ тюрьмахъ, массами разстрѣливаютъ и массами ссылаютъ въ такія мѣста, гдѣ они умираютъ отъ истощенія, но я ни разу не замѣчалъ и не слышалъ, чтобы ихъ избивали или ругали.

Между прочимъ, тотъ же Илларионовъ какъ-то послѣ одного изъ допросовъ обратился ко мнѣ со словами:— „Надѣюсь, вы не можете пожаловаться на некорректность нашего обращенія?“

Я былъ такъ пораженъ этимъ циничнымъ лицемѣремъ, что сразу даже не нашелся что сказать.

Повидимому, Илларионовъ понялъ мое молчаніе иначе, чѣмъ слѣдовало, и пояснилъ свой вопросъ:— „Можетъ быть низшій тюремный персоналъ позволяетъ себѣ какую нибудь некорректность въ отношеніи васъ?“

Далѣе я уже не могъ сдержаться и высказалъ Илларионову все, что я думалъ о корректности въ примѣненіи этого понятія къ безвинно посаженному человѣку въ темную, холодную камеру, въ лишеніи его права получать передачу, въ угрозахъ разстрѣломъ и во всѣхъ этихъ безконечныхъ допросахъ и тому подобное. Илларионовъ все это спокойно выслушалъ и сказалъ:

— „Вы совершенно другомъ говорите. Вашу невиновность вы сами не желаете доказать, а темная камера, лишеніе передачи и все остальное — это въ порядкѣ регламента. Вы обвиняетесь въ столь тяжкихъ преступленіяхъ, что невозможно допустить ни малѣйшей возможности общаться вамъ съ внѣшнимъ міромъ. Таковъ законъ. Слѣдствіе окончится — тогда будетъ измѣненъ режимъ“.

Послѣ комическаго эпизода съ чернильницей я больше не видалъ Илларионова. Меня надолго оставили въ покоѣ въ моемъ темномъ склепѣ, и у меня создалось впечатлѣніе, что или обо мнѣ забыли, или рассчитывали довести меня до полного моральнаго и физическаго истощенія, ради какихъ-то невѣдомыхъ мнѣ цѣлей.

Въ моемъ одиночествѣ я наконецъ потерялъ счетъ днямъ. Если бы моменты дня не отличались очередными выдачами хлѣба, то нельзя было бы отличить дня отъ ночи.

Должно быть на дворѣ была уже полная весна, такъ какъ стѣны моей камеры не покрывались больше инеемъ и было настолько тепло, что я могъ спать раздѣтымъ, укрываясь лишь одѣяломъ.

Одиночество и могильная тишина сперва невыносимы. Но постепенно съ этимъ свыкаешься и всецѣло погружаешься въ міръ фантазій и воспоминаній. Можно часами лежать на койкѣ, совершенно забывъ объ окружающемъ и минуту за минутой перебирать всю свою прошлую жизнь. Встаютъ передъ глазами, какъ живые, образы прошлаго, которые, казалось бы, давнымъ давно умерли въ памяти и о которыхъ въ сутолкѣ повседневной жизни я никогда не вспоминалъ. Мельчайшія, самая незначительныя событія прошлой моей жизни здѣсь въ тишинѣ одинокого раздумья и созерцанія, вдругъ пріобрѣли неожиданно для меня громадное значеніе. Отдѣленный отъ этихъ событій рядомъ долгихъ лѣтъ, я начиналъ видѣть ихъ въ совершенно другомъ освѣщеніи. Тотъ, кто испыталъ длительное одиночество, когда считаешь себя заживо погребеннымъ и когда ни тѣло, ни мысли въ силу обстоятельствъ, не отвлекаются никакими заботами, тотъ знаетъ неисчерпаемую глубину внутренняго созерцанія.

Какая нибудь незначительная деталь въ событіяхъ нашей жизни, пустая фраза, даже жестъ, оказываются предопредѣлившими все дальнѣйшее теченіе жизни.

Чѣмъ больше я физически слабѣлъ, тѣмъ легче переносилось одиночество и, какъ это ни парадоксально, тѣмъ меньше я чувствовалъ физическія лишенія.

Все это время, можно сказать, промелькнуло, и когда меня вновь вызвали на допросъ въ кабинетъ начальника тюрьмы я съ удивленіемъ увидѣлъ на стѣнномъ календарѣ: „27-е мая“.

Изъ большого овальнаго зеркала на меня смотрѣлъ утомленный, истощенный человекъ съ безпо-

рядочко включенными волосами и... съдой бородой. Миѣ нужно было сдѣлать усиліе надъ своимъ сознаніемъ, чтобы понять, что это мое собственное отраженіе...

Кромѣ Мессинга въ кабинетѣ былъ еще высокій господинъ среднихъ лѣтъ съ болѣзненнымъ лицомъ очень скромно и корректно одѣтый въ штатскій костюмъ.

Оба — Мессингъ и тотъ другой — сидѣли за столомъ, на которомъ лежали какія то бумаги и документы.

Лицо товарища Мессинга миѣ было смутно знакомо и онъ, вѣроятно, замѣтивъ мой пристальный взглядъ, чуть улыбнувшись, сказалъ: — „Не узнаете? Моя фамилія — Дзержинскій“.

Тутъ я сразу вспомнилъ, что видѣлъ это лицо сотни разъ во всевозможныхъ журналахъ: видимо, Дзержинскій былъ увѣренъ въ своей популярности. Еще бы! Всероссійскій оберъ палачъ, ежедневно подписывающій сотни смертныхъ приговоровъ, творецъ вдохновитель и начальникъ Чеки!

Дзержинскій, на мой взглядъ, совершенно не произвелъ зловѣщаго впечатлѣнія.

Маленькая бородка, которую онъ все время чуть пощипывалъ пальцами, еще больше подчеркивала болѣзненную худобу его лица и онъ близоруко щурился отъ свѣта лампы. Держался онъ чуть сгорбившись и длинными бѣлыми пальцами свободной руки барабанилъ по столу. Я невольно подумалъ, глядя на эту блѣдную, болѣзненную руку, что вотъ эти самые пальцы сколько разъ сжимали рокоятку нагана, посылая въ упоръ пули въ несчастныхъ жертвъ.

Глухимъ голосомъ, съ мягкими удареніями на буквѣ Л, Дзержинскій миѣ сказалъ: „Ложь вамъ не поможетъ. Она никому еще никогда не помогала. Я случайно здѣсь и товарищъ Мессингъ миѣ про васъ говорилъ. Хочу на васъ посмотрѣть. Сознвайтесь и мы васъ ликвидируемъ тихо. Понимаете? Тихо“.

Вѣроятно, я понялъ это „ликвидировать тихо“ не такъ, какъ хотѣлъ сказать Дзержинскій.

Полагая, что миѣ угрожаетъ разстрѣлъ безъ суда. Я сказалъ: „Тихо меня нельзя ликвидировать. О моемъ арестѣ извѣстно финляндскому консульству“.

Тогда Дзержинскій, обращаясь къ Мессингу

удивленно спросил: — „Развѣ его не на границѣ взяли?“ Мессингъ торопливо отвѣтилъ:

— „Нѣтъ онъ пріѣхалъ легально, какъ агентъ“.

Дзержинскій, чуть подумавъ, сказалъ:— „Ну это въ концѣ концовъ все равно. Это ничего не значитъ, что консульство знаетъ о вашемъ арестѣ. Мы все обставимъ такъ, что можно будетъ все тихо, безъ шума ликвидировать“.

Все еще не понимая истиннаго значенія словъ Дзержинскаго, я опять, насколько могъ, рѣшительно сказалъ: — „Меня вамъ не удастся тихо ликвидировать. Будетъ большой скандалъ. По Дерптскому договору вы не имѣете право разстрѣливать финляндскихъ гражданъ, тѣмъ болѣе безъ суда. Финляндія изъ-за меня воевать, конечно, не станетъ, но дѣло не въ Финляндіи и не въ войнѣ, а дѣло въ томъ, что о моемъ разстрѣлѣ будутъ кричать всѣ газеты за границей“.

Сверхъ всякаго ожиданія Дзержинскій улыбнулся, а Мессингъ угодливо, изъ симпатіи къ своему начальнику засмѣялся.

Глядя на меня въ упоръ, Дзержинскій, какъ бы укоризненно, мнѣ сказалъ:— „Вы насъ не поняли. При чемъ тутъ разстрѣлъ? Наоборотъ. Мы хотимъ дать вамъ возможность, при извѣстныхъ условіяхъ, выйти на свободу. Вся эта исторія будетъ тихо ликвидирована. Понимаете? Хотите?“

У меня учащенно забилося сердце и я немедленно же отвѣтилъ: „Разумѣется хочу“.

— „Ну, вотъ и прекрасно. Обо всемъ съ вами подробно поговорить товарищъ Мессингъ. Вы семейный человѣкъ?“

— „Да“.

— „Гдѣ ваша семья? Въ Финляндіи?“

— „Да“.

— „У васъ есть родственники въ Россіи?“

— „Нѣтъ никого“.

— „Ну, пока можете идти“.

— „Когда же меня освободятъ?“

— „Ну, это нельзя сразу. Я вѣдь сказалъ вамъ уже, что надо все обставить извѣстными формальностями. Во всякомъ случаѣ мы не будемъ васъ долго держать“.

Вернувшись въ свою камеру, я отъ волненія не

могъ заснуть и всю ночь проходилъ по камерѣ. По-немногу успокоившись и обдумавъ все сказанное мнѣ Дзержинскимъ, я вдругъ почувствовалъ, что во всемъ этомъ кроется опять какое-то дьявольское хитросплетеніе. Или мой арестъ надѣлалъ въ Финляндіи шумъ и надо было поскорѣй отъ меня избавиться. Или мнѣ собирались предложить сдѣлаться тайнымъ сотрудникомъ Чеки.

Какъ только я остановился на этомъ послѣднемъ предположеніи и началъ его подробно развивать—я почти увѣрился въ томъ, что „соблюденіе извѣстныхъ условій“ именно и должно означать договоръ Чеки со мной, какъ съ тайнымъ агентомъ.

Разъ утвердившись въ этомъ предположеніи, я уже не могъ отрѣшиться отъ него, и въ полномъ отчаяніи и ужасѣ я рѣшилъ немедленно же вызвать надзирателя, потребовать карандашъ и бумагу и написать заявленіе, подробно изложивъ, что я не желаю вести никакихъ переговоровъ о моемъ освобожденіи.

Рано утромъ, получивъ бумагу и написавъ подробнѣшее заявленіе, я уже готовъ былъ его передать надзирателю какъ вдругъ мелькнула мысль: „А что, если я и теперь ошибся, такъ же, какъ при словахъ Дзержинскаго о ликвидаціи. Можетъ быть, они просто собираются отобрать отъ меня и отъ Копонена какую-нибудь подписку, чтобы мы молчали обо всемъ томъ, какъ съ нами обращались Чортъ съ ними, мы охотно дадимъ такую подписку, лишь бы выпустили. Все равно по нашемъ приѣздѣ въ Финляндію, они насъ уже не смогутъ заставить молчать.“

И такъ я рѣшилъ выждать, что мнѣ предложатъ чекисты, а тамъ уже будетъ видно, какъ надо дѣйствовать.

* * *

Черезъ четыре дня меня вызвалъ на допросъ новый слѣдователь по фамиліи Хоттака. Должно быть это бѣлорусская или польская фамилія. Послѣ цѣлаго ряда вопросовъ мнѣ предъявили еще три обвиненія:

- 1) тайныя сношенія съ международной буржуазіей,
- 2) дискредитированіе совѣтской власти,
- 3) экономическій шпіонажъ.

Итого меня обвиняли по 6 статьямъ, изъ которыхъ пять опредѣленно угрожали смертной казнью.

Какъ обычно я отказался подписать протоколъ допроса и обвинительные акты.

Къ концу допроса явился Мессингъ. Послѣ краткаго резюме всѣхъ моихъ преступленій Мессингъ постарался убѣдить меня, что я могу считать себя совершенно конченнымъ человѣкомъ. Затѣмъ послѣдовала пауза, послѣ которой къ моему великому удивленію и немалому смущенію, Мессингъ началъ весьма похвально отзываться о моемъ „приятномъ характерѣ“, „твердости“, „спокойствіи“ и даже „располагающей внѣшности“.

Становилось ужасно глупо. Я не принадлежу къ людямъ, страдающимъ избыткомъ застѣнчивости, но, хоть кого смутятъ комплименты чекиста.

Поэтому, чтобы подойти ближе къ дѣлу, я превралъ потокъ краснорѣчія Мессинга вопросомъ: „Когда меня освободятъ? Я вижу, что вмѣсто освобожденія вы мнѣ прибавили еще три статьи“.

— „Одно другому не мѣшаетъ. Все зависитъ отъ васъ. Согласны ли были бы вы, выйдя на свободу, давать намъ свѣдѣнія о вашихъ соотечественникахъ и о русскихъ эмигрантахъ, Мы будемъ давать вамъ задания. Вы будете прекрасно матеріально обставлены и мы вамъ дадимъ возможность заниматься коммерческими дѣлами, хотя бы въ томъ же самомъ помѣщеніи, гдѣ была ваша контора. Можете выписать вашу семью. Во время вашихъ заграничныхъ поѣздокъ мы сумѣемъ обставить васъ не хуже, чѣмъ ваша фирма“.

— „Я не хочу продолжать съ вами разговора на эту тему. Разрѣшите мнѣ идти обратно въ камеру“.

— „Вы напрасно торопитесь. Взгляните на себя, въ какомъ вы видѣ. Подумайте о вашей семьѣ. Вы знаете, что ваша жена хлопочетъ о полученіи визы на въѣздъ въ Россію? Вотъ подпишитесь на этомъ бланкѣ“.

На бланкѣ стояло что-то вродѣ нижеслѣдующаго:

„Я, нижеподписавшійся, обязуюсь выполнить возлагаемая на меня порученія во всемъ согласно полученныхъ инструкцій“. Я былъ такъ взволнованъ, что не помню дословно содержаніе этого „договора съ дьяволомъ“, и я не могъ углубляться въ чтеніе этого документа, такъ какъ это могло бы быть понято Мессин-

гомъ, какъ начало моего согласія принять сдѣланное мнѣ предложеніе.

Какъ можно спокойноѣ, я отодвинулъ листокъ съ текстомъ подписки, говоря: „Позвольте мнѣ идти въ камеру. Я не могу говорить съ вами обо всемъ этомъ. Ваше предложеніе мнѣ совершенно не подходитъ“.

— „Почему? Вы думаете, что мы не настолько богаты, чтобы оплачивать щедро ваши услуги? Ваша супруга пріѣдетъ сюда и вы тогда можете быть измѣните ваше мнѣніе“.

Упомянутое этимъ прохвостомъ о моей женѣ и вся гнусность этого предложенія переполнили чашу моего терпѣнія. Подробностей не помню. Отчетливо помню, что несмотря на мою тогдашнюю слабость, Мессингъ отлетѣлъ отъ меня увлекая за собой легенькій столъ со всѣми документами и чернильницей.

Хоттака размахивалъ револьверомъ и отбросилъ меня толчкомъ на стулъ. Я не удержалъ равновѣсія и полетѣлъ на полъ. Должно быть было много крику и шуму, потому что вся комната наполнилась людьми. Меня прижималъ къ полу какой то военный, а за ноги держала одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя дежурятъ въ корридорахъ для сопровожденія заключенныхъ въ камеры.

Когда меня подняли, Хоттака все еще размахивалъ револьверомъ, а Мессингъ, зеленый отъ злости крикнулъ:

„Увести этого! Я на васъ прикажу сумашесшедшую рубашку надѣть. Вы—сумасшедшій дегенератъ. Я васъ сокращу!“

Едва я отдышался въ камерѣ и началъ впотымахъ прикладывать компрессъ изъ носового платка къ вывихнутому большому пальцу лѣвой руки, какъ въ камеру вошелъ начальникъ тюрьмы, фельдшеръ, докторъ и два надзирателя. Прекрасно помню, что докторъ и фельдшеръ все время жались къ дверямъ и подошли ко мнѣ, когда начальникъ тюрьмы крикнулъ: „Да, идите же къ нему ближе и осмотрите его!“

Я держалъ себя совершенно спокойно и былъ такъ слабъ, что долженъ былъ сѣсть на койку. Фельдшеръ перевязалъ мнѣ палецъ и далъ мнѣ валериановыхъ капель.

Этимъ и окончился мой „бунтъ“, немѣвшіи никакихъ другихъ послѣдствій для меня.

Г л а в а 22-я.

Нѣтъ худо безъ добра. Теперь послѣ всего происшедшаго для меня было совершенно ясна вся исторія моихъ злоключеній и ихъ причинъ.

Все дѣло мнѣ рисуется такимъ образомъ: сначала совѣтскія власти вели со мной коммерческіе переговоры вполне серьезно и, вѣроятно, имѣли въ виду дать заказы нашей фирмѣ. Въ связи съ неудачами дипломатическихъ переговоровъ о признаніи совѣтскаго правительства, правительствомъ той южноамериканской республики, гдѣ находилась наша фирма, интересъ къ коммерческимъ переговорамъ со мной ослабѣлъ. У совѣтскихъ властей возникло подозрѣніе, что я въ невыгодномъ свѣтѣ освѣдомлялъ мою фирму о политическомъ и экономическомъ положеніи въ совѣтской Россіи и, весьма вѣроятно, что меня подозрѣвали, какъ и всякаго иностранца, вообще въ шпионажѣ. Мое отличное знаніе русскаго языка, моя бывшая служба въ Россійскомъ Императорскомъ флотѣ еще болѣе усиливали это подозрѣніе. Такъ какъ я пріѣхалъ въ совѣтскую Россію съ обыкновеннымъ заграничнымъ паспортомъ, а не съ дипломатическимъ, то правомъ экзекватуры и неприкосновенности личности я не пользовался. Живя вмѣстѣ съ персоналомъ консульства, посѣщая иностранныхъ миссіи и консульства, гдѣ у меня было много друзей, я могъ, по мнѣнію Чеки, слышать и видѣть много такого, что могло быть интереснымъ для Чеки. Такимъ образомъ, вѣроятно, постепенно назрѣвала въ умахъ чекистовъ мысль о желательности моего ареста, который въ концѣ концовъ и былъ произведенъ, оставленный, во избѣжаніе несприятностей, обвиненіемъ въ контрабандѣ. Попутно возникала мысль, что терроризируя меня, удастся получить отъ меня какія нибудь цѣнныя свѣдѣнія о дѣятельности нашего и другихъ консульствъ, а затѣмъ выпустить меня, даже безъ особыхъ извиненій, такъ какъ я не дипломатъ, а частное лицо, и финляндское правительство не станетъ ломать копыя изъ-за моего случайнаго ареста.

Когда надежды Чеки не оправдались, что подѣ

вліяніємъ террора я обогащу ихъ интересными секретными матеріалами, — рѣшено было попытаться склонить меня къ секретному сотрудничеству въ Чекѣ. Я являлся для этого учрежденія цѣннымъ человѣкомъ, благодаря моему положенію въ обществѣ, благодаря связямъ съ русскими эмигрантами по моей прошлой службѣ въ Императорскомъ флотѣ и благодаря моему финляндскому подданству, открывавшему мнѣ границы всѣхъ государствъ.

Но и этотъ расчетъ Чеки не оправдался, и вмѣсто согласія, я учинилъ драку и чуть самъ не былъ избитъ.

Что же будетъ дальше? Мои силы были уже на исходѣ, но можно было предполагать, что мои инквизиторы не остановятся на половинѣ дороги въ своихъ попыткахъ завербовать меня въ свои агенты. Чрезвычайно осложняло все дѣло фраза Мессинга о томъ, что моя жена хлопочетъ о полученіи визы на въѣздъ въ Россію.

Только этого не доставало въ добавокъ ко всѣмъ моимъ несчастьямъ! Если моя жена пріѣдетъ въ Петербургъ, то кто и что помѣшаетъ Ч. кѣ арестовать ее, хотя бы подъ предлогомъ того, что она моя сообщица. Вѣдь „они“ — все могутъ. А разъ моя жена будетъ арестована, то моя маленькая дочь, въ Финляндіи, окончательно осиротѣетъ, и, играя на моихъ чувствахъ къ ребенку, Чека въ концѣ концовъ сломитъ мое упорство.

Повидимому, всѣ усилія Чеки, будутъ теперь направлены къ тому, чтобы склонить мою жену къ поѣздкѣ въ совѣтскую Россію.

И я не ошибся въ своихъ предположеніяхъ. Уже послѣ всѣхъ моихъ невзгодъ, по моемъ возвращеніи въ Финляндію въ 1926-мъ году, я узналъ, что къ одному изъ служащихъ нашего консульства въ Петербургѣ явился въ началѣ іюня 1924 го года какой-то господинъ, отрекомендовавшійся инженеромъ Писаревскимъ. Онъ сообщилъ моему соотечественнику, что сидѣлъ вмѣстѣ со мной въ одной камерѣ и что я, рассчитывая на свое скорое освобожденіе, просилъ его зайти въ Финляндское консульство и передать мою настойчивую просьбу о скорѣйшемъ пріѣздѣ моей жены въ Петербургъ. Къ счастью въ нашемъ кон-

сульствѣ отнеслись съ сомнѣніемъ къ личности „инженера“ и къ достовѣрности его разсказа.

Къ моей женѣ въ Гельсингфорсѣ, однажды звонилъ по телефону какой-то „капитанъ Воронинъ“, якобы сидѣвшій вмѣстѣ со мной въ тюрьмѣ. Онъ сказалъ моей женѣ, что я въ отчаяніи, что жена моя медлитъ съ пріѣздомъ...

Ни инженера Писаревского, ни капитана Воронина я не встрѣчалъ ни разу въ своей жизни и поэтому я убѣжденъ, что оба эти лица были подсланы къ моимъ друзьямъ и къ моей женѣ все той же вездѣсущей Чекой.

* * *

Въ началѣ іюня, среди ночи меня вызвали изъ камеры. Полагая, что меня ведутъ опять на допросъ, я былъ весьма удивленъ, когда мой провожатый прошелъ мимо обычнаго поворота корридора, ведущаго въ камеры слѣдователей. Мы сдѣлали нѣсколько поворотовъ, и наконецъ оказались передъ дверью, выходящей повидимому, во дворъ. На маленькомъ четырехугольномъ дворикѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ высокими корпусами тюрьмы, стоялъ закрытый автомобиль, и около него прохаживались два чекиста въ формѣ... Быть выведеннымъ ночью изъ тюремной камеры, не только безъ вещей, но даже и безъ шляпы, и очутиться вмѣсто предполагаемаго допроса на тюремномъ дворѣ у шумящаго моторомъ автомобиля — вполнѣ достаточно, чтобы взволновать и не слабо-нервнаго человѣка. Еще до тюрьмы я слышалъ неоднократно отъ моихъ русскихъ знакомыхъ, о ночныхъ автомобиляхъ, увозящихъ жертвъ Чеки на мѣсто казни. — Это одна изъ страшныхъ, вѣчныхъ темъ-разговора въ совѣтской Россіи.

Нервная спазма противно мнѣ сжала горло, и съ громаднымъ усиліемъ я заставилъ себя произнести: „Куда меня везутъ?“, на что одинъ изъ чекистовъ коротко отвѣтилъ: „Увидите“. Постепенно я овладѣлъ собой и, когда автомобиль остановился, то наружно я былъ настолько спокоенъ, что сказалъ чекисту: „Я забылъ въ камерѣ папиросы. Не можете ли вы дать мнѣ одну папиросу. Купить сейчасъ негдѣ.“ Чекистъ съ любезной готовностью протянулъ мнѣ свой

портсигаръ и далъ мнѣ закурить отъ зажигалки. Выйдя изъ автомобиля, я съ удивленіемъ увидѣлъ, что мы прѣхали на Гороховую улицу № 2, въ главный штабъ Петербургской Чеки, т. е. туда гдѣ меня арестовали. Въ вестибюль одинъ изъ провожатыхъ оставилъ меня съ другимъ чекистомъ, а самъ побѣжалъ наверхъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся и, спустясь до второго этажа и перегнувшись черезъ перила, крикнулъ: „Веди его въ девятую, тамъ скажутъ“: Прямо изъ вестибюля, направо, мы прошли по длинному темному корридорю въ комнату № 9. Въ этой комнатѣ, повидимому, кто-то жилъ: на широкомъ диванѣ была постлана постель, стоялъ умывальникъ съ туалетными принадлежностями, и на письменномъ столѣ были разставлены фотографическія карточки. Мой провожатый, безъ церемоніи, выдвинулъ нѣсколько ящичковъ письменнаго стола, и найдя большую коробку съ папиросами, предложилъ мнѣ курить и закурить самъ. Такъ мы просидѣли, по крайней мѣрѣ, полъ часа. За перегородкой часы пробили 4 часа утра. Наконецъ открылась дверь и въ комнату вошелъ высокій, худой человекъ въ полувоенномъ формѣ, при револьверѣ и съ запиской въ рукѣ. Неувѣренно читая по бумажкѣ, съ запинками, онъ сказалъ: „Се-се-се-дирголь, Борисъ Леонтьевичъ.“ „Я отвѣтилъ: „Я—Седергхольмъ, Борисъ Леонидовичъ.“ Высокій человекъ окинулъ меня взглядомъ и сказалъ: „Пойдемте, идите впереди меня.“ Миновавъ корридоръ, мы повернули по болѣе широкому корридорю, и вдругъ мой проводникъ, чуть сжавъ мою руку пониже локтя, и говоря: „Сюда, оюда“, втиснулъ меня въ дверь. Войдя я невольно попятился. Передо мной была очень длинная комната съ чуть покатымъ цементнымъ поломъ. Ярко горѣло нѣсколько лампъ съ бѣлыми абажурами. Полъ былъ весь въ пятнахъ, пахло карболкой, а у стѣны стояли прислоненными нѣсколько узкихъ некрашенныхъ ящичковъ, вродѣ гробовъ. Прошло не болѣе 2—3 хъ секундъ, какъ мой провожатый, продолжая держать меня за локоть руки, быстро вызвалъ меня въ корридоръ, сказавъ какъ бы про себя: „А а—черты! Ошибся,“ не въ тотъ корридоръ попали.“

Это все было сплошной комедіей, и самая фраза

моего конвоира была продолженіемъ грубѣйшей и примитивной инсценировки. Ошибиться и перепутать корридоры было бы неммыслимо даже для пьянаго челоуѣка, такъ какъ тотъ корридоръ, въ который мы въ концѣ концовъ попали, послѣ посѣщенія загадочной комнаты, — былъ во второмъ этажѣ, и дверь той комнаты, куда мы теперь вошли, была ординарной, обыкновенной дверью жилого помѣщенія, тогда какъ двери комнаты, куда мы „ошибочно“ вошли, были толстыя, двойныя двери, облицованныя желѣзомъ.

Комната, въ которую мы теперь вошли, напоминала караульное помѣщеніе. У стѣны стояла пирамида съ ружьями, и на стѣнѣ висѣли нѣсколько револьверовъ въ кобурахъ и пулеметныя ленты. За большимъ письменнымъ столомъ сидѣли Мессингъ, Хоттака и еще какой-то очень полный челоуѣкъ еврейскаго типа, въ штатскомъ. Едва мы вошли, какъ Мессингъ недовольно и рѣзко сказала моему провожатому: „Гдѣ вы, товарищъ, такъ долго пропадали?“, на что тотъ отвѣтилъ, точно заученной заранѣ репликой: „Ошибся корридоромъ товарищъ въ бетонную попали“. На это Мессингъ ничего не отвѣтилъ, а только пожалъ плечами, и знакомъ предложилъ мнѣ сѣсть на стулъ около стола.

За долгое пребываніе въ совершенно темной камерѣ мои глаза отвыкли отъ свѣта, и всякій разъ на допросахъ, я былъ принужденъ отворачиваться отъ свѣта лампы или закрывать глаза рукой. Это всегда вело къ пререканіямъ со слѣдователемъ, который настаивалъ, чтобы я смотрѣлъ во время отвѣтовъ прямо ему въ глаза.

Такъ и въ этотъ разъ, Мессингъ, видя, что я отворачиваюсь отъ лампы и закрываю глаза, сказала: „Если вы лжете, то имѣйте, по крайней мѣрѣ, мужество смотрѣть намъ прямо въ лицо. Довольно мы съ вами тутъ церемонились. Вы совершенно не заслуживаете къ себѣ вѣжливаго отношенія.“

На это замѣчаніе Мессинга я отвѣтилъ, что не вижу не только вѣжливаго, а даже просто челоуѣческаго отношенія ко мнѣ.

— „Не притворяйтесь. Мы васъ давно уже раскусили. Смотрите намъ прямо въ лицо. Сегодня мы заканчиваемъ ваше дѣло. На дняхъ вамъ дадутъ

его прочесть и оно будет направлено въ центральную коллегію Чеки въ Москвѣ. Пока еще не поздно, отъ васъ зависитъ облегчить вашу участь и даже выйти на свободу. Вы знаете, что васъ ожидаетъ? — Не менѣ десяти лѣтъ строгой изоляціи, а можетъ быть даже и разстрѣлъ.”

— „Дѣлайте, что хотите, только не смѣйте меня запугивать, и совѣтую вамъ побереечь ваши приемы слѣдствія и запугиванія для старыхъ дѣвъ.“ Вырвавшаяся у меня фраза, точно откупорила потокъ моего краснорѣчія, и я уже безъ удержу, не выбирая выражений, высказалъ Мессингу и всѣмъ присутствующимъ все то, что уже неоднократно высказывалъ въ такихъ случаяхъ, когда терялъ самообладаніе и спокойствіе.

Въ этотъ разъ меня больше всего возмутила эта циничная, грубая и до нельзя глупая поѣздка въ автомобиль на Гороховую улицу и демонстрація знаменитой бетонной комнаты, демонстрація, которая, по мнѣнію чекистовъ, должна была окончательно сломить мое упорство.

Мессингъ прервалъ меня, грубо крикнувъ: „Вы — сумасшедшій. Много воображаете о себѣ. Никто васъ не думаетъ застрашивать. Когда понадобится, мы васъ и безъ застраживанія выведемъ въ расходъ. Ваше дѣло будетъ разбираться центральной коллегіей Чеки въ Москвѣ. Суда не будетъ, такъ какъ все совершенно ясно. Ваша жена получила визу на въѣздъ въ совѣтскую Россію. Смотрите, чтобы ея пріѣздъ не оказался слишкомъ позднимъ. Все могло бы быть совершенно иначе. — вы сами во всемъ виноваты. Если у васъ будетъ что-либо важное мнѣ сообщить — заявите начальнику тюрьмы, — я васъ вызову. Совѣтую вамъ рѣшиться скорѣе. Можете идти.“

Извѣстіе о предполагаемомъ пріѣздѣ моей жены въ Петербургъ, несмотря на мое недовѣріе ко всему что говорятъ чекисты, казалось мнѣ правдоподобнымъ и это извѣстіе окончательно сразило меня. Я былъ въ такомъ подавленномъ состояніи, и такъ физически ослабѣлъ, что совершенно не помню, какъ меня вывели, усадили въ автомобиль и доставили обратно въ тюрьму. Придя къ себѣ въ камеру, я должно быть сейчасъ же заснулъ тѣмъ сномъ, какимъ спятъ приговоренные къ смерти.

На слѣдующій день, съ возвращеніемъ физическихъ силъ, начались непереносимыя моральныя муки, и мысль, что ежечасно, ежеминутно можетъ прѣхать моя жена, и, быть можетъ, ее уже везутъ арестованной на границу, не покидала меня.

Съ замираніемъ сердца я слушала шаги надзирателя въ корридоръ, ожидая каждый мигъ, что вотъ-вотъ откроется дверь, меня поведутъ въ кабинку слѣдователя, и тамъ внезапно я увижу на мгновенье мою несчастную жену, которую мнѣ „покажутъ“ на моментъ, чтобы окончательно убѣдить меня, что мнѣ нѣтъ выхода.

Какъ только могъ спокойнѣе, я старался представить себѣ все, что могло произойти дальше, послѣ этой встрѣчи, и гдѣ-то въ таинственныхъ глубинахъ мозга уже созрѣвали проблески мысли сдать ся. но я все еще гасила ихъ бодрствующей совѣстью. Имѣю ли я право, во имя сохраненія моей чести, обречь мою жену и ребенка на невыносимыя страданія? Хорошо. Предположимъ, что я соглашаюсь на условія Чеки и поступаю къ нимъ на службу. Но неужели они настолько наивны, что не обставятъ наше соглашеніе такими гарантіями, какъ, на примѣръ, требованіе, чтобы моя семья жила въ Петербургѣ. А дальше что? Гдѣ я возьму силы, чтобы съ спокойной совѣстью выполнять заданія Чеки? Откуда взять тотъ запасъ подлости, чтобы искусно вкрадываться въ довѣріе къ людямъ и предавать ихъ, быть можетъ, на смерть?

Постепенно обдумавъ все, я съ совершенно спокойной совѣстью принялъ то единственное рѣшеніе, которое только и могло быть, такъ какъ нѣтъ двухъ моралей: несмотря ни на что—не сдаваться. Мои физическія силы на исходѣ и одинъ Богъ знаетъ, выдержу ли я, пока меня рано или поздно вытащитъ изъ тюрьмы Финляндское правительство. Но мой женѣ ничто серьезное не угрожаетъ. Если ее даже и арестуютъ на границѣ—этого нельзя будетъ скрыть и въ Финляндіи объ этомъ станетъ извѣстнымъ. Такое неслыханное извѣвательство надъ правомъ и закономъ, произведетъ за границей такое впечатлѣніе, что мою жену скоро освободятъ и возвратятъ на родину.

Приблизительно такъ думала въ то время. Много я слишкомъ переоцѣнила въ своихъ разсужденіяхъ,

и въ этомъ — мое счастье, такъ какъ, когда меня вызвали на допросъ 15 го іюня, я шель на него, хотя еле передвигая ноги, но въ душѣ у меня было полное спокойствіе и никакихъ колебаній.

Я былъ настолько увѣренъ, что моя жена уже арестована, что былъ даже удивленъ, когда слѣдователь Хоттака, совершенно спокойно протянулъ мнѣ тетрадь въ синей обложкѣ. говоря: „Вотъ прочтите ваше дѣло и подпишитесь. Оно пойдетъ въ Москву и приговоръ придетъ недѣль черезъ пять-шесть“.

Я съ большимъ любопытствомъ раскрылъ тетрадь, полагая, что наконецъ то я увижу всѣ свидѣтельскія показанія тайныхъ агентовъ, изобличающія мою „преступную дѣятельность“.

И что же я увидѣлъ?

Нѣсколько форменныхъ бланковъ, которые раньше давались мнѣ для подписи разными слѣдователями. Мои собственные отвѣты, подтверждающіе мою полную невинность во всѣхъ безъ исключенія предъявленныхъ мнѣ обвиненіяхъ; всѣ мои заивленія съ протестами и жалобами на слѣдователей, которые я такъ наивно писалъ въ первыя недѣли моего пребыванія въ тюрьмѣ; наконецъ нѣсколько открытыхъ писемъ, которые я въ разное время съ разрѣшенія слѣдователя посылалъ въ консульство.

На послѣднемъ, вдвое сложенномъ листѣ, мелкимъ шрифтомъ было написано подробное заключеніе Петербургской Чеки, перечислявшей всѣ мои преступленія. Постановленіе заканчивалось приблизительно такъ ... „а потому считая что всѣ предъявленные обвиненія къ финл гражданину Б. Л. Седерхольмъ доказаны, постановили: направить все дѣло и весь матеріалъ на заключеніе Центральной Коллегіи Г. П. У.. (прим. авт. „Г. П. У.“ — Чека). Далѣе подъ постановленіемъ было нѣсколько неразборчивыхъ подписей

Совершенно увѣренный, что Хоттака ошибся и далъ мнѣ для прочтенія не то, что слѣдовало, я сказалъ ему: „Здѣсь же ничего нѣтъ. Никакихъ матеріаловъ. Здѣсь даже нѣтъ указанія на первую причину моего ареста. Я не вижу показаній Копонена. Я, насколько помнится, обвиняюсь въ военной контрабандѣ. Здѣсь объ этомъ ни полъ слова. Вы ссылаетесь на какіе-то матеріалы, уличающіе меня въ

организации международного шпионажа. Гдѣ материалы?"

Отвѣтъ слѣдователя былъ буквально слѣдующій. „Все что нужно—вамъ дано для прочтенія. Остальное васъ не касается“.

Мнѣ ничего другого не оставалось, какъ по заведенному мною обыкновению, отказаться подписать всю эту ерунду. Послѣ стереотипнаго „Какъ вамъ угодно“ Хоттака аккуратно сложилъ бумаги въ портфель и сказалъ мнѣ:

„Ну, съ! Желаю вамъ всего хорошаго. Мы съ вами больше не увидимся. Сегодня васъ переведутъ на облегченный режимъ и вы будете ожидать приговоръ. Надѣюсь, вы не можете упрекнуть насъ въ некорректности по отношенію къ вамъ?“

О, эта трогательная забота Чеки о корректности! Больше я Хоттаки не видалъ.

Г л а в а 23-я.

Обманъ, культивируемый Чекой даже въ мелочахъ—это система. Меня перевели на облегченный режимъ 22-го іюня, т. е. черезъ недѣлю, послѣ того какъ мнѣ официально было объявлено, что все слѣдствіе обо мнѣ закончено и что все дѣло направляется въ Москву въ центральную коллегію Чеки. Такимъ образомъ, даже съ точки зрѣнія чеккисткой законности, меня произвольно держали въ темнотѣ на режимѣ „секретки“ лишнюю недѣлю.

Когда меня вызвали въ камеру отдѣленнаго особаго яруса, я былъ такъ слабъ, что не могъ нести моихъ вещей и съ громаднымъ трудомъ поднялся на третью галлерею. У отдѣленнаго я получилъ обратно мои подтяжки и галстухъ, и, поднявшись въ пятый этажъ, пройдя длинный корридоръ, мы остановились передъ камерой № 163, такъ называемаго 4-го отдѣленія. Камера была во всемъ тождественна ранѣ мною видѣннымъ, но было очень свѣтло, чисто и я сказалъ бы даже „уютно“, такъ какъ на столикѣ аккуратно накрытомъ бѣлой салфеткой, стояли въ кружкѣ цвѣты, на полкѣ лежалъ элегантный кожаный саквояжъ, а на старательно постланной койкѣ сидѣлъ пожилой, корректно одѣтый господинъ, очень симпатичной внѣшности. Какъ только я вошелъ,

сидѣвшій на койкѣ сразу поднялся, охватилъ меня рукой за талию и, усаживая меня на койку, сказала: „Вамъ дурно. Не волнуйтесь, и отдохните, все обойдется. Меня зовутъ Георгій Дмитріевичъ Чесноковъ, адвокатъ. А вы, вѣроятно, священникъ? „Мнѣ дѣйствительно было дурно, такъ какъ я отвыкъ отъ движеній и подъемъ на пятый этажъ меня очень утомилъ. Но высказанное моимъ новымъ знакомымъ предположеніе о моемъ духовномъ санѣ меня такъ развеселило, что я искренно засмѣялся: менѣ всего моя прошлая и настоящая профессія, мой складъ характера, привычки и внѣшность подходили къ духовной профессіи. Когда я объяснилъ Чеснокову, кто я, то недоразумѣніе разъяснилось. Чеснокова ввела въ заблужденіе моя деформировавшаяся въ тюремныхъ условіяхъ шляпа, мои отросшія волосы, борода и застегнутый до верху дождевикъ, подъ которымъ можно было предполагать скрытую рясу. Вскорѣ принесли доски, козлы и съ помощью Чеснокова я устроилъ себѣ постель. Послѣ ужасныхъ условій секретки новое помнѣ казалось верхомъ благополучія и комфорта. Оконная рама была вынута, и сквозь забранное рѣшетками окно вливался прелестный лѣтній день и вся камера была освящена солнцемъ. Вымывшись, въ первый разъ за 2¹/₂ мѣсяца, насколько было возможно тщательно, я съ большимъ аппетитомъ пообѣдалъ, братски предложенными мнѣ запасами Чеснокова. Этотъ добрый человѣкъ уже больше мѣсяца какъ сидѣлъ въ тюрьмѣ по обвиненію въ контръ-революціи и дескредитированіи совѣтской власти. Типичный славянинъ, Чесноковъ былъ весь во власти чувствъ и настроеній. Ему было 52 года, но изъ-за жизненныхъ невзгодъ онъ выглядѣлъ гораздо старше. Юристъ по профессіи, онъ выплылъ въ періодъ „Нэпа“ опять на поверхность жизни, войдя членомъ въ только что созданную коллегію адвокатовъ, или по совѣтской терминологіи — „правозаступниковъ“. Какъ ни односторонне совѣтское судопроизводство, но все же при извѣстномъ навыкѣ и осторожности, правозаступникъ иногда можетъ защищать своего кліента и добиться, если неполнаго оправданія, то смягчающаго приговора. Благодаря тому, что на судебныхъ разбирательства поступаютъ обычно дѣла, свя-

заняты съ уголовными или экономическими правонарушениями, правозаступники имѣютъ возможность избѣгать такихъ скользкихъ политическихъ вопросовъ, которые могли бы навлечь на защитника немилость совѣтской власти.

Чесноковъ довольно удачно практиковалъ и даже успѣлъ создать себѣ извѣстнаго рода популярность. Явилась возможность нанять квартиру въ три комнаты, одѣть жену, себя и дочь и покончить съ черной, тяжелой работой по разгрузкѣ барокъ, или по разборкѣ разрушенныхъ домовъ. Но все же это благополучіе внезапно рушилось по капризу неумолимой судьбы—совѣтская жизнь сдѣлала Чеснокову одну изъ своихъ стихійныхъ гримасъ.

Въ Петербургѣ, такъ же, какъ во всѣхъ большихъ совѣтскихъ городахъ, открыты правительствомъ игорные клубы для игры въ рулетку, макао, баккара и другія азартныя игры.

Доходъ съ этихъ учрежденій теоретически долженъ поступать въ кассу комиссаріата народнаго просвѣщенія. Клубы открыты круглыя сутки, но, разумѣется, наибольшее оживленіе царить въ нихъ по ночамъ, когда всѣ залы биткомъ набиты самой пестрой толпой: нѣпманы, иностранцы въ смокангахъ, проститутки, чекисты, совѣтскіе служащіе, рабочіе, преступники. Азартъ объединяетъ всѣхъ. Благодаря этимъ клубамъ и благодаря уродливымъ формамъ совѣтской общественной и экономической жизни происходитъ масса растратъ, подлоговъ, самоубійствъ и убійствъ. Но количество клубовъ растетъ, такъ какъ они даютъ громадный доходъ правительству и облегчаютъ для Чеки возможность слѣжки за обывателями.

Мѣсяца за четыре до моего ареста, сильно шумѣло въ Петербургѣ такъ называемое „дѣло Владимірскаго клуба, то есть игорнаго дома, помѣщающагося на Владимірской улицѣ. Была обнаружена растрата и подлоги среди самой администраціи клуба. Такъ какъ директоръ клуба, отвѣтственный и видный членъ губернскаго комитета коммунистической партіи былъ однимъ изъ главныхъ героевъ происшедшей панамы и ложилась тѣнь на честь партіи, то было рѣшено устроить, такъ называемый „показательный“ процессъ передъ громадной аудиторіей рабочихъ. Об-

вняемымъ было свыше двукротъ человекъ и вся тяжесть обвиненія легла на мелкихъ служащихъ: крупье, мѣняль, кассировъ, лакеевъ и тому подобнхъ. Одного изъ крупье, которому грозила смертная казнь, взялся защищать Чесноковъ.

Произнося защительную рѣчь, Чесноковъ обрисовалъ сначала характерную вѣшность и назначеніе любого государственнаго учрежденія, а затѣмъ, довольно ярко и образно обрисовалъ слушателямъ картину совѣтскаго игорнаго притона, не забывъ упомянуть о массѣ кокотокъ, о вѣчныхъ скандалахъ и дракахъ, о преступномъ элементѣ наполняющемъ залы ночнаго притона. Приведя краткую, но убѣдительную статистику преступленій, поражаемыхъ существованіемъ игорныхъ клубовъ, Чесноковъ закончилъ рѣчь приблизительно такъ: „Граждане судьи, мнѣ хотятъ доказать, что Владимирскій клубъ есть государственное учрежденіе самой идеальной въ мѣрѣ социалистической республики и моего подзащитнаго крупье разсматриваютъ, какъ измѣнника пролетарской идеологіи“...

Въ концѣ концовъ кліентъ Чеснокова отдѣлался небольшимъ наказаніемъ, но онъ самъ съ момента произнесенной имъ защительной рѣчи попалъ въ уголь зрѣнія Чеки. Начались систематическія преслѣдованія какъ его самого, такъ и его кліентовъ. Дважды чекисты нагрянули на квартиру Чеснокова съ ночнымъ обыскомъ, забравъ довѣренныя ему его кліентами документы. Въ маѣ его арестовали и предъявили обвиненіе въ дискредитированіи совѣтской власти и въ контръ-революціонной дѣятельности.

Чесноковъ очень нервничалъ, такъ какъ боялся, что все его дѣло пойдетъ не въ судъ, а административнымъ порядкомъ, то есть черезъ Чеку, а это не предвѣщало ничего утѣшительнаго, такъ какъ заочные приговоры Чеки всегда жестоки и не подлежатъ никакой кассациі. Семья Чеснокова была обречена на голодную смерть, такъ какъ скудныхъ сбереженій должно было хватить на очень короткое время и мой несчастный товарищъ впадалъ по временамъ въ безъисходное отчаяніе.

Ко всѣмъ бѣдамъ Чесноковъ страдалъ хронической болѣзнью почекъ, одна почка у него была вырѣзана и ему была необходима строгая діета. Полу-

чая еженедѣльно передачу отъ жены, онъ со слезами на глазахъ говорилъ мнѣ: „Вотъ посылаютъ мнѣ молоко, масло и бѣлое мясо, а самимъ скоро будетъ нечего ѣсть“.

Но, вѣрный своему славянскому темпераменту, онъ иногда проникался совершенно непонятнымъ оптимизмомъ и надеждой на судьбу, и въ такіе моменты былъ очень живымъ, остроумнымъ и незамѣнимымъ собесѣдникомъ.

Съ перваго же дня нашего знакомства мы подружились и съ каждымъ днемъ наша дружба крѣпла. Мнѣ нравилась исключительная деликатность моего друга, никогда ни однимъ намекомъ не проявлявшаго любопытства и не спрашившаго меня ни о причинахъ моего ареста, ни о подробностяхъ моей жизни въ Россіи.

Ежедневно насъ выпускали на прогулку на тюремномъ дворѣ и въ теченіе 15 минутъ мы наслаждались моціономъ, бѣгая по тротуару вдоль одной изъ сторонъ большого четырехугольнаго центрального тюремнаго двора. Съ нами вмѣстѣ гуляло одновременно еще нѣсколько заключенныхъ изъ сосѣднихъ съ нами камеръ и мы могли съ ними иногда разговаривать.

Среди этихъ заключенныхъ Чесноковъ встрѣтилъ однажды своего коллегу и эта встрѣча, впоследствии, сыграла въ моей жизни благодѣтельную роль.

По другую сторону двора гулялъ часто арестованный польскій священникъ, прелатъ графъ Дмовскій и дважды я видѣлъ гулявшаго по центральному кругу, окруженному частоколомъ, англійскаго капитана Рейли, котораго, какъ говорили у насъ тогда, привезли изъ Москвы по очень крупному дѣлу, въ связи съ арестомъ извѣстнаго Савинкова.

На слѣдъ капитана англійской службы Рейли, судьба дважды натолкнула меня въ тюрьмѣ въ разное время, и я не предполагалъ въ это время, что этому человѣку предстоитъ такой ужасный конецъ о которомъ я узналъ изъ газетъ въ 1927 году по возвращеніи на родину.

Въ первый же день пребыванія въ 4-мъ отдѣленіи я послалъ открытое письмо въ консульство, въ которомъ написалъ буквально слѣдующее: „— Здоровъ, мнѣ разрѣшено получать передачу. Седерхольмъ“.

Черезъ четыре дня послѣ отправки такого письма я получилъ первую передачу и потомъ продолжалъ еженедѣльно получать ее во все время своего пребыванія въ 4 мѣ отдѣленіи.

Это было во время, ибо я совсѣмъ ослабѣлъ, а радушіе и помощь Чеснокова больно отзывались въ моемъ сердцѣ, такъ какъ онъ дѣлился со мной послѣднимъ, что посылала ему его бѣдная жена.

Разъ въ недѣлю мы могли выписывать книги изъ тюремной бібліотеки, очень обширной, такъ какъ бібліотека перешла по наслѣдству отъ стараго дореволюціоннаго времени.

По моей просьбѣ, мнѣ присылали громадныя передачи и я, по выраженію Чеснокова, ѣлъ и вель себя, какъ будто попалъ въ санаторію.

Одинъ разъ въ двѣ недѣли насъ водили въ баню, очень грязную и запущенную, но все таки это было громаднымъ удовольствіемъ. Наша камера, благодаря намъ самимъ была образцовой чистоты и мы ежедневно, раздѣвшись до нага, окатывались холодной водой,—которую набирали въ наши тазы и бидоны изъ умывальнаго крана. Потомъ начиналось тщательное мытье пола и стѣнъ. Я очень быстро поправлялся и спокойствіе опять вернулось ко мнѣ. Украдкой мы смотрѣли въ окно на гулявшихъ во дворѣ. Внутри полисадника по кругу послѣ обѣда и до самаго вечера гуляли заключенные изъ такъ называемыхъ общихъ камеръ. Гуляли они по 80—100 человекъ сразу, такъ какъ, повидимому, на прогулку выпускались одновременно нѣсколько камеръ. Каждая 20 минутъ въ наше окно долеталъ крикъ: — „Кончай прогулку, граждане!“

Это кричалъ знаменитый въ русской современной исторіи, старикъ Василій Степановичъ, тридцать два года ежедневно, каждая 20 минутъ повторяющій свое: „Кончай прогулку“.

Его обязанность была водить заключенныхъ общихъ камеръ на прогулку во дворъ и доставлять обратно въ камеры.

За революціонное время количество „воспитанниковъ“ Василя Степановича невѣроятно увеличилось и ихъ интеллектуальный уровень повысился. До революціи Василю Степановичу приходилось водить на прогулку преимущественно уголовный элементъ и

лишь иногда политических преступников — обычно студентов, теперь же заключенные принадлежали к образованному и аристократическому классу общества. От часу дня и до семи часов вечера сквозь палисадник проходило ежедневно свыше 2000 человек. До часу дня гуляли особо важные и привилегированные заключенные. Наша тюрьма была в исключительном распоряжении Чека и официально называлась „домъ предварительнаго заключенія“, или сокращенно по-советски, Дв-Пз-Зэ. Это сокращенное название дало повод к довольно мѣткому прозвищу тюрьмы: „домъ пролетарской забавы“.

Смотрѣть въ окно строжайше запрещалось, но все таки съ осторожностью это можно было продѣлывать, пользуясь промежуткомъ между двумя периодическими заглядываніями корридорнаго надзирателя въ глазокъ камерной двери.

Иногда часовой, солдатъ, стоявшій всегда на вышкѣ, въ центрѣ обнесеннаго палисадникомъ круга, замѣчалъ въ окнахъ камеръ лица какихъ-нибудь заключенныхъ. Въ такихъ случаяхъ часовой кричалъ:

„Сойди съ окна!“

Если заключенной не сходилъ, слѣдовала выстрѣль. Всѣ стѣны вокругъ тѣхъ оконъ, которые разрѣшается держать открытыми, избиты пулями и я самъ, однажды, чуть серьезно не пострадалъ, благодаря своей разсѣянности и глухотѣ. Засмотрѣвшись внизъ на заинтересовавшаго меня англійскаго капитана Рейли, гулявшаго въ палисадникѣ по утрамъ, я, вѣроятно, не далъ себѣ отчета или не слышалъ предупрежденія солдата.

Одновременно съ раздавшимся выстрѣломъ Чесниковъ сорвалъ меня съ окна, за ноги, а пуля ударившись въ лѣвую стѣнку оконной амбразуры рикошетомъ отлетѣла внутрь нашей камеры, и деформированная упала около двери. Иногда случалось, что многочисленные студенты и студентки, сидѣвшіе частью въ камерахъ нашего отдѣленія, а частью въ камерахъ такъ называемаго шестого отдѣленія, перпендикулярнаго къ нашему корпусу, начинали шумно протестовать и организовывали своего рода митинги. Сначала, то въ одномъ, то въ другомъ окнѣ показывалась голова одного изъ студентовъ или студентокъ

и часовой то и дѣло стрѣлялъ по разнымъ направлєніямъ. Молодежь шумными криками и свистками отвѣчала на каждый выстрѣлъ. Слышно было, какъ по нашему корридорѣ безпомощно метался надзиратель, стараясь поймать бунтовщиковъ. На дворѣ, у вышки часового, выстраивался весь свободный составъ караульныхъ и начальникъ тюрьмы въ рупоръ призывалъ молодежь къ порядку. На нѣсколько минутъ какъ будто бы, все успокаивалось, но потомъ начался митингъ. Одинъ какой-нибудь наиболѣе краснорѣчивый и смѣлый среди студентовъ, кричалъ въ сдѣланный изъ бумаги рупоръ черезъ окно призывая своихъ товарищей къ полной солидарности. Мнѣ запомнился отрывокъ одной такой импровизированной рѣчи, которую говорилъ черезъ окно очень пріятнымъ баритономъ, должно быть, очень юный ораторъ, студентъ социалистъ-революціонеръ. Обрисовавъ яркими красками весь ужасъ и произволь, творимый совѣтской властью, ораторъ закончилъ: „Товарищи, насъ бросаютъ въ тюрьмы, наши братья и сестры находятся ежечасно подъ угрозой ареста и смертной казни. Въ Россіи нѣтъ своаоднаго слова и несчастный русскій народъ во имя какихъ-то фантастическихъ доктринъ подвергается вивисекціи. Страной править кучка узурпаторовъ и негодяевъ Товарищи! Часть изъ насъ не сегодня завтра разстрѣляютъ или сошлютъ въ Сибирскую тайгу, но рано торжествуютъ палачи! Всю Россію въ тюрьмы не упрятать, за нами идутъ сотни, потомъ будутъ тысячи и милліоны! Товарищи! Да здравствуетъ великая, свободная Россія и великій, свободный, русскій народъ! Къ чорту узурпаторовъ, палачей, насильниковъ! Къ чорту азіатскую власть! Къ чорту авантюристовъ и сумасшедшихъ!“

Изъ всѣхъ оконъ раздались восторженные крики ура и полетѣли внизъ зажженные пучки соломы и горящія матрацы. Зазвенѣли разбиваемыя оконныя стекла, и крики не смолкали. Часовой и вызванный карауль стрѣляли на-угадъ по разнымъ направлєніямъ и въ нашемъ корридорѣ бѣгало нѣсколько надзирателей, хлопали открываемыя двери камеръ и женскіе истерическіе крики прерывались площадной бранью надзирателей.

Молодежь успокоилась лишь подъ вечеръ. Въ

этот же день опять произошло два самоубійства. Студентъ изъ 176-й камеры перерѣзалъ себѣ вены осколкомъ оконнаго стекла, а двѣвушка-студентка, которую всѣ студенты звали „Варенька“, бросилась съ пятой галлерей внизъ, когда ее проводили черезъ особый ярусъ на допросъ.

За четыре съ половиной мѣсяца моего пребыванія въ четвертомъ отдѣленіи, мнѣ извѣстно 29 случаевъ самоубійствъ въ нашемъ отдѣленіи, то-есть почти два самоудійства въ недѣлю. Но мнѣ, вѣроятно, извѣстно далеко не обо всѣхъ самоубійствахъ.

Г л а в а 2-я.

Какъ въ нашемъ отдѣленіи, такъ и въ другихъ отдѣленіяхъ тюрьмы, сидѣло много женщинъ, такъ какъ женское отдѣленіе было частью въ ремонтѣ, и не имѣло въ достаточномъ количествѣ одиночныхъ камеръ.

Однажды, вызванный вмѣстѣ съ Чесноковымъ для полученія передачи, я замѣтилъ сквозь неторопливо закрываемую надзирателемъ дверь сосѣдней камеры, что тамъ находятся двѣ женщины, насколько можно было успѣть разсмотрѣть, я замѣтилъ, что наши сосѣдки устроились съ большимъ комфортомъ и обѣ были элегантно одѣты. Подѣлившись своимъ наблюденіемъ съ нерасторопнымъ Чесноковымъ, я условился съ нимъ, что на обратномъ пути онъ какъ-нибудь задержитъ надзирателя, чтобы дать мнѣ возможность пройти впередъ и заглянуть въ глазокъ двери сосѣдней камеры. Въ тюрьмѣ всегда полезно все видѣть, и все, по возможности, знать.

Какъ было условлено, Чесноковъ споткнулся на обратномъ пути и, уронивъ корзину съ передачей, рассыпалъ по полу бѣлье, булки, яблоки и сахаръ. Пока онъ переругивался съ надзирателемъ и собиралъ все разсыпанное, я быстро прошелъ впередъ, чуть постучалъ въ дверь, соблюдая приличіе, и, откинувъ язычекъ глазка, заглянулъ въ камеру нашихъ сосѣдокъ. Обезпокоенная неожиданнымъ стукомъ, обѣ дамы выжидательно обернулись лицомъ къ дверямъ, и я могъ разсмотрѣть, что обѣ онѣ были среднихъ лѣтъ, миловидны и, повидимому, принадлежали къ образованному классу общества.

Войдя къ себѣ въ камеру и приведя въ поряд-

докъ передачу, я немедленно же предпринялъ шаги къ знакомству съ нашими сосѣдками, разумѣется по способу перестукиванія. Чесноковъ съ завистью слѣдить за моими переговорами, такъ какъ онъ очень плохо владѣлъ этимъ драгоценнымъ въ тюрьмѣ, искусствомъ общенія съ сосѣдями.

Наше знакомство съ дамами наладилось очень быстро, и онѣ оказались очень пріятными собесѣдницами. Одна изъ нихъ была женой юриста, а другая оказалась женой моего бывшего сослуживца капитана 2 го ранга Балкъ. Узнавъ это, я наввалъ себя и сказалъ, что до революціи я однажды плавалъ вмѣстѣ съ мужемъ г-жи Балкъ на одномъ кораблѣ.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней, наше знакомство черезъ стѣнку перешло въ дружбу, и два раза мы даже умудрились переброситься словами, во время утренней уборки, когда сразу открываются двери 2—3 хъ камеръ для выметанія сора изъ камеры въ корридоръ.

Мужья нашихъ сосѣдокъ находились въ шестомъ отдѣленіи той же тюрьмы, но онѣ не имѣли о нихъ никакихъ свѣдѣній. Обѣ дамы сидѣли уже шестой мѣсяць по обвиненію въ шпіонажѣ, но слѣдствію по ихъ дѣлу все еще не предвидѣлось конца. „Дѣло“ нашихъ сосѣдокъ было стереотипнымъ, и такихъ „дѣлъ“, создаются десятки, если не сотни ежедневно въ совѣтской Россіи.

Подруга г-жи Балкъ — г-жа Балаханова, имѣла по совѣтскимъ понятіямъ большую квартиру, въ четыре комнаты. Согласно закона, можно было пользоваться только тремя комнатами, такъ какъ вся семья состояла изъ четырехъ человекъ: самого Балаханова, его жены, ея матери и маленькаго сына. Такъ какъ Балахановъ былъ до революціи чиновникомъ министерства юстиціи, то домовый комитетъ все время шридирался къ нему, и грозилъ кого-нибудь къ нему вселить изъ „пролетарскаго“ элемента. Чтобы избѣжать нежелательнаго квартиранта, Балахановы пригласили къ себѣ какъ жилищу, одну знакомую барышню, служившую въ какомъ то военномъ кооперативѣ. За этой барышней ухаживалъ секретарь одного изъ иностранныхъ консульствъ. Иногда, по вечерамъ, за чайнымъ столомъ Балахановыхъ соединялось небольшое

общество: влюбленный дипломатъ, ховяева, ихъ жидка и ихъ старинные друзья-супруги Баакъ. Все окончилось арестомъ и обвиненіемъ въ шпионажъ. Пока не постигла только старушка — мать г-жи Балахановой и дипломатъ, благодаря его дипломатическому паспорту.

Какъ разъ въ періодъ моей дружбы съ сосѣдками, онѣ рѣшили объявить голодовку, требуя скорѣйшаго окончанія слѣдствія и личнаго свиданія съ мужьями. Обо всѣхъ деталяхъ голодовки онѣ освѣдомляли насъ ежедневно, и мы, какъ только было въ нашихъ силахъ, старались ихъ морально поддержать. На пятый день слышно было какъ то входилъ къ нимъ въ камеру нѣсколько разъ, а на шестой день обѣ дамы сообщили намъ, что прекращаютъ голодовку, такъ какъ пріѣзжалъ самъ прокуроръ и далъ имъ слово, что все „дѣло“ на дняхъ будетъ закончено, и что всѣ участники будутъ выпущены до суда на свободу. Личное свиданіе съ мужемъ получила только г-жа Балаханова, такъ какъ мужъ г-жи Баакъ, умеръ въ тюремной больницѣ въ психіатрическомъ отдѣленіи.

Вскорѣ обѣихъ дамъ куда то перевели, и спустя годъ послѣ описаннаго эпизода, я встрѣтился съ одной изъ нихъ въ Соловецкомъ концентраціонномъ лагерѣ. Въ хрупкой фигуркѣ, стоявшей почти по колѣно въ жидкой грязи, я съ трудомъ узналъ мою элегантную тюремную сосѣдку. Она работала по разгрузкѣ кирпичей съ баржъ, пришедшихъ на Соловки изъ Кеми. На обтянутомъ сухой, коричневой кожей лицѣ, страдальчески мерцали громадные глаза, въ которыхъ какъ-бы застыли ужасъ и пережитыя мученія. Я самъ таскалъ бревна для ремонта пристани и разговаривать долго было невозможно. Разумѣется, никакого суда по „дѣлу“ нашихъ сосѣдокъ не было. Одна была сослана въ Соловецкій лагерь на пять лѣтъ, а другая въ Сибирь въ Нарымскій край. О мужѣ я не спросилъ, не желая раставлять душевной раны. Нашъ разговоръ прекратился внезапнымъ окрикомъ надзирателя за работами: „Чего разговорился тутъ? Свинца въ затылокъ захотѣлъ?“

Я не хотѣлъ свинца въ затылокъ, и вернулся къ прерванной работѣ...

Въ началѣ сентября наступила холодная, дождливая погода, окно пришлось закрыть и въ камерѣ сдѣлалось мрачно, сыро и холодно. Чесноковъ совсѣмъ расхворался и цѣлыми днями лежалъ на койкѣ, сдерживая стоны. Изъ разговоровъ съ сосѣдями на ежедневныхъ прогулкахъ, я замѣтилъ, что многіе заключенные нашего отдѣленія пользовались правомъ еженедѣльнаго свиданія со своими родными. Я же пользовался лишь единственнымъ правомъ общенія съ „волей“, въ видѣ еженедѣльныхъ передачъ. Эти передачи просматривались администраціей дважды: въ канцеляріи тюрьмы и отдѣленнымъ при выдачѣ миѣ. Все разрѣшалось на мельчайшіе кусочки, а папиросы миѣ совсѣмъ запретили получать съ воли, такъ какъ я протестовалъ противъ отрыванія папиросныхъ картонныхъ мундштуковъ, въ которыхъ администрація тюрьмы пытались обнаружить спрятанныя для меня записки. Такимъ образомъ я рѣшительно ничего не зналъ о томъ, что предприняло консульство для моего освобожденія, и извѣстно ли консульству, въ чемъ состоитъ мое „дѣло.“ Я много читалъ, какъ книги изъ тюремной библіотеки, такъ и совѣтскія газеты, которыя разрѣшалось покупать черезъ отдѣленнаго. Небольшую сумму денегъ я имѣлъ право еженедѣльно выписывать съ моего личнаго счета, такъ какъ на мое имя были внесены моими друзьями деньги въ канцелярію тюрьмы.

По совѣту Чеснокова я подалъ заявленіе прокурору Чеки съ просьбой разрѣшить миѣ свиданіе съ кѣмъ-либо изъ моихъ соотечественниковъ изъ Финляндскаго консульства. Одновременно съ этимъ заявленіемъ я написалъ въ консульство открытое письмо съ просьбой хлопотать о разрѣшеніи свиданія со мной. Ни то, ни другое не имѣло никакого успѣха. Вторичное заявленіе постигла та же участь, и потерявъ терпѣніе, я вызвалъ начальника тюрьмы — Богданова.

Этотъ Богдановъ — интересная фигура, такъ сказать, продуктъ революціи. Въ 1917-мъ году онъ дезертировалъ съ русско-германскаго фронта, и принималъ дѣятельное участіе въ революціи на улицахъ Петербурга. До 1919-го года онъ состоялъ въ осо-

бомъ отрядъ Чеки по искорененію шпіонажа и контрреволюціи." Въ періодъ 1920—1921-го годовъ Богдановъ былъ назначенъ старшимъ палачемъ Чеки при нашей тюрьмѣ. 1922 мѣ году, пройдя высшую партійную школу, онъ былъ назначенъ начальникомъ нашей тюрьмы. Во время одного изъ очередныхъ разстрѣловъ въ подвалѣ тюрьмы, одна изъ жертвъ Богданова вцѣпилась зубами въ мизинецъ его лѣвой руки и откусила его. Богдановъ до сихъ поръ съ гордостью рассказываетъ своимъ оподчиненнымъ исторію потеряннаго пальца и съ неменьшей гордостью за своего храбраго начальника, мнѣ передалъ эту исторію одинъ изъ надзирателей, котораго мы съ Чесноковымъ „прикармливали."

Изъ моей бесѣды съ Богдановымъ ничего особеннаго я не узналъ, такъ какъ онъ сказалъ мнѣ, что все послано, куда слѣдуетъ, и что онъ — Богдановъ, не можетъ заставить моихъ земляковъ придти ко мнѣ на свиданіе, если они этого сами не хотятъ. Оставалось одно: ждать приговора, такъ какъ всѣ пути къ общенію съ внѣшнимъ міромъ были закрыты. Нѣсколько разъ я ломалъ себѣ голову, придумывая какой-нибудь способъ дать знать о себѣ своимъ друзьямъ при помощи такъ называемой „обратной передачи." Грязное бѣлье, пустые бидоны и изъ подъ молока термосъ, всякая посуда и т. п., носятъ названіе обратной передачи, которую въ извѣстные дни заключенные сдаютъ отдѣленному для отправки „на волю". Благодаря крайнему обнищанію совѣтскихъ гражданъ, очень мало заключенныхъ получающихъ передачу и обратной передачи почти не бываетъ. Поэтому каждая мелочь обратной передачи прощупывается и осматривается самымъ тщательнымъ образомъ. Если администрація тюрьмы обнаруживаетъ въ отправляемыхъ вещахъ что-нибудь подозрительное, то виновный навсегда лишается права получать передачу. Какъ ни былъ великъ рискъ, я все же попытался одинъ разъ дать знать о себѣ на волю. Чуть подпоровъ подкладку у запасныхъ брюкъ, я вложилъ въ поясъ очень маленькую записку. Повидимому, это не было замѣчено администраціей тюрьмы, иначе я почувствовалъ бы это немедленно. Но къ сожалѣнію, и мои друзья тоже не обнаружили этой записки...

Въ срединѣ сентября въ нашей камерѣ появился третій жилецъ: адъютантъ Пулковской астрономической обсерваторіи, приватъ-доцентъ Подгорный. Еще черезъ два дня къ намъ вселили бывшаго чиновника дворцоваго вѣдомства Лапина.

Становилось тѣсно. Вскорѣ послѣ Лапина пришелъ еще одинъ, который называлъ себя Богомолымъ. Этотъ Богомолъ велъ себя какъ-то очень странно, и у насъ создалось впечатлѣніе, что онъ нарочно подсаженъ къ намъ отъ Чеки, какъ шпионъ. Сначала онъ напрашивался на откровенности къ Подгорному, а потомъ началъ приставать и ко мнѣ. Тѣснота, духота, неопредѣленность моего положенія сдѣлали меня опять очень нервнымъ, и кончилось тѣмъ, что я вспылить и поколотилъ Богомолова.

Послѣ этого инцидента мнѣ было невыносимо тяжело оставаться въ камерѣ, гдѣ нельзя было свободно повернуться: противная физиономія Богомолова вѣчно была передо мной. Поэтому я былъ очень радъ когда по жалобѣ, того же Богомолова, меня посадили въ карцеръ. Карцеръ оказался гораздо лучше чѣмъ тѣ обѣ секретки, въ которыхъ я отсидѣлъ почти два мѣсяца. Окна въ карцерѣ не было, но сгорѣла все время электрическая лампочка, было тепло, сухо и я былъ одинъ со своими мыслями. Въ карцерѣ мнѣ продержали пять дней, и на шестыя сутки меня опять вернули въ камеру № 163. Ни Богомолова, ни Подгорнаго уже не было, и я засталъ лишь Лапина и друга Чеснокова, которые восторженно меня привѣтствовали.

22-го сентября около 12-ти часовъ ночи Лапина вызвали изъ камеры безъ вещей и онъ больше къ намъ не вернулся. На слѣдующій день мы узнали на прогулкѣ, что и изъ другихъ камеръ были вызваны одновременно съ Лапинымъ его бывшіе коллеги, т. е. чиновники и мелкіе служащіе бывшей царской охраны. Они также какъ и Лапинъ, были вызваны спѣшно, безъ вещей, и больше не вернулись въ свои камеры. Уже впоследствии, сидя въ отдѣленіи общихъ камеръ, я бывалъ неоднократно свидѣтелемъ, какъ разъ въ недѣлю, по четвергамъ, вызывали осужденныхъ на смертную казнь. Но объ этомъ я расскажу подробнѣе въ слѣдующихъ главахъ.

Въ самомъ концѣ сентября, меня однажды вызвали къ тюремному фотографу и сфотографировали меня въ трехъ видахъ. По мнѣнію Чеснокова это означало близкое рѣшеніе моего дѣла, какую-то перемѣну моей тюремной участи.

Чесноковъ все время хворалъ, я нервничалъ. Такъ дожили мы до октября мѣсяца.

Г л а в а 25-я.

Въ началѣ октября, однажды вечеромъ, меня вызвали въ корридоръ и какой-то субъектъ, скороговоркой и вполголоса прочиталъ мнѣ приговоръ „Особаго совѣщанія центральной коллегіи Чеки“. Изъ всего прочитаннаго я понялъ лишь одно: за всевозможные преступленія противъ совѣтской власти я былъ присужденъ къ заключенію на три года въ Соловецкомъ концентраціонномъ лагерѣ, безъ зачета времени предварительнаго заключенія и безъ права подавать прошеніе о кассациі или помилованіи.

Этапъ уходилъ черезъ 10 дней и въ свиданіи съ кѣмъ-либо изъ моихъ соотечественниковъ мнѣ было вновь категорически отказано.

Шестимѣсячное пребываніе въ тюрьмѣ, сильно пошатнуло мое здоровье, и для меня не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что мнѣ не вынести заключенія въ концентраціонномъ лагерѣ. На бѣду, тотъ этапъ, съ которымъ я долженъ былъ отправиться на Соловки, былъ послѣднимъ прямымъ этапомъ, такъ какъ въ ноябрѣ прекращается всякое сообщеніе между Соловецкими островами и материкомъ. Море замерзаетъ полосой нѣсколько миль какъ вокругъ острововъ такъ и вокругъ материка, и за неимѣніемъ сильныхъ ледоколовъ, Соловецкіе острова совершенно отрѣзаны отъ внѣшняго міра въ теченіе 7 ми мѣсяцевъ. За эти 7 зимнихъ мѣсяцевъ, въ Соловецкомъ концентраціонномъ лагерѣ умираютъ многія сотни заключенныхъ, отъ недоѣданія, простуды и ужасающихъ гигиеническихъ условій, не говоря уже про частые разстрѣлы, которые уносятъ тоже не одну сотню жизней. Поэтому очень многіе предпочитаютъ кончать жизнь самоубійствомъ, чѣмъ ѣхать на Соловки, т. е. на медленную, мучительную смерть. Обстоятельства не

позволяли мнѣ долго раздумывать и надо было немедленно принять определенное рѣшеніе.

У меня было два выбора:

Немедленно сообщить официальнымъ путемъ въ Финляндское консульство, т. е. открытымъ письмомъ черезъ администрацію тюрьмы, о полученномъ приговорѣ, и просить прислать мнѣ все необходимое для длительного пребыванія въ зимней полярной обстановкѣ. Пославъ такое извѣщеніе въ консульство, я могъ надѣяться, что оно предприметъ рядъ мѣръ для защиты моихъ интересовъ такъ какъ съ окончаніемъ слѣдствія по моему „дѣлу“ и вступленіи въ силу административнаго приговора, т. е. безъ гласнаго суда, Финляндское дипломатическое представительство имѣло всѣ основанія настаивать или на разсмотрѣніи моего дѣла въ гласномъ судѣ, или на моемъ немедленномъ освобожденіи.

Но кто могъ поручиться, что администрація тюрьмы дѣйствительно пошлетъ мое письмо по назначенію? Тѣмъ больше я раздумывала, тѣмъ больше склонялся къ мысли, что послать письмо въ консульство было бы съ моей стороны очень опрометчивымъ поступкомъ. Администрація тюрьмы по обыкновенію передала бы письмо въ Чеки, оно было бы пришито къ „дѣлу“, а я потерялъ бы безрезультатно дорогое время.

Было и другое обстоятельство, заставлявшее меня подыскивать какое-либо иное рѣшеніе: пока консульство будетъ вести переписку обо мнѣ по всевозможнымъ инстанціямъ, меня отправятъ на Соловки, море замерзнетъ въ концѣ ноября и я погибну, стрѣзанный отъ внѣшняго міра на 7 мѣсяцевъ, такъ какъ мнѣ никто не сможетъ помочь.

Наконецъ, въ моемъ сознаніи стало формулироваться еще одно соображеніе, пожалуй, самое главное: мое письмо въ консульство, съ просьбой прислать деньги и платье, явилось бы для Чеки явнымъ докательствомъ, что я примирился съ приговоромъ и готовъ безропотно его принять.

Поэтому я окончательно утвердился на рѣшеніи объявить смертельную голодовку. Какъ въ то время я былъ убѣжденъ, такъ и теперь, когда я пишу эти строки, я вполне увѣренъ, что это рѣшеніе было са-

мымъ правильнымъ въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхыхъ я тогда находился.

Я долженъ былъ полагаться только на самого себя, и надо было поставить себя допустимую въ данныхъ обстоятельствахъ цѣль: такъ или иначе не вѣхать съ ближайшимъ этапомъ. Когда море замерзнетъ, то меня въ худшемъ случаѣ отправятъ въ концентраціонный лагерь въ Кеми—последній пунктъ на материкѣ, на берегу Бѣлаго моря. Въ то время я еще многого не зналъ о совѣтскихъ тюрьмахъ и концентраціонныхъ лагеряхъ и мнѣ казалось, что въ Кеми должно быть гораздо лучше, чѣмъ на Соловкахъ. Теперь я зваю, что Кемь такой же адъ, какъ Соловки, но все таки у Кеми есть важное преимущество передъ Соловецкимъ лагеремъ: оттуда можно попытаться бѣжать, такъ какъ Кемь не отрѣзана даже зимой отъ внѣшняго міра.

Въ пользу смертельной голодовки говорило также еще одно обстоятельство. Неоднократно на допросахъ у различныхъ слѣдователей, я замѣчалъ по разнымъ признакамъ, какъ неприятно осложнялъ работу Чеки тотъ фактъ, что о моемъ арестѣ извѣстно консульству. Ежедневное полученіе мною отъ консульства продуктовъ и вещей, вызывало кривыя улыбки слѣдователей и вѣжливо-ироническія замѣчанія.

Въ концѣ концовъ у меня не было иного выбора. Соловки—опредѣленная, мучительная смерть. Голодовка же давала очень маленькій шансъ, на возможную перемену судьбы къ лучшему.

И я рѣшилъ поэтому голодать.

Техника голодовки мнѣ была извѣстна во всѣхъ подробностяхъ, такъ какъ на прогулкахъ во дворѣ я много слышалъ объ этомъ отъ разныхъ заключенныхъ. Кромѣ того у меня въ памяти былъ недавній опытъ голодовки прозведенный нашими сосѣдками, съ которыми я переговаривался черезъ стѣнку.

Общая ошибка, свойственная всѣмъ заключеннымъ, объявляющимъ голодовку заключается въ отсутствіи выдержки, въ наивной вѣрѣ въ правдивость обѣщаній агентовъ Чеки и въ неумѣніи формулировать свои требованія такъ, чтобы дать возможность самой Чеки ихъ выполнить, хотя бы частично.

Многіе, напримѣръ, объявляютъ голодовку, вы-

ставляя требованія немедленно отмѣнить вынесенный приговоръ или замѣнить его болѣе легкимъ наказаніемъ. Что можетъ быть наивнѣе и глупѣе такихъ требованій?

Приговоръ выносится Центральной Коллегіей Чеки въ Москвѣ, выносящей ежедневно сотни приговоровъ, по рапортамъ мѣстныхъ провинціальныхъ отдѣленій Чеки, со всѣхъ концовъ Советской Россіи. Слѣдовательно, пока приговоръ будетъ рассмотрѣнъ въ центральной коллегіи Чеки то пройдутъ мѣсяцы, и „голодающій“ успѣетъ умереть задолго до того какъ его требованія попадутъ на рассмотрѣніе коллегіи Чеки. Поэтому почти всякая голодовка кончается тѣмъ, что на 5-я—6-я сутки, „голодающій“ сдается на обѣщанія „прокурора“—„сдѣлать все отъ него зависящее“ и... прекращаетъ голодовку. Очень часто, вмѣсто прокурора Чеки, фигурируетъ „подъ видомъ прокурора“, кто либо изъ тюремной администраціи. Стоитъ ли безпокоить прокурора изъ такихъ пустяковъ, что тому или иному гражданину кажется несправедливымъ высылка на 5 лѣтъ въ Сибирь или заключеніе на 10 лѣтъ въ Соловецкомъ лагерѣ, за переписку съ теткой эмигранткой, живущей въ Лондонѣ, или за знакомство съ какимъ нибудь секретаремъ какого-нибудь консульства!

Будучи отъ природы человѣкомъ наблюдательнымъ, я не потерялъ даромъ шестимѣсячнаго пребыванія въ тюрьмѣ Чеки, и мнѣ поэтому было болѣе или менѣе ясно, какъ мнѣ слѣдуетъ поступить.

На слѣдующее утро, послѣ полученія приговора, я подалъ заявленіе о голодовкѣ. Мотивы и требованія были нижеслѣдующіе:

1) Приговоръ незаконенъ, такъ какъ противъ меня нѣтъ ни одной улики, устанавливающей мою виновность въ инкриминируемомъ мнѣ шпіонажѣ, въ организаціи контръ-революціонныхъ бандъ, и въ военной контрабандѣ. Все мое „дѣло“ должно разбираться въ гласномъ судѣ.

2) Я боленъ и требую медицинскаго освидѣтельствованія. Отправка на Соловки при моемъ состояніи здоровья грозитъ мнѣ смертію. Требую пріостановить исполненіе приговора, впредь до пересмотра моего „дѣла“ въ судѣ.

3) Не имѣя никакого родныхъ и близкихъ знакомыхъ въ Петербургѣ, я, какъ финляндецъ, могу лишь рассчитывать на помощь Финляндскаго Генеральнаго Консульства. Согласно правилъ о высылаемыхъ въ концентраціонные лагеря, я имѣю право на 3 получасовыхъ свиданія въ тюрьмѣ съ кѣмъ либо изъ моихъ земляковъ, живущихъ въ до мѣконсульства.

Ни одно изъ вышеприведенныхъ требованій не могло бы быть выполнено;—я былъ въ этомъ увѣренъ. Но всѣ выставленныя мною требованія были вполне лояльны, и самое главное, они были составлены такъ, что должны были вызвать переписку между Московской Чекой и Петербургской. Въ этомъ я былъ увѣренъ, такъ какъ хорошо изучилъ порядки за шесть мѣсяцевъ пребыванія въ тюрьмѣ.

Такъ какъ Петербургская Чека имѣла право въ важныхъ случаяхъ задержать отправку заключеннаго на Соловки, то я былъ увѣренъ, что мнѣ удастся пропустить одинъ этапъ.

Моя смерть отъ голодовки въ петербургской тюрьмѣ Чеки подъ самымъ бокомъ у Финляндскаго консульства, не входила ни въ какомъ случаѣ въ расчеты Чеки, такъ какъ это вызвало бы много неприятныхъ осложнений и огласку въ газетахъ за границей. Такимъ образомъ отъ меня самого, отъ моей настойчивости зависело сдѣлать данный случай—„важнымъ“, и дать возможность Чекѣ задержать мою отправку. Оставшіеся въ моемъ распоряженіи 10 дней до отправки этапа. были срокомъ болѣе чѣмъ достаточнымъ для моего истощеннаго организма, чтобы подойти вплотную „къ послѣдней чертѣ“, и быть можетъ, даже перешагнуть эту черту...

Все зависѣло отъ того, насколько мое сердце готово выдержать это испытаніе. Во всякомъ случаѣ я рассчитывалъ, что какъ только я потеряю сознаніе и положеніе мое будетъ признано опаснымъ, — меня отправятъ въ тюремную больницу, гдѣ надворъ менѣе строгъ и мнѣ оттуда удастся какъ нибудь снестись съ консульствомъ.

Во всемъ этомъ планѣ было много риска, принимая во вниманіе мое крайне болѣзненное состояніе, но у меня впереди была вѣрная смерть на Со-

ловкахъ, и надо было хвататься за малѣйшій шансъ, чтобы измѣнить судьбу къ лучшему.

Около 12-ти часовъ дня въ камеру пришелъ начальникъ тюрьмы, и пытался доказать мнѣ, что моя голодовка ни къ чему не приведетъ. Его уговоры убѣдили меня какъ разъ въ противномъ. Около 2-хъ часовъ дня меня обыскали до нитки, отобрали всѣ вещи и продукты, оставивъ только пальто, постельныя принадлежности, махорку и трубку. Затѣмъ меня перевели двумя этажами ниже въ отдѣльную одиночную камеру:

Мое прощаніе съ Георгіемъ Дмитриевичемъ Чесноковымъ было очень трогательнымъ, и не удивительно—вѣдь мы прожили вмѣстѣ въ тюрьмѣ почти 4 мѣсяца и много пережили тяжелыхъ моментовъ. Одинъ Богъ знаетъ, куда повернуть теперь наши разошедшіеся жизненные пути.

Мое новое помѣщеніе ничѣмъ не отличалось отъ предыдущаго. Вѣроятно камера была нѣсколько дней необитаема, такъ какъ было не прибрано, и одно изъ стеколъ въ рѣшетчатомъ окнѣ было выбито. Отъ этого въ камерѣ было довольно прохладно. Послѣ четырехъ мѣсяцевъ общенія съ товарищами по заключенію, одиночество было тягостно. Мое настроеніе было отвратительнымъ такъ какъ томили неизвѣстность ожиданія и боязнь неосторожнымъ жестомъ, словомъ, игрой лица или выраженіемъ глазъ, сдѣлать какой нибудь промахъ при переговорахъ съ моими инквизиторами. Минутная слабость—и вся игра могла быть проиграна.

Около 4-хъ часовъ дня въ мою камеру вошли начальникъ тюрьмы, дежурный по тюрьмѣ и надзиратель. Опять обыскъ и обшариваніе до мельчайшихъ деталей, какъ меня самого, такъ и всей камеры. Убѣдившись, что никакихъ пищевыхъ продуктовъ нигдѣ не припрятано, начальство удалилось.

Я уже свыкъся съ моимъ склепомъ и приступилъ къ такъ называемой на тюремномъ арго „сренти-ровкѣ“. Надо было узнать, кто именно сидѣлъ надо мной въ верхнихъ этажахъ, и кто были моими сосѣдями. Моимъ сосѣдомъ справа былъ священникъ, слѣва же—или совсѣмъ недавно посаженный или ино-

странецъ, такъ какъ изъ его выстукиваній я ничего не могъ понять.

Надо мной сидѣлъ секретарь кожевеннаго треста — Плуksнэ, съ которымъ я по игрѣ случая и судьбы познакомился еще въ бытность мою на свободѣ, такъ какъ я велъ переговоры съ кожевеннымъ трестомъ о кое-какихъ поставкахъ. Плуksнэ былъ очень милымъ и обязательнымъ человѣкомъ. Онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ по обвиненію въ полученіи взятокъ и былъ разстрѣлянъ въ мартѣ 1925 года.

По моей просьбѣ онъ сообщилъ мнѣ №№ камеръ, находившихся надъ нимъ. Судьбѣ угодно было, чтобы я еще разъ могъ бесѣдовать съ Чесноковымъ, такъ какъ моя прежняя камера № 163, находилась какъ разъ надо мной, но между нами была камера Плуksнэ. Такъ какъ я плохо слышу, то для разговоровъ я прислонялся спиной къ трубѣ парового отопленія, и прижимался къ ней затылкомъ. Звукъ отъ выстукиваній проходилъ черезъ головную кость, и я слышалъ совершенно отчетливо малѣйшій стукъ. Такъ какъ въ камерѣ было довольно прохладно, то моя поза у радиатора не вызывала никакихъ подозрѣній.

Первый день голодовки прошелъ безъ особыхъ событій и, такъ какъ мои нервы были очень напряжены, то я почти не чувствовалъ голода. Въ концѣ второго дня хотѣлось ѣсть, но чувство голода было вполнѣ терпимымъ и голодъ исчезалъ отъ куренія махорки. Въ концѣ второго дня, судьба впервые за много мѣсяцевъ, подарила мнѣ одну изъ своихъ улыбокъ.

Чесноковъ во время прогулки на дворѣ, встрѣтилъ своего коллегу адвоката, который только что получилъ приговоръ. такъ называемый „минусъ двѣнадцать“, то есть запрещеніе проживать въ 12 самыхъ большихъ городахъ Совѣтской Россіи. Такъ какъ этотъ адвокатъ съ часу на насъ долженъ былъ выйти изъ тюрьмы на свободу, то мой вѣрный другъ поручилъ ему немедленно сообщить одному изъ моихъ соотечественниковъ въ консульствѣ обо всемъ происшедшемъ со мной и о голодовкѣ. Впослѣдствіи я узналъ, что порученіе было исполнено и это мнѣ весьма помогло. Чеснокова больше нѣтъ въ живыхъ — онъ умеръ въ Иркутской тюрьмѣ. Страдая хрони-

ческой болѣзнию почекъ, онъ не въ силахъ былъ вынести тяжести почти мѣсячнаго этапнаго путешествія и скитанія по 6 ти этапнымъ тюрьмамъ. Это былъ человекъ рѣдкой души и высокой порядочности. Да вознаграждать его Богъ за земныя страданія и доброе отзывчивое сердце!

Третій и четвертый день голодовки были самыми трудными. Ужасно хотѣлось ѣсть и было отвратительно и стыдно, что несмотря на глубокія нравственные страданія, на мысли о покинутыхъ и дорогихъ близкихъ людей на родинѣ, приходили въ голову мысли о разныхъ кулинарныхъ тонкостяхъ.

На пятый день сильно шумѣло въ головѣ, неприятно было вставать съ койки, но острота голода прошла, и во всемъ тѣлѣ было чувство необыкновенной легкости. Если спокойно лежать, совершенно не двигаясь, то очень хорошо было думать. Мысли были такія ясныя, и мнѣ кажется, я никогда въ жизни, изъ за повседневныхъ заботъ и дѣлъ, не думалъ такъ глубоко о тѣхъ вопросахъ, о которыхъ я передумалъ за періодъ второй половины моей голодовки.

Вечеромъ на шестой день голодовки меня вызвали въ кабинетъ начальника тюрьмы. Я не пошелъ, такъ какъ былъ очень слабъ, хотѣлось лежать. Черезъ нѣкоторое время вошло само начальство въ мою камеру, съ какимъ-то восточнаго типа господиномъ и однимъ изъ слѣдователей по моему дѣлу. Нѣсколько позади жался къ дверямъ фельдшеръ въ халатѣ. Всѣ переговоры велись слѣдователемъ, остальные были только слушателями.

— „Ваша голодовка ни къ чему не приведетъ.“ — началъ слѣдователь. — „Вы совершили преступленія и должны понести наказанія.“

— „Моя голодовка во всякомъ случаѣ достигнетъ цѣли, такъ какъ въ худшемъ случаѣ я умру. Лучше умереть здѣсь, чѣмъ ѣхать на медленную смерть на Соловахъ. Если я совершилъ преступленіе то надо доказать мою виновность и судить меня гласнымъ судомъ.“

— „Это праздный разговоръ. Все равно вы будете отправлены на Соловки. Во всякомъ случаѣ я объщаю вамъ сдѣлать все возможное для пересмотра вашего дѣла, и, весьма вѣроятно, что васъ очень

скоро вернуть съ Соловковъ въ Ленинградъ. Вотъ здѣсь я приготовилъ заявленіе отъ вашего имени, что вы прекращаете голодовку, подпишите его и дѣлу конецъ.“

У каждаго человѣка бываютъ въ жизни моменты, когда онъ слишкомъ переоцѣниваетъ значеніе своей собственной персоны и впадаетъ въ нѣкоторую театральность.

Однимъ изъ такихъ моментовъ былъ описываемый случай. Обращаясь къ слѣдователю я сказала: — „Я прошу дать мнѣ спокойно умереть. Ничего я подписывать не буду. Все, что я считала нужнымъ, написано мною въ моемъ заявленіи о голодовкѣ. Я умру, но мнѣ пріятно сознаніе, что моя смерть надѣлаетъ вамъ хлопотъ.“

Тогда слѣдователь обратился къ фельшеру: — „Товарищъ фельдшеръ, осмотрите гражданина.“ И затѣмъ непосредственно ко мнѣ: — „Все это — лирика. Умереть мы вамъ не дадимъ, и если вы будете продолжать голодовку, мы примѣнимъ къ вамъ искусственное питаніе.“

— „Пока я еще имѣю силы, я этого не позволю сдѣлать и вы не имѣете права примѣнять насиліе ко мнѣ.“

— „Мы подождемъ, когда насилія не потребуется.“ Осмотръ фельдшера былъ не сложенъ. Онъ прощупалъ мой пульсъ и изъ принесеннаго съ собой ящичка налилъ въ стаканчикъ лаврово-вишневыхъ капель. И фельшера и его капли я послалъ къ черту, и мнѣ сейчасъ стыдно за мою несдержанность, такъ какъ именно этотъ тюремный фельдшеръ Колтаевъ, былъ всегда очень отзывчивымъ и хорошимъ человѣкомъ.

— „Вы своей голодовкой дѣлаете себѣ только хуже,“ — началъ опять слѣдователь, „Финляндія не поможетъ вамъ. Подумайте лучше о вашей семьѣ тамъ на вашей родинѣ.“

— „Не ваше дѣло, я не хочу съ вами разговаривать.“

Вся компанія удалилась, дверь захлопнулась и я опять остался одинъ со своими мыслями. Фраза слѣдователя: „Финляндія вамъ не поможетъ,“ меня очень озадачила. Было ли это сказано, благодаря тому, что о моей голодовкѣ уже стало извѣстно въ консуль-

ствѣ, и были предприняты со стороны нашего консульства какіе-либо шаги, или это было сказано, чтобы лишній разъ отнять у меня надежду.

Я терялся въ догадкахъ.

На седьмыя сутки я чувствовалъ себя довольно бодро. Умылся, вычистилъ зубы. Нѣсколько разъ въ день полоскала ротъ, такъ какъ во рту и въ горлѣ было ужасно сухо. Пить избѣгала, такъ какъ не знала, можно ли пить много воды, оставаясь такъ долго безъ пищи. Особенной жажды не ощущала, и не больше двухъ разъ въ сутки дѣлала нѣсколько маленькихъ глотковъ. Ъсть совершенно не хотѣлось, такъ какъ немного тошнило.

Приходилъ докторъ, выслушивалъ сердце и совѣтовалъ прекратить голодовку. Я ему ничего не сказалъ и повернулся лицомъ къ стѣнкѣ.

На восьмыя сутки я оторвала отъ моего носового платка узкую полоску матеріи и началъ на ней дѣлать узелки, такъ какъ боялся сбиться со счета дней. Не успѣлъ я сдѣлать восьмого узелка, какъ открылась дверь и вошелъ дежурный надзиратель Семеновъ, который „сторожилъ“ меня въ первые мѣсяца моего заключенія въ „особомъ отдѣленіи.“ Семеновъ былъ патентованный и законченный дуракъ въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова, и въ былое время, я не мало доставилъ себѣ развлеченія въ моемъ одиночествѣ, подшучивая надъ нимъ.

„Вы что-же это, гражданинъ, дѣлаете? Развѣ можно? Сейчасъ же отдайте веревку. Никакого покоя съ вами нѣтъ.“ Какъ мнѣ не было плохо и хотя было совсѣмъ не до шутокъ, но при видѣ знакомой, глупой рожи Семенова, я не могъ удержаться отъ каламбура: „Пока я не покойникъ, не будетъ покоя. Какую вы хотите веревку Семеновъ?“ — „А вотъ, то самое, что вы крутите. Стыда нѣтъ у человѣка. Вѣшаться не дозволяется. Что это будетъ, если всѣ заключенные повѣсятъ?“

Гражданинъ Семеновъ былъ цѣльная и нетронутая натура. И мысли его были всегда цѣльныя и вполне законченныя...

Отъ меня взяли мой лоскутокъ съ узелками, остатокъ носового платка и полотенце. Минуть черезъ 20 честный служака Семеновъ привелъ въ мою камеру

дежурнаго по тюрьмѣ, и у меня отобрали простыню, наволочку, и сняли шнурки изъ ботинокъ. Очевидно было, что мнѣ разрѣшалось умирать только на Соловецкихъ островахъ, такъ какъ смерть моя въ Петербургѣ, подъ бокомъ у финляндскаго консульства, вызвала осложненія. Спички мнѣ почему-то оставили, и я могъ бы себя сжечь, но вмѣсто этого я рѣшилъ считать дни моей голодовки по спичкамъ. На восьмыя сутки вечеромъ, я съ трудомъ добрался до трубы отопленія, такъ какъ кто то изъ верхняго этажа хотѣлъ мнѣ, повидимому, что-то сказать. Какъ я ни былъ слабъ, но, прислонившись головой къ трубѣ, все же я принялъ телеграмму: — „Борись, прощай, высланъ въ Туруханскій край*), завтра этапъ, не поминай лихомъ, держись до конца!“ Это былъ послѣдній привѣтъ отъ друга Чеснокова. Ему разрѣшалось умереть на материкѣ...

Въ теченіе девятихъ сутокъ голодовки я былъ очень слабъ, и многихъ моментовъ совсѣмъ не помню. Приходили какіе то люди, и отчетливо помню приходившаго два раза доктора и начальника особаго отдѣла Чеки по контръ-шпіонажу, Мессинга. Онъ мнѣ давалъ какую-то бумагу и говорилъ, что свиданіе съ однимъ изъ членовъ консульства мнѣ разрѣшено, но я долженъ сначала поправиться, такъ какъ въ такомъ видѣ я не могу имѣть свиданія. Отчетливо помню, какъ Мессингъ спросилъ очень громко начальника тюрьмы отдѣленія: — „Принесли ли вчера изъ консульства продукты для гражданина Седергольма?“

Одна фраза Мессинга особенно вселила въ меня бодрость: — „Если вы не прекратите голодовки, то я отправлю васъ въ тюремную больницу Гааза, и вамъ тамъ примѣнять искусственное питаніе.“ „Искусственное питаніе“ не входило въ мои расчеты, но переводъ въ тюремную больницу Гааза вполне отвѣчалъ намѣченному мною плану.

По правдѣ сказать, я самъ не зналъ какъ мнѣ выйдти изъ создавшагося положенія. Прекращать голодовку было нельзя, такъ какъ этапъ на Соловки еще не ушелъ, и вѣрить обѣщаніями Мессинга было рискованно.

*) Въ Сибири, на берегу Сов. Лед. океана.

Однако, я чувствовала себя очень плохо и сердце временами совсѣмъ замирало. Выдержу ли я до перевода въ больницу? Обидно было бы умереть, доведя дѣло почти до желаннаго результата. Но выхода не было, и будь что будетъ, а голодовку надо было продолжать. На десятые сутки рано утромъ, какъ и всегда, открылась дверь камеры для того, чтобы вымести соръ. Такъ какъ я окончательно ослабѣла, то дежурный надзиратель, открывшій дверь, вошелъ въ камеру, и взявъ метлу, крикнулъ въ корридоръ другому надзирателю: — „Скажи тамъ, чтобы кто-нибудь изъ рабочихъ принесъ ящикъ для сора,“ на что послѣдовалъ отвѣтъ изъ корридора: „Да здѣсь ни одного черта нѣтъ, всѣ пошли въ лазаретъ измѣряться, сегодня имъ на Соловецкій этапъ идти.“

„Рабочими“ назывались тѣ изъ заключенныхъ, которые по окончаніи слѣдственнаго періода ихъ „дѣла — переводились въ такъ называемыя „общіе камеры“, въ которыхъ находились до полученія приговора, и исполняли добровольно различныя хозяйственныя работы въ разныхъ отдѣленіяхъ тюрьмы.

„Измѣряться“ называлось измѣреніе роста и сниманіе дактилоскопическаго оттиска, что продѣлывалось со всѣми, отправляемыми на этапъ. Слова корридорнаго надзирателя объ ушедшихъ въ лазаретъ измѣряться рабочихъ, были для меня радостной вѣстью, такъ какъ ясно, что на этотъ этапъ меня не возьмутъ. Надо было вести игру до конца, то-есть попасть въ тюремную больницу, такъ какъ тамъ для меня могли открыться какія-либо новыя возможности улучшить мою судьбу.

Время до вечера тянулось томительно медленно, такъ какъ отъ нервнаго напряженія я не могъ спать, несмотря на слабость. Часовъ около семи вечера открылась дверь камеры и вошли съ носилками два человѣка въ сопровожденіи надзиратели. Съ помощью этихъ людей я съ трудомъ надѣлъ пальто, и меня уложили на носилки. По безконечнымъ корридорамъ и галлереймъ, то спускаясь внизъ, то поднимаясь, меня пренесли на „главный постъ“. Еще нѣсколько минутъ и я на носилкахъ былъ вынесенъ на тюремный дворъ, тускло освѣщаемый электрическимъ фонаремъ. Шель мокрый снѣгъ и невдалекѣ виднѣлся

темный кузовъ лазаретнаго автомобиля. Дальше я потерялъ сознание.

Очнулся я отъ толчковъ и тряски автомобиля. Я лежалъ на носилкахъ, подвѣшенныхъ къ потолку кареты на какихъ-то страннаго устройства пружинахъ. На скамейкѣ сидѣли рядомъ два вооруженныхъ солдата. Сквозь затуманенное стекло окна видѣлась безконечная линия электрическихъ огней Невскаго проспекта и это будило во мнѣ, не видѣвшемъ втеченіи семи мѣсяцевъ ничего кромѣ тюремныхъ стѣнъ, острую жажду свободы.

Мы ѣхали около получаса, пока наконецъ карета не остановилась и мои провожатые, выйдя изъ кареты не начали громко кого-то вызывать и стучать въ дверь подвѣзда. Вскорѣ какіе то люди вытащили меня изъ кареты и внесли въ вестибюль большого больничнаго зданія. Было очень грязно и послѣ свѣжаго воздуха больничный промозглый запахъ не вентилируемаго помѣщенія вызывалъ тошноту.

Меня вмѣстѣ съ носилками поставили на полъ и мои оба вооруженныхъ стража сдали меня подъ росписку какимъ то двумъ людямъ въ форменныхъ синихъ пальто.

Вышла очень пожилая женщина въ очкахъ и въ темномъ пальто, наброшенномъ на плечи поверхъ бѣлаго халата. Пожилая дама оказалась дежурнымъ врачомъ и по ея указаніямъ меня понесли куда то наверхъ по лѣстницѣ. Мы проходили рядъ солидныхъ желѣзныхъ рѣшетокъ съ такими же дверями и всюду стояли вооруженные часовые, которые послѣ опроса, насъ пропускали черезъ двери. Въ одной изъ комнатъ 3-го этажа, ужасающе грязной и съ совершенно обвалившейся штукатуркой на стѣнахъ и на потолкѣ, мнѣ приказали раздѣться до гола и дали мнѣ омерзительнаго вида холщевыя кальсоны и рубаху. Рубаха была только съ однимъ рукавомъ, — другой былъ оторванъ. кальсоны были безъ пуговицъ и тесемокъ. Ни чулокъ, ни туфель не дали и, когда я спросилъ, какъ же мнѣ быть, мнѣ сказали, что пока мнѣ некуда ходить, а дальше потомъ будетъ видно. — „Еще надо дожить, гражданинъ, до завтра утра, а тамъ будемъ думать о чулкахъ и туфляхъ“, — такова была мудрая резолюція того, кто мнѣ выдалъ бѣлье.

Я твердо рѣшилъ непремѣнно дожить до утра. Въ зданіи былъ ужасающій холодъ и мнѣ въ моей разорванной рубашкѣ и короткихъ не застегивающихся кальсонахъ было мучительно холодно. Я былъ истощенъ до послѣдней степени и, должно быть, мой видъ былъ ужасенъ съ моей громадной сѣдой бородой и посинѣвшимъ отъ холода тѣломъ, съ проступавшими сквозь кожу костями. Во время моего переодѣванія въ комнату постепенно набралось нѣсколько чело-вѣкъ: двѣ какія-то фигуры очень жалкаго вида въ халатахъ, какой-то мальчуганъ въ халатѣ, три женщины среднихъ лѣтъ, простонародной внѣшности, въ красныхъ повязкахъ на головѣ, одѣтыхъ въ обычный костюмъ русской прислуги средней руки.

Одна изъ женщинъ очень участливо спросила: „Старичекъ, можешь на своихъ ногахъ идти, или тебя понести? Тутъ не далеко въ сосѣдную комнату.“ Видя мое колебаніе и мой взглядъ на мои босыя ноги и холодный каменный полъ, она засмѣялась и со словами: „Э э-э, да ты, видно балованный,“ она куда-то скрылась и черезъ минуту принесла мнѣ, сдѣланную изъ бересты пару громадныхъ лаптей. Съ помощью другой женщины она меня поставила на ноги, опять засмѣялась, и, взявъ меня подъ руки, обѣ женщины привели меня въ довольно большую комнату, гдѣ стояло пять кроватей, изъ которыхъ одна была поставлена. Обѣ женщины были больничными сидѣлками. Уложивъ меня въ кровать и накрывъ одѣяломъ, одна изъ нихъ сказала: „Лежи себѣ тутъ смирно, не шуми и не скандалъ. Сейчасъ придетъ сестра милосердія, все тебѣ устроить, что надо. У насъ здѣсь хорошо и ты не бойся..“ Обѣ сидѣлки ушли, дверь закрылась и я сталъ осматриваться. Горѣла одна электрическая лампочка, очень тускло. Только на одной стѣнѣ сохранилась штукатурка. Половина потолка обвалилась и въ углу зияла огромная дыра. Полъ былъ деревянный, не крашенный и ужасно грязный. Я лежалъ на соломенномъ матрацѣ, накрытомъ простыней не первой свѣжести и невѣроятно колючее одѣяло издавало очень непріятный запахъ.

Пришла сестра милосердія, женщина среднихъ лѣтъ съ очень утомленнымъ лицомъ и прелестными большими глазами. Она поставила на столикъ не-

большую оловянную кружку и маленький кусочек блага хлѣба. — „Если вы прекращаете голодовку, начала она — то вамъ надо выпить немного теплаго молока, вотъ здѣсь въ кружкѣ, и можете съѣсть этотъ кусочекъ хлѣба: хотите ѣсть?“

Мнѣ ѣсть не хотѣлось и я сказалъ бы даже, что было противно, какъ это ни кажется страннымъ, послѣ десяти дневнаго поста. Но ѣсть надо было, такъ какъ все указывало на то, что я игру мою выигралъ и надо было набираться силъ. Сестра мнѣ сказала, что, если я прекращаю голодовку, то меня завтра переведутъ въ другую комнату и что меня будутъ держать въ больницѣ не менѣе мѣсяца — таково обыкновеніе.

Эта женщина мнѣ внушала полное безграничное довѣріе, и ея удивительные глаза я и сейчасъ, словно, вижу передъ собой. Выпивъ немного подслащеннаго молока и проглотивъ съ усиліемъ нѣсколько кусочковъ блага хлѣба, я заснулъ такъ, какъ давно не спалъ, не смотря на холодъ и весьма сомнительное одѣяло.

Утромъ рано, пришла опять „сестра“ и съ ея помощью я перешелъ въ другую комнату, находившуюся въ томъ же корридорѣ.

Начиналась новая глава книги моей тюремной жизни.

Г л а в а 26-я.

Тюремная больница имени доктора Гааза, или, какъ ее принято называть сокращенно „больница Гааза“, въ недавнемъ прошломъ до войны была арестнымъ домомъ для лицъ, принадлежащихъ къ такъ называемымъ привилегированнымъ классамъ. Сюда водворялись на небольшие сроки, за различные мелкіе проступки „противъ тишины, спокойствія и благопристойности“, купцы, чиновники и дворяне по приговорамъ мировыхъ судей.

Во время русско германской войны, арестный домъ былъ упраздненъ и помѣщеніе было оборудовано подъ лазаретъ для раненыхъ. Во время революціи и съ утвержденіемъ власти большевиковъ, переполненіе Петербургскихъ тюремъ привело къ необходимости имѣть спеціальную тюремную больницу, такъ

какъ лазареты при тюрьмахъ не могли вмѣщать огромной массы тяжело больныхъ заключенныхъ. Такимъ образомъ, появилась на свѣтъ больница Гааза.

Четырехъ—этажное зданіе больницы находится почти за городомъ, невдалекѣ отъ Александро-Невскаго монастыря, и изъ оконъ больницы видны позолоченные купола монастырскихъ церквей. Все зданіе окружено высокой кирпичной стѣной и со всѣхъ сторонъ охраняется часовыми.

Въ каждомъ этажѣ два широкихъ длинныхъ корридора, пересѣкающихся крестообразно подъ прямымъ угломъ.

Въ центрѣ пересѣченія корридоровъ круглая площадка, гдѣ всегда находится дежурный по этапу надзиратель. Съ этихъ площадокъ ведутъ лѣстницы въ верхніе и нижніе этажи. Въ нижнемъ этажѣ двѣ или три желѣзныхъ рѣшетчатыхъ перегородки съ часовыми.

Въ корридоры выходятъ двери больничныхъ камеръ. Двери всегда открыты и больные совершенно безпрепятственно расхаживаютъ по корридору своего этажа, заходятъ въ чужія камеры, поднимаются въ верхніе этажи. Въ корридорахъ каменные полы, очень грязные, съ массой набросанныхъ окурковъ, плевковъ, и разнаго мусора. Въ больничныхъ камерахъ полы деревянные, некрашенные, тоже очень грязные. Величина комнатъ различна. Въ нѣкоторыхъ помѣщается по двѣ три кровати, въ нѣкоторыхъ до 15-ти кроватей. Больница рассчитана на 3 0 кроватей, но всегда переполнена свыше мѣры, такъ что кровати стоятъ вплотную. Окна съ толстыми желѣзными рѣшетками пропускаютъ тусклый свѣтъ петербургскаго осенняго дня и надо имѣть очень крѣпкіе нервы, чтобы не придти въ ужасъ отъ окружающей обстановки. Воздухъ пропитанъ сыростью, испареніями грязныхъ, больныхъ человѣческихъ тѣлъ и табачнымъ дымомъ. Потолокъ и стѣны съ обвалившейся штукатуркой и на стѣнахъ коричневые пятна раздавленныхъ клоповъ. Пыль столбомъ въ корридорѣ, гдѣ возятся бѣгаютъ и играютъ подростки уголовного элемента. Часто слышны истерическіе крики эпилептиковъ, бьющихся въ судорогахъ на каменномъ полу корридора, безсвязное бор-

мотаніе сумасшедшихъ, кашель чахоточныхъ и предсмертныя хрипы умирающихъ. Тутъ же въ углу картежная игра и нескончаемая, отвратительная, циничная брань.

Какъ врачи, такъ и „сестры“ стараются группировать больныхъ соотвѣтственно ихъ соціальному положенію, но это не всегда удается, такъ какъ приходится при такой группировкѣ считаться съ массой обстоятельствъ.

Дѣло въ томъ, что въ больницѣ Гааза, внутренней распорядокъ устанавливается, помимо врачебнаго персонала, еще представителями двухъ вѣдомствъ: народнаго комиссаріата юстиціи (такъ называемый „надзоръ“) и Чеки. Далеко не всегда распоряженія медицинскаго персонала совпадаютъ съ желаніями представителей „надзора“, или съ требованіями Чеки. При размѣщеніи больныхъ играетъ роль, въ какой стадіи процесса находится ихъ „дѣло“, характеръ самого дѣла, характеръ приговора. Если случается, что нѣсколько больныхъ принадлежащихъ къ образованному классу, размѣщены всѣ вмѣстѣ въ одной комнатѣ, то на это непременно обратитъ вниманіе представитель Чеки и немедленно начнется сортировка. Отъ этого нисколько не выигрываютъ интересы правосудія такъ какъ больные совершенно свободно разгуливаютъ изъ камеры въ камеру, но благодаря смѣшанному составу больныхъ въ камерахъ, въ нихъ царитъ ужасная грязь, происходитъ масса недоразумѣній, ссоръ, кражъ.

Среди больныхъ преобладаетъ уголовный элементъ такъ какъ люди, принадлежащіе къ образованному классу, бываютъ очень рѣдко судимы гласнымъ судомъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ ихъ судятъ административнымъ порядкомъ, т. е. заочно въ Коллегіи Чеки, такъ какъ характеръ ихъ преступленій, за отсутствіемъ конкретныхъ уликъ, не можетъ разбираться даже въ совѣтскомъ судѣ. Всѣ приговоры Чеки очень однообразны: разстрѣль, высылка въ Сибирь, на Уралъ или въ Соловецкій концентраціонный лагерь. Поэтому Петербургскія и Московскія тюрьмы наполнены, главнымъ образомъ, представителями уголовного элемента. Петербургская тюрьма на Шпалерной (Д. П. З.) находится въ исключительномъ вѣдѣніи Чеки, но откуда почти никто и никогда не

отправляются въ больницу Гааза. Въ эту больницу попадают больные только изъ Петербургскихъ уголовныхъ тюремъ и потому всѣ тѣ образованные люди, которыхъ я встрѣчалъ среди больныхъ, были или осужденные по суду за разныя проступленія экономическаго или служебнаго характера: дача или получение взятки, растрата, подлоги, контрабанда, незаконная торговля, экономическая контръ революцiя и т. п.

Уголовный элементъ, представленный въ больницу Гааза чрезвычайно разнообразно, заключаетъ въ себѣ всѣ возрасты, отъ дѣтскаго до убѣленныхъ сѣдинами стариковъ, охватывая всѣ разновидности уголовного ремесла отъ карманныхъ воришекъ до закоренѣлыхъ убійцъ-бандитовъ.

Среди уголовного элемента имѣется своего рода иерархiя, освященная традиціями тюрьмы. Чѣмъ выше тюремный стажъ, чѣмъ богаче результатами „дѣятельность“ даннаго уголовника, тѣмъ большимъ авторитетомъ пользуется онъ среди своихъ собратьевъ по профессіи. Совершенно особое положеніе занимаетъ среди уголовного элемента, такъ называемая „шпана“. Это паріи уголовного элемента и его кадры пополняются начинающими воровскую профессію подростками или неудачниками, не сумѣвшими „выдвинуться“ въ уголовномъ мірѣ, и пробавляющимися кражами съ рыночныхъ лотковъ. Шпана состоитъ въ рабскомъ подчиненіи у профессиональныхъ преступниковъ и исполняетъ ихъ мелкія порученія. Какъ въ тюрьмахъ, такъ и въ больницу Гааза, весь уголовный элементъ считаетъ себя хозяиномъ положенія и дежурные надзиратели, не говоря уже о медицинскомъ персоналѣ, стараются избѣгать съ ними какихъ-либо конфликтовъ, опасаясь мести „на волѣ“, со стороны друзей заключенныхъ преступниковъ, или со стороны самихъ заключенныхъ, по выходѣ ихъ изъ тюрьмы на свободу.

Въ Тюрьмѣ Чеки на Шпалерной улицѣ, мнѣ случалось иногда видѣть уголовныхъ преступниковъ во время прогулокъ во дворѣ. Въ близкое соприкосновеніе съ ними я не входилъ, такъ какъ попадающій въ тюрьму Чеки уголовный элементъ, помѣщается въ особыя камеры. Отъ моихъ болѣе опытныхъ товарищей по заключенію я неоднократно слышалъ, что въ тѣхъ тюрьмахъ, гдѣ людямъ образованнаго класса

приходится сталкиваться съ преступниками и въ особенности со шпаной, всегда происходитъ масса недоразумѣній и непріятностей. Преступники всячески эксплуатируютъ "господъ" или, по тюремной кличкѣ, „фраеровъ“, и надъ нѣкоторыми позволяютъ себѣ издѣваться. Поэтому, вполне естественно, что я съ нѣкоторымъ безпокойствомъ осматривалъ моихъ новыхъ товарищей, стараясь тщетно по ихъ виѣшности опредѣлить, къ какому классу общества они принадлежатъ.

Пока я былъ очень слабъ и все время лежалъ, собственныхъ вещей при себѣ никакихъ имѣлъ и, поэтому, особенно не о чемъ было безпокоиться. Въ той комнатѣ, въ которой меня положили, насъ было четверо. Двое еще спали, но третій уже сидѣлъ на кровати, свѣсивъ босые ноги, и съ нескрываемымъ любопытствомъ меня осматривалъ. Это былъ очень широкоплечій и поразительно крѣпко сложенный человекъ, съ круглымъ, какъ луна лицомъ, поросшимъ рыжей, давно небритой щетиной. Изъ-подъ туркменской, расшитой цвѣтнымъ шелкомъ шапочки, выбивались огненно рыжіе волосы. Замѣтивъ, что „сестра“ принесла мнѣ два сухаря и кружку съ теплымъ молокомъ, рыжій человекъ иронически прищурился, и, кивнувъ головой на сухари, сказала совершенно не подходящимъ для его внушительной фигуры тоненькимъ голоскомъ: „Ага! Гм... гм... голодающій! Удивительно, какъ тюрьма видоизмѣняетъ людей. Вы, пожалуйста, не обижайтесь, но я принялъ васъ сначала за стараго профессиональнаго преступника. Забавно, не правда ли?“ Я не обидѣлся, но было все таки интересно, почему онъ меня сначала принялъ за уголовника, и почему вдругъ потомъ рѣшилъ, что я „голодающій“ и не преступникъ. Атлетъ не замедлилъ отвѣтить мнѣ на мой вопросъ.

„Во-первыхъ, позвольте представиться: инженеръ-технологъ Клейнъ. Дѣло въ томъ, что у васъ на лѣвой рукѣ татуировка, какъ у всѣхъ профессиональныхъ преступниковъ, ну и къ тому же сюда — къ Гаазу рѣдко посылаютъ нашего брата буржуя. Я потомъ уже разсмотрѣлъ, что ваша татуировка сдѣлана, повидимому, въ Японіи. Ну, а когда вамъ принесли сухари, да по вашимъ пальцамъ — я сразу увидѣлъ, что ошибся.

Уголовные никогда не голодают, — они и такъ не долго засиживаются“.

Я назвалъ себя и, повидимому, мы оба остались очень довольны взаимнымъ знакомствомъ. Мнѣ было трудно разговаривать—я былъ очень слабъ и хотѣлось покойно лежать. Но подъ тонкимъ, колючимъ одѣяломъ было ужасно холодно, такъ какъ отопленія не было и очень дуло сквозь надтреснутое оконное стекло.

„Судя по вашему скучному виду, мнѣ кажется что вамъ здѣсь не особенно нравится. Но это только сначала, потомъ обживетесь. Я вамъ сейчасъ достану „по благу“ два одѣяла, и, если хотите, то и простыню подъ одѣяло. У васъ есть деньги? Если нѣтъ, то потомъ мнѣ отдадите. У меня есть“. Съ этими словами Клейнъ куда-то пошелъ и черезъ нѣсколько минутъ притащилъ мнѣ два сносныхъ одѣяла и двѣ простыни.

Вскорѣ пришелъ главный врачъ — коммунистъ, еврей Гоць, и его помощникъ, тоже еврей и тоже коммунистъ, Яновскій, въ сопровожденіи сестры милосердія. Ни тотъ, ни другой врачъ меня не осматривали, а лишь спросили, кто я такой и откуда. Когда я заикнулся о моей болѣзни, то главный врачъ досадно отмахнулся и сказала: „Всѣ мы тутъ больны. Ѣздили бы себѣ въ Біаррицъ или Остэндъ, чѣмъ къ пролетаріямъ Ѣздить! Придетъ нашъ палатный ординаторъ—расскажете ему о вашей болѣзни“.

По уходѣ врачей я познакомился съ моими другими сожителями. Одинъ изъ нихъ, съ согнутыми ногами, былъ рабочій, больной цынгой. Его привезли съ Соловковъ въ августѣ мѣсяцѣ, въ числѣ другихъ больныхъ цынготныхъ и туберкулезныхъ, которыхъ многими сотнями, въ теченіе лѣта, доставляютъ изъ Соловецкаго лагеря въ Петербургъ и Москву для „лѣченія“. Весьма ограниченное количество этихъ больныхъ попадаетъ въ больницу. Большинство прибывшихъ съ Соловковъ туберкулезныхъ и цынготныхъ распределяются по Московскимъ и Петербургскимъ тюрьмамъ и тамъ умираютъ, не дождавшись очереди попасть въ больницу.

Другой мой сожитель былъ еврей — провизоръ, носившій странную фамилію Антимоній. У него былъ туберкулезъ въ послѣдней стадіи развитія, и по всѣмъ

в признакахъ было замѣтно, что дни несчастнаго провизора сочтены.

Около 11-ти часовъ дня пришелъ старичекъ-палатный врачъ. По сохранившейся выправкѣ, сразу угадывался старый военный врачъ. Я не ошибся, такъ какъ прочтя мою фамилію, старичекъ докторъ мнѣ сказалъ, что служилъ когда-то въ той дивизіи, которой командовалъ мой дядя, разстрѣлянный при большевикахъ въ Холмогорскомъ концентраціонномъ лагерѣ.

Докторъ осматривалъ меня очень внимательно и сказалъ: „Голодовка — это поль-горя. Коли деньги есть, быстро поправитесь. А вотъ съ вашей болѣзнью ѣхать на Соловки совсѣмъ не подходитъ. Ну, да это не наше съ вами дѣло, къ сожалѣнію. Ни меня, ни васъ спрашивать разрѣшенія не будутъ.“ По уходѣ доктора сидѣлки нѣчали разносить по больничнымъ камерамъ обѣдъ. Мнѣ принесли въ оловянной тарелкѣ жидкую овсяную кашу. Остальнымъ больнымъ принесли мясной супъ, но безъ мяса. Пища раздавалась ужасно неряшливо. Послѣ супа сидѣлки разнесли по кусочкамъ жареной рыбы, которую прямо пальцами раскладывали по табуреткамъ, даже не подстилая бумагу. Сами сидѣлки не отличались чистотой рукъ, а ужъ про табуретки и про больныхъ нечего и говорить...

Инженеръ Клейнъ чувствовалъ себя въ тюрьмѣ, какъ дома. Онъ попалъ въ тюрьму за какіе-то безпорядки по службѣ на Туркестанской желѣзной дорогѣ, гдѣ онъ завѣдывалъ какими-то мастерскими. Приговоренный къ пяти годамъ заключенія со строгой изоляціей, онъ уже отсидѣлъ 1 годъ въ петербургской тюрьмѣ „Кресты“, и тамъ на обязательныхъ работахъ, какъ-то понадѣявшись на свою громадную физическую силу, приподнялъ большой станокъ и надорвался. Онъ находился въ больницѣ Гааза уже больше мѣсяца и потому былъ въ курсѣ всей больничной жизни. Это былъ неисправимый оптимистъ и чрезвычайно благодушно ко всему настроенный человекъ. Не безъ трагическаго комизма, онъ часто приговаривалъ: „Скоро навѣрное выпустятъ, такъ какъ обо мнѣ пошло уже ходатайство о сокращеніи срока наказанія. Выйдемъ, немного погуляемъ,

а потомъ, вѣроятно, сошлютъ на Соловки. Рано или поздно, уважаемый, всѣ тамъ будемъ, ибо сіе необходимо для здороваго пролетарскаго строительства. Чернаго кобеля не домоешь до бѣла. Помню, какъ однажды, въ бытность мою на Туркестанской желѣзной дорогѣ, въ 1922 году, вызываютъ меня въ заводской комитетъ. Пошелъ. И что же вы думаете, эти черти меня спрашиваютъ: „Признаете ли, товарищъ инженеръ, идеологию пролетарской революціи?“ Вотъ дьяволы! Ну, мнѣ что. Я человекъ одинокій, нетребовательный и бояться мнѣ нечего. Сказалъ имъ, что никакой идеологіи и никакой революціи я не вижу; по моему — одинъ лишь беспорядокъ. А вотъ вагоны и паровозы я починалъ, и буду чинить, если дадутъ возможность работать. Отѣхали. А немного спустя приѣзжаетъ комиссія изъ Москвы. Туда. сюда, почему такъ много больныхъ вагоновъ? Ну, разумѣется, инженеръ Клейнъ виноватъ; подъ судъ его шельму! На судъ меня и доканало отсутствіе „идеологіи пролетариата“. Ну, развѣ не дураки? А теперь Туркестанская дорога ходатайствуетъ, чтобы меня вернули. И замѣтите уважаемый, что годъ отъ году все хуже и хуже. Вотъ вы, господа „знатные иностранцы“, рассуждаете въ вашихъ Европахъ объ эволюціи въ совѣтской Россіи. Несомнѣнно, эволюція есть: раньше хватили людей за шиворотъ прямо на улицѣ и волокли въ Чеку, въ этакое какое нибудь временное помѣщеніе, вродѣ погреба или стараго склада. Властью какихъ-то пьяныхъ дегенератовъ правилось революціонное правосудіе. Подержать, бывало, въ такомъ погребѣ нѣсколько дней, а потомъ либо разстрѣль, либо ступай на всѣ четыре стороны — кому какое счастье. Теперь люди бросаются въ тюрьмы ежедневно сотнями по всей Россіи и массами разстрѣливаются или погибаютъ на Соловкахъ и въ Сибири. Но теперь все это дѣлается безъ крика и безъ шума, налаженнымъ государственнымъ аппаратомъ. Всюду „бумага за №“ и чекисть въ формѣ. Ну, какъ же не эволюція? Электрическое освѣщеніе, трамваи ходятъ, на перекресткахъ улицъ милиционеры стоятъ почти въ прежней полицейской формѣ. Дома снаружи отремонтированы, рестораны открылись и даже лакеи во фракахъ прислуживаютъ. Солдатамъ

и командному составу только прежних погонь не хватает для полноты картины. Заводы дымятъ трубами и иностранцамъ демонстрируютъ дома отдыха для рабочихъ. Эволюція по всему фронту и увѣряю васъ, что я нисколько не шучу. Только одно маленькое „но“. Эволюція — эволюціей, но вотъ эта самая пролетарская идеалогія все-таки лежитъ въ основѣ всего. Какъ вы всѣ не хотите понять, что „Н э п“ — это все то же „по столько, по сколько“, временная уступка политическому моменту. Европейская и Американская буржуазія пока еще крѣпки, надежды Коминтерна на міровую революцію пока не оправдались и борьба принимаетъ затяжной характеръ. Необходимо сохранить Россію и народъ, какъ лабораторію и главный штабъ коммунизма. Все это временно достигнуто Нэпомъ. Даже мы, старая русская интеллигенція, нашли въ Нэпѣ приложеніе нашимъ знаніямъ и опыту. Но мы прекрасно понимаемъ, что насъ только лишь терпятъ до той поры, пока въ нашихъ знаніяхъ нуждаются и пока не подросла новая интеллигенція, которая насъ постепенно замѣняетъ. Насъ именно терпятъ, но далеко не многихъ изъ насъ: все въ рукахъ Коминтерна и Чеки. Если я сказалъ вамъ, что теперь стало хуже чѣмъ было въ 19 мѣ, 20 мѣ, 21 мѣ и 22 мѣ годахъ, то я имѣю для этого основанія. Чека пріобрѣла теперь такую власть, и ея аппаратъ настолько усовершенствованъ, что, когда вспоминаешь чекистовъ эпохи военнаго коммунизма, то всѣ ужасы пережитаго блѣднѣютъ передъ тѣмъ, что происходитъ теперь. Но теперь все эволюціонировало, и нужно имѣть глаза и уши, чтобы на фонѣ развивающейся индустриі, концессій, санаторій для рабочихъ, симфоническихъ концертовъ, спальныхъ вагоновъ и лицемѣрія, увидѣть гримасы совѣтской жизни, увидѣть невидимыя міру слезы и услышать стоны замученныхъ людей!

— „Слѣдовательно, по вашимъ словамъ выходитъ, что совѣтская власть съ каждымъ днемъ крѣпнеть, и что Нэпъ спасъ положеніе?“, — спросилъ я Клейна.

„Э—э нѣтъ, погодите, я еще не кончилъ. Дѣло въ томъ, что сейчасъ первый періодъ „Нэпа.“ Разу-мѣется, по сравненію съ эпохой военнаго комунизма

улучшеніе быта населенія колоссально. Но не забывайте, что русская народная масса нетребовательна и очень неизбалована. Не забывайте также того, что самый активный элемент народа — люди въ возрастѣ отъ 20 до 30 лѣтъ, были въ моментъ прихода революціи дѣтьми. Имъ не съ чѣмъ сравнивать настоящаго, такъ какъ о прошломъ у нихъ осталось самое смутное представленіе. Но какъ ни хорошъ „Нэпъ“, а на немъ мы долго не сможемъ продержаться, такъ какъ безъ Европы мы все таки не можемъ существовать. И вотъ тутъ-то, дорогой мой, и есть заколдованный кругъ, въ который попалъ Коминтернъ. Съ одной стороны нельзя удерживать безъ конца, на постоянномъ уровнѣ стабилизированный червонецъ, такъ какъ наша промышленность остановится, если мы не получимъ изъ-за границы новыхъ машинъ и полуфабрикатовъ. Съ другой стороны, не можетъ быть и рѣчи о возвращеніи къ политикѣ военнаго коммунизма. Но самое главное, что крестьянство и народная толпа оказались совершенно не воспримчивы къ идеямъ марксизма, и вотъ тутъ-то и есть самый камень преткновенія, о который рано или поздно сломитъ себѣ шею Коминтернъ. Я не знаю, произойдетъ ли это внезапно или постепеннымъ проникновеніемъ въ совѣты элементовъ чуждыхъ идеологій третьяго интернаціонала, но я убѣжденъ только въ одномъ: этотъ процессъ уже ощущается.*

Вышеприведенный разговоръ съ Клейномъ, я возстановилъ, разумѣется, не дословно, и все вышесказанное является сводкой нѣсколькихъ бесѣдъ моихъ въ тюрьмѣ, не только съ Клейномъ, но съ людьми одинаковаго съ нимъ общественнаго положенія и взглядовъ.

Г л а в а 27-я.

Мое пребываніе въ больницѣ не могло быть долговременнымъ, и надо было что-либо предпринять, чтобы вырваться на свободу и уѣхать въ Финляндію. Несмотря на отвратительныя условія, больница имѣла много преимуществъ передъ тюрьмой Чеки. Во-первыхъ, можно было наладить безконтрольную связь съ консульствомъ. Во-вторыхъ, если бы мнѣ было разрѣшено свиданіе съ кѣмъ-либо изъ моихъ

земляковъ, то здѣсь въ больницѣ эти свиданія обставлялись съ меньшей строгостью, чѣмъ въ тюрьмѣ Чеки. Я былъ увѣренъ, что въ одинъ изъ ближайшихъ дней я получу свиданіе, такъ какъ консульство уже знало, хотя и нелегально, о моей голодовкѣ и о приговорѣ. Но мнѣ хотѣлось еще разъ дать знать о себѣ моимъ друзьямъ и сообщить, что я нахожусь въ больницѣ Гааза. Но не позондировавъ псчву, какъ слѣдуетъ, было рискованно обращаться къ помощи низшаго персонала больницы, хотя я уже успѣлъ получить отъ одной изъ сидѣлокъ предложеніе услугъ.

Подъ предлогомъ желанія выписать деньги отъ моихъ друзей для покупки продуктовъ, я спросилъ Клейна, какъ я могъ бы передать моимъ друзьямъ просьбу о присылкѣ денегъ. Клейнъ немного подумалъ, усмѣхнулся и сказалъ: Кому другому это можно было бы сдѣлать въ „два счета.“ Написалъ открытку, и дѣло съ концомъ. Но съ вами этотъ номеръ, пожалуй, не пройдетъ, такъ какъ вы числитесь за Чекой, и съ вами можно нажать бѣды. Вы вѣдь не по суду, а административно сосланный — это даже хуже, чѣмъ быть смертникомъ — по суду. Надо Яшку спросить. Только Яшка можетъ устроить, — больше никто.”

— „А кто такой этотъ Яшка?“

„Яшка — это извѣстный бандитъ и налетчикъ. Весьма уважаемая здѣсь личность. Имѣетъ 12 судимостей и въ данный моментъ ему уже третій разъ замѣненъ смертный приговоръ 10-ю годами строгой изоляціи. Скоро, вѣроятно, выйдетъ опять на свободу, такъ какъ онъ уже почти годъ, какъ сидитъ въ тюрьмѣ. Это мой пріятель, — я съ нимъ вмѣстѣ въ „Крестахъ“ сидѣлъ и въ тюремной мастерской работалъ. Онъ теперь здѣсь, такъ какъ представленъ на освидѣтельствованіе медицинской комиссіей для досрочнаго освобожденія, какъ „большой неврастеніей съ дегенеративными признаками.“ Хо-хо-хо! Это вамъ не ваша гнилая Европа. Здѣсь, братъ, совсѣмъ другой взглядъ на преступленіе. Вотъ, попомните мое слово, что Яшка мѣсяца черезъ два уже будетъ на свободѣ, а мѣсяца черезъ четыре, послѣ нѣсколькихъ налетовъ, опять сядетъ. Вотъ это и есть пролетарская идеалогія. Если хотите, я васъ познакомлю съ нимъ.

У него и здѣсь, и всюду въ тюрьмахъ, надежныя и вѣрнѣйшія связи. Онъ вамъ мигомъ устроитъ сообщеніе, съ кѣмъ угодно.

Я былъ новичкомъ въ тюремномъ уголовномъ быту и потому спросилъ Клейна. — „Но можно ли положиться на этого Яшку? Вы вѣдь сами говорите, что онъ воръ, бандитъ и убійца.“

— „Вотъ и видно, что вы новичекъ въ тюремномъ быту. Нельзя полагаться только на шпану, и на нашего брата интеллигента. Шпана васъ продастъ за пачку табаку, а среди интеллигенціи всегда можно нарваться на предателя, такъ какъ Чека и тюремная администрація вербуютъ среди заключенныхъ интеллигентовъ, такъ называемыхъ „сексотовъ“ или „лягавыхъ“, т. е. шпионовъ-освѣдомителей Чеки. „Свой,“ это на тюремномъ жаргонѣ значитъ квалифицированный преступникъ, — никогда не выдастъ. У нихъ есть своего рода тюремная этика. Однимъ словомъ, когда захотите воспользоваться услугами уважаемаго Яшки, то скажите мнѣ, и я вамъ все устрою. Яшка ко мнѣ благоволитъ во-первыхъ потому, что людямъ этого сорта всегда импонируетъ физическая сила. Во-вторыхъ, я устроилъ Яшку въ тюремную мастерскую на работу, и онъ, благодаря мнѣ, тамъ ни черта не дѣлалъ. Въ-третьихъ, гм, какъ бы вамъ сказать, — я богема, по моимъ привычкамъ, и анархистъ по моимъ убѣжденіямъ, и люди Яшкинаго круга это чувствуютъ и симпатизируютъ мнѣ. Вотъ смотрите, что сегодня получилъ“, — и съ этими словами Клейнъ показалъ мнѣ, съ лукавой и хитрой улыбкой, маленькій пакетикъ, вродѣ тѣхъ, въ какихъ продаютъ въ аптекахъ порошки.

— „Что это такое?“ — спросилъ я.

„А это, уважаемый, не больше и не меньше, какъ 10 граммъ „Коко“, или по вашему, по-европейски — кокаинъ. Съ 19-го года я пристрастился къ этому зелью, но не злоупотребляю, а такъ, понемножку, наслаждаюсь раза два въ недѣлю. Впрочемъ, иногда даю толчекъ мозгамъ подрядъ дней 10, — сколько хватитъ. Вы не бойтесь, я какъ наниюхаюсь, становлюсь невѣроятно болтливъ, но совершенно безобиденъ. Люблю о политикѣ разговаривать. Жалко, что вы не нюхаете, я люблю въ компаніи нюхать, въ особен-

ности съ людьми моего круга. Какія мысли приходятъ. Какъ все ясно, логично. Вотъ Антимоній тоже любитель, и Клейнъ кивнулъ головой на лежавшаго въ углу камеры чахоточнаго фармацевта, который охая и кряхтя всталъ какъ разъ въ это время съ кровати и, натянувъ халатъ, вѣрнѣе какіе-то лохмотья, направился въ корридоръ. Въ нашу камеру заходили отъ времени до времени больные изъ другихъ камеръ. Почти всѣ были босикомъ, ужасающе грязные, и халаты у всѣхъ были рваные въ пятнахъ, часто безъ одного рукава или съ оторванными полами. Впослѣдствіе я узналъ, что больные всегда отрываютъ отъ халатовъ куски матеріи и дѣлаютъ изъ нея туфли, такъ какъ при отправкѣ обратно изъ больницы въ тюрьму, многимъ нечего надѣть на ноги.

Поздно вечеромъ я отправился съ помощью того же Клейна въ больничную уборную. То, что я увидѣлъ тамъ, не поддается никакому описанію. Довольно большая комната, около 35 кв. метровъ тускло освѣщалась электрической лампочкой. Вдоль одной изъ стѣнъ 7 или 8 сидѣній до такой степени загаженныхъ, что мало-мальски брезгливому человѣку нечего и думать воспользоваться однимъ изъ нихъ. Весь полъ залитъ мочей и отъ амміачныхъ испареній трудно дышать. Тутъ же прямо на полу слабые больные отправляютъ всѣ свои естественныя нужды. Вдоль стѣны противоположной сидѣнья большой мѣдный бакъ, покрытый зеленымъ налетомъ, съ рукомойниками. Раковина подъ рукомойниками почти на одну треть наполнена кровью, мокротой и даже экскрементами. Сидѣлки выполаскиваютъ въ этой раковинѣ ночные горшки отъ слабыхъ больныхъ. Какъ разъ когда мы вошли въ уборную, я обратилъ вниманіе на небольшую группу людей, стоявшихъ въ углу. Двое были на костыляхъ, повидимому, цынготные больные, а третій, котораго они или прикрывали собой или давали какой-то совѣтъ, былъ мальчикъ лѣтъ 17-ти съ очень милостивымъ лицомъ. Вглядѣвшись, я раскаялся въ своей любознательности. Повидимому юноша былъ боленъ какой-то венерической болѣзью и растравлялъ горячей папирасой язвы... Позже я узналъ, что заключенные въ особенности „шпана“, не останавливаются ни передъ чѣмъ, лишь бы вызвать какую-

нибудь болѣзнь или затянуть лѣченіе. Пьютъ крѣпкій настой махорки, загоняютъ подъ кожу грязныя иголки, растравляютъ раны горячей папиросой и т. п.

Благодаря любезности одной изъ сестеръ, я получилъ возможность пользоваться уборной медицинскаго персонала. Это надо было продѣлывать очень осторожно, такъ какъ малѣйшая привиллегія, оказанная буржую, замѣчалась больными и влекла за собой цѣлый рядъ явныхъ и тайныхъ доносовъ въ Чеку на врачей, на администрацію и даже на чекистовъ, откомандированныхъ для службы въ больничномъ надзорѣ.

Нѣкоторые врачи и сестры относились ко всѣмъ больнымъ съ одинаковымъ вниманіемъ, не дѣлая разницы между буржуазнымъ и пролетарскимъ происхожденіемъ. Положеніе интеллигентныхъ больныхъ было во много разъ хуже, чѣмъ остальной массы заключенныхъ. Но между административными заключенными и осужденными по приговору суда была громадная разница въ правахъ. Несмотря даже на буржуазное происхожденіе, осужденные по приговорамъ судовъ все же имѣли право на досрочное освобожденіе по представленію тюремной администраціи или по болѣзни. Административные заключенные лишены были всякихъ правъ и не могли даже подавать прошенія въ высшій совѣтъ народныхъ комиссаровъ о помилованіи.

Чѣмъ больше я вникалъ въ мое положеніе, тѣмъ мнѣ было яснѣе, что у меня нѣтъ никакихъ шансовъ выйдти на свободу живымъ. Даже самое энергичное заступничество финляндскаго правительства, могло встрѣтить непреодолимое препятствіе въ лицѣ всемогущей Чеки, которая фактически является государствомъ въ государствѣ, и передъ ней склоняется власть даже народныхъ комиссаровъ.

* * *

Я уже три дня, какъ находился въ больницѣ Гааза и философъ Клейнъ оказался правъ: я началъ „обживаться“, и приспособиваться къ мѣстнымъ порядкамъ. При помощи взятыхъ въ долгъ у Клейна денегъ и благодаря различнымъ комбинаціямъ, я получилъ возможность по вечерамъ пользоваться ванной.

Ванная была далеко не первой новизны и чистоты, но все таки это было лучше, чѣмъ мыться въ уборной.

Всѣ мои три сожителя почти непрерывно „наслаждались“, т. е. нюхали кокаинъ, который они добывали черезъ Яшку и черезъ вора-рецидивиста, по прозвищу „Слонъ“. Онъ лежалъ въ сосѣдней камерѣ. Поэтому въ нашей камерѣ все время шла безсвязная но оживленная болтовня, причѣмъ говорили всѣ три сразу. Клейнъ все больше распространялся о политикѣ или объ искусствѣ, и всегда говорилъ очень толково, красиво и логично. Антимоній рассказывалъ о семьѣ или писалъ безконечныя письма и прошенія, причѣмъ каждую фразу говорилъ громко. Рабочій Кротовъ, больной цынгой, всегда говорилъ на религіозныя темы или громко молился.

Врачъ заходилъ къ намъ одинъ разъ въ день и по нѣсколько разъ въ день приходила дежурная сестра милосердія. Положеніе больничныхъ врачей и сестеръ милосердія въ совѣтской Россіи невѣроятно плохое. Въ нашей тюремной больницѣ на каждый этажъ полагалось по 3 сестры. Онѣ обязаны ежедневно быть въ больницѣ съ 8-ми часовъ утра и до 6-ти часовъ вечера. Кромѣ того каждая сестра несетъ суточное дежурство черезъ каждые два дня. Жалованье сестры 26 рублей въ мѣсяцъ, изъ которыхъ около 6 рублей вычитываютъ ежемѣсячно на разные обязательныя взносы: въ профессиональный союзъ, на различныя благотворительныя учрежденія, на жертвъ буржуазнаго террора въ Европѣ, на организацію демонстрацій и т. д., и т. п.

Сестры живутъ въ крайне тяжелыхъ жилищныхъ условіяхъ, такъ какъ изъ-за отсутствія средствъ онѣ вынуждены селиться въ неремонтируемыхъ домахъ на окраинахъ города. Онѣ даже лишены возможности измѣнить свою профессію, такъ какъ по законодательству совѣтской социалистической республики лица всѣхъ профессій зарегистрированы на такъ называемой биржѣ труда и въ профессиональномъ бюро. Никто, ни одно предпріятіе, не возьметъ себѣ служащаго безъ санкціи этихъ учреждений. Всѣ граждане Совѣтской Россіи, безъ исключенія, обязаны имѣть такъ называемую трудовую книжку, въ которой, въ числѣ многихъ другихъ свѣдѣній, значится профессія

владѣльца книжки, и сообразно съ профессіей тотъ разрядъ, по которому полагается производить данному лицу жалованіе. Каждая профессія имѣетъ 17 разрядовъ и въ медицинской профессіи сестры милосердія занимаютъ одинъ изъ самыхъ низшихъ разрядовъ Больничная сидѣлка получаетъ 18 рублей въ мѣсяцъ. (2 рубля = §. 1). Палатный ординаторъ врачъ, получаетъ за погашеніемъ обязательныхъ вычетовъ 42 рубля въ мѣсяцъ. Въ то же время тюремный надзиратель, обязанный нести суточное дежурство на каждыя третьи сутки, и двое сутокъ совершенно свободный, получаетъ 50 рублей въ мѣсяцъ и выше, въ зависимости отъ того класса, въ какомъ онъ находится. Больше всего труда приходится на долю сестеръ милосердія и врачей, такъ какъ, несмотря на полуголодное существованіе, несмотря на отвратительныя техническія условія работы и на чрезвычайно пестрый и безпокойный контингентъ больныхъ, и врачи, и сестры рабатаютъ съ полнымъ сознаніемъ своего святого долга. Среди больныхъ уголовниковъ масса дегенератовъ, почти безъ исключенія, наркомановъ. Многіе изъ нихъ проявляютъ самыя невѣроятныя капризы, симулируютъ припадки, держатъ себя съ медицинскимъ персоналомъ и даже съ надзоромъ крайне нагло и дерзко, и, несмотря на это я ни разу за все время моего нахожденія въ больницѣ не замѣчалъ чтобы врачи или сестры потеряли хоть на моментъ, самообладаніе и измѣнили свое мягкое отношеніе къ больнымъ. Я не видѣлъ ни врачей, ни сестеръ совѣтской школы, но мнѣ кажется, что для такой выдержки и для такого чувства долга требуется много больше, чѣмъ на спѣхъ нахватанныхъ профессиональныхъ знаній въ школахъ, проникнутыхъ „пролетарской идеологіей.

Наблюдая болѣе чѣмъ свободное обращеніе заключенныхъ больныхъ съ надзирателями, чего мнѣ не приходилось видѣть въ тюрьмѣ Чеки, я часто задавалъ себѣ вопросъ, почему изъ больницы Гааза не бываетъ побѣговъ.

При тѣхъ большихъ возможностяхъ, которыми располагаютъ заключенные уголовники, благодаря ихъ ловкости, обширнымъ связямъ и терроризированію надзора, мнѣ всегда казалось, что они безъ всякаго

труда могли бы получить „съ воли“ всѣ необходимыя приспособленія для побѣга. Но, присмотрѣвшись внимательнѣе къ окружающему, и изъ разговоровъ съ нѣкоторыми наиболѣе видными и искусными представителями уголовного міра, я понялъ, что это во первыхъ, все таки далеко не такъ просто. а. во вторыхъ, бѣжать изъ больницы нѣтъ смысла. Какъ ни какъ, но надзиратель прохаживается отъ времени до времени по корридору и двери камеръ открыты настежь. Окна забраны частыми толстыми желѣзными рѣшетками и съ каждой наружной стороны зданія круглая сутки ходятъ по два вооруженныхъ солдата. Одинъ изъ профессиональныхъ преступниковъ, въ разговорѣ съ которымъ я затронулъ вопросъ о возможности побѣга, сказалъ мнѣ: „Никакого расчета нѣтъ отсюда сигать. Перво на перво много шпаны сидитъ тутъ и фрайеровъ. („Фрайеръ“—интеллигентъ, не профессиональный преступникъ). Пока все будешь приготавливать — разболтаютъ. Пустой народъ. Опять же много „своихъ“ подведешь подъ Чеку. А она, знаешь, церемониться не будетъ: цапнетъ „нашихъ“, которые тутъ сидятъ, да всѣхъ и выведетъ въ расходъ. Нѣтъ ужъ лучше быть за Наркомъюстомъ. (Наркомъюсть, народный комиссаріатъ юстиціи). Все одно нашего брата долго въ тюрьмѣ не держатъ. Коли десять лѣтъ имѣешь—самое большое два года продержатъ. А хочешь сигать, такъ сигай изъ колоніи, оттуда по крайности никого не подведешь“.

Подъ словомъ „колонія“ мой собесѣдникъ подразумѣвалъ „колонію для заключенныхъ“. Это особаго рода земледѣльческія колоніи, въ которыя переводятся уголовные преступники по отбытіи ими извѣстнаго срока строгого режима въ тюрьмѣ. Преступники, имѣющіе, напримѣръ, 10 лѣтъ строгой изоляціи, обычно попадаютъ въ такую колонію въ концѣ перваго же года. Разумѣется, для такого перевода играетъ роль личность преступника и его происхожденіе. Заключенные не пролетарскаго происхожденія и со служебными или экономическими преступленіями разсматриваются, какъ „соціально опасный элементъ“ и отношеніе къ нимъ значительно строже. Профессиональные преступники разсматриваются какъ „соціально-вредный“ элементъ, и теоретически считается, что

они являются наследіемъ капиталистическаго строя и повтому съ теченіемъ времени преступность въ Совѣтской Россіи должна исчезнуть. Этотъ взглядъ легъ въ основу процессуальнаго и уголовнаго совѣтскаго законодательства и совѣтской пенитенциарной системы. Не берусь критиковать эту систему, такъ какъ я не спеціалистъ въ этомъ вопросѣ, но факты, мнѣ кажется, говорятъ, какъ не въ пользу этой этой системы, такъ и не въ пользу совѣтскаго режима. Въ подтвержденіе моего мнѣнія я не беру, какъ примѣръ, тюрьмъ Чеки и находящихся въ ея же вѣдѣніи различныхъ концентраціонныхъ лагерей, переполненныхъ заключенными. Эти десятки тысячъ административныхъ заключенныхъ бросаются въ тюрьмы только по подозрѣнію въ политической неблагонадежности, основанному часто на такомъ зыбкомъ фундаментѣ, какъ дворянское, или купеческое происхожденіе, или знакомство съ кѣмъ либо изъ иностранцевъ.

Но, помимо тюремъ Чеки, всѣ тюрьмы Совѣтской Россіи совершенно переполнены, и даже такъ называемый „особый изоляторъ“, или, какъ его просто называютъ, „Кресты“, гдѣ заключенные должны находиться въ одиночныхъ камерахъ, настолько переполнены, что въ каждой такой одиночной камерѣ сидитъ по 4, по 5 уголовныхъ преступниковъ.

Всѣ тѣ профессиональные преступники, съ которыми мнѣ пришлось встрѣчаться въ больницѣ Гааза были многократными рецидивистами и выраженіе: „дать честное пролетарское слово вести трудовую жизнь“, часто произносилось моими собесѣдниками, какъ въ разговорахъ со мной, такъ и между собой съ циничной ироніей. „Честное пролетарское слово“ это та формула заявленія, которое дѣлаетъ каждый рецидивистъ при своемъ досрочномъ освобожденіи“.

Во взглядѣ совѣтской власти на преступниковъ и въ ея отношеніи къ нимъ проявляются такъ же, какъ и во всѣхъ совѣтскихъ установленіяхъ тѣ же наивное лицемѣріе, теоретичность, форма безъ внутренняго содержанія, недобросовѣстность и фразеологія, оторванная отъ требованій жизни.

Согласно тюремнымъ правиламъ, больные заключенные могли два раза въ недѣлю получать „съ воли“ отъ своихъ родныхъ и друзей продукты. Такіе пакеты и корзинки съ продуктами носятъ названіе „передачи“. Одинъ разъ въ недѣлю, по четвергамъ, разрѣшалось имѣть получасовое свиданіе съ кѣмъ-либо изъ родныхъ. Исключеніе составляютъ только находящіеся подъ слѣдствіемъ и тѣ изъ административныхъ заключенныхъ, которымъ Чека почему-либо считаетъ не нужнымъ давать свиданіе.

Разумѣется, я былъ въ большомъ волненіи, когда наступилъ день свиданія. Семь мѣсяцевъ не видѣть никого, кромѣ заключенныхъ и тюремныхъ надзирателей, не имѣть ни одной вѣсти объ оставленной въ Финляндіи семьѣ и пережить внезапный арестъ, всѣ ужасы „особаго яруса“ и непріятности голодовки!.. Дежурный надзиратель громко выкрикивалъ фамиліи то одного, то другого заключеннаго и группа вызванныхъ по 10, по 15 человекъ попарно, подъ присмотромъ особаго надзирателя, спускалась по лѣстницѣ внизъ. Около четырехъ часовъ дня я уже началъ терять надежду, какъ вдругъ въ корридорѣ раздалось что то похожее по созвучіямъ на мою фамилію. Когда выкрикнули второй разъ, сомнѣнія больше не было, — это вызывали меня, но, Боже мой, до какой степени исковеркали мою фамилію

„Синдерголь! Синдерголь!“ — оралъ надзиратель.

Вотъ, наконецъ, насъ выстроили попарно и повели въ первый этажъ. Проходимъ рѣшетчатую дверь съ часовымъ, поворачиваемъ направо и входимъ въ комнату величиной около 20 кв. метровъ, биткомъ набитую людьми. Комната раздѣлена пополамъ деревяннымъ барьеромъ, высотой до половины груди, и по другую сторону барьера находятся люди, пришедшіе „съ воли“. Стоялъ невообразимый шумъ отъ голосовъ, у многихъ женщинъ, пришедшихъ на свиданіе, были заплаканныя лица. Было ужасно холодно, такъ какъ по ту сторону перегородки входная дверь была открыта настежь, и сквозь нее виднѣлась послѣдняя рѣшетка съ часовымъ, а дальше былъ виднѣнъ кусочекъ „воли“, такъ какъ парадная дверь тоже была открыта. Все

это мнѣ бросилось мгновенно и сразу въ глаза, какъ только я вошелъ въ комнату свиданій, тѣсно разыскивая глазами тѣхъ, кто пришелъ ко мнѣ. Но вотъ они оба. Какіе они свѣжіе, розовые и какъ элегантно одѣты. Какъ магистръ Т., такъ и г-жа Ч., — служащіе нашего генеральнаго консульства въ Петербургѣ, по-видимому, не узнаютъ меня, такъ какъ ихъ взгляды нѣсколько разъ скользнули по моему лицу, и они съ напряженнымъ вниманіемъ ищутъ среди всей этой массы грязныхъ, одѣтыхъ въ лохмотья людей, „полковника Седерхольма“. Не удивительно. Кто могъ бы узнать въ изможденномъ старикѣ, съ громадной сѣдой бородой, одѣтаго въ грязный разорванный халатъ, того самого полковника, надъ которымъ иногда въ консульствѣ по пріятельски подтрунивали за склонность къ щегольству. Въ первое мгновеніе встрѣчи, пожимая другъ другу руки, мы не могли отъ волненія произнести ни слова. Когда я увидѣлъ слезы на глазахъ моихъ друзей, то впервые за 7 мѣсяцевъ, мнѣ что то сжало горло и былъ близокъ моментъ, когда и я готовъ былъ заплакать. Справа отъ меня, какой-то пожилой, очень полный человѣкъ, въ щегольской рубашкѣ, виднѣвшейся изъ-подъ умопомрачительно грязнаго и оборваннаго халата, ласкалъ маленькую дѣвочку. Ребенка приподнимала надъ перегородкой молодая нарядная дама, по-видимому, дочь полнаго старика. Впослѣдствіи я узналъ, что старика звали Гольдманомъ: въ прошломъ онъ былъ банкиромъ. Слева стоялъ какой-то пожилой, тоже, по-видимому, интеллигентный человѣкъ, все время вытиравшій слезы и гладившій щеку пожилой дамѣ въ траурѣ. Сзади на меня навалился „уважаемый Яшка“. Этотъ былъ во всемъ великолѣпнѣ: выбритъ, съ прилизаннымъ проборомъ, въ довольно опрятномъ халатѣ, изъ-подъ котораго виднѣлась сплошь татуированная грудь. Яшка оралъ во все горло, оживленно разговаривая на воровскомъ діалектѣ со стоявшими позади моихъ друзей весьма сомнительными дѣвицами, и какимъ-то весьма подозрительнымъ субъектомъ. Такое сосѣдство въ связи съ общимъ шумомъ, давало мнѣ возможность откровенно и подробно поговорить съ моими друзьями.

Узнавъ отъ нихъ, что съ моей семьей все благо-

получно, я поторопился имъ изложить во всѣхъ подробностяхъ всю исторію моего ареста и просилъ принять всѣ мѣры къ тому, чтобы меня не отправили на Соловки и чтобы финляндское правительство добилось моего освобожденія. Какъ я и предполагалъ, всѣ хлопоты нашего дипломатическаго представительства получить отъ совѣтскихъ властей хотя бы краткій отчетъ о моемъ дѣлѣ, были почти безрезультатны, если не считать двухъ трехъ типичныхъ канцелярскихъ „отписокъ“, въ которыхъ значилось, что мое „дѣло“ находится въ „особо важномъ отдѣлѣ“ Чеки и что „по окончаніи дѣла“ результаты будутъ сообщены въ наше посольство въ Москвѣ. На запросъ нашего посланника о времени назначенія судебного разбираательства по моему дѣлу никакого отвѣта не послѣдовало отъ народнаго комиссаріата иностранныхъ дѣлъ, такъ какъ Чека отказалась дать о моемъ дѣлѣ какія-либо свѣдѣнія. Въ предыдущей главѣ я уже рассказывалъ, что благодаря счастливой случайности и дружескому вниманію моего тюремнаго товарища, мнѣ удалось передать въ консульство какъ о голодовкѣ, такъ и о полученномъ мною приговорѣ. Это сообщеніе было немедленно передано нашимъ консульствомъ, спеціальнымъ курьеромъ въ наше посольство въ Москвѣ. Посольство, не упоминая о полученномъ свѣдѣніи, все же очень энергично потребовало отъ совѣтскихъ властей указать мѣсто моего нахождения и сообщить о состояніи моего здоровья. На этотъ разъ отвѣтъ послѣдовалъ очень быстро и, узнавъ официально о моемъ нахожденіи въ тюремной больницѣ, нашъ генеральный консулъ исходатайствовалъ разрѣшеніе двумъ представителямъ консульства на свиданіе со мной.

Все вышеизложенное не особенно меня обрадовало, такъ какъ ничего опредѣленнаго о возможности моего освобожденія пока не было извѣстно. Единственнымъ утѣшеніемъ было то, что удалось добиться отъ Наркоминдѣла распоряженія задержать отправку меня на Соловки. Въ какой мѣрѣ явится это распоряженіе обязательнымъ для Чеки — никто не могъ сказать. Надо было вооружиться терпѣніемъ. На этомъ и закончилось мое первое свиданіе съ моими соотечественниками. Благодаря любезности дежур-

наго по приему надзирателя, мнѣ удалось получить привезенную мнѣ корзину съ продуктами и теплымъ бѣльемъ. Ужасно было тяжело расставаться въ друзья и въ особенности было неприятно общариваніе и ощупываніе всего тѣла дежурнымъ надзирателемъ. Какъ нарочно, мои друзья задержались въ толпѣ выходившихъ по ту сторону загородки. Я видѣлъ какой болью исказились ихъ лица, когда, взглянувъ на меня въ послѣдній разъ и посылая мнѣ прощальныя улыбки, они сдѣлались невольными свидѣтелями этой унижительной процедуры. Я съ поднятыми руками старался смотрѣть куда-то въ пространство и замѣтилъ, какъ мои друзья быстро отвернулись и начали смотрѣть прямо передъ собой.

Въ тысячный разъ задавалъ я себѣ вопросъ: „За что я терплю всѣ эти мученія, и почему? Невольно вспоминался когда-то въ дѣтствѣ прочитанный рассказъ подъ страннымъ заглавіемъ: „Въ плѣну у обезьянъ.“

* * *

— „Вы теперь начинаете обростать пухомъ,“ — сказалъ мнѣ Клейнъ, глядя какъ я разбирался въ содержимомъ корзины и переодѣвался въ шерстяное бѣлье. — „А вотъ ваше бѣлье я совѣтую вамъ закрывать тщательнѣе халатомъ, такъ какъ на ношеніе собственнаго бѣлья надо имѣть особое разрѣшеніе, и вамъ, какъ административному заключенному, такого разрѣшенія навѣрное не дадутъ. Вы дали что-нибудь надзирателю въ приемной?“

— „Даль. 1 кило сливочнаго масла.“

— „Ну, тогда все понятно. Вы я вижу ученый. А все-таки на Шпалерной у васъ не прошелъ бы этотъ номеръ и за такую попытку „смазать“ вамъ прибавили бы годика два Соловковъ. Тамъ Чека выдрессировала свой персоналъ. Чуть что-нибудь не такъ — пуля въ лобъ, а за доносъ — повышение.“

Замѣчаніе Клейна по поводу отмигно выдрессированнаго персонала Чеки было вполне справедливымъ. Въ нашей же больницѣ въ одной изъ камеръ верхняго этажа находились четыре больныхъ цынгою чекиста, присланные съ Соловковъ для лѣченія. Ихъ помѣстили всѣхъ вмѣстѣ въ одну камеру. Положеніе

чекистовъ или агентовъ уголовного розыска, попавшихъ, по игрѣ случая, въ тюрьму въ качествѣ заключенныхъ — очень трагично. Хотя тюремная администрація старается группировать ихъ такъ, чтобы изолировать, по возможности, отъ остальной массы заключенныхъ, но все же не всегда удается оградить ихъ отъ издѣвательствъ, побоевъ и другихъ жестокихъ проявленій ненависти со стороны ненавидящихъ Чеку озлобленныхъ преступниковъ. Заключенные интеллигенты, разумѣется, не принимаютъ участія въ травлѣ „лягавыхъ“. Самое лучшее, что можетъ сдѣлать интеллигентный заключенный — это какъ можно скорѣе уйти въ сторону и подальше отъ мѣста самосуда, такъ какъ потомъ слѣдуетъ очень тщательное разслѣдованіе эпизода подъ руководствомъ агентовъ Чеки. Случайно замѣшанный въ такую исторію „интеллигентъ,“ хотя бы какъ свидѣтель, жестоко страдаетъ, такъ какъ, по мнѣнію Чеки, интеллигенція вообще всегда и во всемъ виновата.

Подходящихъ случаевъ для совершенія самосуда, въ особенности въ тюремной больницѣ, болѣе чѣмъ достаточно. Лягавыхъ выслѣживаютъ въ темныхъ закоулкахъ корридоровъ, гдѣ ихъ обливаютъ кипяткомъ съ различными ѣдкими жидкостями. При удобномъ случаѣ, стараются имъ сбросить на голову чайникъ съ кипяткомъ, когда они идутъ по лѣстницѣ. Колятъ булавками во время массовыхъ сборищъ на лекціяхъ, о которыхъ я скажу ниже, причемъ булавки отравляются гноемъ венерическихъ больныхъ.

Истинныхъ виновниковъ такого самосуда не всегда удается найти, такъ какъ администрація больницы часто сама скрываетъ эти случаи отъ Чеки. Но рано или поздно все становится извѣстнымъ Чекѣ или по жалобамъ потерпѣвшихъ, или въ случаѣ смертнаго исхода самосуда. Многіе участники такого успѣваютъ уже выйти изъ больницы и разбрестись по разнымъ тюрьмамъ, но это не мѣшаетъ Чекѣ, съ присущей ей стремительностью, хватать первыхъ попавшихся и „для примѣра“ жестоко наказывать, — включительно до разстрѣла.

Чекисты, находившіеся въ нашей больницѣ, были приговорены къ заключенію въ Соловецкомъ лагерѣ на 10 лѣтъ и успѣли пробыть на Соловкахъ одинъ

годъ. Ходя на перевязку въ хирургическую комнату, я имѣлъ возможность убѣдиться, во что превращаются люди послѣ года пребыванія въ Соловецкомъ лагерѣ. Скелеты, обтянутые кожей, съ беззубымъ ртомъ, слезящимися глазами и сведенными ногами, были когда-то здоровенными парнями и служили надзирателями въ тюрьмѣ Чеки на Шпалерной. Каждый изъ нихъ былъ приговоренъ къ разстрѣлу съ замѣной 10 ти лѣтнимъ заключеніемъ на Соловкахъ. Что сдѣлали эти люди, чтобы заслужить такое жестокое наказаніе? Одинъ изъ нихъ получилъ отъ какого то заключеннаго взятку въ 5 рублей и записку для передачи роднымъ „на волѣ“. Записку обнаружили у надзирателя, такъ какъ кто-то изъ заключенныхъ, желая отличиться, донесъ о подкупѣ надзирателя. Приблизительно въ такомъ же родѣ были преступленія остальныхъ трехъ „чекистовъ“.

Помимо явныхъ чекистовъ, среди больныхъ находилось всегда нѣсколько, такъ называемыхъ „сексотовъ“, т. е. секретныхъ сотрудниковъ Чеки. Обычно во время допросовъ слѣдователи вербуютъ тайныхъ агентовъ изъ среды своихъ подслѣдственныхъ и за доносы на товарищей имъ обѣщаются различныя льготы, включительно до сокращенія срока наказанія.

Большая часть сексотовъ и до тюрьмы состоятъ секретными сотрудниками Чеки, одновременно служа въ томъ или иномъ совѣтскомъ учрежденіи или предпріятіи на какой-либо должности. Въ одной изъ камеръ нашего коридора находился нѣкій инженеръ Лугинъ, до тюрьмы служившій на Путиловскомъ заводѣ. Онъ былъ приговоренъ административнымъ порядкомъ къ высылкѣ на вольное поселеніе въ Нарымскій край. „Преступленіе“ Лугина состояло въ томъ, что онъ переписывался со своимъ роднымъ братомъ, проживавшимъ гдѣ-то на Кавказѣ подъ чужой фамиліей, такъ какъ онъ былъ въ 1920 мѣ году офицеромъ въ одной изъ „бѣлыхъ“ армій. Лугинъ мнѣ говорилъ, что высылка въ Нарымскій край — большая милость, такъ какъ сначала инженеръ былъ приговоренъ къ заключенію въ Соловецкомъ лагерѣ, и приговоръ былъ потомъ смягченъ, благодаря коллективному ходатайству рабочихъ завода и благодаря служебнымъ заслугамъ Лугина. Инженера Лугина „про-

далъ" его же подчиненный, одинъ изъ чертежниковъ технического бюро — Громовъ, который по ироніи судьбы вскорѣ самъ попалъ подъ судъ за торговлю кокаиномъ. Теперь Громовъ тоже находился въ тюрьмѣ.

Этотъ Громовъ былъ вселенъ въ квартиру инженера Лугина вмѣстѣ съ нѣсколькими другими самыми разнообразными жильцами, такъ какъ инженеръ занималъ квартиру въ 5 комнатъ, т. е. въ 4 раза больше того, чѣмъ ему полагалось по совѣтскому законодательству. Комната Громова была рядомъ съ комнатой супруговъ Лугиныхъ, и сквозь тонкую дверь онъ, вѣроятно, подслушивалъ разговоръ мужа съ женой. Въ результатъ всего Чека нагрязнула однажды ночью въ квартиру инженера съ обыскомъ, было найдено письмо брата и „дѣло“ заварилось. Братъ Лугина былъ разстрѣлянъ, а супруги Лугины арестованы за „недоносительство“. Инженеръ Лугинъ ничего не зналъ о судьбѣ своей жены, кромѣ того, что она выслана на Уралъ. Онъ попалъ въ больницу съ воспаленіемъ слѣпой кишки и недавно ему сдѣлали операцію. Громовъ, вѣроятно, пребываетъ въ должности „сексота“ въ мѣстѣ своего заключенія и имѣетъ всѣ шансы выйти скоро на свободу.

* * *

Какъ-то, медленно прогуливаясь по корридору вмѣстѣ съ бывшимъ банкиромъ Гольдманомъ и бесѣдуя съ нимъ о превратностяхъ человѣческой судьбы, я обратилъ вниманіе, что около дверей моей камеры подозрительно часто прохаживался воръ-рецидивистъ, по тюремной кличкѣ, — „Слонъ“. Я познакомился съ нимъ, такъ какъ онъ однажды обратился ко мнѣ съ просьбой проредактировать прошеніе „на Высочайшее имя“ — какъ онъ выразился, т. е. на имя председателя совѣта народныхъ комиссаровъ. Все прошеніе было составлено имъ въ очень витѣватыхъ выраженіяхъ и такъ и пестрѣло фразами вродѣ: „честное пролетарское слово“, „честная трудовая жизнь“ и даже что то на счетъ „въ потѣ лица ѣсть хлѣбъ свой“. Совмѣстно съ Клейномъ, мы облекли всю эту витѣватую чушь въ литературную форму и на трехъ страницахъ попытались убѣдить народныхъ комиссаровъ

въ полномъ и чистосердечномъ раскаяніи „Слона“. Благодаря этому „Слонъ“ привязался ко мнѣ, какъ собака и каждый вечеръ таскалъ мнѣ въ камеру чайникъ съ горячей водой для мытья.

Замѣтивъ, что я съ удивленіемъ сматрую на его прогулку передъ моей камерой, онъ галантно расшаркался и сказалъ: „Гуляйте, гуляйте гражданинъ. Я здѣсь стерегу, чтобы шпана вашихъ вещей не унесла ненарокомъ, а то Александръ Артуровичъ и Антимоній совсѣмъ нанюхавшись, а цынготный спитъ.“

Такая заботливость и вниманіе были очень трогательны. Я вообще долженъ сказать, что, встрѣчаясь въ тюрьмахъ съ различными профессиональными преступниками, внѣ ихъ обычнаго ремесла, я часто замѣчалъ, сверхъ всякаго ожиданія, въ нихъ очень много симпатичныхъ чертъ: вѣрность данному слову, отсутствіе наглости, всегда вѣжливое отношеніе и неизсякаемый запасъ юмора. Однажды, показывая на солидно прохаживающагося въ корридорѣ Гольдмана, „Слонъ“ сказалъ: „Вотъ, Исаакъ Григорьевичъ, также какъ и я — жертва капиталистическаго строя. Ему и мнѣ безъ банковъ плохо.“

Положеніе Гольдмана было изъ рукъ вонъ плохо. Какими-то хитроумными комбинаціями ему удалось припрятать при націонализаціи банковъ очень солидную сумму денегъ въ золотѣ и съ появленіемъ „Нэпа“ онъ занялся торговлей. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ военнаго комунизма все пришло въ упадокъ и разрушеніе и дома не избѣгли той же участи. Всѣ недвижимости перешли въ собственность отдѣла коммунальнаго хозяйства — „Откомхоза“, и на это учрежденіе легла непосильная обязанность привести всѣ разрушенные зданія въ порядокъ. Не было ни знающихъ людей, ни средствъ для надлежащей организаціи ремонтныхъ работъ. Поэтому рѣшено было призвать на помощь частную инициативу. Гольдманъ былъ однимъ изъ первыхъ, увѣровавшихъ въ солидность Нэпа, и заключилъ съ Откомхозомъ арендный договоръ на продолжительный срокъ. По договору онъ обязывался привести въ полный порядокъ три пятиэтажныхъ дома въ самомъ бойкомъ мѣстѣ торговаго Петербурга, — въ районѣ Сѣнной площади. По приведеніи домовъ въ порядокъ, Гольдманъ получалъ

право сдавать квартиры и торговья помѣщенія въ арендуемыхъ имъ домахъ, кому угодно и по какой угодно цѣнѣ. Съ затратой большихъ средствъ и энергіи всѣ три дома были приведены въ блестящее состояніе, и развивающійся „Нэп“ далъ Гольдману возможность очень выгодно сдать всѣ помѣщенія въ наемъ. Но благополучіе Гольдмана продолжалось недолго. Въ одинъ прекрасный день его вызвали въ экономическій отдѣлъ Чеки и задали вопросъ: „Кому и сколько именно вы дали взятки въ Откомхозѣ, чтобы заключить такой выгодный для васъ договоръ?“

Никакіе доводы Гольдмана не помогли, и его оставили на свободѣ только подъ залогъ въ 100 000 рублей. Чека принялась за энергичное разслѣдованіе „дѣла“. На неоднократныхъ допросахъ слѣдователь намекалъ Гольдману, что самымъ простымъ средствомъ прекратить это непріятное дѣло было бы махнуть рукой на дома и расторгнуть добровольно арендный договоръ съ Откомхозомъ. По словамъ слѣдователя выходило, что все равно Чека рѣшить все дѣло не въ пользу Гольдмана и, такъ какъ въ дѣлѣ отсутствуютъ явныя улики противъ Гольдмана, то слѣдователь вынужденъ направить все дѣло административнымъ путемъ, т. е. на разсмотрѣніе центральной коллегіи Чеки... Согласно ст 114 уголовного кодекса за дачу взятки полагается наказаніе отъ 3-хъ лѣтъ тюрьмы до разстрѣла включительно, съ полной конфискаціей имущества виновнаго. Гольдманъ прекрасно понималъ, что, если дѣло его пойдетъ въ Чеку, то онъ погибъ, такъ какъ Чека всегда выноситъ максимальные приговоры. Такъ какъ надежды на передачу дѣла въ судъ не было, разъ Чека рѣшила не выпускать добычу изъ своихъ рукъ, то Гольдманъ рѣшилъ... дать взятку слѣдователю Чеки. Деньги были приняты а на слѣдующій день Гольдмана, несмотря на залогъ арестовали. Теперь была улика на лицо и все дѣло было направлено къ прокурору суда. Былъ созданъ, такъ называемый, „показательный процессъ“ для пролетарскихъ массъ, на которомъ наглядно продемонстрировались зловредность буржуазіи и неподкупность Чеки. Цѣль была достигнута. Гольдмана приговорили къ смертной казни съ полной конфиска-

цій всего имущества, но потомъ, въ видѣ особой милости, смертный приговоръ былъ замѣненъ 10-ю годами строгой изоляціи въ тюрьмѣ „Кресты“. Такъ какъ эта тюрьма переполнена такъ же, какъ и всѣ другія тюрьмы, то Гольдману пришлось 3 мѣсяца сидѣть вмѣстѣ съ 5 ю человекѣми въ камерѣ, рассчитанной на одного человекѣ. Пожилой человекѣ 58 ми лѣтъ, страдающій расширеніемъ сердца, онъ въ концѣ концовъ не выдержалъ пытки и заболѣлъ. Отремонтированные Гольдманомъ дома перешли опять въ вѣдѣніе Откомхова, а на конфискованныя у Гольдмана деньги была заново отремонтирована тюрьма на Шпалерной улицѣ.

— „Ну, скажите же мнѣ пожалуйста, кому мнѣ жаловаться? Гдѣ мнѣ найти спрєведливостъ?“ — спрашивалъ меня неоднократно старикъ, заканчивая свои безконечные рассказы.

За три дня до моего ухода изъ больницы Гааза, Гольдманъ внезапно умеръ отъ разрыва сердца.

Г л а в а 29-я.

Какъ и во всѣхъ тюрьмахъ, состоящихъ въ вѣдѣніи Наркомъюста, т. е. Народнаго Коммиссаріата Юстиціи въ нашей тюремной больницѣ имѣлась, такъ называемая, „воспитательная часть.“ Какъ и все въ совѣтской Россіи, кромѣ Чеки, дѣло ограничивалось лишь однимъ названіемъ.

Воспитательная часть возглавляется, такъ называемымъ, „воспитателемъ“, и онъ самъ и черезъ своихъ помощниковъ ведетъ образовательныя бесѣды съ заключенными, слѣдитъ за ихъ постепеннымъ исправленіемъ и ведетъ на каждого заключеннаго особый журналъ — характеристику. Такъ должно обстоять дѣло воспитанія преступниковъ по теоретическимъ совѣтскимъ предначертаніямъ.

А вотъ, какъ обстоятъ все въ дѣйствительности: На всѣхъ насъ заключенныхъ больныхъ, т. е. на 400 человекѣ, полагался одинъ воспитатель и никакихъ помощниковъ. Человекѣ, призванный исправлять наши преступныя души и сдѣлать изъ насъ полезныхъ гражданъ, С.С.С.Р. былъ Сергѣй Афанасьевичъ Котомкинъ. Сей почтенный мужъ являлся раза два въ недѣлю по вечерамъ въ больницу, всегда въ изрядномъ

подпити и встрѣчаемый громкими возгласами шпаны: „Сакъ, Сакъ*) пришел!“ онъ всегда неизмѣнно произносилъ громкимъ басомъ: „Преступный элементъ, молчать! Буржуазію прошу не интриговать!“ Сакъ былъ мужчина довольно плотный, высокаго роста, на видъ лѣтъ 40—45-ти. Онъ былъ одѣтъ въ темносинюю тюремную форму Наркомъюста, причемъ фуражка всегда лихо сидѣла на затылкѣ, а пальто было заброшено только на одно плечо. Обойдя всѣ этажи, нашъ воспитатель собиралъ всѣхъ, способныхъ двигаться, больныхъ одного какого-нибудь этажа въ плотную массу и начиналъ ихъ „воспитывать.“ Приводить дословно все, что говорилось Котомкинымъ въ назиданіе намъ, я затрудняюсь. Это былъ совершенно безсвязный наборъ словъ. Помню только стереотипное начало каждой „рѣчи.“ Вся аудиторія обводилась взглядомъ, Котомкинъ откашливался и начиналъ: „Вы всѣ тутъ, товарищи, жулики и дармоеды. Положимъ, которые тутъ есть интеллигенты, они можетъ и не жулики, но что дармоеды — это ужъ обязательно. А надо трудиться, потому, что разъ мы пролетаріаты, то надо это доказать на дѣлѣ“... и. т. д. Такая рѣчь продолжалась минутъ 10, послѣ чего бесѣда принимала болѣе интимный характеръ съ отдѣльными лицами, преимущественно со шпаной, къ которой нашъ воспитатель питалъ особую склонность.

Во время такихъ воспитательныхъ бесѣдъ, наши камеры и наши вещи находились безъ присмотра, и предприимчивая шпана изъ другихъ этажей совершала набѣги въ наши камеры и очищала до-чиста всѣ „передачи.“ Дважды былъ обворованъ и я, пока не догадался относить все имущество, въ дни лекцій, въ верхній этажъ, подъ охрану „уважаемаго Яшки“.

* * *

Мое положеніе вошло въ ту стадію, о которой можно было бы сказать языкомъ военныхъ реляцій: „На фронтѣ тихо. Положеніе безъ перемѣн.“

Я получалъ регулярно еженедѣльные свиданія съ представителями нашего консульства. Устно мнѣ пе-

*) „Сакъ“, сокращенное слово отъ начальныхъ буквъ имени, отчества и фамилии.

редавали извѣстія о моей семьѣ и совѣтовали запастись терпѣніемъ. Переговоры о моемъ освобожденіи протекали крайне медленно, и все осложненіе заключалось въ томъ, что я числился за Чекой, какъ административно приговоренный. Благодаря этому, народный комиссаріатъ иностранныхъ дѣлъ былъ связанъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

Такъ какъ я страдалъ хронической болѣзною, предусмотрѣнной спискомъ тѣхъ болѣзней, которыя давали право на досрочное освобожденіе, то мнѣ надо было, во что бы то ни стало, получить актъ медицинской комиссіи больницы Гааза и копію этого акта передать въ консульство. Такой документъ значительно облегчилъ бы хлопоты нашего посольства о моемъ освобожденіи.

Медицинское освидѣтельствованіе для досрочнаго освобожденія заключенныхъ больныхъ происходило разъ въ мѣсяцъ. Въ докладной запискѣ на имя главнаго врача больницы я изложилъ исторію моей болѣзни и просилъ включить меня въ списокъ больныхъ, подлежащихъ освидѣтствованію судебно-медицинской комиссіей. Послѣ предварительнаго очень подробнаго освидѣтствованія меня главнымъ врачомъ и его помощникомъ, мое ходатайство было удовлетворено.

Насталъ, наконецъ, и день освидѣтствованія и всѣ, назначенные „на комиссію“, были собраны на круглой площадкѣ верхняго этажа около комнаты, гдѣ засѣдала комиссія.

Какихъ только не было тутъ разновидностей болѣзней. Доминировали туберкулезъ, эпилепсія и различныя острыя формы неврастеніи. Я казался самому себѣ, среди всей этой массы полутруповъ, невыгоднымъ исключеніемъ. Чуть ли не мѣсячное пребываніе въ больницѣ на собственномъ иждивеніи, почти уничтожило всѣ слѣды перенесенныхъ страданій. Но я не считалъ нужнымъ притворяться или, какъ говорятъ въ тюрьмѣ „филонить“. Филонили почти всѣ. Филонили наивно, глупо и неумѣло. Не притворялись только туберкулезные, такъ какъ на комиссію представляются лишь безнадежно больные этой болѣзною. Обычно, добрая половина изъ нихъ умираетъ, не дождавшись досрочнаго освобожденія, такъ какъ

актъ комиссії проходить нѣсколько бюрократическихъ инстанцій и это беретъ отъ 2-хъ до 3-хъ мѣсяцевъ. Многіе изъ „неврастениковъ“ были совершенно „нанюхавшись“ кокаина или „наглотившись“ веронала. Они топтались на площадкѣ съ одурѣлымъ видомъ и идиотски бессмысленной— жалкой улыбкой. Изъ „интеллигентовъ“ было нѣсколько туберкулезныхъ и я. Меня очень удивило, что среди представленныхъ на комиссію не было полупарализованнаго старика священника, котораго я видѣлъ въ одной изъ камеръ 3-го этажа. Онъ такъ же, какъ и я, былъ назначенъ къ высылкѣ на Соловки, т. е. числился за Чекой, а не за судебнымъ учрежденіемъ.

Объясненіе этому, казавшемуся мнѣ страннымъ обстоятельству, я получилъ нѣсколько позже.

Наконецъ дошла очередь и до меня, и я предсталъ передъ очень многочисленной комиссіей врачей и представителей совѣтской юстиціи. Послѣ безконечныхъ разспросовъ и освидѣтельствowanія предсѣдатель комиссії сказалъ: „досрочно.“

Я вышелъ изъ комиссії въ радостномъ возбужденіи. Теперь оставалось лишь получить копию акта комиссії и передать ее въ консульство. Тогда мои шансы на освобожденіе будутъ почти вѣрными, такъ какъ даже у Чеки не хватитъ нахальства и цинизма отказать нашему посольству въ моемъ досрочномъ освобожденіи, разъ сама совѣтская врачебно-судебная комиссія признала меня подлежащимъ освобожденію на основаніи совѣтскихъ законовъ.

Такъ я думалъ, но вышло все, сверхъ ожиданія, далеко не такъ. Передъ вечеромъ въ мою камеру вошелъ очень взволнованный главный врачъ, и въ весьма повышенномъ тонѣ обратился ко мнѣ со словами: „На какомъ основаніи вы явились на комиссію? Вѣдь вы административно осужденный, вы числитесь за Чекой, а не за судомъ, вамъ не полагается никакихъ освидѣтельствowanій и никакихъ досрочныхъ освобожденій. Вы хотите, чтобы я тоже оказался тутъ въ качествѣ административнаго заключеннаго?“

Единственно, что я могъ возразить взволнованному и перепуганному врачу— было: „Откуда я могу знать всѣ ваши совѣтскіе законы? Вѣдь вы меня сами осматривали и сами представили на освидѣтельство-

ваніе комиссіи. Мнѣ казалось, что всѣ больные заключенные страдают и умираютъ одинаково. независимо отъ того, за какимъ учрежденіемъ они числятся*.

— „Да, да, но вы мнѣ все таки не сказали, что вы приговорены административнымъ порядкомъ... Я ничего не могу для васъ сдѣлать. Не имѣю права“.

Такимъ образомъ я былъ и внѣ совѣтскаго закона. Теперь мнѣ стало понятнымъ, почему полупарализованный старикъ священникъ не былъ на освидѣтельствovanіи комиссіей.

* * *

По какимъ-то высшимъ соображеніямъ, меня перевели въ одинъ прекрасный день въ другую камеру въ томъ же корридорѣ. Здѣсь насъ было 7 человекъ. Кромѣ меня, изъ „интеллигентовъ“ было трое: старикъ, бывший полицейскій приставъ, полковникъ Матвѣевъ, приватъ-доцентъ политехническаго института Долгинъ и командиръ какой-то совѣтской пограничной бригады Кольцовъ. Остальные трое были: красноармеецъ солдатъ, студентъ комсомолецъ*) и мелкій воръ-рецидивистъ по прозвищу „Шило“.—Какъ говорится, небольшая, но теплая компанія. Комсомолецъ и „Шило“ страдали падучей болѣзнью въ очень тяжелой формѣ, и припадки повторялись ежедневно. Такъ какъ двери въ корридоръ были открыты, и тамъ тоже часто падали на полъ эпилептики и бились въ судорогахъ, то въ нашей камерѣ это было слышно. Комсомолецъ и „Шило“, слыша крики и шумъ припадочныхъ въ корридорѣ, падали одновременно и тоже начинали биться въ судорогахъ. Въ эти моменты весь этажъ представлялъ собой сплошной сумасшедшій домъ, такъ какъ почти во всѣхъ камерахъ находились эпилептики, на которыхъ заразительно дѣйствовали припадки товарищей.

За припадочными ухаживали ихъ же товарищи, т. е. одинъ прижималъ къ полу плечи больного, а другой держалъ за ноги. Потомъ, когда эпилептикъ успокаивался, его относили на кровать. Было не

*) Прим. авт. „Комсомолецъ“—членъ союза коммунистической молодежи.

мало и симулянтовъ, доходившихъ въ своемъ притворствѣ до виртуозности. Обычно они отращивали себѣ длинные волосы, такъ какъ при паденіи получался очень чувствительный ударъ головой о каменныя плиты пола.

Исторія злоключеній моихъ новыхъ сожителей для знакомаго съ совѣтскимъ бытомъ очень стереотипна.

Полковникъ Матвѣевъ находился еще подъ слѣдствіемъ, т. е. за Чекой. Онъ обвинялся въ томъ, что служилъ въ полиціи при царскомъ режимѣ. Дѣло его было направлено въ Москву. Было ему 67 лѣтъ, и онъ страдалъ удушьемъ и язвой желудка. Ожидаль онъ смертнаго приговора, но относился къ этому совершенно безучастно, такъ какъ физически очень страдалъ и усталъ жить.

Приватъ-доцентъ Долгинъ былъ высокій, красивый мужчина и попалъ въ больницу изъ второго исправительнаго дома, въ которомъ онъ долженъ былъ отбыть 3 года заключенія по приговору суда. Онъ уже почти оправился послѣ перенесеннаго плеврита и его должны были скоро отправить въ тюрьму.

Это былъ типичный представитель того направленія мыслей нѣкоторой части русскаго образованнаго общества, которое носитъ названіе „смѣна вѣхъ“, т. е. непоколебимая вѣра въ эволюцію большевизма и признаніе за нимъ исторической необходимости, обуславливающей дальнѣйшій здоровый прогрессъ Россіи.

Долгинъ попалъ подъ судъ по доносу на него одного изъ студентовъ. Дѣло было такъ: по совѣтскому законодательству могутъ получать высшее образованіе только лица пролетарскаго происхожденія. Только этимъ путемъ, по мнѣнію совѣтской власти, можно въ концѣ концовъ получить новую интеллигенцію, проникнутую пролетарской идеологіей и не оторванную отъ рабоче-крестьянской массы. Поэтому, всѣ молодые люди, имѣющіе несчастье происходить изъ семей чиновниковъ, купцовъ, дворянъ, инженеровъ, врачей, священниковъ, офицеровъ и т. п., не принимаются въ высшія учебныя заведенія. Если случайно удастся такому представителю „соціально опаснаго элемента“ проникнуть въ высшее учебное

заведеніе, то при ежегодной контрольной „чисткѣ“, его удаляютъ и наказываютъ, какъ за мошенничество.

У привать-доцента Долгина былъ братъ—полковникъ, убитый на войнѣ въ 1915 мѣ году. Послѣ смерти брата остался сынъ круглый сирота и Долгинъ взялъ племянника къ себѣ. Мальчикъ былъ очень способнымъ и блестяще сдалъ конкурсные экзамены въ горный институтъ. Но въ институтѣ пришлось недолго пробыть, такъ какъ произошла очередная чистка и комиссія доискала, что студентъ Долгинъ—сынъ полковника. Молодого человѣка исключили и продержали 3 мѣсяца въ тюрьмѣ. Но мальчикъ оказался настойчивъ и, раздобывъ себѣ фальшивые документы на вымышленную фамилію, опять поступилъ на электро-механический отдѣлъ Петербургскаго политехникума, гдѣ его дядя состоялъ привать-доцентомъ. Все шло хорошо и, чтобы не вызывать подозрѣній, племянникъ жилъ отдѣльно отъ дяди и даже не бывалъ у него. Какъ-то во время спортивнаго состязанія между петербургскими высше-учебными заведеніями, одинъ изъ студентовъ горнаго института, секретный сотрудникъ Чеки, узналъ молодого Долгина и донесъ Чекѣ о своемъ наблюденіи. Началось разслѣдованіе и, въ концѣ концовъ, привать-доцентъ Долгинъ сѣлъ на скамью подсудимыхъ за „соучастіе и недоносительство“, а его племянникъ за поддѣлку документовъ. Послѣ многихъ „смягчающихъ вину обстоятельствъ“ и пр., оба получили 3 года тюремнаго заключенія.

Когда Долгинъ рассказывалъ мнѣ всю эту вопіющую страницу совѣтскаго быта, я не могъ удержаться отъ возмущенія. Но мой собесѣдникъ эпически спокойно возразилъ мнѣ: „Ничего не подѣлаешь. Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ. И большевики, по своему, правы. Имъ нужна пролетарская интеллигенція, не связанная съ прошлымъ ни традиціями, ни наслѣдственностью. Все обойдется съ теченіемъ времени, и черезъ нѣсколько лѣтъ, когда страной будетъ управлять новая интеллигенція,—будетъ лучше. Тогда исчезнетъ это озлобленіе, сопровождающее революціонный экстазъ нынѣшнихъ дѣятелей, вышедшихъ изъ революціоннаго подполья“.

Сколько разъ мнѣ приходилось слышать отъ

русскихъ интеллигентовъ, приспособившихся къ советскому режиму, это полное смутной надежды „черезъ нѣсколько лѣтъ“...

* * *

Меня, какъ бывшаго офицера, особенно интересовали личности двухъ советскихъ военно-служащихъ: солдата красноармейца и краснаго генерала — начальника стрѣлковой бригады.

Солдатъ носилъ громко звучащую для русскаго уха литературную фамилію — Гаршинъ, а краснаго генерала, какъ я уже упоминалъ, звали Кольцовъ.

Гаршинъ былъ низкорослый, коренастый блондинъ съ одутловатымъ блѣднымъ лицомъ, поросшимъ свѣтлымъ пухомъ. Ему было 22 года, но на видъ онъ казался еще моложе. Отъ полученной во время гражданской войны сабельной раны въ голову, онъ страдалъ мучительными головными болями и нервными припадками. Въ нашу больницу его прислали на испытаніе изъ псковской тюрьмы Чеки, куда онъ попалъ какъ дезертиръ. Въ промежуткахъ между припадками это былъ очень словоохотливый и бойкій на языкъ парень, съ типичными для псковскаго крестьянина хулиганскими манерами. Онъ исправно понюхивалъ кокаинъ и, повидимому, былъ при деньгахъ, такъ какъ, не стѣсняясь, платилъ за кокаинъ по 8—10 рублей за нѣсколько граммъ, которые ему доставали какіе-то пріатели, лежавшіе въ камерахъ другого корридора. Онъ мало придавалъ значенія своему аресту, такъ какъ, по его словамъ, у него было боевое революціонное прошлое и онъ дважды былъ награжденъ орденомъ краснаго знамени. Еще семнадцатилѣтнимъ мальчишкой онъ уже сражался въ составѣ красной арміи съ бѣлыми войсками на Украинѣ. Потомъ онъ принялъ участіе во всевозможныхъ карательныхъ экспедиціяхъ по усмиренію крестьянскихъ бунтовъ и по отбиранию отъ крестьянъ продовольственнаго налога. Съ окончаніемъ періода военнаго коммунизма, Гаршинъ вернулся къ себѣ въ Псковскую губернію, гдѣ въ одномъ изъ сель его старшій братъ занимался земледѣльемъ и держалъ лавку. 1923 мѣ году ему исполнился 21 годъ и повтому его вновь призвали на военную службу въ красной арміи. Порядки, которые

онъ засталъ въ арміи при вторичной службѣ, рѣзко отличались отъ привольной жизни, которую онъ велъ въ красной конницѣ во время гражданскихъ войнъ и періода военного коммунизма. Теперь съ утра до поздняго вечера была военная муштра, теоретическія занятія, политическая грамотность и подчиненность старшимъ. А въ 1919 мѣ году подъ Ромнами, онъ самолично зарубилъ шашкой своего эскадроннаго командира, по постановленію эскадроннаго комитета, такъ какъ командиръ—изъ бывшихъ царскихъ офицеровъ, показался комитету не надежнымъ. Я спросилъ Гаршина:—„А почему, именно, было рѣшено зарубить командира. Развѣ не проще было застрѣлить его, развѣ ужъ все равно было рѣшено лишить его жизни?“

— „Да, видишь, я самъ вызвался охотникомъ,— ну, эскадронъ, значить, мнѣ и предоставилъ его, на мое распоряженіе“.

Гаршинъ былъ недоволенъ современными порядками въ красной арміи и считалъ себя обойденнымъ. Несмотря на два ордена краснаго знамени, его не произвели въ взводные командиры и смѣстили съ должности отдѣленнаго начальника, такъ какъ онъ не выдержалъ установленнаго экзамена по строевому уставу и политической грамотности. Тогда онъ уѣхалъ въ отпускъ и рѣшилъ больше не возвращаться въ армію, которая не оцѣнила его революціонныхъ заслугъ. Не знаю дальнѣйшей судьбы этого „краснаго героя“, такъ какъ его отъ насъ вскорѣ перевели въ военную центральную тюрьму.

Съ совѣтскимъ краснымъ генераломъ Кольцовымъ я сошелся довольно близко. Это былъ очень пріятный, умный и воспитанный человекъ. Несмотря на рѣзкое расхожденіе нашихъ взглядовъ на многіе вопросы, я вспоминаю о немъ съ чувствомъ большой симпатіи.

Кольцовъ былъ „настоящей военной костью“, и рваный, грязный халатъ не могъ скрыть старой военной выправки и отчетливой точности движеній. Революція застигла Кольцова въ чинѣ капитана одного изъ армейскихъ пѣхотныхъ полковъ, на русско-германскомъ фронтѣ. Популярность среди солдатъ спасла ему жизнь въ первый періодъ революціонной бури, а потомъ, какъ и многіе изъ уцѣлѣвшихъ офи-

церовъ, онъ приспособился къ обстановкѣ, переживъ послѣдовательно развалъ арміи эпохи гражданскихъ войнъ и, наконецъ, новую организацію красной арміи, въ которой онъ занялъ должность командира одной изъ стрѣлковыхъ бригадъ, расквартированныхъ у русско-польской границы. Кольцовъ только что оправился отъ перенесеннаго воспаленія легкихъ, и со дня на день ожидалъ суда въ высшемъ военномъ трибуналѣ. Онъ долженъ былъ предстать передъ судомъ въ качествѣ центральной фигуры процесса, какъ обвиняемый въ шпионажѣ въ пользу Польши. Материаломъ для обвиненія послужила пропажа изъ канцеляріи бригады нѣсколькихъ секретныхъ приказовъ и инструкцій, а также пріятельскія отношенія Кольцова съ нѣсколькими „бывшими“ царскими офицерами, задержанными на русско-польской границѣ. Хотя самъ Кольцовъ донесъ о пропажѣ секретныхъ документовъ, какъ только обнаружилъ пропажу, но надъ нимъ висѣло крайне тяжелое обвиненіе и онъ былъ увѣренъ, что трибуналъ вынесетъ ему смертный приговоръ.

— „Вы понимаете, Седерхольмъ, что ни одинъ совѣтскій судья не будетъ ни минуты сомнѣваться въ моей виновности, такъ какъ я бывший царскій офицеръ. Насъ, приспособившихся и десятки разъ своей кровью доказавшихъ нашу лояльность по отношенію къ совѣтской власти, насъ только терпятъ до поры, до времени. Насъ иногда даже награждаютъ, даютъ намъ сравнительно высокіе посты, но малѣйшее подозрѣніе — и мы всегда оказываемся виновными. Дальше будетъ еще хуже, такъ какъ по мѣрѣ притока въ армію новыхъ комсоставцевъ (комсоставецъ — командный составъ — понятіе отвѣчающее слову „офицеръ“) совѣтской выучки и пролетарскаго происхожденія въ насъ, старыхъ офицерахъ, встрѣчается все меньше и меньше необходимости. Мавръ сдѣлалъ свое дѣло и мавръ долженъ удалиться“.

Студентъ-комсомолецъ, кровать котораго была рядомъ съ кроватью Кольцова, счелъ моментъ подходящимъ, чтобы вмѣшаться въ нашъ разговоръ.

— „А что, вы думаете“ — началъ студентъ, — „что совѣтская власть должна вамъ слѣпо вѣрить. Да на какомъ основаніи? Вотъ вы говорите, что вы своей кровью запечатлѣли вашу лояльность. Я, разумѣется,

не говорю сейчас лично о васъ, а такъ, какъ при-
мѣръ беру. Хорошо, допустимъ, что вы сражались за
интересы пролетаріата и честно ему служили. Но все
равно, вамъ нельзя довѣрять, такъ какъ, въ лучшемъ
случаѣ, вы это дѣлали благодаря принудительной
службѣ, благодаря привычкѣ подчиняться, благодаря
тому, что военное дѣло это ваше ремесло, которое
васъ кормитъ и внѣ котораго большинство изъ васъ
ничего не умѣетъ дѣлать. Никогда я не повѣрю, что
въ глубинѣ вашей души вы преданы интересамъ про-
летаріата. До поры до времени, пока за вами слѣ-
дятъ, пока вамъ платятъ и пока вы чувствуете, что
совѣтская власть сильна, — вы всѣ лойяльны, а чуть
потянуло бы другимъ вѣтромъ, и явилась бы возмож-
ность удрать, — всѣ вы разбѣжались бы и пере-
кинулись бы въ чужой лагерь. Нѣтъ, что ужъ тутъ
говорить про васъ, царскихъ офицеровъ, когда среди
нашего брата — пролетарскаго студенчества и то слѣ-
дить приходится! Пока человекъ у станка стоялъ
ему и интересы рабочихъ были близки и партійными
дѣлами интересовался, а протащили его черезъ раб-
факъ (рабочій факультетъ — трехъ-четырехъ лѣтніе
образовательные курсы для рабочихъ), дали ему обра-
зованіе — онъ уже „въ лѣсъ смотритъ“, и постепенно
отходить отъ рабочей массы.

— „Значить, по вашему выходитъ“, — спросилъ я сту-
дента, — „что образованіе и интересы пролетаріата несо-
вмѣстимы, то-есть, какъ только рабочій, или крестьянинъ
дѣлается инженеромъ, врачомъ, офицеромъ, или адвока-
томъ, то онъ отходить отъ пролетарскихъ массъ и воспри-
нимаетъ буржуазную идеологію. Такъ я васъ понялъ?“

Комсомолецъ, чувствуя, что попалъ впросакъ,
началъ съ горячностью возражать.

— „Я совсѣмъ не хотѣлъ сказать, что образова-
ніе, получаемое пролетаріатомъ, вредно для интересовъ
революціи. Я хочу только сказать, что ваша буржуаз-
ная закваска еще настолько сильна, что слабоволь-
ные и нестойкіе среди нашихъ товарищей иногда
поддаются и воспринимаютъ буржуазныя привычки,
взгляды и вкусы. Все это, разумѣется, со временемъ
исчезнетъ, по мѣрѣ пролетаризированія капиталисти-
ческихъ государствъ, а пока мы должны строго наблю-
дать другъ за другомъ“.

Продолжать нашу дискусію становилось неинтереснымъ, бесполезнымъ и опаснымъ занятіемъ, такъ какъ шансы собесѣдниковъ были неравны: студентъ могъ говорить свободно все, что онъ думалъ, а Кольцовъ и я не могли этаго сдѣлать, такъ какъ все содержаніе нашей бесѣды могло стать извѣстнымъ Чекѣ.

Г л а в а 30-я.

Въ тотъ же день, сидя вмѣстѣ съ Кольцовымъ въ амбразурѣ окна въ корридорѣ, мы продолжили нашу бесѣду на ту же тему. Началъ Кольцовъ смотря задумчиво на виднѣвшіеся сквозь окно дальніе купола Александро-Невскаго монастыря.

— „А вы, какъ говорится, всѣ 100 проц. попаданія дали, съ этимъ нашимъ комсомольцемъ. Это вѣрно, что образованіе несовмѣстимо съ пролетарской идеологіей въ той формѣ, какъ она понимается и проводится въ жизнь у насъ, въ данный моментъ. Мнѣ много пришлось имѣть дѣла съ молодымъ комсоставомъ новой формаціи, такъ какъ у меня въ бригадѣ почти 60 проц. офицеровъ совѣтской выучки. Несмотря на то, что всѣ они, исключительно, пролетарскаго происхожденія и что ихъ всѣхъ основательно пичкаютъ въ военныхъ училищахъ, такъ называемой, политграмотой (политграмота — курсъ совѣтской конституціи, экстрактъ ученія Маркса и экстрактъ ученія Ленина), всѣ они очень быстро сливаются со старымъ офицерскимъ составомъ и очень многое воспринимаютъ отъ насъ.

Отъ всей совѣтской школы остается только извѣстная демократичность во взглядахъ, но къ политическимъ вопросамъ — полное безразличіе и мнѣ даже приходилось неоднократно напоминать имъ объ обязательномъ посѣщеніи клубовъ, во время общихъ собраній и лекцій на политическія темы. Вы, вѣроятно, знаете, что въ каждомъ полку имѣется военный комисаръ, испытанный партійный работникъ, и на обязанности этого комисара лежитъ политическій контроль всѣхъ чиновъ полка, и организація въ полку партійной работы. Въ каждомъ полку имѣется клубъ для всѣхъ чиновъ полка, гдѣ происходятъ лекціи, спектакли, шахматная игра. Тутъ же бібліотека. Все, разумѣется, очень просто, даже примитивно. Специаль-

наго клуба для комсоставцевъ не полагается и командный составъ предпочитаетъ проводить свободное время отъ службы, внѣ полка. Холостые комсоставцы, столуются совмѣстно въ одномъ изъ помѣщеній полка и, хотя въ нѣкоторыхъ полкахъ, комиссары косо смотрятъ на такой сепаратизмъ команднаго состава, но ничего подѣлать съ этимъ не могутъ, такъ какъ было бы значительно хуже, если бы комсоставцевъ принудить столоваться вмѣстѣ съ красноармейцами. Какъ показалъ опытъ, сейчасъ начались бы недоразумѣнія изъ за разницы въ пищу, количествѣ блюдъ, сервировкѣ и тому подобное, такъ какъ, новое совѣтское офицерство, несмотря на прививаемую имъ пролетарскую идеологию, откуда-то воспринимаетъ потребность въ хорошей сервировкѣ, хорошей кухнѣ, франтоватой одеждѣ и тому подобное.

И, замѣтите, что солдатскій паекъ, болѣе, чѣмъ удовлетворительный и не хуже старорежимнаго. Во многихъ полкахъ, которые такъ сказать „на виду“, въ особенности въ войскахъ Чеки, солдатскій паекъ даже лучше, чѣмъ въ старой арміи. Но чего совершенно нельзя привить русскому солдату, — это ѣсть изъ отдѣльной посуды. Несмотря на всѣ принимаемыя мѣры: снабженіе полковъ оловянными тарелками, ножами, вилками, и металлическими ложками — европеизація не имѣетъ успѣха и всѣ эти атрибуты культуры мирно лежатъ на полкахъ, для смотровъ, а красноармейцы предпочитаютъ ѣсть, сообщая, изъ общихъ мисокъ деревянными ложками. Но обслуживаніе казарменныхъ хозяйственныхъ потребностей красноармейцами буржуазнаго происхожденія, разумѣется, не встрѣчаетъ неудовольствія и принято, какъ должное. Вы, знаете, что по закону лица буржуазнаго происхожденія и буржуазныхъ профессій призываются на военную службу только въ хозяйственныя команды и къ оружію не допускаются. Они чистятъ казармы, приготавливаютъ пищу, накрываютъ на столъ и убираютъ со стола, работаютъ въ полковыхъ мастерскихъ и все въ этомъ родѣ. Что сказать о солдатской массѣ? По моему, сравнивая нынѣшняго красноармейца съ дореволюціоннымъ солдатомъ, я не вижу большой разницы въ сторону прогресса. Я не говорю объ отборныхъ частяхъ, о войскахъ Чеки, такъ какъ

тамъ идетъ спеціальная фильтрація, но въ „глубокой“ арміи, по моему, незамѣтно особеннаго прогресса, который можно было бы отнести на счетъ совѣтскаго режима. Солдаты стали, пожалуй, культурнѣе, сознательнѣе относиться къ своимъ обязанностямъ, но неизвѣстно, какихъ солдатъ мы имѣли бы теперь, если бы не было войны и революціи. Я вступилъ въ армію въ 1909-мъ году и поэтому я знаю, какая громадная культурная работа и какія реформы во всѣхъ областяхъ военной жизни были начаты, но къ сожалѣнію прерваны войной. Поэтому я могу сказать лишь одно: нынѣшній красноармеецъ — только только не хуже дореволюціоннаго солдата. Объ интеллектуальномъ развитіи красноармейцевъ слѣдуетъ судить съ большою осторожностью, такъ какъ ихъ пичкаютъ свыше мѣры и пользы всякими брошюрами, лекціями, партійными газетами, и красноармейцы нахватываются обрывковъ самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній безъ прочной основы. По моему, такой поверхностный диллентантизмъ только вреденъ и не способствуетъ правильному духовному развитію молодыхъ людей, взятыхъ на службу непосредственно отъ плуга. Внѣшній видъ красноармейца, уступаетъ значительно старому дореволюціонному солдату. Но въ этомъ вопросѣ надо сдѣлать поправку, такъ какъ большую роль играетъ форма обмундированія и иныя требованія, которыя теперь предъявляются къ солдату современными условіями войны. У команднаго состава имѣется полная возможность поддерживать дисциплину и полковые комиссары этому всемѣрно содѣйствуютъ. Все воспитаніе солдатъ внѣ строевой службы ведется полковымъ комиссаромъ и, такъ называемыми, коммунистическими ячейками, состоящими изъ прошедшихъ особый курсъ партійныхъ солдатъ. Они совершенно не виѣшиваются въ строевую жизнь полка, и, ведя политическую работу и пропаганду, они виѣстѣ съ тѣмъ слѣдятъ за дисциплиной внѣ строя.“

— „Значитъ, вы полагаете, что красная армія организована на вполнѣ здоровыхъ началахъ и представляетъ собой надежную опору для совѣтской власти,“ — спросилъ я Кольцова.

— „Надежную опору противъ кого?“ — и, сказавъ это, Кольцовъ лукаво на меня взглянулъ. Потомъ,

принявъ свой прежній серьезный видъ, онъ продолжалъ: — „Видите ли, армія, — это всегда и во всѣхъ государствахъ, была есть и будетъ до тѣхъ поръ въ своей массѣ лойяльна, пока твердо держится правящая власть. Вѣдь вы меня спрашиваете, именно о лойяльности арміи по отношенію къ совѣтской власти? Ради Бога не торопитесь возражать, я еще не кончилъ и вы увидите, что я, не меньше вашего, не строю себѣ иллюзій о могуществѣ и долговременной прочности совѣтской власти. Въ арміи такъ же, какъ и всюду въ совѣтской Россіи, есть недовольные, эти недовольные, такъ же, какъ и ихъ штатскіе собратья, своего неудовольствія явно не обнаруживаютъ, а тотъ, кто рискуетъ это сдѣлать, немедленно же обезвреживается или, по выраженію Чеки, ликвидируется. Много ли недовольныхъ въ арміи? Во всякомъ случаѣ въ процентномъ отношеніи, значительно меньше, чѣмъ недовольныхъ среди населенія. Во первыхъ, армія вся состоитъ изъ молодежи, которая не помнитъ дореволюціонной Россіи, и тѣ, которые помнятъ царскую Россію, помнятъ лишь отрицательныя стороны быта, совпавшія съ военной разрухой. голодомъ и гражданскими войнами. Молодежь не трудно обработать такъ, чтобы убѣдить ее въ томъ, что вся вина за гражданскія войны и голодъ всецѣло лежитъ на совѣсти буржуазіи. Во вторыхъ, большинство солдатъ изъ крестьянской среды, а совѣтская власть теперь кокетничаетъ съ деревней, и мужики, хотя и ноютъ по свою линію гнуть, продвигая своихъ кандидатовъ въ мѣстные совѣты и подъ красной звѣздой понемногу строятъ свой собственный, мужицкй бытъ Мужики, что называется, приспособились, и бунтовать не станутъ, такъ какъ они уже поняли, что рано или поздно все будетъ „по ихнему“. Чтобы недовольные въ арміи осмѣлѣли и подняли головы, нужно, чтобы у нихъ была хотя бы слабая увѣренность въ успѣхѣ протеста, то-есть надежда на безнаказанность. Это чувство безнаказанности могло бы явиться, если бы въ странѣ началась разруха и анархія, то-есть, если бы мы были втянуты въ затяжную войну съ матеріально и духовно сильнымъ противникомъ.

Теперь позвольте мнѣ вамъ задать вопросъ: какому чорту придетъ охота ввязываться съ нами въ

войну, по крайней мѣрѣ въ ближайшее время? Вѣдь, для того, чтобы такая война привела насъ къ государственному перевороту, война должна быть продолжительной. Какъ мы ни бѣдны, но все таки у насъ въ мирное время, въ данный моментъ больше милліона штыковъ и есть кое-какіе запасы. А что мы можемъ обойтись безъ многого, того, безъ чего вашъ солдатъ не пойдетъ воевать, то мы это уже доказали въ періодъ военнаго коммунизма и гражданскихъ войнъ. Ну, такъ вотъ, скажите мнѣ, пожалуйста, кто въ Европѣ захочетъ воевать съ нами и ради чего? И такъ ли ужъ все обстоитъ благополучно у васъ самихъ, чтобы кому нибудь изъ васъ пришло въ голову начинать войну. Ну а мы сами никогда не начнемъ воевать — потому что такого козыря мы никогда не дадимъ въ ваши руки. Ахъ, всѣ эти разговоры о войнѣ тошно слушать! Да, для чего вамъ съ нами воевать, что вы съ насъ получите даже въ случаѣ внезапнаго переворота? Вѣдь что же, вы думаете, что вотъ произойдетъ переворотъ, все сразу наладится и пожалуйста получать денежки изъ кассы. Я увѣренъ, что ваши политики давно поняли, что гораздо выгоднѣе для васъ и вѣрнѣе для успѣха мірового равновѣсія, это взять насъ изморомъ. Я выражаюсь фигурально, конечно, но вы понимаете, что рано или поздно коминтернъ сдастъ свои позиціи, такъ какъ коминтернъ долженъ опираться на совѣты и на штыки. Я уже говорилъ вамъ, что какъ въ странѣ, такъ и въ арміи есть недовольные, и нынѣшніе вожди знаютъ объ этомъ и понимаютъ, что терроръ можно бороться успѣшно только съ интеллигенціей, но для умиротворенія мужиковъ нужны, кромѣ террора, другія мѣры. Поэтому вы можете наблюдать постепенный и постоянный рядъ уступокъ крестьянамъ и чѣмъ дальше, тѣмъ все больше. Совѣты съ теченіемъ времени совершенно измѣняютъ свою физиономію и идеологію, такъ какъ будущее въ Россіи принадлежитъ мужикамъ и ихъ никакими Марксами и Ленинами не передѣлать...

Мнѣ осталось жить, вѣроятно, не больше двухъ недѣль, такъ какъ не сегодня, завтра судъ, потомъ смертный приговоръ. Вѣроятно, дадутъ нѣскольдо дней для кассации приговора и для прошенія о помилова-

ни, но все это для соблюденія формы, и я знаю, что меня разстрѣляютъ...

И вотъ я теперь часто думаю, какой я былъ бы счастливый человекъ, если бы я съ самаго начала революц'и, подобно многимъ, скрылся за границу. Нужда, эмигрантскія лишенія, необезпеченность существованія — что значить все это въ сравненіе съ тѣмъ, что я перенесъ и что меня ожидаетъ! Но, вѣрьте мнѣ, я говорю вамъ это передъ лицомъ стоящей около меня смерти, что тяжелѣе всего мнѣ мысль, что я не увижу хотя бы на склонѣ моихъ дней той Россіи. настоящей, подлинной, народной Россіи, которая нарождается теперь въ страданіяхъ и мукахъ, и въ которую я непоколебимо вѣрю. Вотъ, вы, какъ то, очень осторожно, спросили меня, чувствую ли я озлобленіе противъ той власти, которая меня посылаетъ на смерть. Я тысячу разъ задавалъ себѣ этотъ вопросъ и, можно сказать, перерылъ всѣ тайники моей души. Говорю вамъ по чистой совѣсти: нѣтъ, не чувствую озлобленія. Ни они, ни я не виноваты въ томъ, что они, я и подобные мнѣ встрѣтились какъ разъ на грани двухъ эпохъ. Черезъ пару десятковъ лѣтъ, а можетъ быть и дольше, Россія выправится, и весь ужасъ теперь переживаемый нами, будетъ казаться черезъ 20—25 лѣтъ какимъ-то кошмаромъ отдаленнаго прошлаго.

Сейчасъ мы съ вами пойдемъ къ себѣ въ камеру, гдѣ мы не можемъ свободно говорить, такъ какъ въ каждомъ изъ нашихъ товарищей мы подозрѣваемъ агента Чеки, и всетаки здѣсь въ тюремной больницѣ мы находимся въ большей безопасности отъ секретныхъ агентовъ и провокаторовъ, чѣмъ на волѣ. Вѣдь нѣтъ ни одного учрежденія, ни одного предпріятія, ни одного дома, гдѣ Чека не держала бы своего секретнаго агента, и любой изъ гражданъ каждый моментъ можетъ сдѣлаться или жертвой провокац'и или доноса. Но и это пройдетъ, по мѣрѣ проникновенія въ совѣты болѣе трезвыхъ элементовъ, которые будутъ думать, прежде всего о прочномъ строительствѣ Россіи, а не о временной передышкѣ во имя интересовъ мировой революц'и. Дайте время мужикамъ укрѣпиться, а главное подучиться, и они доберутся и до Чеки, такъ же, какъ добрались уже до многого, о чемъ и подумать нельзя было въ началѣ коммунизма“.

Появленіе нашего „воспитателя“ и команда: „На собесѣдованіе!“ — прервали нашъ разговоръ.

Г л а в а 31-ая.

Во второй половинѣ ноября я получилъ извѣстіе, что совѣтское правительство требуетъ въ обмѣнъ на меня 15 человекъ коммунистовъ, заключенныхъ въ финляндскихъ тюрьмахъ. Большая часть этихъ коммунистовъ, замѣшанныхъ въ красномъ возстаніи 1918 года въ Финляндіи, были финляндскими гражданами. Поэтому мое освобожденіе зависѣло прежде всего отъ того, захотятъ ли эти заключенные финскіе коммунисты принять совѣтское гражданство. Въ противномъ случаѣ, согласно финляндскимъ законамъ, ихъ нельзя было отправить принудительно въ совѣтскую Россію. Такъ или иначе у меня являлась опять надежда на освобожденіе, и это облегчало тяжесть неволи.

За два дня до суда Кольцова перевели въ Центральную военную тюрьму. Изъ совѣтскихъ газетъ я узналъ, что ему былъ вынесенъ смертный приговоръ и въ кассациіи ему было отказано. Я полагаю, что и его прошеніе о помилованіи постигла та же участь.

Какъ и во всѣхъ совѣтскихъ тюрьмахъ, въ нашей тюремной больницѣ была библіотека, которой завѣдывали два члена, такъ называемой, „коммунистической ячейки“ больницы. Такую ячейку обязаны имѣть каждое учрежденіе и предпріятіе въ совѣтской Россіи. Въ составъ ячейки входятъ наиболѣе видные и надежные коммунисты изъ числа служащихъ каждаго даннаго учрежденія. Количество членовъ такихъ ячеекъ различно, и зависитъ отъ величины персонала учрежденія, но во всякомъ случаѣ не должно быть меньше 3 хъ членовъ. Назначеніе въ члены ячейки происходитъ подъ контролемъ районнаго комитета партіи и, если въ данномъ учрежденіи или предпріятіи собственный комитетъ не можетъ, по малочисленности состава, выдѣлить въ ячейку надежныхъ партійныхъ работниковъ, то районный комитетъ пополняетъ составъ даннаго учрежденія надежными коммунистами, за счетъ увольненія безпартійныхъ служащихъ.

Въ коммунистическомъ коллективѣ нашей больницы тоже не хватало надежныхъ, испытанныхъ коммунистовъ для „ячейки“, и потому изъ районнаго комитета былъ назначенъ коммунистъ провизоръ, еврей, смѣнившій старичка, больничнаго аптекаря, тоже еврея, но безпартійнаго и обремененнаго большой семьей. Новый аптекарь былъ назначенъ предсѣдателемъ коммунистической ячейки. Такъ какъ веденіе пропагандной и просвѣтительной работы лежитъ на обязанности ячейки, то новый аптекарь имѣлъ ближайшее наблюдение за больничной библіотекой.

Каждый заключенный имѣлъ право получать для прочтенія еженедѣльно три книги. Библіотека была большая и прекрасно составленная, даже съ иностраннымъ отдѣломъ. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ библіотека перешла къ большевикамъ, такъ сказать, по наслѣдству отъ того времени, когда больница Гааза была еще арестнымъ домомъ для „привилегированныхъ сословій“, а потомъ офицерскимъ лазаретомъ. За годы большевизма, разумѣется, составъ библіотеки пришелъ въ упадокъ, но взамѣнъ многихъ пропавшихъ книгъ стараго каталога, появилась масса книгъ современныхъ, преимущественно узко-партійнаго направленія. Каждый разъ, когда я выписывалъ, по особой книжкѣ, полагавшіяся мнѣ три книги, я либо совсѣмъ ихъ не получалъ, либо мнѣ давали только одну отмѣченную мною книгу, а остальные двѣ были всегда коммунистической литературой. Сначала я думалъ, что это или случайность, или просимыхъ мною книгъ не было въ библіотекѣ. Оказалось, что это было не совсѣмъ такъ. Все происходило благодаря тому, что аптекарь, товарищ Цвибакъ, рѣшилъ заняться моимъ коммунистическимъ воспитаніемъ. Не желая осложнять моего положенія, и безъ того сквернаго, я предоставилъ „товарищу“ Цвибаку снабжать меня книгами по его вкусу, а моихъ пріятелей — жуликовъ „Слона“ и „Шило“ мнѣ было не трудно уговорить выписывать книги по моему выбору, такъ какъ и тотъ, и другой были совершенно равнодушны къ литературѣ. Такимъ образомъ я имѣлъ достаточно интересныхъ книгъ для чтенія, „Слонъ“ и „Шило“ получали отъ меня табакъ и сахаръ, а товарищъ Цвибакъ пребывалъ въ счастливой увѣренности,

что онъ направляетъ меня на путь истины. Однажды я чуть-чуть не попался, благодаря моей ужасной разсѣянности. Меня угораздило выписать по заборной книжкѣ „Слона“, — Киплинга, на англійскомъ языкѣ. Товарищъ Цвибакъ пожелалъ лично познакомиться съ заключеннымъ, говорящимъ по-англійски, и пришелъ въ камеру „Слона“. Не помню, что наплелъ бѣдняга „Слонъ“ товарищу Цвибаку, но могу только лишній разъ подтвердить, что „Слонъ“ былъ честный жуликъ и не подвелъ меня. Не думаю, однако, чтобы объясненія „Слона“ удовлетворили нашего бібліотекаря, такъ какъ одинъ взглядъ на „Слона“ былъ достаточнымъ, чтобы заставить усомниться въ его литературныхъ наклонностяхъ.

Въ началѣ декабря, въ понедѣльникъ, поздно вечеромъ, я узналъ отъ одной, расположенной ко мнѣ сестры милосердія, что меня собираются во вторникъ выписать изъ больницы, такъ какъ получена какая то секретная бумага изъ Чеки. Узнавъ объ этомъ, я принялъ немедленно мѣры, чтобы нелегально извѣстить консульство о моемъ переводѣ. Куда меня собирались отправить я разумѣется, не зналъ, но объ этомъ должно было узнать консульство. Помимо посланной нелегально записки у меня была еще одна возможность дать знать о себѣ моимъ друзьямъ, такъ какъ во вторникъ должна была быть принесена передача для меня. Не вызывая подозрѣній администраціи, я оставилъ одному изъ пріятелей довѣренность на получение передачи. Расчетъ мой былъ тотъ, что консульство получивъ росписку о пріемѣ передачи, подписанную чужой фамиліей, немедленно заподозритъ что нибудь неладное со мной и начнетъ разыскивать мои слѣды.

Во вторникъ утромъ пришелъ въ мою камеру старшій дежурный надзиратель и приказалъ мнѣ собираться. Въ той комнатѣ, гдѣ хранятся сданные на храненіе собственныя вещи заключенныхъ, царитъ невообразимая грязь и всякіе паразиты ползаютъ по полу. Всѣ вещи и врестантскія лохмотья свалены въ одну общую кучу, откуда ихъ и вытаскиваетъ среди тучъ пыли, завѣдующей кладовой. Разыскиваніе вещей и переодѣваніе меня очень утомили, поэтому я категорически заявилъ, что ни въ какомъ случаѣ не пойду

пѣшкомъ. Мнѣ разрѣшили нанять извозчика за собственный счетъ. Наконецъ все было готово, извозчикъ приведенъ и, усѣвшись въ пролетку, вмѣстѣ съ двумя конвоирами, мы тронулись въ путь. Старшій изъ конвойныхъ приказалъ извозчику ѣхать на Шпалерную, слѣдовательно, я возвращался опять подъ непосредственное наблюденіе Чеки.

День былъ ясный, солнечный, чуть морозный, и послѣ больничнаго спертаго воздуха я чувствовалъ какое то опьяненіе отъ массы свѣта и бодрящей свѣжести. Мои стражи размѣстились одинъ рядомъ со мной, а другой напротивъ на скамеечкѣ. Оба, передъ тѣмъ какъ вывести меня изъ больницы, поставили курки на предохранительный взводъ и изслѣдовали мои карманы. Это дѣлается для того, чтобы лишить возможности заключеннаго бросить въ глаза конвоировъ махорку или табакъ, съ цѣлью ихъ временно ослабить и убѣжать.

Извозчикъ попался на рѣдкость дрянной и мы ползли еле-еле, чему я былъ очень радъ. Конвойные оказались словоохотливыми ребятами. Оба были одѣты очень аккуратно и опрятно. У старшаго конвойнаго были на воротникѣ шинели особые значки, отвѣчающіе по старой терминологіи званію ефрейтора, а по нынѣшнему отдѣленнаго начальника. Оба солдата были изъ крестьянъ среднихъ губерній и дослуживали уже 2-й годъ въ составѣ одного изъ четырехъ конвойныхъ полковъ, расквартированныхъ въ Петербургѣ. О количествѣ арестованныхъ въ тюрьмахъ Петербурга и окрестностей и о количествѣ отправляемыхъ изъ этого города по различнымъ этапамъ заключенныхъ могутъ дать понятіе нижеслѣдующія слова старшаго конвойнаго, котораго я разспрашивалъ о его службѣ.

— „Каждый день дежурить два конвойныхъ полка. Весь составъ дежурныхъ полковъ цѣлыми днями въ разгонѣ, такъ что некогда прибраться въ казармѣ. Вотъ я только позавчера вернулся съ дальняго этапа со своимъ взводомъ, — изъ Вологды. Сегодня вотъ васъ сдадимъ, и надо идти въ Кресты, оттуда будемъ конвоировать заключенныхъ на вокзалъ. Послѣзавтра опять въ какой нибудь нарядъ, а тамъ опять дальній этапъ.“

Это значить, что ежедневно въ одномъ только Петербургѣ занято внѣшней сторожевой службой въ тюрьмахъ, и сопровожденіемъ заключенныхъ при переводахъ и различныхъ перемѣщеніяхъ — 4000 солдатъ.

Выводъ изъ сказаннаго я предоставляю сдѣлать самимъ читателямъ.

Когда мы пересѣкали Невскій проспектъ, извозчикъ остановился, такъ какъ проходила какая-то большая демонстрація со знаменами и плакатами. По надписямъ на плакатахъ я понялъ, что демонстрація была протестомъ противъ англійскаго займа. Изъ совѣтскихъ газетъ я уже зналъ, что налаживавшіеся переговоры о займѣ въ Англии 3.000.000 фунтовъ стерлинговъ не увѣнчались успѣхомъ. Вся газетная кампанія въ пользу займа велась удивительно примитивно, такъ какъ имѣлось въ виду обработать мнѣніе рабочихъ и крестьянъ, а съ мнѣніемъ интеллигенціи никто не считался. Сначала вся печать, разумѣется, по инструкціямъ свыше, доказывала, что совѣтское правительство ловко обошло англичанъ, убѣдивъ ихъ дать 3.000.000 фунтовъ стерлинговъ съ рентой 10 проц. Но газетная кампанія все-таки была не въ силахъ убѣдить даже некультурную русскую рабочую массу въ выгоду такого займа. На многихъ петербургскихъ заводахъ, на митингахъ раздавались рѣчи не въ пользу займа. Даже въ совѣтскихъ газетахъ, эти рѣчи, приводившіяся въ сокращенномъ и смягченномъ видѣ, говорили за то, что народъ понимаетъ всю опасность и невыгодность такого займа. Тогда была двинута „тяжелая артиллерія“ и заводы начали объѣзжать сами вожди: Каменевъ, Бухаринъ, Сталинъ, Рыковъ, Калининъ. Судя по газетамъ, усилія ораторовъ изъ Кремля, повернули мнѣніе толпы въ пользу займа. Но тутъ вдругъ вышло совершенно непредвидѣнное недоразумѣніе: зловредные англичане передумали и отказались дать деньги. Какъ совѣтское правительство, такъ и печать были вынуждены начать вести обратную кампанію, усиленно крича о непомерныхъ требованіяхъ англичанъ, объ ихъ желаніи закабалить пролетаріатъ грабительскими процентами, тѣми самыми десятью процентами, которые еще 4 недѣли тому

назадъ, преподносились рабочей массѣ, какъ шедевръ дипломатическаго совѣтскаго искусства.

Судьбѣ было угодно, чтобы я— „интернаціональный шпионъ“ сдѣлался невольнымъ зрителемъ всей этой комедіи протеста во время моего перевода изъ одной тюрьмы въ другую.

Когда я спросилъ конвойныхъ объ ихъ мнѣніи о демонстраціи, то полученный мною отвѣтъ, превзошелъ своимъ подлинно народнымъ остроуміемъ все до сихъ поръ мною слышанное въ тюрьмахъ. Привожу этотъ отвѣтъ съ нѣкоторыми цензурными измѣненіями.

Лѣниво зѣвнувъ и равнодушно сплевывая, старшій изъ конвойныхъ сказалъ: „Да что тамъ особеннаго? Когда собака дѣлать нечего, такъ она себѣ... хвостъ лижетъ“.

Извозчикъ на козлахъ обернулся къ намъ, одобрительно захохоталъ и произнесъ: „Въ самую точку. Совершенно правильно, уважаемый товарищъ военно-служащій“.

Медленно проѣхавъ Знаменскую улицу, мы повернули налѣво по Шпалерной. Уже чувствовалась близость тюрьмы: попадались отдѣльныя группы заключенныхъ въ сопровожденіи конвоя, пронеслось нѣсколько автомобилей съ молодыми людьми въ зеленыхъ фуражкахъ — слѣдователи и уполномоченные Чеки. Наконецъ, мы подъѣхали.

Расплатившись съ извозчикомъ, не преминувшимъ мнѣ сказать: „Счастливаго пути, вашъ сіясъ“,— я вытащилъ съ помощью конвойныхъ свои вещи, и мы направились въ ворота, на которыхъ слѣдовало бы написать: „Оставь надежду навсегда“. Для громаднаго большинства входящихъ въ эти ворота, надежды на возвращеніе не было.

Мы вошли.

Г л а в а 32-я.

Я входилъ въ тюрьму уже опытнымъ и повидавшимъ виды „преступникомъ“.

Войдя въ ворота, мы миновали небольшой передній дворъ и черезъ парадную дверь вошли въ главный корпусъ тюрьмы. Нужно было подняться по

лѣстницѣ, и одинъ изъ конвойныхъ, видя, что я съ трудомъ несу чемоданъ и свертокъ съ постельными принадлежностями, взялъ у меня и то, и другое со словами: „На тюремныхъ харчахъ не очень-то поздоровѣешь“.

Передъ рѣшетчатой дверью во второмъ этажѣ конвойные предъявили пропуска, и дежурный у входа насъ впустилъ во внутрь. Мы вошли въ довольно широкій и длинный корридоръ, по обѣимъ сторонамъ котораго было нѣсколько дверей съ различными надписями; одна изъ нихъ мнѣ особенно бросилась въ глаза: „Кабинетъ начальника тюрьмы“.— Въ этомъ кабинетѣ меня неоднократно допрашивали. Оставивъ меня съ однимъ конвоиромъ, старшій конвойный солдатъ вошелъ въ одну изъ ближайшихъ дверей съ надписью: „Пріемъ арестованныхъ“.

Я и мой конвоиръ усѣлись на стоявшей у стѣны скамейкѣ и я закурилъ папиросу. Неподалеку отъ насъ стояла большая группа людей въ студенческихъ фуражкахъ и молодыхъ дѣвицъ, окруженная вооруженными солдатами. Какъ студенты, такъ и дѣвицы вели себя весьма непринужденно и очень громко разговаривали, какъ другъ съ другомъ, такъ и со стоявшей противъ нихъ другой группой, нѣсколько меньшей, но болѣе пестраго состава. Эта небольшая группа состояла изъ нѣсколькихъ студентовъ, двухъ овященниковъ, двухъ довольно пожилыхъ дамъ и пожилого господина, повидимому, бывшаго военнаго. По обрывкамъ фразъ, доносившимся до меня, я догадался, что обѣ группы предназначены къ высылкѣ на Уралъ и въ Сѣверо-Восточную Сибирь. Мой конвоиръ, сидѣвшій рядомъ со мной, держа винтовку между колѣнями, лѣниво позѣвывалъ и съ чисто крестьянскимъ равнодушіемъ посматривалъ на волнующуюся, экспансивную молодежь и на окружавшихъ обѣ группы высылаемыхъ конвойныхъ, лица которыхъ ничего, кромѣ тупой скуки не выражали.

„И что они разоряются?“ — лѣниво произнесъ мой стражъ кивая головой на студентовъ. — „Небось, какъ доберутся до Екатеринбурга, такъ сомлѣютъ. Это, братъ, тебѣ не котъ начихалъ, безъ малого 2 недѣли трепаться въ арестантскомъ вагонѣ. Намъ, конвоирамъ, все же лучше, чѣмъ имъ, а и то, какъ

отмахиваешь весь этапъ, такъ ходишь два дня, какъ очумѣлый*.

Только что я собрался задать моему собесѣднику какой то вопросъ, какъ къ намъ подошелъ дежурный по корридору надзиратель и повелъ насъ въ комнату для приѣма арестованныхъ.

Послѣ грязной и запущенной тюремной больницы, бросались въ глаза царившіе здѣсь, въ тюрьмѣ Чеки, чистота и порядокъ. Замѣтно было, что ремонтъ былъ произведенъ недавно, такъ какъ стѣны блестѣли свѣжей краской и во многихъ мѣстахъ на полу видны были пятна несмытой извести. Я уже выше упоминалъ, что для ремонта тюрьмы, Чека воспользовалась деньгами конфискованными у бывшаго банкира Гольдмана, который умеръ при мнѣ въ тюремной больницѣ Гааза.

Въ приемной комнатѣ мнѣ предложили сѣсть на стоявшій у стѣны деревянный диванъ. Барьеръ раздѣлялъ комнату на двѣ неравныя части. Тамъ гдѣ сидѣлъ я, не было никакой мебелировки, кромѣ двухъ дивановъ, а за барьеромъ помѣщалась самая канцелярія, обставленная съ большимъ комфортомъ американской конторской мебелью. Двѣ нарядныхъ дѣвицы сидѣли за пишущими машинками, а за письменнымъ столомъ сидѣлъ дежурный по приѣму и что-то вписывалъ въ книгу. Онъ былъ одѣтъ въ форму Чеки: въ фуражкѣ, при шапкѣ и револьверѣ.

Противъ него стоялъ пожилой священникъ, а на полу лежалъ раскрытый чемоданъ съ вещами, которыя подробно пересматривалъ очень юркій и маленькій человѣчекъ, тоже въ формѣ Чеки. Когда священникъ вмѣстѣ съ вещами былъ уведень, то сидѣвшій за столомъ крикнулъ въ догонку уходящимъ: „Если въ двадцать третьемъ окно закрыто, то въ пятнадцатую*“.

Я внутренне пожалѣлъ бѣднаго батюшку, такъ какъ я уже зналъ, что какъ 23-ья, такъ и 15-ая камера принадлежали къ, такъ называемому, „особому ярусу“, и находились въ подвальномъ помѣщеніи.

Гражданинъ Се-се се дерхо-Седерхольмъ*, — выкрикнулъ сидѣвшій за столомъ, по обыкновенію, какъ и всѣ русскіе, спотыкаясь на произнесеніи моей фамиліи. Я прошелъ за барьеръ и предоставилъ юркому человѣчку разбираться въ моихъ вещахъ. Мнѣ дали

три листка „анкеты“, которая я долженъ былъ заполнить. Одна изъ дѣвицъ, не безъ кокетства, сказала, обращаясь ко мнѣ: „Пожалуйста, гражданинъ, пишите разборчиво, а то тутъ изъ-за васъ только глаза портишь“. Въ анкетныхъ листкахъ стояли стереотипные вопросы: годъ рожденія, фамилія, за что арестованъ, профессія, имѣется ли приговоръ и т. п. Всѣ эти свѣдѣнія имѣются въ Чекѣ о каждомъ заключенномъ во многихъ экземплярахъ, и обо мнѣ-то во всякомъ случаѣ, Чека имѣла исчерпывающій матеріаль, но бюрократизмъ присущъ всѣмъ совѣтскимъ учрежденіямъ. Я все-таки не могъ отказать себѣ въ удовольствіи немного „покуражиться“, и поэтому провель черту противъ вопроса: „За что арестованъ“. Когда дежурный просматривалъ анкеты, то я замѣтилъ, какъ онъ недовольно нахмурился.

— „Почему вы не отвѣтили на всѣ вопросы анкеты?“ — спросилъ онъ.

— „Потому что я, дѣйствительно, не знаю, за что меня арестовали и за что меня держать въ тюрьмѣ“.

„Начальство“ порылось въ лежащемъ передъ нимъ на столѣ большомъ конвертѣ, который былъ доставленъ конвойнымъ вмѣстѣ съ мной изъ больницы Гааза. Доставъ оттуда какой-то листокъ, дежурный сказалъ вразумительно и отчетливо: „Вы, гражданинъ, были приговорены сначала къ 5-ти годамъ заключенія въ концентраціонномъ лагерѣ. Потомъ вамъ замѣнили этотъ приговоръ 3-мя годами заключенія въ томъ же лагерѣ. Вы обвиняетесь въ контрабандѣ, въ военномъ и экономическомъ шпіонажѣ, въ организаціи контрреволюціонныхъ бандъ и въ дискредитированіи совѣтской власти. Неужели вамъ все это неизвѣстно?“

Во время всей этой рѣчи, обѣ дѣвицы смотрѣли на меня съ любопытствомъ и страхомъ.

Мнѣ не оставалось ничего другого, какъ отвѣтить дежурному: „Все это мнѣ извѣстно, но это все сплошная чушь и бредъ сумасшедшаго, и я ничего писать въ анкеты объ этомъ не буду. Разъ вамъ все это извѣстно, то пишите сами“.

Когда мои вещи были обследованы, а меня самого „разнесли“ по всѣмъ книгамъ, дежурный отдалъ короткое распоряженіе надзирателю: „Въ тринадцатую“, и далъ ему какую-то записку. Услышавъ это слово

„Въ тринадцатую“, я былъ очень непріятно удивленъ. Помимо того, что я предубѣжденъ противъ этого числа, я зналъ, что всѣ камеры съ небольшими цифрами находятся въ особомъ ярусѣ и, слѣдовательно, меня или брали опять „подъ слѣдствіе“, или мой приговоръ опять былъ измѣненъ въ худшую сторону.

Сверхъ всякаго ожиданія, сопровождавшій меня надзиратель повернулъ не въ сторону особаго яруса, т. е. не направо и внизъ, а, наоборотъ, въ третій этажъ. Оказалось, что меня было приказано помѣстить въ 13-ую общую камеру. Я не зналъ, что нумерація общихъ камеръ совершенно отдѣльная отъ одиночныхъ.

По обѣимъ сторонамъ очень длиннаго и широкаго корридора находились сквозныя, рѣшетчатыя двери и сквозь нихъ было видно, какъ въ сумрачныхъ громадныхъ, сводчатыхъ камерахъ бродили разнообразно одѣтые люди или стояли группами у рѣшетчатыхъ дверей, тѣсно прижавшись лицами къ рѣшеткѣ. Вся картина производила впечатлѣніе звѣринца.

Меня „принялъ“ подъ росписку дежурный по корридору старшій надзиратель, такъ называемый, „отдѣленный“. Открывъ дверь одной изъ камеръ, приходившуюся какъ разъ противъ лѣстницы, по которой мы только что поднялись, надзиратель ввелъ меня въ новое обиталище. Кое кто изъ стоявшихъ у дверей оглядывалъ меня съ любопытствомъ. Сначала мнѣ показалось, благодаря царившему въ камерѣ сумраку, что помѣщеніе очень грязно, и всѣ эти небритые, неряшливо одѣтые люди имѣли самый злодѣйскій видъ. Понемногу глаза мои привыкли къ скудному освѣщенію камеры. Пока я снималъ пальто, ко мнѣ подошло нѣсколько человѣкъ, и одинъ изъ нихъ сказалъ: „Позвольте представиться: капитанъ Битнеръ, мѣстный городской голова или староста. Сейчасъ я запишу вашу фамилію, но, къ сожалѣнію, не могу сейчасъ предложить вамъ койку, такъ какъ все переполнено. Вамъ придется нѣсколько дней поспать на полу.“ Старосту перебилъ молодой человѣкъ, очень подвижный, стройный, съ красивымъ лицомъ. Онъ оказался бывшимъ гвардейскимъ поручикомъ, по фамиліи Носалевичъ. — „Да ужъ, знаете, теперь сезонъ въ разгарѣ и громадный наплывъ туристовъ,“ — улыбаясь и картавя, сказалъ мнѣ Носалевичъ.

— Носалевичы! Не дури. Дай человѣку осмотрѣться, Господи! Разойдитесь, пожалуйста, и такъ тутъ тѣсно“, — надсаживался и хлопоталъ староста. Любезно обратившись ко мнѣ и указывая на довольно плотнаго человѣка съ гладко зачесанными назадъ длинными волосами и небольшой бородкой, капитанъ Битнеръ сказалъ: — „Вотъ это — Карлуша: наша, такъ сказать, экономка. Онъ вамъ все покажетъ и все вамъ устроить.“

„Карлуша“ забралъ мои вещи и жестомъ пригласилъ меня слѣдовать за собой. Устроивъ мои вещи около своей койки, Карлуша посвятилъ меня въ традиціи и правила тюрьмы. Такъ называемыя „общія камеры“ рассчитаны на 25—40 человѣкъ и по стѣнамъ камеры расположены койки. Это деревянные рамы съ натянутой на нихъ парусиной, узкимъ концомъ прикрѣпленныя петлями къ стѣнѣ. Въ теченіе дня всѣ койки подняты къ верху, а послѣ вечерней провѣрки, въ 9 часовъ, койки опускаются и подъ свободный конецъ подставляется одна изъ скамеекъ, на которыхъ днемъ сидятъ. Разстояніе между койками — 1 футъ. Тѣ, которымъ не хватаетъ косякъ, получаютъ вечеромъ мѣшки, набитые соломой и спятъ на этихъ мѣшкахъ на полу. Въ каждой общей камерѣ имѣется одинъ мѣдный умывальникъ съ водопроводомъ и одно отхожее мѣсто, отгороженное желѣзной перегородкой, высотой 1 метра отъ пола. Асфальтовый полъ подметается 3 раза въ день, назначаемыми по очереди старостой дежурными. Два раза въ недѣлю полъ моется очередными по списку заключенными. Весь внутренній распорядокъ жизни въ камерѣ ведетъ староста, выбираемый самими заключенными изъ своей среды. Составъ нашей камеры въ данный моментъ, былъ исключительно „буржуазный“, и потому мнѣ нужно было дожидаться очереди на свободную койку. Если-бы у насъ сидѣлъ кто-либо изъ уголовного элемента или изъ, такъ называемыхъ, „простыхъ“ (по словамъ Карлуши), то можно было бы купить право на койку за 5—6 рублей. Въ камерѣ было 3 довольно высокихъ окна съ желѣзными рѣшетками и среднее окно разрѣшалось вечерами открывать для провѣтриванія камеры. Солнце заглядывало въ камеру всего на нѣсколько минутъ, такъ какъ окна выходили въ

довольно узкій простѣнокъ, а напротивъ высился пятиэтажный корпусъ женскаго отдѣленія тюрьмы.

Внизу подъ окнами былъ небольшой дворъ, тотъ самый, который я проходилъ, когда меня привезли изъ больницы. Если стать на сидѣнье уборной и близко прильнуть къ оконному стеклу, то можно было видѣть все, происходящее во дворѣ.

Изъ камеры выходили въ корридоръ двѣ рѣшетчатыя двери, расположенныя по обоимъ концамъ стѣны, прилегавшей къ корридору. Одна изъ дверей открывалась, по мѣрѣ надобности, дежурнымъ надзирателемъ, а другая всегда была закрыта. Черезъ эту дверь раньше, до революціи, въ камеру подавалась пища по подъемной машинѣ. Въ данное время объ этомъ можно было догадываться по большому люку въ корридорѣ, прямо передъ дверью, который былъ закрытъ желѣзнымъ листомъ. Въ крышкѣ люка было отверстіе, черезъ которое, вѣроятно, проходилъ тросъ подъемной машины. Лежа на животѣ и тѣсно прижимаясь лицомъ къ рѣшеткѣ двери, можно было наблюдать все что происходило во второмъ этажѣ около канцеляріи. Изъ нашей камеры было видно также всѣхъ, проходящихъ внизъ и наверхъ, и цѣлый день и ночь слышно было, какъ звенѣли ключи и открывались двери на лѣстницу.

* * *

Мой чичероне — Карлуша былъ по національности латышъ, но революція застала его въ Петербургѣ, такъ какъ онъ имѣлъ въ этомъ городѣ складъ земледѣльческихъ машинъ. Переживъ голодъ, холодъ и всѣ ужасы военнаго коммунизма, Карлуша все таки не уѣхалъ въ Латвію, такъ какъ этому препятствовала привязанность къ одной русской женщинѣ, которую онъ не могъ взять за границу, несмотря на всѣ хлопоты.

Совѣтскія власти рѣшительно отказывали ей въ выдачѣ паспорта и въ разрѣшеніи на выѣздъ изъ предѣловъ С. С. С. Р. Наконецъ, въ 1924 мѣ году Карлуша кое какъ сколотилъ небольшую сумму денегъ и ему также удалось получить черезъ Латвійское консульство деньги отъ своихъ родныхъ изъ Латвіи. Такимъ образомъ явилась возможность переправить

любимую женщину съ ребенкомъ черезъ латвійскую границу, пользуясь услугами спеціальныхъ людей, занимающихся нелегальнымъ переводомъ черезъ границу разныхъ бѣженцевъ. Послѣ этого оставалось уѣхать за границу самому Карлушѣ, такъ какъ онъ былъ латвійскимъ подданнымъ и, казалось бы, для его выѣзда не могло быть препятствій. Въ самый разгаръ хлопотъ на квартиру Карлуши нагрянули агенты Чеки и нашли у него письмо изъ Риги, отъ той женщины, ради которой онъ столько вынесъ непріятностей. Послѣ безконечныхъ допросовъ и тюремныхъ мытарствъ Карлуша сознался, что письмо было получено черезъ Латвійское консульство. Обо всемъ остальномъ, т. е. о нелегальной отправкѣ за границу любимой женщины не было необходимости говорить, такъ какъ обо всемъ этомъ Чека уже знала, помимо Карлуши.

Когда я познакомился съ нимъ, то онъ уже 5-й мѣсяцъ находился въ тюрьмѣ и обвинялся въ шпионажѣ. Разумѣется, все его „дѣло“ шло административнымъ порядкомъ, и, по словамъ слѣдователя, весь матеріалъ былъ уже направленъ въ Москву. Весь ужасъ всего „дѣла“ заключался въ томъ, что мужъ Карлушиной подруги, не дававшей ей развода, былъ чекистомъ, и несчастный Карлуша очень нервничалъ, ожидая изъ Москвы самага суроваго приговора. Это былъ на рѣдкость услужливый и обязательный чловѣкъ, всеобщій любимецъ камеры.

* * *

Незадолго до вечерней повѣрки, часовъ около 8-ми вечера, меня вызвали въ корридоръ. Тамъ меня ожидала одна изъ дѣвицъ, такъ называемыхъ на тюремномъ жаргонѣ, „буксиръ“. На ихъ обязанности лежитъ водить заключенныхъ на допросъ къ начальнику тюрьмы, въ канцелярію, вообще сопровождать заключенныхъ въ предѣлахъ внутреннихъ помѣщеній тюрьмы.

„Буксиръ“ повелъ меня внизъ по лѣстницѣ. На мой тревожный вопросъ, куда меня ведутъ, расфранченная „дѣвица“ очень рѣзко мнѣ отвѣтила:— „Молчите, гражданинъ, разговаривать не полагается. Когда придете, тогда увидите.“

Мы пришли въ комнату для пріема арестованныхъ, и къ своей радости я увидѣлъ г-жу Ч. Старшій дежурный по тюрьмѣ сидѣлъ за своимъ столомъ, молчаливымъ свидѣтелемъ нашей бесѣды. Изъ сдержанныхъ отрывочныхъ фразъ г жи Ч., я понялъ, что, привезя передачу въ больницу и получивъ квитанцію въ пріемъ передачи, подписанную чужимъ именемъ, она сразу догадалась, что меня перевели куда-то, и потому консульство немедленно приняло мѣры къ розысканію моихъ слѣдовъ.

Оказывается, я все еще былъ на положеніи высланаго на Соловки, и, такъ какъ этапъ на Соловки уходитъ по средамъ, то меня предполагалось завтра отправить. Поэтому консульство получило разрѣшеніе отъ народнаго комиссаріата иностранныхъ дѣлъ, командировать ко мнѣ на получасовое свиданіе одного изъ своихъ служащихъ съ пакетомъ необходимыхъ для путешествія вещей. Такъ какъ сообщеніе съ Соловками, благодаря льду, уже было прервано, то меня должны были отправить въ Кемь, маленькій городъ на берегу Бѣлаго моря, гдѣ находится пересыльный пунктъ для отправляемыхъ на Соловки.

Эта новость для меня была большимъ ударомъ, но изъ осторожныхъ намековъ г жи Ч. я понялъ, что есть надежда на отмигну этого распоряженія, такъ какъ консульскій курьеръ уже выѣхалъ въ Москву, и финляндскій посланникъ попытается сдѣлать все отъ него зависящее, чтобы меня оставили въ Петербургѣ.

Я возвратился къ себѣ въ камеру совершенно подавленнымъ и на участливые разспросы моихъ товарищей я отвѣтилъ, только однимъ всѣмъ понятнымъ словомъ:... „Соловки“.

Послѣ вечерней провѣрки я получилъ набитый соломой матрацъ и, разостлавъ его на полу, поспѣшилъ улечься, чтобы избавиться отъ докучливыхъ разспросовъ, утѣшеній, и совѣтовъ добросердечныхъ товарищей, которые меня только раздражали и мѣшали сосредоточиться.

Какъ я ни напрягалъ мозги, но ничего не могъ придумать, чтобы измѣнить мое положеніе, и оставалось положиться на энергію и искусство нашего посланника и на судьбу.

Тюремный день начинается въ семь часовъ утра раздачей хлѣбныхъ пайковъ, которые приносятся въ каждую камеру, такъ называемыми, „рабочими“. Это заключенные, выразившіе желаніе работать для обслуживания хозяйственныхъ нуждъ тюрьмы. „Рабочіе“ нашего корридора помѣщались всѣ вмѣстѣ въ особой камерѣ, дверь которой днемъ всегда открыта была въ корридоръ. Рабочіе разносятъ хлѣбъ по камерамъ, приносятъ изъ кухни котель съ обѣдомъ и ужиномъ, который раздается въ корридорѣ заключеннымъ, по очереди выпускаемымъ изъ камеръ. Сейчасъ же послѣ раздачи хлѣба поднимаются койки, убираются матрацы съ пола и производится уборка и провѣтриваніе камеры, послѣ чего дежурный по камерѣ заключенныхъ приноситъ большой чайникъ съ кипяткомъ. Ни чаю, ни сахару отъ тюрьмы не полагается, и то и другое надо покупать за свой счетъ изъ тюремной лавки. Посрединѣ камеры стояли два большихъ грубо сколоченныхъ и некрашенныхъ стола съ такими же скамейками, и за этими столами мы пили чай, обѣдали, ужинали и читали покупаемыя газеты и выдаемыя изъ тюремной библіотеки книги. Какъ самое зданіе тюрьмы, такъ и библіотека перешли совѣтской власти по наслѣдству отъ царской эпохи. Тюрьма была построена при Императорѣ Александрѣ Третьемъ въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Разсказываютъ, что покойный Императоръ Александръ Третій, когда тюрьма была готова, лично ее осмотрѣлъ и, войдя въ одну изъ одиночныхъ камеръ, приказалъ себя запереть, пробывъ въ камерѣ около десяти минутъ. Исторія умалчиваетъ остался ли доволенъ Александръ Третій новой тюрьмой.

По злому капризу судьбы архитекторъ, построившій эту тюрьму, мирно доживавшій свой старческій вѣкъ въ Петербургѣ, попалъ въ 1922 году въ эту построенную имъ тюрьму и умеръ въ одной изъ одиночныхъ камеръ.

Всѣ эти разсказы, анекдоты, шутки, которые я слышалъ отъ моихъ словоохотливыхъ новыхъ товарищей, сначала создавали такое впечатлѣніе, словно всѣ мы собрались тутъ случайно и не надолго, чтобы

провести мило время въ товарищеской бесѣдѣ. Но это лишь казалось при поверхностномъ взглядѣ. Вся эта безпрестанная и бессодержательная болтовня маскировала нервную озабоченность всѣхъ этихъ несчастныхъ людей, боявшихся задумываться надъ печальной дѣйствительностью хотя бы на мгновение. Меня лично раздражали весь этотъ шумъ, суэта и разговоры. Я съ минуты на минуту ждалъ, что вотъ— вотъ крикнуть въ дверь: „Гражданинъ Седерхольмъ, съ вещами!“.— Ужасенъ былъ даже не самый фактъ внезапной отправки на Соловки, а ужасно было сознание, что даже теперь послѣ того, какъ я былъ приговоренъ безъ суда, послѣ всѣхъ моихъ страданій въ теченіе шести мѣсяцевъ — финляндское правительство безсильно было что-либо сдѣлать, чтобы меня отстоять. Жутко и унижительно было сознавать, что я нахожусь въ полной и абсолютной власти Чеки и что этой власти не было границъ. Около семи часовъ вечера вызвали съ вещами на Соловецкій этапъ одного инженера и какого то очень жалкаго вида священника. Съ замираніемъ сердца я ждалъ, что вотъ— вотъ вызовутъ и меня. Поздно вечеромъ я окончательно успокоился: повидимому, мои друзья отстояли меня.

Дни потекли съ обычной монотонностью, и я скоро перезнакомился не только съ моими товарищами по камерѣ, но и съ заключенными сосѣднихъ камеръ нашего корридора. Ежедневно насъ выпускали на прогулку на тюремномъ дворѣ и мы гуляли по кругу огороженному высокимъ полисадникомъ, сразу по 4 по 5 камеръ. Кого, кого тутъ только ни было! Представители рѣшительно всѣхъ интеллигентныхъ профессій, но преимущественно бывше офицеры, адвокаты, священники, чиновники и инженеры. Иногда попадались купцы, но они были кратковременными гостями, такъ какъ ихъ обычно переводили по окончаніи слѣдствія въ другія тюрьмы, гдѣ они ожидали суда. Въ отдѣленіи общихъ камеръ нашей тюрьмы заключенныхъ вообще не держали долго, такъ какъ въ общихъ камерахъ содержались лишь тѣ заключенные, чье слѣдствіе близилось къ концу. Изъ общихъ камеръ было четыре выхода: на смерть, на Соловки, въ Сибирь и на свободу.

По четвергамъ приходили смертные приговоры

изъ Москвы. Около 11-ти часовъ вечера въ корридоръ начиналось движеніе, хлопали двери, слышны были шаги усиленнаго наряда надзирателей и одного за другимъ вызывали осужденныхъ на смерть въ корридоръ. Очень рѣдко смертный приговоръ объявлялся въ корридоръ. Обычно всѣхъ смертниковъ вели внизъ въ канцелярію и тамъ, послѣ объявленія приговора на нихъ надѣвали кандалы и, погрузивъ на большой грузовикъ, ихъ увозили для разстрѣла или на полигонъ, или на Гороховую улицу, гдѣ ихъ разстрѣливали въ бетонной комнатѣ. Грузовикъ, на который усаживали, или вѣрнѣе укладывали смертниковъ, всегда по четвергамъ останавливался подъ окнами нашей камеры, и изъ окна было видно, какъ несчастныхъ жертвъ, со скованными ногами укладывали на грузовикъ и сверху прикрывали досками.

Бывали четверги, когда подъ нашимъ окномъ останавливалось до четырехъ грузовиковъ, которые иногда вторично возвращались, чтобы забрать новую партію смертниковъ.

Я помню только одинъ четвергъ, когда не было увезено изъ нашей тюрьмы ни одного смертника и мы не могли понять, что такое случилось. Это было настолько необычно, что среди заключенныхъ уже на слѣдующій день во время прогулки началъ циркулировать вздорный слухъ, будто отнынѣ смертная казнь будетъ примѣняться лишь по судебнымъ приговорамъ.

Недѣлю спустя оптимисты могли убѣдиться, въ своей наивности, такъ какъ смертные приговоры вспыхнули съ новой силой и три четверга подрядъ, со двора тюрьмы увозилось на казнь по 150--200 человекъ, и одинъ изъ надзирателей нашего корридора въ одинъ изъ этихъ четверговъ помѣшался и сталъ стрѣлять изъ револьвера въ висѣвшій въ корридоръ портретъ Ленина.

Четверги — это было самое ужасное время въ общихъ камерахъ. Съ утра многіе были, какъ полупомѣшанные, такъ какъ почти каждый могъ ожидать смертный приговоръ. Около 11-ти часовъ вечера видно было при тускломъ свѣтѣ ночной лампочки, какъ то одинъ, то другой изъ заключенныхъ вставалъ съ койки и ползкомъ тихо крался къ окну, чтобы незамѣтно для корридорнаго надзирателя, вставъ на си-

дѣнье уборной, заглянуть въ окно не прѣхалъ ли уже грузовой автомобиль. Не надо было и смотрѣть въ окно, такъ какъ всегда было слышно, какъ грузовикъ подъѣзжалъ.

Когда шумъ въ корридорѣ прекращался и всѣ смертники были уведены внизъ, можно было подкрасться къ запасной, всегда закрытой, рѣшетчатой двери и лежа на животѣ, прильнувъ головой къ рѣшеткѣ, видѣть сквозь дырку люка подъемной машины все, что происходило въ корридорѣ второго этажа передъ канцеляріей.

Я однажды тоже заглянулъ въ отверстие люка. Многое въ своей жизни я перенесъ. Достаточно сказать, что я дважды пережилъ бунтъ матросовъ на двухъ корабляхъ и принималъ непосредственно участіе въ двухъ карательныхъ экспедиціяхъ во время русскихъ беспорядковъ 1905 года. У меня крѣпкіе нервы. Но то, что я увидѣлъ и услышалъ сквозь отверстие люка подъемной машины, заставило похолодѣть меня отъ ужаса. Закованнымъ людямъ чекисты разжимали челюсти и вставляли въ ротъ резиновые балоны, величиной съ мандаринъ, такъ что у каждого смертника торчала изо рта черненькая палочка—ручка балона.

Страшенъ видъ блѣднаго закованнаго въ цѣпи человекъ съ полураскрытымъ ртомъ, изъ котораго торчитъ ручка заглушающаго крикъ аппарата. Шаги надзирателя заставили меня отпрянуть отъ двери въ глубь камеры, но душу раздирающіе крики несчастныхъ жертвъ, которыхъ рты еще не успѣли закупорить патентованныя пробки чекистовъ, до сихъ поръ я не могу вспомнить безъ содраганія.

* * *

Составъ нашей камеры такъ же, какъ и другихъ камеръ, все время понемногу измѣнялся. На смѣну разстрѣляннымъ или отправленнымъ въ дальнюю высылку, приходили новые люди, или прямо съ воли, или переведенные изъ одиночныхъ камеръ. Я уже становился старожиломъ камеры, такъ сказать, хранителемъ ея традицій, такъ какъ я былъ единственный изъ всѣхъ заключенныхъ во всей нашей камерѣ тюрьмы, имѣвшій приговоръ.

Несмотря на это, мое положеніе было совершенно неопредѣленнымъ, такъ какъ официальной отгѣны моей высылки на Соловки не было, и я даже не могъ получить отгѣта отъ администраціи тюрьмы, за какимъ именно учрежденіемъ я числюсь.

Впослѣдствіи уже на волѣ, я узналъ, что какъ разъ въ это время обо мнѣ шли интенсивные переговоры между финляндскимъ правительствомъ и совѣтскимъ комиссаріатомъ иностранныхъ дѣлъ, и это послѣднее учрежденіе старалось добиться отъ Чеки перечисленія меня въ свое вѣдѣніе.

Еженедѣльно я получалъ передачу и имѣлъ получасовое свиданіе съ кѣмъ-либо изъ служащихъ нашего консульства. Ничего опредѣленного, утѣшительнаго о вѣдущихся переговорахъ мнѣ не сообщали, такъ какъ бесѣда съ моими соотечественниками всегда происходила подъ строжайшимъ контролемъ, и насъ разъединяли двѣ густыя рѣшетки, въ разстояніи одного метра одна отъ другой. По одну сторону рѣшетки, рядомъ со мной, стоялъ кто либо изъ чекистовъ и по другую сторону, рядомъ съ моимъ собесѣдникомъ, находился такой же непрошенный слушатель.

Но эти бесѣды съ моими соотечественниками доставляли мнѣ большую радость, такъ какъ мнѣ сообщали о жизни моей семьи, и я уже болѣе не боялся, что мою жену заманятъ въ совѣтскую западню.

Въ январѣ 1925 года, однажды вечеромъ, въ нашу камеру ввели старика, одѣтаго въ овчинный тулупъ, баранью шапку и валенки—обычный костюмъ русскаго крестьянина. Несмотря на скромную внѣшность, въ лицѣ старика было что-то, неволью заставлявшее обратить на него вниманіе. Когда онъ назвалъ свою фамилію камерному старостѣ, для внесенія въ списокъ, я сразу вспомилъ старика. Это былъ князь Николай Дмитриевичъ Голицынъ, послѣдній русскій премьеръ-министръ царской эпохи. Одинъ изъ сыновей князя былъ моимъ товарищемъ по морскому кадетскому корпусу и сослуживцемъ по императорскому флоту. Пользуясь своимъ авторитетомъ тюремнаго старожилы, мнѣ было не трудно раздобыть для стараго и больного князя, свободную койку, уговоривъ одного молодого студента спать на полу. Князь

узналъ меня, когда я ему назвалъ свою фамилію и былъ очень растроганъ и пораженъ, услышавъ грустную повѣсть моихъ злоключеній.

Самъ онъ много претерпѣлъ послѣ революціи, но его крайне преклонный возрастъ—84 года—безупречная дѣятельность, даже съ точки зрѣнія большевиковъ, позволила ему уцѣлѣть отъ ужасовъ эпохи военнаго коммунизма. Въ полной нищетѣ, старый князь съ сорокалѣтнимъ сыномъ, жилъ на мансардѣ одного изъ полуразвалившихся домовъ Москвы, занимался сапожнымъ ремесломъ, а сынъ занимался случайно подворачивавшейся черной работой. Когда состояніе того дома, гдѣ жилъ князь съ сыномъ стало внушать опасенія, его сломали и отецъ съ сыномъ переѣхали въ городъ Рыбинскъ, большой городъ на берегу Волги. Тамъ они оба поселились за городомъ у какой-то старухи, вдовы крестьянина. Князь стерегъ общественные огороды, а сынъ ходилъ на рѣку нагружать и разгружать барки съ лѣсомъ.

Но и это жалкое существованіе было нарушено. Однажды явились чекисты, арестовали отца съ сыномъ и безконечными этапами, пройдя нѣсколько тюремъ, оба въ концѣ концовъ попали въ Бутырскую тюрьму въ Москвѣ, а потомъ ихъ перевели въ Петербургъ въ нашу тюрьму. Князя помѣстили въ нашей камерѣ, а сына въ одну изъ общихъ камеръ четвертаго этажа. Ихъ обоихъ обвиняли въ контръ революціонномъ заговорѣ по, такъ называемому, процессу лицейстовъ. Процесса, собственно говоря, никакого не было, такъ какъ всѣ 210 человекъ, прикосновенныхъ къ этому дѣлу были осуждены административнымъ порядкомъ, то есть центральной коллегіей Чеки въ Москвѣ. Сущность всего дѣла лицейстовъ сводится къ тому, что нѣсколько бывшихъ воспитанниковъ Императорскаго Александровскаго Лицея — нѣкогда весьма привилегированнаго высшаго учебнаго заведенія, однажды собрались на частное засѣданіе, дабы официально ликвидировать потерявшую всякій смыслъ и значеніе пустую лицейскую кассу.

Засѣданіе совпало съ годовщиной смерти Императора Николая Второго и потому всѣ собравшіеся старые лицейсты рѣшили отслужить по убитомъ монархѣ панихиду—поступокъ очень наивный и неосто-

рожный въ совѣтской Россіи, но вполне понятный. Эта панихида послужила поводомъ къ аресту не только всѣхъ безъ исключенія бывшихъ лицейстовъ, но и ихъ родственниковъ, друзей и просто знакомыхъ — общимъ числомъ 210 человекъ. Чека изъ этого дѣла создала монархическій заговоръ.

Въ нашей камерѣ сидѣли три участника такого заговора, кромѣ Голицына, и всѣмъ четверемъ заговорщикамъ было въ общемъ итогъ 322 года.

Князь Голицынъ, по крайней мѣрѣ, сохранилъ здравый умъ и память, но его два товарища — генераль Шильдеръ и б.помѣщикъ Туръ — были въ состояніи полного старческаго маразма.

Князя Голицына въ февралѣ разбило параличемъ, и его увезли въ одинъ изъ четверговъ на казнь, ведя подъ руки. Уходя, онъ перекрестился, еле двигая рукой и сказала: „Нынѣ отпускаеши раба твоего. Усталъ жить. Слава Богу“. Генераль Шильдеръ умеръ за недѣлю до казни Голицына, а Тура сослали на десять лѣтъ на Соловки, но онъ умеръ по дорогѣ въ ужасныхъ мученіяхъ отъ закупорки мочевого пузыря. Про его смерть мнѣ рассказывалъ одинъ изъ ѣхавшихъ съ нимъ студентовъ, съ которымъ меня свела судьба на Соловахъ.

Приведеніе въ исполненіе смертныхъ приговоровъ надъ лицейстами, совпало съ еще двумя крупными процессами, созданными Чекой: о шпионажѣ въ пользу Латвіи и Англии, и о возстаніи на Кавказѣ. Поэтому весь февраль, мартъ и апрѣль мѣсяцы 1925-го года, каждый четвергъ увозились на казнь многие десятки людей, и въ теченіе февраля и марта, составъ моей камеры дважды перемѣнился. Несмотря на это, камера № 13, имѣла репутацію очень „счастливой камеры“, такъ какъ изъ другихъ камеръ выбыло еще большее количество людей.

Въ одинъ изъ четверговъ зарѣзался мой пріятель, спавшій рядомъ съ моей койкой — латышь Карлуша. Это произошло такимъ образомъ: въ камерѣ не разрѣшалось имѣть ножей, но мы все же какъ-то умудрились раздобыть, черезъ рабочихъ нашего корридора, самодѣльный, сдѣланный въ тюремной мастерской, небольшой ножъ для разрѣзанія хлѣба. Два дня мы благо-

получно имъ пользовались. а потомъ ножъ внезапно исчезъ. Поискавъ, мы рѣшили, что во время нашей прогулки, надзиратель обыскалъ камеру, нашель и забралъ его. На этомъ всѣ и успокоились. Въ ближайшей послѣ пропажи ножа четвергъ, Карлуша былъ особенно нервнымъ. Когда подъ окномъ раздался шумъ прѣхавшаго грузовика, и начали выкликать фамилии предназначенныхъ къ разстрѣлу, къ нашему ужасу, надзиратель выкликнулъ также фамилію Карлуши: „Гражданинъ Бикке! Безъ вещей“. Я не могъ лежать на койкѣ и вставъ, началъ ходить по полутемной камерѣ, пока нѣсколько вызванныхъ спѣшно одѣвались, нервно не попадая въ рукава платья. Мы обратили вниманіе, что Карлуша стоялъ на колѣняхъ между моей и своей койкой, лицомъ къ стѣнѣ. Полковникъ Зарѣцкій и инженеръ Вейнбергъ, взволнованно ходившіе вмѣстѣ со мной въ дальнѣйшемъ концѣ камеры, сказали мнѣ: „Ты съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ и у тебя крѣпкія нервы. Пойди, скажи ему что-нибудь. Вѣдь можно съ ума сойти отъ одной этой тишины“. Скрѣпя сердце, я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ Карлушѣ и вдругъ замѣтилъ, что онъ двигаетъ, спрятанной подъ свитеромъ рукой. Полагая, что онъ молится и не зная отъ волненія, что мнѣ предпринять, я подошелъ къ тихо плачущему молодому инженеру Сокольскому, котораго тоже только что вызвали. Въ этотъ моментъ надзиратель опять крикнулъ: „Сокольскій! Бикке! Ватадзе! Гревеницъ!—Скорѣе“. Одновременно съ этимъ Карлуша упалъ на спину и на бѣломъ свитерѣ, какъ разъ на животъ, видѣлось темное пятно. Несчастный распоролъ себѣ животъ полутупымъ ножомъ, тѣмъ самымъ, который мы такъ безнадежно разыскивали. Принесли обыкновенный деревянный косячный щитъ, положили на него Карлушу и унесли прочь. Черезъ нѣсколько минутъ одинъ изъ насъ видѣлъ черезъ окно, какъ вмѣстѣ съ закованными людьми, съ торчащими изъ полуоткрытыхъ ртовъ палочками, уложили въ грузовикъ привязаннаго къ щиту, уже на половину мертваго, Карлушу.

Объ этомъ я узналъ потомъ, много спустя, такъ какъ мои нервы не выдержали и я впалъ въ истерическое состояніе. Меня отправили въ лазаретъ, и я

пробыль тамъ почти пять недѣль въ состояніи крайняго нервнаго возбужденія.

Г л а в а 34-я.

Въ тюремномъ лазаретѣ было гораздо лучше чѣмъ въ больницѣ Гааза. Было очень чисто, и среди заключенныхъ больныхъ совершенно отсутствовалъ уголовный элементъ. Изъ лазарета меня перевели въ камеру № 12, рядомъ съ моей прежней камерой. Все было, разумѣется, переполнено. Среди моихъ новыхъ товарищей было много евреевъ сіонистовъ. Все это были молодежь-студенты. Ихъ единомышленники сидѣли въ другихъ камерахъ и во время прогулокъ во дворѣ они всѣ соединялись, пѣли демонстративно гимнъ сіонистовъ и всячески старались показать, что тюрьма имъ не страшна. Они находились въ тюрьмѣ уже 5-й мѣсяць. Однажды къ намъ въ камеру ввели 12 человекъ студентовъ анархистовъ и нѣсколько матросовъ. Всѣхъ анархистовъ держали до этого въ трехъ отдѣльныхъ камерахъ, но въ виду предполагаемой скорой ихъ отправки на Соловки и въ Сибирь, начальство тюрьмы, опасаясь демонстрацій, рѣшило разсортировать всѣхъ анархистовъ маленькими группами по разнымъ камерамъ. На нашу камеру пришлось 12 человекъ, приговоренныхъ къ заключенію на Соловкахъ. Они вели себя очень шумно, бранились съ надзирателями, дрались между собой, и въ концѣ концовъ подрались съ евреями сіонистами.

Въ одну изъ средъ, вызванные на Соловецкій этапъ, анархисты отказались выйти изъ камеры, заявивъ, что они добровольно не уйдутъ. Когда явился начальникъ тюрьмы съ револьверомъ въ рукахъ и 10 надзирателей съ нагайками, всѣ анархисты легли на полъ и стали кричать: „Долой палачей и узурпаторовъ! Да здравствуетъ свободный человѣческій разумъ! Мы требуемъ надъ собой гласнаго суда! Долой провокаторовъ!“ По знаку Богданова, надзиратели начали избивать анархистовъ нагайками и каблуками сапогъ. Самъ Богдановъ билъ стволомъ револьвера по лицу одноногого студента. Затѣмъ всѣхъ анархистовъ вытащили за ноги въ корридоръ и дальше, внизъ по лѣстницѣ. Слышно было даже въ камерѣ,

какъ стучали головы несчастныхъ, прыгая по ступенькамъ.

Такое же усмиреніе анархистовъ было продѣлано и въ сосѣднихъ камерахъ. Вѣроятно, слухъ о кровавой расправѣ проникъ въ дальній конецъ коридора, такъ какъ довольно большая группа анархистовъ, помѣщавшихся въ дальнихъ камерахъ, прошла на своихъ ногахъ и безъ демонстрацій мимо дверей нашей камеры и мирно спустилась внизъ по лѣстницѣ.

Сіонисты, сидѣвшіе въ нашей камерѣ, должны были отправиться въ пятницу, послѣ описаннаго эпизода съ анархистами, на этапъ въ Сибирь. Печальный примѣръ протеста анархистовъ. разумѣется, заставилъ еврейскую молодежь отказаться отъ предполагавшагося мятежа. Часа за два до отправки сіонистовъ на этапъ въ нашу камеру вошелъ начальникъ тюрьмы и громко крикнулъ: „Эй, вы, палестинскіе казаки и іерусалимскіе дворяне! Становитесь во фронтъ!“ Когда всѣ сіонисты, порядкомъ испуганные, выстроились въ одну шеренгу, Богдановъ сказалъ имъ приблизительно слѣдующее: „Вы всѣ видѣли, какъ совѣтская власть настаиваетъ на исполненіи закона. Черезъ 2 часа вы будете отправлены на этапъ. Приготовьтесь! Чтобы все было тихо и смирно! Поняли?“ Одинъ еврейчикъ, самый тщедушный изъ всѣхъ, въ громадныхъ, круглыхъ очкахъ, осмѣлился спросить:— „А что вы называете закономъ въ совѣтской Россіи?“ — Богдановъ подошелъ вплотную къ любознательному студенту, взявъ лѣвой рукой его за рубашку, подъ шею, а правой рукой, размѣренно, спокойно, дважды ударилъ его по лицу, такъ, что съ носа „протестанта“ слетѣли очки.

Черезъ два часа сіонисты въ полномъ порядкѣ были выведены изъ камеры. Дальнѣйшая ихъ судьба мнѣ неизвѣстна.

* * *

Самымъ маленькимъ совѣтскимъ преступникомъ, былъ несомнѣнно, карликъ Ваня. Онъ былъ ростомъ 86 сантиметровъ. Ему было 24 года, и несмотря на свой миниатюрный ростъ, онъ былъ вполне пропорционально сложенъ и вполне нормально развитъ въ интеллектуальномъ отношеніи. Онъ родился и жилъ въ

городъ Ямбургъ, вблизи эстонско-русской границы, гдѣ его родители имѣли небольшой домъ и лавку. Ваня окончилъ среднее коммерческое училище и во время гражданской войны служилъ разсылнымъ при канцеляріи одного изъ штабовъ бѣлой арміи. При отступленіи бѣлой арміи, Ваня вмѣстѣ со своей замужней сестрой, ушелъ съ остатками бѣлой арміи на эстонскую территорію. Въ Эстоніи ему пришлось претерпѣть рядъ обычныхъ эмигрантскихъ лишеній. Неоднократно онъ говорилъ мнѣ, рассказывая про свои приключенія: „Знаете, господинъ Седерхольмъ, иногда хотѣлось покончить съ собой. Ходишь, ходишь, ищешь работу, а никто не принимаетъ. Видятъ, что ребенокъ пришелъ -- ну, и нѣтъ довѣрія. Очень трудно жить на свѣтѣ маленькимъ людямъ“. Въ 1924 мѣ году, соблазненный перспективами Нэпа, Ваня рѣшилъ возвратиться къ своимъ роднымъ. Визированіе паспорта было ему не по карману, и онъ рѣшилъ перейти эстонско-совѣтскую границу нелегально. Явившись на совѣтскій пограничный пунктъ, Ваня подробно изложилъ свою исторію совѣтскому чиновнику, послѣ чего его арестовали и отправили по этапу въ Петербургъ. Когда я встрѣтился съ нимъ въ тюрьмѣ, то шелъ уже седьмой мѣсяць его тюремныхъ скитаній. Однажды раннимъ весеннимъ вечеромъ, Ваню вызвали изъ камеры и объявили, что онъ высылается въ Соловецкій лагерь на 5 лѣтъ, за шпионажъ и контръ-революціонную дѣятельность. Этапъ уходилъ черезъ часъ и у бѣднаго маленькаго существа, не было не только теплаго платья, но даже цѣлыхъ сапогъ. Кое-какъ мы снабдили его, чѣмъ могли, изъ нашего скуднаго гардероба, и онъ ушелъ отъ насъ на дальній Сѣверъ, обреченный на вѣрную смерть.

„Трудно живется на свѣтѣ маленькимъ людямъ!“

* * *

Со мной въ одной камерѣ довольно долго сидѣла мальчишка 12-ти лѣтъ, эстонецъ. Оставшись у себя на родинѣ, круглымъ сиротой, мальчуганъ рѣшилъ ѣхать къ своему старшему брату, который работалъ на одномъ изъ петербургскихъ заводовъ. Не имѣя денегъ, чтобы оплатить визированіе паспорта, маль-

чишка перешелъ границу нелегально. На сторожевомъ совѣтскомъ пограничномъ пунктѣ его арестовали и въ концѣ концовъ онъ оказался въ тюрьмѣ Чеки, на Шпалерной улицѣ. Его обвиняли въ шпионажѣ въ пользу Эстоніи и Англии. Мальчишка былъ полуграмотенъ, почти не говорилъ по-русски и цѣлыми днями или пускалъ мыльные пузыри или строилъ изъ газетъ и чернаго хлѣба аэропланы. Однажды ночью онъ вернулся съ допроса весь въ слезахъ и на наши разпросы, рассказалъ намъ на своемъ эстонско-русско-нѣмецкомъ языкѣ трагикомичный эпизодъ. „Слѣдователь очень кричалъ. Слѣдователь ругалъ. Слѣдователь сказалъ, что я какой то чемпионъ. Это такъ плохо, это ужасно плохо. Всѣхъ чемпионовъ убиваютъ.“ Весь рассказъ прерывался горькими рыданіями мальчугана, и мы съ трудомъ его утѣшили.

Оказывается Чека, въ своей патологической подозрительности, видѣла шпиона буржуазіи даже въ полуграмотномъ ребенкѣ. Мальчишка переименовалъ слово „шпионъ“ въ „чемпионъ“, но значенія ни того, ни другого слова не зналъ, чувствуя лишь, по угрозамъ слѣдователя, что его обвиняютъ въ чемъ-то очень серьезномъ. Вскорѣ, послѣ самоубійства Карлуши, я былъ переведенъ въ лазаретъ и потерялъ изъ виду маленькаго эстонца.

* * *

Въ маѣ мѣсяцѣ въ тюрьмѣ настало нѣкоторое затишье. Камеры были менѣ переполнены и по четвергамъ увозили на разстрѣлъ не болѣе 10—12-ти человекъ. Объ этомъ можно было догадываться, такъ какъ за смертниками приѣзжалъ только одинъ полутонный грузовикъ. Изъ нашей камеры въ теченіе всего мая мѣсяца было взято на разстрѣлъ только два человекъ: какой-то еврей контрабандистъ и бывший мастеръ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ Эппингеръ.

Въ концѣ мая отправили на Соловки моего большаго друга, бывшаго капитана артиллеріи барона Шильдера, племянника стараго генерала Шильдера, сидѣвшаго со мной въ 13-ой камерѣ по процессу лиценстовъ и умершаго въ тюрьмѣ. Капитанъ Шиль-

дерь, хотя и не былъ воспитанникомъ лица, но все-таки былъ привлеченъ къ дѣлу лицейство, такъ какъ бывалъ иногда у своего дяди, и Чека обвиняла его въ „недоносительствѣ“. Во время пребыванія въ тюрьмѣ, капитанъ Шильдербъ работалъ въ тюремной слесарной мастерской, и благодаря его содѣйствію, я послѣ его отправки на Соловки, попалъ въ канцелярію слесарной мастерской. Это былъ одинъ изъ лучшихъ періодовъ моей тюремной жизни. Съ утра и до обѣда я уходилъ изъ камеры въ мастерскую, возвращался обѣдать въ камеру, а въ 2 часа я опять уходилъ въ мастерскую до 6-ти часовъ вечера. Убѣжать изъ мастерской на волю не было никакой возможности. благодаря тому, что мастерская находилась въ самой центральной части тюрьмы и отдѣлялась отъ свободнаго міра 8-ю воротами, охраняемыми часовыми и надзирателями. Изъ мастерской можно было подъ разными предлогами выходить на центральный тюремный дворъ, грѣться на солнцѣ и иногда встрѣчаться съ заключенными разныхъ отдѣленій тюрьмы, во время ихъ прогулокъ. Мастерской завѣдывалъ всегда полупьяный мастеръ тюрьмы Иванъ Ивановичъ. Черезъ него и я иногда доставалъ немного коньяку или водки, которую въ одиночествѣ выпивалъ въ моей „канцеляріи“. Въ мастерской работало 12 человекъ инженеровъ, арестованныхъ по громкому дѣлу о вѣточничествѣ на Путиловскомъ заводѣ. Я избѣгалъ посвящать ихъ въ мои одинокія оргіи, такъ какъ не довѣрялъ ихъ скромности и боялся подвести Ивана Ивановича. На мастера я имѣлъ серьезные виды, и мнѣ казалось, что рано или поздно мнѣ удастся, несмотря на всѣ трудности, убѣжать изъ тюрьмы. Исполдволь и крайне осторожно я спрашивалъ Ивана Ивановича о тюремныхъ порядкахъ, о формахъ пропуски и т. п. Понемногу въ головѣ смутно назрѣвалъ планъ побѣга.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ въ тюрьмѣ стало замѣтно опять оживленіе и въ нашей камерѣ, рассчитанной на 35 спальныхъ мѣстъ набилось свыше 60 человекъ. Опять по четвергамъ стали увозить смертниковъ десятками, и сотнями отправляли высылаемыхъ на Соловки и въ Сибирь. Днемъ было совершенно невыносимо сидѣть въ набитой биткомъ людьми душной

камерѣ, и я съ радостью уходилъ въ свою темную, тихую каморку при мастерской.

Глава 35-я.

Въ іюль мнѣ внезапно прекратили свиданія, безъ всякаго объясненія причинъ, и это меня чрезвычайно огорчило. Передачи я продолжалъ получать регулярно, но ихъ досмотръ началъ производиться еще тщательнѣе, чѣмъ раньше. Въ началѣ августа меня неожиданно сняли съ работъ въ мастерской и тоже самое сдѣлали съ моими компатріотами финнами, работавшими въ столярной мастерской. Эти финны, плотники, перешли нелегально финско-русскую границу, думая въ совѣтской Россіи найти болѣе выгодныя условія работы, чѣмъ въ Финляндіи. Въмѣсто работы ихъ обвинили въ шпіонажѣ и посадили въ тюрьму.

Въ совѣтской „Красной Газетѣ“ я прочелъ, что въ Петербургѣ открыта какая-то шпіонская организація въ пользу Финляндіи, и будто бы нашъ генеральный консуль былъ сильно скомпрометированъ всѣмъ этимъ дѣломъ. Какъ отголосокъ этой фантастической исторіи, всѣ финны, находившіеся въ это время въ совѣтскихъ тюрьмахъ, подверглись репрессіямъ.

26 го августа 1925 го года около 7 часовъ вечера, надзиратель громко выкликнулъ мою фамилію и мнѣ было приказано, какъ можно скорѣе, собрать мои вещи. Сборы мои были недолги, такъ какъ я при себѣ не держалъ почти никакихъ вещей, кромѣ туалетныхъ принадлежностей и постели. Все необходимое я получалъ регулярно изъ консульства разъ въ недѣлю. Въ моей корзинкѣ были уложены 4 носовыхъ платка, 2 пары тонкихъ носковъ, пиджама, туалетныя принадлежности, кружка, чайникъ и кое какіе продукты. Послѣднихъ было очень мало, такъ какъ была среда, а передачу мы получали по пятницамъ. Съ корзинкой въ одной рукѣ и со сверткомъ постельныхъ принадлежностей въ другой, я вышелъ въ корридоръ, откуда меня повели въ канцелярію.

Въ корридорѣ передъ канцеляріей стояла большая группа людей съ вещами, повидимому, готовые къ отправкѣ на дальній этапъ. Начальникъ тюрьмы прочиталъ мнѣ постановленіе „особаго совѣщанія“ централь-

ной коллегіи Чеки о заключеніи меня въ Соловецкій лагерь на 3 года. Выслушавъ это постановленіе, я заявилъ, что мнѣ уже 10 мѣсяцевъ тому навадь объявляли его, и что моя отправка на Соловки была отставлена, такъ какъ между финляндскимъ и совѣтскимъ правительствами идутъ переговоры объ обмѣнѣ меня на заключенныхъ въ финляндскихъ тюрьмахъ коммунистовъ. На это начальникъ тюрьмы сказалъ: „Я ничего не знаю про это. Мнѣ приказано сегодня васъ отправить на Соловки.“ На это я, резонно, возразилъ: „Вы обязаны меня сначала отправить на медицинское освидѣтельство. Кромѣ того, у меня нѣтъ ни денегъ, ни вещей, ни продуктовъ, ни бѣлья. Позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, телефонировать въ консульство, чтобы мнѣ прислали все необходимое на вокзаль.“ На это заявленіе я получилъ отвѣтъ: „Теперь уже поздно для медицинскаго осмотра. Васъ осмотрятъ въ Кеми. По телефону въ консульство мы сами передадимъ вашу просьбу. На Соловкахъ вы получите полное обмундированіе и обувь. Вы напрасно беспокоитесь.“ Много спустя, уже въ Финляндіи, я узналъ, что никто не думалъ сообщать въ консульство о моей внезапной отпавкѣ и о моей просьбѣ о помощи.

Насъ всѣхъ выстроили въ одну шеренгу, начальникъ конвоя провѣрилъ насъ по списку, и каждому выдали по 1 кило чернаго хлѣба и по три небольшихъ, соленыхъ рыбы — судака.

Хлѣбъ я взялъ, а рыбу отдалъ, стоявшему рядомъ какому-то старику, повидимому, крестьянину. Въ нашей партіи было нѣсколько женщинъ, принадлежавшихъ, съ виду, къ образованному классу, четыре священника, нѣсколько крестьянъ, нѣсколько бывшихъ военныхъ, одинъ очень дряхлый старикъ и человекъ 15 студентовъ. Всего было въ партіи 43 человекъ.

Во дворѣ стояли двѣ телѣги. На одну положили наши вещи, а на другую сѣли женщины, больной старикъ и хромой священникъ. Передъ отправленіемъ партіи, конвойные солдаты начали заряжать ружья и конвойный начальникъ громко скомандовалъ: „Курки на предохранительный взводъ!“ Стоявшая рядомъ со мной маленькая, худенькая женщина, съ утомленнымъ

лицомъ, испуганно вскрикнула. Смотри на меня расширенными отъ ужаса глазами. она схватила меня за руку и нервно спросила: „Что они хотятъ дѣлать? Вы видѣли? Они патроны вставили въ ружья.“ Какъ могъ, я успокоилъ бѣдное, испуганное, маленькое созданье, объяснивъ, что это „такъ полагается“ и что это очень хорошо, что винтовки на предохранительномъ взводѣ. Разговаривая съ дамой, я невольно обратилъ вниманіе, что изъ подъ разстегнутаго ворота, англійскаго пальто, виднѣлась приколотая овальная, миниатюрная брошь-фотографія ребенка лѣтъ 5—6. Сердце мое болѣзненно сжалось при мысли о моей собственной семьѣ.

„Женщины, — садись въ телѣгу! Телѣги впередъ! Заключенные не отставаты!“

Конвойные солдаты заняли свои мѣста, а мы, по четыре человека въ рядъ, тронулись на дальній сѣверъ, на островъ „горя и слезъ“.

* * *

Накрапывалъ мелкій дождь. Въ сумеркахъ августовскаго вечера понуро шли обыватели совѣтскаго Петербурга, бросая на насъ испуганные взгляды. Мы подвигались довольно медленно, такъ какъ старикъ военный и два старыхъ священника не поспѣвали. Не доходя до Невскаго проспекта, на Знаменской улицѣ, начальникъ конвоя приказалъ намъ остановиться и окружавшіе насъ конвойные, взявшись за руки, образовали цѣпь. Трехъ стариковъ вывели изъ цѣпи и посадили въ телѣгу съ вещами. Мы опять двинулись впередъ, уже болѣе скорымъ шагомъ. Подойдя къ Николаевскому вокзалу, мы взяли влѣво отъ главнаго входа, прошли ворота и пошли вдоль полотна около одного километра, пока не пришли къ одиноко стоявшему на запасномъ пути вагону, окна котораго были забраны частными, желѣзными рѣшетками. Всѣхъ насъ ввели въ какой-то досчатый загонъ, безъ крыши, и у входа расположились конвойные. Загонъ былъ довольно просторный съ досчатымъ поломъ, и мы всѣ разсѣлись на нашихъ вещахъ въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній. Рядомъ со мной опять оказалась та худенькая, маленькая дама, которую такъ испугали заряженныя ружья. Слѣва отъ меня сидѣлъ

на мѣшкѣ, высокій, стройный съ сильной просѣдью господинъ, въ черкескѣ и маленькой барашковой шапкѣ, такъ называемой „кубанкѣ“. Замѣтивъ, что моя сосѣдка сильно озябла, онъ снялъ, висѣвшую у него черезъ плечо, свернутую бурку, развернулъ ее и сказалъ съ едва замѣтнымъ восточнымъ акцентомъ: „Позвольте вамъ предложить эту бурку. Успѣете замерзнуть, пока эти мерзавцы насъ посадятъ въ нашъ слипингъ-кэръ.“ Дама замялась, но черкесъ ловко накинулъ ей бурку на плечи, засмѣялся и, обращаясь къ группѣ дамъ, сказалъ: „Бурка большая. Не угодно-ли еще кому-нибудь ее раздѣлить?“ Ни предложенаго откликнулась очень молоденькая, болѣзненнаго вида дѣвушка въ черномъ платкѣ и совсѣмъ тонкомъ черномъ пальто. Она усѣлась рядомъ съ худенькой дамой, и обнявъ ее за талію, нѣжно къ ней прижалась. Черкесъ недовольно кашлянулъ, закурилъ папиросу и, обращаясь ко мнѣ, показывая на дѣвушку, сказалъ: „Вѣдь, этакіе мерзавцы! Дѣтей посылаютъ въ этотъ адъ. Ну развѣ не негодяи? Сколько вамъ лѣтъ, барышня?“ Дѣвушка сконфузилась, а ее сосѣдка, ласково погладила дѣвушку и сказала, обращаясь къ намъ: „Катя—молодецъ. Она сильный духомъ человекъ. Уже пятый годъ сидитъ въ тюрьмѣ и въ разное время она отголодала, въ общей сложности, 78 дней.“ Черкесъ и я съ удивленіемъ взглянули на Катю, какъ на своего рода „чемпіона“ тюремной голодовки.

Исторія тюремныхъ скитаній Кати заслуживаетъ вниманія. Отецъ ея былъ дьякономъ въ одномъ изъ южныхъ русскихъ городовъ. Въ періодъ гражданской войны ея братъ былъ офицеромъ бѣлой арміи. При отступленіи арміи отецъ и дочь были захвачены большевиками. Дьякона разстрѣляли, а дочь посадили въ одесскую тюрьму Чеки, но вскорѣ выпустили и Катя, кое-какъ добравшись до Харькова, поселилась у старухи тетки. Въ 1920 года Чека перехватила на почтѣ письмо брата Кати, который ей писалъ изъ-за границы. Катю арестовали, такъ какъ по свѣдѣніямъ Чеки ея братъ игралъ въ русской эмиграціи очень видную контръ-революціонную роль.

Въ Москвѣ, въ Бутырской тюрьмѣ, дѣвушкѣ предложилъ написать брату, что она сидитъ залож-

ницей изъ-за него въ тюрьмѣ и что, если онъ вернется, то ее выпустятъ на волю, а брата подвергнуть небольшому наказанію и обяжутъ „подпиской“ не выѣзжать изъ предѣловъ Россіи. Катя знала цѣну общаніямъ Чеки и съ негодованіемъ отвергла предательское предложеніе. Эту хрупкую, мужественную дѣвушку держали сначала во внутренней тюрьмѣ Чеки въ Москвѣ на Лубянкѣ, а потомъ въ томъ же городѣ въ Бутырской тюрьмѣ, пока не рѣшили сослать на Соловки „безъ срока“, или вѣрнѣе до возвращенія брата въ Россію. Катя въ теченіе пятилѣтняго пребыванія въ тюрьмѣ, семь разъ объявляла голодовку и въ общемъ итогѣ отголодала 78 дней. Послѣднихъ три года пребыванія въ тюрьмѣ, Катя за смертью тетки, не имѣла со стороны никакой помощи и существовала исключительно благодаря отзывчивости своихъ различныхъ подругъ по заключенію.

Исторія той худенькой дамы, о которой я уже упоминалъ въ началѣ, ничего интереснаго не представляетъ: мужъ эмигрировалъ нелегально за границу, писалъ женѣ письма, Чека ихъ перехватила, несчастную женщину обвинили въ недоносительствѣ и шпіонажѣ, и результатомъ была ссылка на Соловки на пять лѣтъ.

Уже сильно стемнѣло, я совсѣмъ продрогъ и, чтобы согрѣться, началъ ходить вдоль вагона. Ко мнѣ присоединился маленькій, толстый еврей — биржевой маклеръ, присужденный къ высылкѣ на Соловки за спекуляцію съ иностранной валютой. Онъ очень волновался, такъ какъ носились слухи, что къ нашей партіи будетъ присоединена партія высылаемыхъ которая должна прибыть изъ Москвы, и въ этой партіи будто-бы, было много уголовныхъ преступниковъ. Этотъ слухъ имѣлъ основаніе, такъ какъ еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ былъ изданъ декретъ, въ которомъ поручалось Чекѣ принять мѣры къ искорененію растущей преступности и хулиганства, и Чека со свойственной ей безотвѣтственной энергіей, начала высылать на Соловецкіе острова и въ Сибирь всѣхъ лицъ съ уголовнымъ прошлымъ.

Подъ уголовнымъ прошлымъ въ совѣтской Россіи понимаются двѣ судимости, то-есть двухкратное отбываніе наказанія по суду за уголовныя преступленія. Такимъ образомъ, согласно новаго декрета,

всякій, только что отбывшій наказаніе въ тюрьмѣ, если это наказаніе было вторымъ по счету, автоматически подвергался чрезвычайно жестокому наказанію, — заключенію въ Солбвецкомъ концентраціонномъ лагерѣ, что для большинства заключенныхъ было равносильно смерти. Эта мѣра административной борьбы съ преступностью привела къ тому, что всякій, только что отбывшій тюремное заключеніе, преступникъ, старался немедленно по выходѣ изъ тюрьмы совершить, какъ можно скорѣе, нѣсколько преступленій, дабы при захватѣ его облавой, сослаться на эти преступленія и попасть вновь подъ судъ и въ тюрьму, избѣжавъ такимъ образомъ ужасовъ высылки.

Въ присоединившейся къ намъ партіи, приведенной изъ пересыльной тюрьмы было 51 человекъ. Къ счастью для насъ, среди вновь прибывшихъ было не болѣе 20 человекъ уголовныхъ преступниковъ и, такъ какъ они были въ значительномъ меньшинствѣ, то это обезпечивало намъ, по крайней мѣрѣ, внутренній миръ.

Я все время съ ожиданіемъ посматривалъ на силуэтъ одинокого тюремнаго вагона, предполагая, что съ минуты на минуту подадутъ еще одинъ вагонъ. Къ моему великому удивленію начальникъ конвоя приказалъ всей нашей партіи 94 человекъ, садиться въ одинъ вагонъ.

Весь вагонъ былъ раздѣленъ вдоль желѣзной рѣшетчатой перегородкой, отстоявшей менѣе чѣмъ на метръ отъ одной изъ вагонныхъ стѣнокъ. Такимъ образомъ получался узкій корридоръ, въ которомъ все время находилось пять вооруженныхъ часовыхъ, смѣнявшихся каждые два часа.

Все пространство вагона позади рѣшетки было раздѣлено поперечными перегородками на рядъ отдѣленій. Насъ размѣстили по 15—16 человекъ въ каждомъ отдѣленіи, вмѣстѣ съ нашими вещами. Каждое отдѣленіе состояло изъ трехъ этажей, образуемыхъ подъемными скамейками такъ, что на каждый этажъ отдѣленія пришлось по 4—5 человекъ съ вещами. Ни сидѣть, ни двигаться было немыслимо. Можно было только лежать, и по требованію конвойныхъ лежать нужно было головой къ рѣшеткѣ, такъ какъ каждые

полъ часа конвойные, при свѣтѣ свѣчки считали наши головы. Скамейки, раздѣлявшія этажи, тѣсно соприкасались одна съ другой, образуя сплошной помость и мы лежали по 4 человекъ въ каждомъ этажѣ, совершенно вплотную другъ къ другу. Каждое измѣненіе положенія тѣла вызывало протестъ сосѣдей. Со стороны рѣшетки скамейка не доходила до нея на 1½ фута, и благодаря этому промежутку, можно было протискиваться въ уборную, которая находилась въ концѣ вагона, на той же сторонѣ, что и наши отдѣленія, то-есть за рѣшеткой. Уборная не закрывалась и оттуда все время шель отвратительный запахъ. Протискиваться въ уборную было чрезвычайно трудно, а для лежащихъ на верхнихъ двухъ этажахъ больныхъ и стариковъ это было почти невозможно. Всѣхъ женщинъ помѣстили въ одно отдѣленіе и у нихъ было все-таки лучше, чѣмъ у насъ, такъ какъ ихъ было всего 12 душъ, то есть по четыре женщины на этажъ. Въ моемъ отдѣленіи, къ счастью, подобрались хорошіе попутчики, и не было ни одного уголовного преступника. Рядомъ со мной лежали два крестьянина обвинявшіеся въ контръ-революціи, и одинъ чехъ, бывшій коммунистъ, инструкторъ физической культуры. Его обвиняли въ сношеніяхъ съ чехо-словацкимъ консульствомъ, исключили изъ партіи и сослали на пять лѣтъ на Соловки.

Судя по толчкамъ, нашъ вагонъ прицѣпили къ поѣзду. Черезъ вагонъ прошли какіе-то высшіе чины Чеки, такъ какъ начальникъ конвоя къ нимъ подошелъ съ рапортомъ, и все время стоялъ на вытяжку. За нѣсколько минутъ до отхода поѣзда къ рѣшеткѣ подвели какого то очень молодого человекъ высокаго роста, въ спортивномъ костюмѣ. Молодой человекъ о чемъ то тихо переговаривалъ съ начальникомъ конвоя, послѣ чего оба медленно пошли по корридору вдоль рѣшетки и начальникъ конвоя со свѣчей въ рукѣ, внимательно осматривалъ лежащихъ. Всѣ отдѣленія были еще больше переполнены. чѣмъ наше, поэтому одинъ изъ конвойныхъ отодвинулъ дверь рѣшетки противъ нашего отдѣленія и молодой человекъ залѣзъ къ намъ на помость. Съ нимъ былъ ручной саквояжъ и ничего больше. Было такъ тѣсно, что становилось жутко при мысли о трехъ-дневномъ путешествіи. Отъ

духоты, зловенія уборной и человѣческихъ испареній меня начало тошнить, но нельзя было даже повернуться.

Когда поѣздъ медленно тронулся, въ наше отдѣленіе посадили еще одного молодого человѣка и по приказанію начальника конвоя, одинъ изъ лежащихъ рядомъ со мной крестьянъ полѣзъ на второй этажъ. Наверху началась перебранка, но моментально утихла, такъ какъ начальникъ конвоя вынулъ револьверъ и крикнулъ: „Сейчасъ же замолчать!“

Съ каждымъ оборотомъ колеса, я, какъ мнѣ казалось, навсегда рвалъ съ малѣйшей возможностью вырваться изъ когтей Чеки. Теперь я былъ въ „ихъ“ полной власти. Казалось, для меня была потеряна всякая надежда вернуться на родину. Впереди ждала медленная, ужасная, мучительная смерть.

Г л а в а 36-я.

Первую ночь путешествія я провелъ настолько ужасно, что даже о секреткѣ № 26, я вспоминалъ, какъ о недостижимомъ отнынѣ блаженствѣ.

Сжатый со всѣхъ сторонъ лежащими людьми, въ пропитанномъ зловоніемъ воздухѣ, я не могъ ни на минуту забыться сномъ. Одинъ изъ моихъ сосѣдей, старый крестьянинъ, все время кашлялъ мнѣ прямо въ лицо и подъ утро у него пошла горломъ кровь. Клопы и вши положительно атаковали насъ и отъ движенія лежащихъ людей на верхнихъ полкахъ, сыпались на лицо эти отвратительныя насѣкомыя и пыль. Въ довершеніе всего старый хромой священникъ, страдавшій недержаніемъ мочи, лежавшій на верхней полкѣ, не могъ попасть въ уборную и благодаря щелямъ наверху, мы ужасно страдали. Ко всему этому надо прибавить, что наши вещи были свалены тутъ же, и это еще болѣе увеличивало тѣсноту и грязь. Многие прошли нѣсколько этапныхъ пересыльныхъ тюремъ, прежде чѣмъ попасть въ Петербургъ, а эти тюрьмы всегда переполнены свыше нормы и кишатъ всевозможными насѣкомыми.

Съ разсвѣтомъ стало еще хуже. Темнота отчасти скрывала ужасъ окружающаго, но при блѣдномъ свѣтѣ занимавшагося сѣвернаго осенняго утра, моимъ глазамъ открылась не поддающаяся описанію картина

человѣческихъ страданій. Измученныя блѣдныя лица, груды грязныхъ разбросанныхъ вещей, лужа крови отъ моего чахоточнаго сосѣда, плевики на полу и капающая сверху моча несчастнаго старика.

— Я и молодой человѣкъ по фамиліи Калугинъ, кое какъ выкарабкались изъ груды лежащихъ тѣлъ и согнувшись въ три погибели сѣли на краешекъ скамейки, поставивъ ноги въ промежутокъ между ней и рѣшеткой. Калугинъ былъ ярко выраженный типъ дегенерата: несимметричное лицо, выпуклые глаза, толстыя и почти безъ подбородка безформенныя губы. Въ полахъ его куртки у него было зашито довольно много кокаина, и онъ довольно ловко отправлялъ то одну, то другую порцію порошка въ свой носъ.

У меня было съ собой около семи рублей—весь мой наличный капиталъ, который мнѣ удалось скопить въ тюрьмѣ отъ еженедѣльныхъ выдачъ мнѣ, съ моего личнаго счета, на покупку газетъ и папиросъ. Остальныя деньги, оставшіяся на моемъ счету, мнѣ не выдали, а сказали, что переведутъ ихъ на мой личный счетъ въ Соловецкомъ лагерѣ.

Около часу дня мы остановились на какой-то станціи и я уговорилъ конвойнаго купить мнѣ бѣлаго хлѣба, яицъ и молока, такъ какъ корзинка моя была облита кровью и какой-то жидкостью и весь хранившійся въ ней мой небольшой запасъ продуктовъ потерялъ для меня значеніе. Однако сосѣди мои были менѣе избалованы и съ готовностью все сѣли, даже мой пасекъ чернаго хлѣба, совершенно грязный и мокрый, валявшійся на скамейкѣ среди остальныхъ вещей. Конвойный сначала не хотѣлъ исполнить моей просьбы, но Калугинъ вызвалъ конвойнаго начальника, о чемъ то съ нимъ пошептался и мнѣ на два рубля (1 долларъ) было принесено: литръ сквернаго молока (въ моемъ чайникѣ), 6 крутыхъ яицъ кило сѣраго хлѣба и 100 граммъ свиного сала. Я обратилъ вниманіе, что Калугина и другого молодого человѣка, по фамиліи Костина, конвойные выпускали за рѣшетку и водили ихъ въ свою уборную. Всѣ эти привилегіи и разговоры шепотомъ съ конвойнымъ начальникомъ объяснились вскорѣ: и Костинъ, и Калугинъ были чекистами, приговоренными къ разстрѣлу, но приговоръ имъ былъ замѣненъ десятию годами заключенія въ

Соловецкомъ лагерѣ. Ихъ обоихъ спеціально посадили въ наше отдѣленіе, такъ какъ въ другихъ отдѣленіяхъ сидѣли или уголовные, или прибывшіе изъ Московской Бутырской тюрьмы, которые знали и Костина, и Калугина, такъ что могли произойти какіе-либо эксцессы на почвѣ мести чекистамъ за ихъ прошлое. Такъ какъ въ нашемъ отдѣленіи сидѣло много пожилыхъ людей, было свободнѣе, чѣмъ въ другихъ отдѣленіяхъ, и наше отдѣленіе было крайнимъ, то бывшіе чекисты были въ относительной безопасности.

На вторую же ночь Калугинъ, который былъ все время подъ кокаиннымъ наркозомъ, рассказалъ мнѣ нѣсколько эпизодовъ изъ своей прошедшей дѣятельности.

Ему было 24 года и вотъ уже 6 лѣтъ, какъ онъ состоялъ секретнымъ агентомъ Чеки. За это время ему пришлось служить въ десяткахъ различныхъ спеціальныхъ отдѣлахъ Чеки: то развѣзднымъ заграничнымъ курьеромъ, то тайнымъ ревизоромъ дѣятельности желѣзнодорожныхъ служащихъ, то въ такъ называемомъ инсценировочномъ отдѣлѣ Московской Чеки.

Мнѣ не удалось узнать, за что именно онъ былъ приговоренъ къ разстрѣлу съ замѣной заключеніемъ въ Соловецкомъ лагерѣ. Насколько можно было понять изъ его отрывочныхъ рассказовъ, Чека не церемонится со своими сотрудниками, и никто изъ нихъ не застрахованъ отъ интригъ, доносовъ и провокаціи. Обычно проштрафившимся чекистамъ коллегія Чеки выноситъ смертный приговоръ, который почти всегда замѣняется десятилѣтнимъ заключеніемъ въ Соловецкомъ лагерѣ, гдѣ всѣ отбывающіе наказаніе чекисты назначаются на административныя должности, стараясь своимъ служебнымъ рвеніемъ заслужить себѣ прощеніе или сокращеніе срока заключенія. На всей территоріи Соловецкаго концентраціоннаго лагеря, куда входитъ, кромѣ острововъ также и пересыльный пунктъ на материкѣ—Кемь, имѣется только три свободныхъ челоуѣка: начальникъ Соловецкаго лагеря, его помощникъ и начальникъ пересыльнаго пункта Кемь. Всѣ остальные должности въ администраціи и надзорѣ заняты исключительно заключенными чекистами. Составъ заключенныхъ чекистовъ самый разно-

образный: сыщики, провокаторы, галачи, начальники всевозможных провинциальных отделов Чеки, следователи, чины тюремной администрации и тому подобное. Естественно, что весь этот аморальный сбродъ, въ своемъ стараніи заслужить прощеніе творить надъ доверенными ихъ надзору заключенными неслыханныя звѣрства, и вотъ одна изъ многихъ причинъ, почему Соловецкій концентраціонный лагерь пріобрѣлъ такую славу, что многіе предпочитаютъ мгновенную смерть, чѣмъ долгое заключеніе въ этомъ аду.

Какъ голодъ лучшая приправа къ ѣдѣ, такъ и усталость—лучшее снотворное средство. Воспользовавшись тѣмъ, что трое изъ моихъ попутчиковъ не могли больше лежать и усѣлись, скорчившись и выставивъ ноги въ пространство между скамейками и рѣшеткой, я попытался улечься и сверхъ всякаго ожиданія заснулъ. Проснулся я, когда уже стемнѣло и клопы невыносимо стали кусать. Калугинъ былъ совершенно невмѣняемъ и блѣдный съ бессмысленной улыбкой, повидимому, совершенно опалѣлъ отъ кокаина. Я опять усѣлся на краешкѣ скамейки, упираясь колѣнями въ рѣшетку и рядомъ со мной пристроился чехъ-коммунистъ. Это былъ славный парень спортсменъ, весельчакъ и очень деликатный человекъ. Фамилія его была Сага. Замѣтивъ, что онъ съ сожалѣніемъ выбрасываетъ перепачканный мякишъ чернаго хлѣба и съ жадностью грызетъ корочку, я предложилъ ему яйцо и кусокъ полубѣлаго хлѣба, который я подвѣсилъ въ носовомъ платкѣ къ рѣшеткѣ. — „У васъ у самого мало“ — сказалъ Сага, — „ничего, какънибудь проживу. Не-впервое голодать“.

Сага попалъ въ Россію вмѣстѣ съ чешскими легионерами, во время гражданской войны и, соблазнившись щедрыми обѣщаніями совѣтскаго правительства, остался въ Москвѣ, получивъ должность инспектора физической культуры. Хотя и искренній коммунистъ. Сага вскорѣ увидѣлъ, что все, происходящее въ Россіи, ничего общаго съ коммунизмомъ не имѣетъ. Поэтому онъ рѣшилъ выбраться къ себѣ на родину— въ Прагу, и отправился въ Чешское консульство въ Москвѣ, для визированія паспорта. Повидимому, Сага былъ неостороженъ въ разговорахъ, или его выслѣ-

дали, такъ какъ на слѣдующій же день, послѣ визита въ консульство, онъ былъ арестованъ и чешская виза на паспортъ послужила достаточной уликой для Чеки, чтобы обвинить Сагу въ шпионажъ и дискредитированіи совѣтской власти. Въ результатъ пять мѣсяцевъ подъ слѣдствіемъ въ Бутырской тюрьмѣ и заключеніе на три года въ Соловецкомъ лагерѣ.

Какъ ни утомительно было сидѣть скорчившись, все же это было лучше, чѣмъ лежать среди грязи и лужъ зловонной жидкости, капавшей сверху.

На мое заявленіе и просьбу, куда-нибудь убрать старика священника, страдавшаго разстройствомъ мочеиспусканія, конвойный начальникъ, смѣрилъ меня взглядомъ и сказалъ. — „Не ваше дѣло, не на прогулку ѣдете. Въ другихъ отдѣленіяхъ еще хуже, однако, никто не жалуется“.

Повидимому, въ другихъ отдѣленіяхъ было дѣйствительно хуже, такъ какъ на разсвѣтъ, когда мы стояли на какомъ-то полустанкѣ, въ одномъ изъ отдѣленій поднялся шумъ. Заключенные просили убрать трупъ, только что скончавшагося ихъ товарища, чачоточнаго татарина изъ Крыма. Шумъ все увеличивался и началась перебранка съ конвойнымъ. Во время этой перебранки, американскій инженеръ Шевалье, въ состояніи истерики бился о рѣшетку и что то кричалъ. Начальникъ конвоя выстрѣлялъ въ него и прострѣлялъ ему плечо.

Я познакомился съ этимъ американцемъ много времени спустя послѣ этого случая, въ лазаретѣ въ Кеми, гдѣ ему ампутировали руку. Шевалье былъ во время гражданской войны въ составѣ англійскихъ легионовъ на Кавказѣ и остался въ Тифлисѣ, не желая покинуть одну русскую женщину, которой онъ былъ увлеченъ. Онъ происходилъ изъ штата Луидьяны.

Послѣ многихъ хлопотъ, ему удалось оформить свой бракъ и выхлопотать для себя и жены право выѣхать изъ Россіи. Незадолго до отъѣзда его арестовали за шпионажъ и сослали на Соловки. Ему всю ночь пришлось пролежать вплотную съ трупомъ скончавшагося татарина, а до этого онъ совершилъ путешествіе по этапу съ Кавказа въ Петербургъ, которое продолжалось три недѣли съ короткими остановками въ переполненныхъ провинціальныхъ пересыльныхъ

тюрьмахъ. Естественно, что нервы не выдержали и въ истерическомъ состояніи, обезумѣвъ, онъ началъ буйнить. Послѣ того, какъ начальникъ нашего конвоя прострѣлилъ ему псечо, Шевалье оставался безъ, медицинскаго помощи почти десять часовъ, такъ какъ лишь къ вечеру вторыхъ сутокъ нашего путешествія, на станціи Сороки, пришелъ фельдшеръ и сдѣлалъ ему надлежащую перевязку. На этой же станціи вытаскивали татарина.

Чехъ Сага скоро улегся спать, а я остался сидѣть одинъ и сидѣлъ до разсвѣта. Вскорѣ ко мнѣ присоединился чекистъ Костинъ. Онъ производилъ очень болѣзненное впечатлѣніе и страдалъ эпилепсіей, въ чемъ мы убѣдились въ исходѣ третьихъ сутокъ путешествія, когда съ нимъ случился припадокъ. Но все ограничилось тѣмъ, что мы его держали во время судорогъ, а потомъ онъ такъ и остался лежать вмѣстѣ съ нами, пока мы не пріѣхали въ Кемь. Этотъ Костинъ былъ, повидимому, не въ ладахъ съ Калугинымъ и, разговаривая со мной, пользуясь невмѣняемостью Калугина, поторопился меня „предупредить“ относительно своего коллеги, сообщивъ мнѣ по „секрету“, что Калугинъ чекистъ и проходимецъ. О томъ, что Костинъ былъ самъ чекистъ, — онъ, разумѣется, умолчалъ.

Костинъ мнѣ разсказалъ очень интересный эпизодъ изъ дѣятельности Калугина.

Когда этотъ послѣдній сидѣлъ въ Бутырской тюрьмѣ, въ общей камерѣ, то нанюхавшись кокаина, онъ, по обыкновенію, разболтался и разсказалъ своимъ товарищамъ по камерѣ, что онъ, Калугинъ, исполнялъ очень серьезныя порученія Чеки и однажды въ июль мѣсяцѣ 1924 года ему было поручено фотографировать раненаго капитана англійской службы Рейли гдѣ-то около финляндской границы. Роль раненаго капитана Рейли изображалъ загримированный чекистъ, такъ какъ на самомъ дѣлѣ капитанъ Рейли, въ юнѣ 1924 года, былъ убитъ въ Москвѣ чекистомъ Ибрагимомъ. Такимъ образомъ, Чека для какихъ-то цѣлей, хотѣла инсценировать раненіе капитана Рейли около финляндской границы и даже запечатлѣла всю сцену на фотографіи.

Когда Чекѣ сдѣлалось извѣстно, что Калугинъ,

сидя въ тюрьмѣ, проболтался, то его перевели въ одиночное заключеніе и онъ очень поплатился за свою болтовню, такъ какъ былъ приговоренъ сначала къ разстрѣлу, а потомъ ему замѣнили разстрѣлъ десятилѣтнимъ заключеніемъ въ Соловецкомъ лагерѣ. Если бы не кокаинъ и не ботливость, Калугинъ отдѣлался бы пустяками, такъ какъ онъ попалъ въ тюрьму за изнасилованіе какой-то дѣвушки, что не считается въ совѣтской Россіи большимъ преступленіемъ въ особенности для чекиста.

Костинъ скромно умолчалъ, почему онъ самъ оказался въ тюрьмѣ, въ одной камерѣ съ Калугинимъ. Я думаю, что именно онъ же рассказалъ своему начальству о томъ, что Калугинъ себя „расшифровалъ“ передъ товарищами по камерѣ.

* * *

На утро третьихъ сутокъ нашего путешествія, конвой смѣнился и новый начальникъ конвоя почему-то не пожелалъ оказывать льготы вѣхавшимъ съ нами чекистамъ. Старика священника и еще двухъ стариковъ съ верхней полки, начальникъ конвоя перевелъ на три отдѣленія впередъ, а на ихъ мѣсто вселилъ къ намъ четырехъ уголовныхъ. Двое изъ нихъ были совсѣмъ молодые парни, сплошь татуированные на груди, рукахъ и даже на спинѣ. Двое другихъ были постарше и держали себя съ большимъ достоинствомъ, какъ и полагается держать себя настоящимъ бандитамъ, согласно тюремной традиціи.

На одной изъ станцій конвойные въ первый разъ за все путешествіе принесли кипятокъ и разлили его по кружкамъ и чайникамъ.

Когда Калугинъ всталъ со скамейки, чтобы протискаться въ уборную, то сверху на него свалился чайникъ съ кипяткомъ, обварившій ему шею и уши. Калугинъ немедленно вызвалъ конвойнаго начальника, но ничего опредѣленнаго установить не удалось. На двухъ верхнихъ полкахъ нашего отдѣленія помѣщалось десять человѣкъ и у конвойнаго начальника не было возможности разбираться въ этомъ происшествіи.

„Пріѣдемъ въ Кемъ—тамъ разберемъ“. — Таково было Соломоново рѣшеніе начальника конвоя.

Когда Калугинъ проходилъ въ уборную, то

одномъ изъ отдѣленій на него опять свалился чайникъ и разсѣкъ ему кожу на лбу, а въ другомъ отдѣленіи крикнули:

— „Лягавый идетъ!“

Съ перекошеннымъ отъ злобы лицомъ, залѣзая въ глубь нашего „саркофага“, Калугинъ громко сказалъ:

— „Ничего, скоро пріѣдемъ въ Кемь. Тамъ будетъ предъявленъ счетъ къ оплатѣ. Тамъ не шутятъ“.—

На одной изъ станцій мнѣ опять удалось достать черезъ конвойнаго нѣсколько штукъ яицъ, хлѣба и свиного сала и кое-какъ я немного подкрѣпился.

Большинство заключенныхъ не имѣло ни денегъ, ни запасовъ провизіи, такъ какъ почти всѣ были взяты на этапъ неожиданно для нихъ. Поэтому всѣ они должны были довольствоваться въ теченіе трехъ суточного путешествія однимъ килограммомъ чернаго хлѣба и тремя дрянными солеными рыбами, выданными въ Петербургѣ передъ отправленіемъ изъ тюрьмы на этапъ.

Я чувствовалъ себя разбитымъ до послѣдней степени, каково же было тѣмъ изъ насъ, которыхъ везли съ Кавказа, изъ Крыма, съ Украины.

Когда мы пріѣхали на станцію Кемь, всѣ облегченно вздохнули. Увы, настоящія страданія тутъ только начинались!

Г л а в а 37-ая.

На станціи Кемь нашъ вагонъ отцѣпили и мы стояли тамъ около двухъ часовъ. Наконецъ вагонъ тронулся и мы поѣхали къ мѣсту расположенія пересыльнаго лагеря, отстоящаго отъ станціи Кемь на 12 километровъ.

29 августа 1925 года около 6-ти часовъ вечера мы прибыли въ пересыльный лагерь Кемь. Въ первый разъ за трое сутокъ нашего путешествія мы получили возможность вдохнуть свѣжій воздухъ и размять отеки отъ неподвижнаго лежанія члены. Накрапывалъ осенній дождикъ, но было еще свѣтло, такъ какъ въ этой широтѣ, въ это время, солнце заходитъ около 9-ти часовъ вечера. Всѣхъ насъ выстроили во фронтъ съ вещами въ рукахъ. Потомъ было приказано погрузить вещи на подвѣхавшія двѣ тележки и

опять стать во фронтъ. Я оказался на лѣвомъ флангѣ и рядомъ со мной выстроился ѣхавшій съ нами женщины. Кромѣ уже знакомой мнѣ дамы въ англійскомъ пальто и Кати, я замѣтилъ, что и остальные дамы принадлежали къ интеллигентному кругу. Одна изъ дамъ, — австріячка, не понимала по русски, и мнѣ пришлось перевести ей нѣсколько фразъ на нѣмецкій языкъ. Инженера Шевалье вынесли на рукахъ и вмѣстѣ съ нѣсколькими стариками положили на телегу. Еще разъ насъ всѣхъ пересчитали, и, окруженные конвоемъ, мы двинулись по четыре человека въ рядъ. Пройдя какимъ-то унылымъ, типичнымъ, сѣвернымъ поселкомъ, мы миновали громадные штабеля сложенныхъ досокъ и минутъ черезъ двадцать ходьбы подошли къ пустынному мѣсту, огороженному нѣсколькими рядами колючей проволоки. На желтыхъ деревянныхъ воротахъ, красовался совѣтскій гербъ, — серпъ и молотъ, а подъ нимъ надпись: „особый пересыльный пунктъ управленія соловецкими лагерями особаго назначенія (сокращенно У. С. Л. О. Н.)“. Мы вошли въ открывшіяся настежъ ворота и пошли по широкому, досчатому настилу, по обѣимъ сторонамъ котораго было расположено по 6 длинныхъ, досчатыхъ, одноэтажныхъ бараковъ. Продолжалъ накрапывать мелкій дождь, за бараками виднѣлось сѣрое, непривѣтливое море, скалы и чахлая, болотистая растительность.

Протопопъ Аввакумъ, пріѣхавшій сюда миссіонеромъ въ началѣ 17-го столѣтія, писалъ своей женѣ: — „Когда взглянулъ я на сіи печальныя мѣста, — тоска и зима вошли въ мое сердце“. Въ наше сердце вошло нѣчто большее чѣмъ тоска, когда мы увидѣли выстроенную роту въ формѣ войскъ особаго назначенія (войска Чеки), и человекъ около 40 чекистовъ въ кожаныхъ куртахъ и въ фуражкахъ съ красными околышками. Въ этотъ моментъ мы поняли полнѣйшую безнадежность нашего положенія: здѣсь безконтрольно царилъ Чека въ лицѣ своихъ самыхъ худшихъ и самыхъ безпринципныхъ представителей.

Насъ всѣхъ, включая и женщинъ, выстроили во фронтъ, и начальникъ лагеря обратился къ намъ съ такой, приблизительно рѣчью:

„Вы всѣ сосланы сюда за тяжкія преступленія и

ваше заключеніе въ концентраціонномъ лагерѣ имѣть цѣлью ваше исправленіе. Помните, что лагерь на военномъ положеніи и отъ васъ требуется безусловное послушаніе. Малѣйшій проступокъ повлечетъ за собой строжайшее взысканіе, включительно до разстрѣла. Вашимъ непосредственнымъ начальникомъ будетъ товарищъ Михельсонъ. Здѣсь въ Кемі вы пройдете моральный казантинъ, а затѣмъ будете отправлены въ Соловецкій лагерь*.

Товарищъ Михельсонъ чрезвычайно истощенный человекъ въ очкахъ и съ скривленной ногой пошелъ вдоль нашего фронта, внимательно насъ осматривая.

Это былъ знаменитый товарищъ Михельсонъ—Крымскій—самолично разстрѣлявшій изъ пулемета 3,000 пѣнныхъ бѣлогвардейцевъ, ихъ женъ и дѣтей, послѣ отступленія арміи генерала Врангеля. Этотъ же Михельсонъ прославился рядомъ неслыханныхъ звѣрствъ въ Псковѣ, а потомъ въ Холмогорскомъ концентраціонномъ лагерѣ, подъ Архангельскомъ.

Онъ былъ сосланъ въ Соловецкій концентраціонный лагерь, какъ говорили, благодаря интригамъ своихъ сослуживцевъ въ Чекѣ, опасавшихся его растушаго вліянія на Дзержинскаго.

Женщинъ отправили послѣ переклички въ женскій баракъ, а насъ мужчинъ, — въ баракъ № 5.

Какъ и всѣ остальные 11 бараконъ, наше помѣщеніе представляло досчатый сарай длиною 45 метровъ и шириною 20 метровъ. Вдоль выбѣленныхъ извѣстью стѣнъ были устроены двухъ-этажныя нары и точно такія же нары съ двумя проходами тянулись по серединѣ. Двѣ круглыхъ печки по сторонамъ сарая, довершали все оборудованіе этой казармы. Баракъ былъ совершенно пустой и предназначался для пересыльных партій. Въ другихъ баракахъ было все переполнено, такъ какъ въ Кемь присылаютъ на зиму изъ Соловецкаго лагеря большія партіи заключенныхъ для лѣсныхъ заготовокъ. Едва мы успѣли сбросить наши пожитки на нары, какъ насъ опять выстроили во фронтъ. Вошелъ Михельсонъ съ нѣсколькими чекистами и начался осмотръ какъ нашихъ вещей, такъ и насъ самихъ, для чего насъ всѣхъ раздѣли до нага. Было ужасно холодно, такъ какъ помѣщеніе не отоплялось и двери были раскрыты настежь.

Какъ только осмотръ вещей окончился, одинъ изъ чекистовъ вызвалъ по списку всѣхъ бывшихъ въ нашей партіи чекистовъ, и къ нашему великому удивленію изъ фронта вышло болѣе 10 человекъ. Двое изъ этихъ бывшихъ сотрудниковъ Чеки имѣли настолько приличный видъ вполнѣ порядочныхъ людей, что я никогда и никому не повѣрилъ бы, если бы мнѣ кто нибудь указалъ на нихъ, какъ на чекистовъ.

Всѣхъ чекистовъ нашей партіи перевели немедленно въ особый баракъ. Тутъ же я впервые понялъ что значить на языкѣ Чеки „предъявить счетъ.“ Калугинъ подошелъ къ Михельсону и что-то ему тихо сказалъ, показавъ на тѣхъ четырехъ уголовныхъ преступниковъ, которые ѣхали въ нашемъ отдѣленіи. Михельсонъ оглядѣлъ ихъ и спокойно сказалъ: „Кто бросилъ чайникъ на товарища Калугина? Признавайтесь сейчасъ же. Если не признаетесь — разстрѣляю сію же минуту всѣхъ четырехъ. Ну, живо!“ Черезъ минуту выдали одного изъ молодыхъ парней. Его увели. Такимъ же образомъ нашли двухъ бросившихъ чайникъ изъ другого отдѣленія. Ихъ тоже увели. Черезъ полъ-часа насъ всѣхъ фронтомъ вывели на прибережную часть лагеря и показали на три лежащихъ трупъ съ прострѣленными черепами. Всѣхъ троихъ разстрѣлялъ лично Калугинъ.

Въ этотъ моментъ во мнѣ стало ясно, что такое У. С. Л. О. Н.

Тутъ же передъ, еще не остывшими трупами, подъ дождемъ, у сѣраго, унылаго моря, насъ разбили на двѣ группы и вывели на главную линейку лагеря, т. е. на широкой деревянный помостъ, тянувшійся между бараками. Каждую группу окружили чекисты и конвойные солдаты, послѣ чего всѣхъ насъ вывели за ворота и повели черезъ поселокъ. Минуть черезъ двадцать мы пришли на пристань, около которой стоялъ большой пароходъ. Намъ приказали нагрузить его углемъ. Это была адская работа такъ какъ мы въ теченіе 3 хъ сутокъ почти ничего не ѣли и почти не спали. Нагрузивъ нѣсколько мѣшковъ, я упалъ и потерялъ сознание. Очнувшись, я увидѣлъ, что лежу на мѣшкахъ изъ подъ угля и рядомъ со мной сидитъ молодой человекъ въ кожанной курткѣ при револьверѣ. Видя, что я пришелъ въ сознание, чекистъ ска-

заль: „Что, старикашка? Сомлѣль? Ну, иди, записывай мѣшки!“ Меня поставили у сходни и я долженъ былъ считать проходившихъ мимо грузчиковъ съ мѣшками. Часовъ около 11 вечера, передъ самымъ окончаніемъ погрузки, потерялъ сознаніе бывший вице-губернаторъ Павелъ Иннокентьевичъ Поповъ. Онъ такъ и не очнулся, такъ какъ умеръ, не приходя въ сознаніе.

Со времени отъѣзда изъ Петербурга шли четвертые сутки, а въ нашей партіи было уже 6 покойниковъ и одинъ съ прострѣленнымъ плечомъ. Есть надъ чѣмъ задуматься!

Мы вернулись въ баракъ около 12 часовъ ночи, и какъ были, т. е. въ угольной пыли, въ грязи, повалились на нары и заснули. Клопы неистовствовали, изъ щелей стѣнъ немилосердно дуло.

Ночью со мной приключился гастрическій припадокъ, и съ разрѣшенія дневальнаго я пошелъ въ уборную, выстроенную на скалахъ, въ 300-хъ метрахъ позади линій бараконъ. Заключеннымъ разрѣшается ходить въ предѣлахъ лагеря лишь до наступленія темноты, а вечеромъ и ночью можно ходить только по нуждѣ. Вся линія проволочнаго огражденія освѣщена электрическими фонарями и охраняется часовыми.

По дорогѣ въ уборную я былъ дважды опрошенъ дозорными, причемъ доросъ производится крикомъ: „Стой! Руки вверхъ!“ Вернувшись въ баракъ, я не могъ больше спать. Боль въ животѣ, клопы, грязь и расшатавшіеся нервы гнали отъ меня сонъ.

* * *

Въ 5 часовъ утра насъ подняли. Кое-какъ я вымылся позади барака на скалахъ. Дулъ холодный пронизывающій вѣтеръ, небо было сѣрое и эти вытянувшіеся въ одну линію бараки среди болота и скалъ производили гнетущее впечатлѣніе.

Въ половинѣ шестого мы отправились въ лагерную кухню за кипяткомъ и чернымъ хлѣбомъ. Деньги мои у меня отобрали при осмотрѣ вещей и сказали, что внесутъ ихъ на мой текущій счетъ.

О полученіи книжки ничего было и думать пока, такъ какъ мы были въ состояніи „моральнаго карантинна“, то есть не имѣли ни минуты свободной. Едва

напились мы кипятку съ чернымъ хлѣбомъ, какъ всѣхъ заключенныхъ лагеря выстроили на главной линейкѣ для повѣрки.

Всѣ заключенные лагеря разбиты на четыре роты. Какъ командиры ротъ, такъ и взводные командиры назначаются изъ среды заключенныхъ. преимущественно чекистовъ. Если ротное начальство не чекисты, то это еще хуже, такъ какъ къ нимъ предъявляются изъ штаба лагеря еще болѣе строгія требованія, чѣмъ къ чекистамъ, и это, разумѣется, отражается на рядовыхъ заключенныхъ.

Повѣрка длится около сорока минутъ и все это время надо стоять „смирно“, то есть абсолютно замерѣвъ на мѣстѣ. Я думаю, что такой фронтальной дисциплины, какая царитъ въ У. С. Л. О. Н., не было даже въ гатчинскихъ полкахъ Императора Павла.

Сейчасъ же послѣ повѣрки всѣхъ заключенныхъ разводятъ по работамъ. Работы самыя разнообразныя, такъ какъ весь лагерь самъ себя обслуживаетъ. На различныхъ хозяйственныхъ работахъ, въ канцеляріяхъ, въ мастерскихъ, на электрической станціи, работаютъ преимущественно тѣ заключенные, которые уже давно находятся въ заключеніи и прошли моральный карантинъ. Періодъ карантина для каждого заключеннаго различенъ: отъ одного мѣсяца и до нѣсколькихъ лѣтъ — въ зависимости отъ его соціальнаго происхожденія, прошлой дѣятельности и характера „преступленія“. Легче всего уголовнымъ и труднѣе всего, такъ называемымъ, ка-эрамъ, то есть контръ-революціонерамъ и политическимъ заключеннымъ. Но есть разрядъ политическихъ заключенныхъ, пользующихся нѣкоторыми льготами — это тѣ, которыхъ сама Совѣтская власть квалифицируетъ какъ „политическихъ“.

Сюда входятъ коммунисты-троцкисты, лѣвые соціаль демократы и иногда соціалисты революціонеры. Они получаютъ нѣсколько улучшенный паекъ (очень жалкій), ихъ не назначаютъ на тяжелыя работы и помѣщаются они всѣ вмѣстѣ, отдѣльно отъ общей массы заключенныхъ.

Иногда кому-нибудь изъ заключенныхъ удастся довольно скоро устроиться на сравнительно легкую работу, но это всегда кончается очень печально. Или

начальство лагеря замѣчаетъ ошибку, или кто-либо изъ сексотовъ доносить по начальству, что такой-то заключенный неправильно или преждевременно попалъ въ привилегированное положеніе. Въ такихъ случаяхъ, несчастнаго немедленно снимаютъ съ легкихъ работъ и возвращаютъ въ „первобытное“ состояніе.

„Сексоты“ — это настоящій бичъ заключенныхъ Соловецкихъ лагерей. Сексотовъ, т. е. секретныхъ сотрудниковъ Чеки изъ среды самихъ заключенныхъ — нѣсколько сотенъ. Далеко не всѣ они вербуются изъ бывшихъ чекистовъ. Большая часть изъ нихъ, стали добровольно доносчиками и провокаторами въ надеждѣ заслужить себѣ прощеніе и вырваться изъ лагеря, если не на свободу, то хоть въ тюрьму.

Работы въ Соловецкихъ лагеряхъ тяжелы по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, рабочій день длится не менѣ 10-ти часовъ и праздничныхъ дней не существуетъ. Фактически надо считать рабочій день — 12 часовъ, такъ какъ однѣ лишь повѣрки берутъ около 2-хъ часовъ времени ежедневно. Во-вторыхъ, благодаря скудной, отвратительной пищѣ, совершенно невозможнымъ жилищнымъ условіямъ и неимѣнію заключенными обуви и платья, большинство заключенныхъ истощены и больны цынгой. Въ третьихъ, всѣ инструменты и приспособленія для работъ совершенно негодны. Въ четвертыхъ, заключенные никогда и ни отъ кого не получаютъ опредѣленныхъ инструкцій, что именно и какъ именно слѣдуетъ дѣлать. Спросить нельзя, такъ какъ это можетъ показаться недисциплинарнымъ проступкомъ. Разумѣется, всѣ работы, безъ исключенія, никакъ не оплачиваются, и даже чекисты не получаютъ жалованья за свою службу. Но чекисты получаютъ обмундированіе и улучшенный казенный паекъ, а всѣ остальные заключенные вынуждены питаться и одѣваться за свой счетъ. На отпускаемый казенный паекъ немыслимо существовать. Заключенные, не имѣющіе возможности тратить на пропитаніе себя хотя бы 15 рублей въ мѣсяцъ (7 долларовъ), — погибаютъ отъ цынги въ первый же годъ пребыванія въ Соловецкомъ лагерѣ.

Сейчасъ же послѣ утренней повѣрки меня повели въ лазаретъ вмѣстѣ съ группой больныхъ цынгой, инвалидовъ и стариковъ. Лазаретъ — небольшое дере-

вянное зданіе, рассчитанное на 40 кроватей, переполненное больными настолько, что даже мѣста въ прихожей, на полу, заняты больными. Тутъ же во дворѣ лазарета, подъ пожарнымъ навѣсомъ, стоятъ гробы съ „очередными“ заключенными, освободившимися навсегда. Въ лазаретѣ 5 врачей. По количеству врачебнаго персонала, я убѣжденъ, что лазареты въ Кеми и на Соловкахъ — первые въ мірѣ. Это вполне понятно, такъ какъ въ Соловецкихъ лагеряхъ среди заключенныхъ масса врачей. Ихъ такъ много, что они исполняютъ обязанности фельдшеровъ и санитаровъ, такъ какъ это все-таки лучше, чѣмъ распиливать доски тупой пилой, или грузить уголь дырявыми мѣшками. Снабженіе лазарета крайне скудное, и не только нѣтъ надлежащихъ лѣкарствъ, но даже пища мало съѣдобна и питательна.

Меня осматривали два врача, подъ контролемъ двухъ чекистовъ-фельдшеровъ. Моя длинная, во всю грудь, сѣдая борода, и истощенный видъ помогли мнѣ на этотъ разъ, и я ушелъ изъ лазарета съ запиской, дававшей мнѣ право быть назначеннымъ на легкую работу. Какъ только я явился въ баракъ, мнѣ приказали разнести по всѣмъ казармамъ дрова, каковую работу я исполнилъ вмѣстѣ съ двумя священниками. Потомъ мы разнесли воду по баракамъ и наконецъ занялись подметаніемъ главной линейки лагеря. Въ часъ дня всѣ вернулись съ работъ и пошли по-ротно получать изъ кухни обѣдъ. Онъ состоялъ изъ супа, свареннаго изъ картофеля и гнилой трески. Запахомъ разлагающейся трески пропитанъ весь лагерь. Случайно я встрѣтилъ моего знакомаго ювелира, съ которымъ сидѣлъ въ тюрьмѣ въ Петербургѣ и досталъ у него займообразно кое-какую провизію. Многие заключенные не имѣютъ ни кружекъ, ни мисокъ, ни ложекъ. Они стоятъ толпами у дверей кухни, прося счастливыхъ обладателей посуды взять въ свои миски обѣдъ на ихъ долю. Я не успѣлъ опомниться, какъ мнѣ въ руку всунули два картонныхъ кружочка, по которымъ выдается обѣдъ и у меня духу не хватило отказать несчастнымъ людямъ, не имѣвшимъ даже миски. У меня въ рукахъ былъ небольшой алюминиевый тазъ, въ которомъ я мылся, такъ какъ мою миску украли еще въ дорогѣ. Я набралъ почти до

краевъ вонючей похлебки къ великому удовольствію моихъ случайныхъ довѣрителей. Одинъ изъ нихъ оказался бывшимъ венгерскимъ офицеромъ Фюрреди, попавшимъ въ русскій плѣнъ во время войны. Въ 1920 году большевики его арестовали, такъ какъ онъ пробирался на Украину, чтобы съ помощью нѣмцевъ какъ нибудь выбраться къ себѣ на родину. Сначала большевики сослали его на Уралъ на вольное поселеніе, но этого имъ показало мало и въ 1923-мъ году Фюрреди попалъ на Соловки. Онъ былъ очень бѣдно и легко одѣтъ и очень болѣзненно выглядѣлъ, хотя и получалъ отъ своего брата, живущаго въ Будапештѣ денежную помощь.

Въ два часа опять всѣхъ развели по работамъ и меня отправили съ небольшою группою слабыхъ и больныхъ, засыпать болото щебнемъ. Это очень противная работа, такъ какъ она безсмысленна и не продуктивна. Я предложилъ десятнику сначала окопать болото канавой, но получилъ въ отвѣтъ: „Не разсуждай тутъ. Дѣлай, что приказано“. Въ 7 часовъ всѣ вернулись въ бараки и по-ротно пошли за ужиномъ. На ужинъ каждому дали по 2 очень большихъ ложки гречневой каши съ подсолнечнымъ масломъ. Въ 8 часовъ, подъ дождемъ, насъ опять выстроили всѣхъ на главной линейкѣ и около часа происходила повѣрка. Послѣ повѣрки прочли постановленіе особой дисциплинарной коллегіи пересыльнаго лагеря Кемь о разстрѣлѣ тѣхъ трехъ ребятъ, трупы которыхъ намъ демонстрировали вчера. Совершенно непонятно, когда могла успѣть собраться эта „коллегія“, судить о преступленіи, вынести смертный приговоръ и привести его въ исполненіе. Разумѣется, это постановленіе было написано заднимъ числомъ, такъ какъ всѣхъ троихъ ребятъ разстрѣляли менѣе, чѣмъ черезъ полчаса послѣ жалобы Калугина, и Михельсонъ—предсѣдатель коллегіи, еще довольно долго былъ въ нашемъ баракѣ послѣ увода парней и онъ же намъ демонстрировалъ ихъ трупы „для примѣра...“ Послѣ повѣрки всѣ повалились спать.

Г л а в а 38-я

Около часа ночи насъ внезапно подняли и приказали быть на готовѣ къ отправкѣ на пароходъ, ухо-

дившій вскорѣ на Соловецкіе острова. Сложивъ вещи, мы сидѣли на нихъ до 4-хъ часовъ утра. Чуть началъ брезжить разсвѣтъ, какъ насъ выстроили, вещи сложили на телѣгу и подѣ сильнымъ конвоемъ повели изъ лагеря черезъ поселокъ и лѣсопильный заводъ на пристань. Къ нашей партіи присоединилась группа тѣхъ же женщинъ, что ѣхала съ нами изъ Петербурга. На пристани стояло много чекистовъ съ женами, пріѣхавшими къ мужьямъ изъ Петербурга и Москвы на двухъ недѣльное ежегодное свиданіе, Всѣхъ пассажировъ, включая и насъ, было около 150 человекъ. Чекисты съ женами заняли внутреннее помѣщеніе парохода, а всѣхъ насъ, вмѣстѣ съ женщинами, помѣстили на бакѣ. Съ мостика на нашу группу направили два пулемета со вставленными лентами и пароходъ отошелъ отъ пристани.

Отъ Кеми до главнаго Соловецкаго концентраціоннаго лагеря около 65 километровъ. Старый, полуразвалившійся пароходъ проходитъ это разстояніе въ хорошую погоду въ теченіе 5 часовъ. Утро было на рѣдкость ясное и обѣщало прелестный осенній день. Всѣ заключенные расположились на сверткахъ и мѣшкахъ, наслаждаясь неожиданнымъ отдыхомъ. Пожилая дама-австріячка, обрадованная возможностью говорить со мной на своемъ родномъ языкѣ, начала подробно спрашивать меня о Соловецкомъ лагерѣ. Я зналъ о немъ столько же, какъ и она сама, но чтобы не разстраивать ее, перевелъ разговоръ на другую тему. Это было не лишнимъ и въ смыслѣ безопасности, такъ какъ нашъ разговоръ могъ быть подслушанъ кѣмъ либо изъ сексотовъ, которыхъ, вѣроятно, уже успѣли завербовать и среди заключенныхъ нашей партіи. Всѣ наши дамы очень волновались, такъ какъ среди заключенныхъ распространился слухъ, что на Соловкахъ насъ всѣхъ немедленно же по прибытіи отправятъ сразу на тяжелыя работы. Бесѣда принимала опять опасное по мѣстнымъ понятіямъ направленіе и я счелъ за лучшее отойти въ сторону. Опершись о бортъ, я смотрѣлъ на разстилающуюся вокругъ насъ серебристую поверхность моря. Въ ясный солнечный день, это море вполне оправдываетъ свое названіе „Бѣлое“. Далеко, впереди, виднѣлись смутныя очертанія разбросанныхъ

островныхъ группъ, а вѣво небосводъ почти сливался съ моремъ. Вправо отъ курса, за еле замѣтной линіей горизонта начинался Сѣверный Ледовитый Океанъ. Свѣжій морской воздухъ, грохотаніе цѣпочекъ штуръ-троса будили старыя воспоминанія о моей прошлой, долгой морской службѣ и болѣзненно остро хотѣлось свободы. Меня вывелъ изъ задумчивости чей-то шепотъ. Рядомъ со мной, опершись о планшырь, стояла средняго роста женщина съ очень красивымъ профилемъ. Изъ подъ повязаннаго на головѣ шарфа, выбивались сѣдыя пряди волосъ, но лицо этой женщины было юношески свѣже. Красиваго рисунка, породистыя руки моей сосѣдки носили слѣды долгой, грубой непривычной работы. Нервно перебирая пальцами рукъ по дубовому планшырю и смотря прямо передъ собой, моя сосѣдка тихо, еле шевеля губами, сказала мнѣ по-французски: „Не смотрите на меня. Вы говорите по французски?“ Я отвѣтилъ ей чуть наклонивъ голову. Оказалось, что моя случайная собесѣдница узнала отъ австріячки, что я иностранецъ и, подобно всѣмъ русскимъ. рѣшила, что меня „вѣроятно скоро отправятъ на родину“. Трогательная и святая простота.

Быстро шепча, г-жа X. просила меня, тотчасъ же, какъ только меня освободятъ, сообщить ея мужу, инженеру, бѣжавшему за границу и живущему въ Парижѣ, что она уже два года пробыла въ Бутырской тюрьмѣ и теперь ее сослали на два года въ Соловецкій лагерь. Причина ареста г-жи X. — переписка съ мужемъ и подозрѣніе въ шпіонажѣ. Я, разумѣется, не сталъ разочаровывать бѣдную женщину, относительно моего „вѣроятнаго скорого освобожденія“ и возвращенія на родину и обѣщаль исполнить ея просьбу. Сверхъ всякаго ожиданія я освободился, хотя и не такъ быстро, какъ предполагала г-жа X; и я не забылъ ея порученія. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось сразу найти ея мужа, такъ какъ въскорѣ послѣ освобожденія, я уѣхалъ изъ Финляндіи въ Южную Америку. Лишь по возвращеніи оттуда, мнѣ удалось попасть въ Парижъ въ 1927 году и разыскать тамъ, послѣ многихъ хлопотъ, г на X., который, увы, успѣлъ уже жениться, „полагая“, что его бѣдная жена умерла въ ссылкѣ.

Группа Соловецкихъ острововъ находится въ Бѣломъ морѣ въ разстояніи около 65 километровъ прямо на Востокъ отъ приморскаго городка Кемь. Самый большой островъ въ этой группѣ носить названіе Соловецкаго и лежитъ приблизительно подъ 65 градусомъ С. Ш. и 36 градусомъ В. Д., считая отъ меридіана Гринвича. На сѣверо-востокъ отъ Соловецкаго острова лежатъ острова Анзорскій, Большой и Малый Муксальма, причемъ Муксальма соединена съ Соловецкимъ островомъ искусственнымъ перешейкомъ. На юго-западъ отъ Соловецкаго острова въ разстояніи одного километра расположены Заяцкіе острова и Кондъ-островъ.

На всѣхъ этихъ островахъ расположенъ Соловецкій концентраціонный лагерь особаго назначенія „С. Л. О. Н.“

Въ періодъ моего пребыванія въ лагерьъ въ немъ находилось около 8500 человекъ заключенныхъ. Все управленіе лагерями и большая часть заключенныхъ сосредоточены на Соловецкомъ островѣ и, кромѣ заключенныхъ, на всей территоріи лагеря нѣтъ ни одного свободнаго жителя.

Размѣры Соловецкаго острова съ Сѣвера на Югъ—23 километра и съ Запада на Востокъ 15 километровъ. Длина острова по окружности 175 километровъ. Берега острова низменны и каменисты. Поверхность острова около 250 кв. километровъ, неровна, гориста и мѣстами болотиста. На островѣ до 300 озеръ и самое большое изъ нихъ носить названіе Бѣлаго. Оно имѣетъ въ длину 5 километровъ и 1 километръ въ ширину. На островѣ много луговъ, и въ его лѣсахъ водятся лисицы, зайцы, бѣлки и дикіе олени, привезенные на островъ въ семнадцатомъ столѣтіи митрополитомъ Филиппомъ. Берега острова изрѣзаны бухтами. Самая большая бухта — Соловецкая и въ ея сѣверо-западномъ углу расположенъ монастырь, нынѣ занятый подъ центральное управленіе лагерями и подъ помѣщенія заключенныхъ.

Соловецкій монастырь основанъ двумя схимниками Германомъ и Савватіемъ въ 1429 году. Въ 1584 году начаты были постройкой окружающія центральную

часть монастыря стѣны. Строили ихъ 12 лѣтъ и общая длина ихъ 510 сажень, высота 6 сажень и ширина 3 сажени. На стѣнахъ 8 громадныхъ башенъ, такъ называемаго, новгородскаго стиля. Внутри пространства, окруженнаго этими гигантскими стѣнами, находится, такъ называемый, Кремль. Здѣсь расположены главныя постройки монастыря: управленіе, хозяйственныя зданія, церкви и три громадныхъ собора.

За періодъ почти четырехсотлѣтняго существованія Соловецкому монастырю пришлось неоднократно играть выдающуюся роль въ исторіи Россіи, о чемъ и до сихъ поръ свидѣлствуютъ слѣды непріятельскихъ гранатъ въ поросшихъ мохомъ стѣнахъ и старинныя пушки въ башняхъ Кремля. Къ моменту революціи въ монастырѣ числилось около 700 человекъ монаховъ. Кромѣ братіи въ монастырѣ всегда проживало свыше тысячи паломниковъ, обслуживавшихъ нужды монастыря, наравнѣ съ монахами. Такимъ образомъ все населеніе монастыря представляло собой гигантскую трудовую коммуну. Благодаря неустанному труду монаховъ, Соловецкій островъ и прилегающіе къ нему острова превратились въ образцовую сельскохозяйственную колонію. Въ 1918 году совѣтская власть добралась до Соловецкаго монастыря. Монахи были частью разстрѣляны, частью размѣщены по различнымъ тюрьмамъ, частью вabrаны по набору въ красную армію. Въ теченіе 5 ти мѣсяцевъ была сведена на нѣтъ созидательная работа на протяженіи 4-хъ столѣтій. До 1921 года, монастырь и всѣ острова оставались совершенно необитаемыми, такъ какъ вандализмъ совѣтской власти ограничился только ограбленіемъ церковныхъ цѣнностей, не придавая значенія доходности всего обширнаго монастырскаго хозяйства. Въ серединѣ 1921 года кто-то изъ совѣтскихъ чиновниковъ откопалъ въ архивахъ бывшаго Министерства финансовъ документы о Соловецкомъ монастырѣ, изъ которыхъ совѣтская власть неожиданно для себя убѣдилась, что монастырь не только цѣлкомъ себя обслуживалъ, но давалъ значительный доходъ государственной казнѣ. Это открытіе дало мысль Чекѣ устроить изъ монастыря концентраціонный лагерь для политически неблагонадежныхъ элементовъ. Къ этому времени всѣ тюрьмы и концен-

траціонные лагеря внутри страны были уже переполнены до отказа.

Самый ужасный изъ всѣхъ лагерей-Холмогорскій, (подъ Архангельскомъ) въ которомъ было заключено до 3000 человекъ, закончилъ свое существованіе въ 1922 году нѣсколько необычно: заключенные постепенно всѣ вымерли отъ повальныхъ болѣзней и массовыхъ разстрѣловъ. Осталась лишь одна администрація лагеря, состоявшая изъ сосланныхъ въ Холмогорскій лагерь чекистовъ-взяточниковъ. Пріѣхавшая изъ московской Чеки комиссія для разслѣдованія дѣлъ Холмогорскаго лагеря, со свойственной Чекѣ быстротой и рѣшимостью, разстрѣляла всю администрацію лагеря, и этимъ мудрымъ актомъ совѣтскаго правосудія было вычеркнуто изъ исторіи все прошедшее, настоящее и будущее Холмогорскаго лагеря.

Въ этомъ лагерѣ люди жили въ досчатыхъ, сколоченныхъ наскоро, баракахъ, безъ отопленія, и почти безъ вѣды. Заключенныхъ впрягали въ плуги для запахиванія земли и тутъ же разстрѣливали. Въ тюрьмѣ на Шпалерной я познакомился съ однимъ, кажется единственнымъ, уцѣлѣвшимъ изъ всего состава Холмогорскаго лагеря, заключеннымъ—барономъ Гревениць, бывшимъ полковникомъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка. Въ холмгорахъ онъ валялся среди грудъ тѣлъ сваленныхъ въ одинъ баракъ больныхъ сыпнымъ тифомъ. Его свалили, считая за умершаго, вмѣстѣ съ грудой труповъ въ канаву, и оттуда ему удалось выползти. Послѣ многихъ, поистинѣ чудесныхъ, приключеній баронъ попалъ въ избушку какого-то стараго помора. Постепенно оправившись, онъ долго скитался по провинціи внутри Россіи, пока не попалъ въ Петербургъ уже въ періодъ Нэпа. Ему удалось себя легализовать и даже устроиться на службу въ одномъ изъ совѣтскихъ учрежденій. Въ 1924 году, бѣднаго барона вновь арестовали по процессу лиценстовъ, и весной 1925 года онъ былъ разстрѣлянъ.

Благодаря своему островному положенію на крайнемъ Сѣверѣ Россіи, Соловецкій концентраціонный лагерь, по мнѣнію Чеки, являлся идеальнымъ мѣстомъ заключенія. Поэтому, не долго думая, туда сразу была отправлена партія заключенныхъ въ 2000 человекъ. Въ 1922 году въ лагерь произошелъ бунтъ и пожаръ,

такъ какъ пустовавшія въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ зданія пришли въ такое состояніе, что заключенные были обрѣчены на голодную смерть и на замерзаніе. Ошибка была исправлена, по способу Чеки. Послано было 2 полка съ полнымъ запасомъ продовольствія, разумѣется, для солдатъ и чекистовъ. Нѣсколько сотъ человѣкъ заключенныхъ были разстрѣляны и режимъ сдѣлался еще строже.

Присылавшіяся въ лагерь все новыя и новыя партіи заключенныхъ должны были приводить въ порядокъ разрушавшійся монастырь, самими примитивными орудіями. Наконецъ, и въ Москвѣ поняли, что такъ продолжаться дѣло не можетъ, такъ какъ заключенные умирали сотнями, а доходность лагеря не повышалась. Рѣшено было отпустить средства на снабженіе лагеря инструментами и на ремонтъ всѣхъ его заводовъ, мастерскихъ и хозяйственныхъ построекъ. Приблизительно въ это время количество заключенныхъ въ лагерьъ дошло до 8500 человѣкъ и какъ разъ въ этотъ періодъ прибылъ въ лагерь я.

Г л а в а 39-я

Несмотря на всю мерзость запустѣнія лагеря, бывшій монастырь поразительно красивъ, если смотрѣть на него съ палубы парохода. Среди зелени хвойныхъ лѣсовъ мелькаютъ разбросанныя тамъ и сямъ маленькія бѣлыя часовенки съ ярко зелеными коническими крышами. Чуть вправо отъ курса парохода, высятся золоченные куполы кремлевскихъ соборовъ и нѣсколько зеленыхъ куполовъ церквей. По мѣрѣ нашего приближенія, все яснѣе и яснѣе открывался Кремль, и можно уже было разглядѣть поросшія мхомъ вѣковыя стѣны съ возвышающимися по угламъ башнями. Странное впечатлѣніе производитъ видъ всѣхъ этихъ куполовъ, лишенныхъ ихъ главной эмблемы—креста. Въ машинѣ уменьшили ходъ и мы медленно вползли въ бухту, приближаясь къ пристани. Прямо противъ пристани высится высокое, длинное бѣлое зданіе бывшей монастырской гостиницы для „чистой публики“. Теперь это зданіе занято подъ У. С. Л. О. Н. Всюду видны массы чекистовъ въ форменныхъ фуражкахъ и кожаныхъ курткахъ. На пристани нашъ пароходъ встрѣчали нѣсколько че-

кистовъ и полурота конвойныхъ солдатъ. Тутъ-же робко жалась толпа какихъ-то заморенныхъ людей въ лохмотьяхъ. Оборванцы,—это заключенные, обслуживающіе гавань.

Всмотрѣвшись въ ихъ лица, я нѣкоторыхъ узналъ, такъ какъ годъ тому назадъ я видѣлъ ихъ на прогулкахъ въ Петербургской тюрьмѣ и съ нѣкоторыми даже сидѣлъ въ одной камерѣ.

Вотъ бывший капитанъ второго ранга, блестящій нѣкогда франтъ—Воняряльскій. Вотъ высокая сутуловатая фигура князя Голицына, сына разстрѣяннаго бывшего премьеръ-министра. Согнувшись подъ тяжестью ящика, еле переступая ногами, сходить съ нагруженной баржи художникъ - академикъ профессоръ Бразъ, бывший вице-президентъ императорской академіи художествъ. Я сидѣлъ съ нимъ въ тюрьмѣ на Шпалерной въ августѣ 1924 года.

Масса знакомыхъ, но, Боже мой, во что превратились всѣ эти люди за одинъ лишь годъ пребыванія на Соловкахъ. Оборванные, грязные, большинство въ плетеныхъ берестовыхъ лаптяхъ, привязанныхъ къ ногамъ обрывками веревокъ. Не люди, а скелеты, обтянутые кожей.

Чекисты, стоящіе многочисленными группами, осматривали насъ, вновь прибывшихъ, съ ироническими улыбками. Особеннымъ вниманіемъ пользовались наши дамы, которыя робко жались, тѣсно скупившись у парходнаго люка.

„Выходи! Становись во фронтъ, ни слова разговору! Живо!“

Командовалъ какой-то чекистъ, повидимому, грузинъ, усиленно размахивая револьверомъ. Мы выстроились во фронтъ съ вещами въ рукахъ и за спиной.

Знакомое щелканье ружейныхъ затворовъ, конвойные заняли свои мѣста и по командѣ мы направлялись къ Кремлю, идя между монументальной вѣковой стѣной и глубокимъ рвомъ.

Женщины не успѣвали и грузинъ крикнулъ: „Потарапливайтесь, барыньки, здѣсь автомобилей нѣтъ. Успѣли уже забеременѣть?“

Входимъ въ главные ворота, проходимъ какую-то арку и попадаемъ на большую площадь, окруженную разными постройками. Первое впечатлѣніе мое—

будто мы находимся на толкучемъ рынкѣ окраинѣ большого города.

Тысячи ужасающихъ оборванцевъ, истощенныхъ, грязныхъ, съ язвами на лицѣ, со слезящимися глазами. Повидимому, идетъ разводъ на работы, такъ какъ пока мы проходимъ черезъ площадь, толпы людей постепенно выстраиваются во фронтъ. По площади разгуливаютъ страннаго вида птицы и по временамъ онѣ кричатъ рѣзко, пронзительно. О, эти крики полярныхъ чаекъ! Потомъ къ нимъ привыкаешь, но первыя недѣли одни лишь крики этихъ птицъ могутъ свести съ ума. Полуразрушенные, опустошенные соборы-казармы, тысячи истощенныхъ, оборванныхъ людей съ потухшимъ взглядомъ, бродящіе какъ тѣнь и рѣзкіе крики чаекъ, свободно разгуливающихъ среди отверженныхъ, измученныхъ людей!

Пройдя черезъ площадь, мы поднялись по каменной лѣстницѣ (50 ступеней) и вышли на длинную каменную, довольно широкую галерею. По лѣвую сторону галереи высятся громады соборовъ, и зданій бывшей монастырской трапезной, ризницы и другихъ службъ. По правую сторону, полуобгорѣвшая отъ пожара стѣна съ зіяющими развалившимися окнами. Раньше эта галерея была крытой, но потолокъ обвалился и поэтому его сломали. На стѣнѣ галереи кое гдѣ еще сохранились остатки церковной живописи. Галерея длиной около 350 метровъ и шириной около 8-ми метровъ.

Насъ привели почти въ самый конецъ галереи на громадную площадку передъ бывшимъ Рождественскимъ соборомъ. Началась безконечная регистрація, наполненіе всевозможныхъ анкетъ и осмотръ вещей. Около пяти часовъ вечера всѣ формальности были закончены и насъ ввели въ соборъ.

Рождественскій соборъ вмѣщалъ свободно до 1500 человекъ молящихся. Въ данное время соборъ превращенъ въ казарму.

Оборудованіе собора подъ жилое помѣщеніе ограничились лишь тѣмъ, что всѣ изображенія святыхъ и вообще вся стѣнная живопись были, на скорую руку, покрашены известью и на всей площади собора были устроены на деревянныхъ козлахъ нары изъ неструганныхъ досокъ. Всего въ соборѣ помѣща-

лось 850 человекъ заключенныхъ въ страшной грязи и тѣснотѣ.

Въ соборѣ царилъ всегда полумракъ, такъ какъ свѣтъ проникалъ лишь сквозь окна, прорѣзанныя въ сводѣ, и отъ мокраго платья заключенныхъ и сырости всегда стоялъ туманъ.

Всѣ заключенные въ соборахъ составляютъ такъ называемыя испытательныя роты: 11-ю, 12-ю и 13-ю. Эти роты входятъ въ составъ такъ называемаго перваго отдѣленія лагеря. Начальникомъ этого отдѣленія былъ чекистъ Ногтевъ, бывший кубанскій казакъ, сосланный на Соловки на 10 лѣтъ лѣтъ за пьянство и нераспорядительность. Наша 13-я рота была раздѣлена на взводы и отдѣленія подъ командой чекистовъ, Я попалъ въ третій взводъ, помѣщавшійся въ правомъ притворѣ бывшаго алтари. Это была комната такой высоты, что потолокъ ея исчезалъ въ сумракѣ испареній. Раньше, это помѣщеніе было нераздѣльной частью алтаря и отдѣлялось отъ остальной части собора иконостасомъ. Теперь иконостасъ былъ снятъ и вмѣсто него была устроена досчатая перегородка, отдѣлявшая насъ, какъ отъ алтаря, такъ и отъ остальной части собора. Все помѣщеніе третьяго взвода было длиной 30 метровъ и шириной 20 метровъ. Вдоль стѣнъ на высотѣ 12 метровъ шли нары изъ неструганныхъ досокъ. Наше помѣщеніе считалось среди заключенныхъ „привилегированнымъ“, такъ какъ въ нашемъ взводѣ не было ни одного уголовного преступника. Кромѣ наръ не было никакой другой мебели, да, впрочемъ, въ этомъ не было и необходимости, такъ какъ въ этомъ помѣщеніи мы только спали, а все остальное время мы были на работѣ.

Только что мы свалили наши вещи на нары, какъ насъ погнали на площадку передъ соборомъ. Тамъ насъ выстроили и нашъ взводный объявилъ намъ, что насъ сейчасъ отправятъ на торфяныя разработки въ 5-ти километрахъ отъ Кремля. Вслѣдъ за этимъ явился „нарядчикъ“ съ 4-мя чекистами, пересчиталъ насъ и подъ командой чекистовъ мы двинулись въ путь, голодные, уставшіе и продрогшіе. Многие изъ насъ уже болѣе сутокъ ничего не ѣли, но объ

этомъ нельзя было и заикаться. Выйдя изъ Кремля, мы пошли по большой лѣсной дорогѣ, потомъ миновали рядъ огородовъ, и наконецъ пришли къ деревянной избушкѣ около торфяныхъ разработокъ. Въ виду скорого наступленія зимы намъ приказали разобрать весь рельсовый путь, проложенный черезъ торфяное болото, и какъ рельсы, такъ и желѣзные вагонетки сложить у сторожевой избушки. Каждая смычка разборного рельсоваго полотна вѣситъ около 160 кило, и всѣхъ смычекъ было 175 штукъ. Вагонетки было около 200 кило вѣсомъ, каждая, и было ихъ 23 штуки. Наша партія состояла изъ 45 человекъ, включая сюда нѣсколькихъ стариковъ и больныхъ. Такъ какъ болото было пересѣчено нѣсколькими канавами и зарослями кустарниковъ, то пришлось сначала настлатъ кое-гдѣ доски. Поэтому мы приступили къ работѣ только около 8 часовъ вечера. Холодное желѣзо рельсъ прорѣзало до крови кожу на рукахъ. Мѣстами приходилось идти по топкой болотистой почвѣ и путь былъ не меньше 1-го километра. Всю работу было приказано окончить какъ можно скорѣе и по ея окончаніи намъ былъ обѣщанъ давно желанный отдыхъ и сонъ. Невыносимое мученье идти втроемъ по болоту, держа въ рукахъ смычку рельсоваго полотна вѣсомъ въ 160 кило. Чуть кто-нибудь изъ трехъ несущихъ спотыкался, остальные двое носильщиковъ тоже немедленно спотыкались, роняя рельсы на землю. Руки отказывались служить, такъ какъ холодное желѣзо впивалось въ ладони. Къ десяти часамъ три старика совершенно выбились изъ силъ. Одинъ изъ нихъ Колокольцовъ — бывший военный, легъ на землю со словами: „Убейте меня лучше! Я больше не въ силахъ.“ Чекистъ Сартисъ (латышъ) поднялъ Колокольцова и, поставивъ его на ноги, сказалъ: „Нечего дурака ломать. Другіе работаютъ и ты работай. Помереть еще успеешь.“ Съ вагонетками было тоже не мало хлопотъ. Трава и кустарники наматывались на колеса, и они врѣзались въ рыхлую почву. Къ двумъ часамъ ночи, обезсиленные, мы наконецъ закончили эту адскую работу и повалились прямо на холодную землю. Казалось, что мы больше не въ состояніи больше двигаться. Вдругъ Сартисъ вынулъ часы и сказалъ: „Передохните немного, а потомъ все, что

принесли, надо будет отнести на станцію и погрузить въ вагоны къ 6-ти часамъ утра. Къ этому времени будутъ поданы вагоны. Станція узкоколейной желѣзной дороги была почти въ одномъ километрѣ отъ сторожевой избушки. Взошла луна и освѣщаемые ея блѣднымъ свѣтомъ, согнувшіеся подъ тяжестью непосильной работы люди, производили впечатлѣніе какихъ-то фантомовъ. Колокольцовъ умеръ отъ разрыва сердца около 4-хъ часовъ утра. Когда вагоны были нагружены и Сартисъ приказалъ намъ тоже садиться въ вагонъ, одинъ изъ насъ спросилъ его: „А какъ быть съ трупомъ Колокольцова? Развѣ мы его не возьмемъ въ лагерь?“ Сартисъ подошелъ вплотную къ спрашивавшему и поднесъ къ его лицу револьверъ, сказалъ: „Это видѣль? Я тебя научу вмѣшиваться не въ свои дѣла. Не разговаривать!“ Приѣхавъ въ гавань, мы должны были выгрузить изъ вагоновъ какъ рельсы, такъ и вагонетки и сложить все въ порядкѣ около одного изъ сараевъ. Мы попали къ себѣ въ соборъ около 9-ти часовъ утра и повалились на нары, какъ убитые. Неудивительно: мы почти 1½ сутокъ не ѣли и не спали или, вѣрнѣе сказать, мы почти не ѣли и не спали съ самаго дня отъѣзда изъ Петербурга. Въ эту послѣднюю ночь мы убѣдились на опытѣ, что такое Соловецкій концентраціонный лагерь.

* * *

Часовъ около 3-хъ часовъ дня меня съ трудомъ растолкали. Весь соборъ былъ пустой, такъ какъ всѣ были на работахъ, кромѣ нашей группы, получившей отдыхъ, благодаря ночной работѣ. Намъ приказали заняться уборкой собора. Для этого намъ дали тощія, обтрепанныя метлы, обломанныя деревянныя лопаты и два мѣшка съ опилками.

Тяжелое впечатлѣніе производитъ соборъ съ безконечными рядами грязныхъ наръ, на которыхъ набросаны вороха всякаго тряпья. Каменные плиты, пола покрыты толстымъ слоемъ грязи, а подъ нарами высятся кучи разлагающагося мусора, опилокъ и отбросовъ пищи. Все это разлагается и издаетъ отвратительный запахъ. Убрать мусора нельзя, такъ какъ некуда. Выходъ изъ собора — на широкую пло-

тамъ иногда проходить „начальство“. Ближайшее мѣсто, куда можно было бы свалить мусоръ, находилось въ разстояніи отъ собора около 1½ километровъ — это развалины небольшой церкви. На этихъ развалинахъ разрѣшалось заключеннымъ 11-й, 12-й и 13-й, ротъ умываться по утрамъ, такъ какъ въ соборахъ не имѣлось ни малѣйшаго приспособленія для умыванія. Чтобы вынести изъ собора весь мусоръ, понадобилось бы работать нѣсколькимъ десяткамъ чело-вѣкъ цѣлый день. Поэтому начальство лагеря ограничило простымъ средствомъ гигиены: на южной стѣнѣ собора, саженными буквами написано такое изрѣченіе: „Безъ грамотности и чистоты нѣтъ путей къ социализму.“ На сѣверной стѣнѣ бросается въ глаза другая, не менѣе поучительная надпись: „Трудъ укрѣпляетъ душу и тѣло человѣка.“ Прямо надъ алтаремъ, тамъ гдѣ раньше былъ написанъ образъ Христа, теперь красовалось изображеніе Ленина, подъ которымъ было выведено славянскими буквами: „Мы новымъ путемъ землѣ укажемъ. Владыкой міра будетъ трудъ“. Наканунъ нашего прибытія въ Соловецкій лагерь, какъ разъ подъ нарами въ нашемъ соборѣ, обнаружили закоченѣвшій трупъ какого-то заключеннаго, умершаго отъ истощенія.

Часамъ къ шести вечера стали приходиться въ соборъ, взводъ за взводомъ, заключенные возвращавшіеся съ работъ. Мы наскоро задвинули подъ нары весь сметенный нами въ кучи соръ и пошли въ свое помѣщеніе. Въ нашемъ помѣщеніи было нѣсколько чище, такъ какъ мы весь соръ складывали втихомолку въ мѣшокъ и вытряхивали его черезъ окно, прямо въ ровъ. Ужинъ принесли въ двухъ деревянныхъ кадкахъ и онъ состоялъ изъ круто сваренной гречневой каши, заправленной подсолнечнымъ масломъ. Каждому пришлось по нѣсколько ложекъ каши. За кипяткомъ надо было идти самимъ въ кухню, которая обслуживаетъ почти 5000 чело-вѣкъ. Чтобы попасть въ кухню, нужно пройти всю каменную галерею, спуститься на площадь, пересѣчь ее налѣво и ждать въ очереди около получаса. Получивъ кипятокъ и понавъ къ себѣ, надо ждать, когда освободится мѣсто на нарахъ, такъ какъ все переполнено

и некуда поставить чайникъ. И все это надо подѣлывать ежедневно, послѣ цѣлаго дня утомительной работы и ночей почти безъ сна. Вся процедура ѣды чрезвычайно неопытна, такъ какъ большинство не моется недѣлями. Для мытья не хватаетъ времени и для этого надо ходить на площадь къ колодцу, набрать въ чайникъ воды, а потомъ идти на развалины, рискуя сломать себѣ шею. Да и какое тамъ мытье подъ открытымъ небомъ, на холодномъ пронизывающемъ вѣтрѣ! Многие ѣдятъ руками, за неимѣніемъ ложекъ. У большинства провизія, купленная въ кооперативной лавкѣ, лежитъ у изголовья наръ среди тряпья, мокрой обуви и грязнаго инструмента. Нѣтъ возможности описать ту грязь, нищету, голодъ и холодъ, въ которой живутъ заключенные Соловецкаго лагеря! Сейчасъ же послѣ ужина всѣхъ выстраиваютъ на вечернюю повѣрку, которая производится одновременно во всѣхъ отдѣленіяхъ лагеря и длится поэтому часа 1¹/₂. Все это время всѣ стоятъ, выстроившись въ нѣсколько шеренгъ, строго въ затылокъ другъ другу, не шевелясь. Во время каждой вечерней повѣрки читается приказъ о разстрѣлянныхъ за истекшій день. Такихъ всегда, ежедневно по нѣсколько человекъ, а иногда даже свыше десятка.

Послѣ вечерней повѣрки, очередныя группы назначаются на ночныя смѣны работъ. Нашу группу назначили на вытаскиваніе бревенъ изъ озера. Пока свѣтло, съ этой работой можно кое-какъ справляться, но съ наступленіемъ темноты, это настоящій адъ, а не работа. Толстыя бревна, длиной до 15 метровъ, плаваютъ въ водѣ. Ихъ надо вытаскивать на берегъ и относить черезъ кустарники и скалы на лѣсопильный заводъ. Дается, такъ называемый, урокъ, т. е. определенная группа людей должна къ извѣстному часу доставить на лѣсопильный заводъ определенное количество бревенъ. Ни багровъ, ни веревокъ ни вообще какихъ бы то ни было средствъ для выполненія этой работы не выдается. Заключенные входятъ въ воду по горло (въ сентябрѣ на Соловахъ конецъ осени) и руками толкаютъ скользкое бревно на берегъ. Какая это пытка, тащить вдвоемъ скользкое, мокрое бревно, спотыкаясь о кочки, камни и цѣпляясь за кустарникъ. Работать надо добросовѣстно, такъ какъ въ против-

номъ случаѣ начинаютъ протестовать товарищи по группѣ Работа должна быть непременно выполнена къ опредѣленному сроку, и за малѣйшее промедленіе отвѣчаетъ не только вся группа работающихъ, но и чекистъ, приставленный наблюдать за работой. Только смерть можетъ освободить отъ работы.

Самые здоровые и молодые въ нашей партіи вошли въ воду и начали подавать намъ, оставшимся на берегу, бревна. Сдѣлавъ три конца на лѣсопилку и обратно, я совершенно выбился изъ силъ и, несмотря на протесты и ропотъ товарищей, я легъ на берегу, рѣшивъ, лучше умереть, чѣмъ продолжать это мученье, которому, все равно, нѣтъ и не будетъ конца. Вчера были рельсы, сегодня бревна, завтра еще что-нибудь. Ни отдыха, ни сна, ни вѣды, ни тепла. И ни малѣйшей надежды на улучшеніе. Вдругъ меня точно пронизала мысль: „Держись до конца. Держись, пока не упадешь. Стыдно тебѣ, старому солдату, распускаться.“ Собравъ всю мою волю, я всталъ и пошелъ работать въ воду. Если суждено умереть, то ужъ лучше умирать въ своей родной стихіи.

Въ 12 часовъ ночи, промокшіе до нитки, мы вернулись въ соборъ. Все громадное помѣщеніе собора тускло освѣщалось нѣсколькими лампочками, и послѣ свѣжаго воздуха, смрадъ въ помѣщеніи вызывалъ тошноту. Тѣла спящихъ лежали вплотную другъ къ другу—850 человекъ! Въ нашемъ помѣщеніи воздухъ былъ чуть лучше, но было еще тѣсно. Я съ громаднымъ усиліемъ заклинился между двумя спящими и было такъ тѣсно, что я могъ лежать лишь на одномъ плечѣ. Но нѣтъ худа безъ добра. Благодаря духотѣ, было тепло и для меня это было на руку, такъ какъ я лежалъ какъ и многіе — совершенно голымъ. Все бѣлье и платье было промокшимъ до нитки и я развѣсилъ его тутъ же въ помѣщеніи просушиваться.

Г л а в а 40-я.

Прошло нѣсколько дней. Уже успѣла прибыть еще партія заключенныхъ изъ Кеми, а мы уже успѣли слиться съ общей массой заключенныхъ Соловецкаго лагеря. Ежедневно съ шести часовъ утра я уходилъ на какія нибудь тяжелыя работы, каждый день раз-

ную, и возвращался къ 12 часамъ дня въ соборъ. Проглотивъ тресковую похлебку, или супъ изъ гречневой крупы, я опять шелъ на назначенную работу и возвращался къ шести часамъ вечера. Затѣмъ слѣдовалъ, такъ называемый, ужинъ и повѣрка. Часовъ около девяти вечера, насъ всѣхъ запирали въ соборъ, мы валялись полумертвые отъ усталости и, сдавливая другъ друга, засыпали. За эти нѣсколько дней моего пребыванія на Соловахъ я окончательно потерялъ всякій человѣческій образъ, и я думаю, что въ самой ужасной ночлежкѣ любого большого европейскаго города нельзя было отыскать человѣка съ болѣе сомнительной внѣшностью, чѣмъ та, которую я приобрѣлъ въ то время.

Не удивительно, съ момента отъѣзда изъ Петербурга я имѣлъ лишь изрѣдка возможность сполоснуть руки и лицо подъ открытымъ небомъ. Кромѣ двухъ паръ носковъ, ночной рубашки и трехъ носовыхъ платковъ у меня не было бѣлья. Отъ тяжелой и грубой работы костюмъ мой порвался и по ночамъ меня заѣдали насѣкомыя. Но мои сосѣди по нарамъ были еще въ худшемъ состоянїи, чѣмъ я. Съ каждымъ днемъ становилось холоднѣе и посерединѣ собора сложили изъ кирпичей двѣ примитивныхъ печки. Одну такую же печку сложили въ нашемъ помѣщенїи и на ней же, нѣкоторые заключенные жарили треску и картошку, отчего поднимался чадъ, и дымъ разѣдалъ глаза. Ходя на различныя работы, мнѣ посчастливилось встрѣтить и многихъ моихъ бывшихъ друзей по Петербургской тюрьмѣ. Кое-кто изъ нихъ уже прошелъ, такъ называемый, моральный карантинъ, и доживалъ на Соловахъ уже второй годъ. Нѣкоторымъ, въ особенности инженерамъ и врачамъ, даже посчастливилось кое-какъ сравнительно устроиться, то есть, попасть на работу, «отвѣчающую ихъ специальности. Изъ специалистовъ образована такъ называемая десятая рота, численностью въ 600 человѣкъ: они живутъ въ особомъ зданїи выходящемъ на главную площадь.

Это зданїе ранѣе занимали монахи и въ ихъ кельяхъ помѣщаются теперь заключенные.

Старые прїатели помогли мнѣ прежде всего продуктами, такъ какъ мои деньги не поступили еще въ

казначейскую часть лагеря, и изъ-за этого я голодалъ. Продукты и даже одежду можно покупать въ лагерной кооперативной лавкѣ, или въ ея отдѣленіи, находящемся въ Кремль на главной площади. Это отдѣленіе помѣщается въ кіоскъ, построенномъ изъ частей бывшаго иконостаса и продавцы лавокъ, разумѣется, тоже заключенные. Обѣ лавки дѣлаютъ довольно большой оборотъ, такъ какъ кромѣ заключенныхъ на островѣ имѣется два охранныхъ полка. Цѣны въ лавкахъ невѣроятно высокія и наличіе товаровъ совершенно не отвѣчаетъ потребностямъ покупателей.

Несмотря на громкое названіе „кооперативныхъ лавокъ“, эти учрежденія не имѣютъ ничего общаго съ той коопераціей, какъ ее понимаютъ въ Европѣ. Это такая же кооперація, какъ всюду въ совѣтской Россіи, то-есть, обычное государственное предпріятіе, доходы съ котораго идутъ въ то учрежденіе, откуда отпущены средства для оборота. Весь доходъ съ кооперативной лагерной лавки поступалъ въ кассу Чеки. Благодаря этому, солдаты расквартированныхъ въ лагерь полковъ и чекисты получали товары изъ лавокъ по болѣе низкимъ цѣнамъ, чѣмъ заключенные и въ лавкѣ всегда было въ наличіи вино, печенье, консервы, ветчина, варенье и тому подобное, но зачастую не бывало хлѣба, сала и другихъ продуктовъ первой необходимости, доступныхъ по цѣнѣ для заключенныхъ. Вообще говоря, среди заключенныхъ болѣе половины, то-есть, около 4000 человекъ, совершенно не имѣютъ не только денегъ, но даже самой необходимой одежды. Большинство изъ нихъ умираетъ на второй годъ пребыванія въ лагерь отъ простуды, цынги, сумашествія и разстрѣла, такъ какъ подъ вліяніемъ полнаго отчаянія, эти обезумѣвшіе отъ голода и страданій люди, пытаются наивно протестовать. Главный контингентъ этихъ несчастныхъ состоитъ изъ крестьянъ, рабочихъ и случайныхъ уголовныхъ преступниковъ и они ниоткуда не получаютъ помощи. Около 2-хъ—3-хъ тысячъ заключенныхъ изъ образованнаго класса общества, выдерживаютъ заключеніе нѣсколько долѣе, такъ какъ ихъ близкіе посылаютъ ежемѣсячно 10—15 рублей, добытые потомъ и кровью. На эту сумму можно существо-

вать въ лагерьъ впроголодь, покупая лишь такіе продукты, какъ сало, селедку, картофель, хлѣбъ, лукъ и иногда сахаръ и чай. Около 1000 человекъ живутъ вполне сытно — это всевозможные нэпманы, попавшіе въ лагерьъ за спекуляцію, контрабанду, взятки и разные должностныя преступленія. Они имѣютъ возможность проживать въ среднемъ отъ 50 рублей въ мѣсяцъ и выше. Прекрасно обставлены заключенные чекисты высшихъ ранговъ. Хотя официально они не получаютъ никакого жалованья, но имъ отпускается, такъ называемый, „особый паекъ“, обмундированіе и ихъ помѣщаютъ въ особыя, вполне комфортабельныя помѣщенія. Какъ это ни странно, но въ конечномъ итогѣ хуже всего живетъ на Соловкахъ представителямъ рабочаго и крестьянскаго класса и смертность среди нихъ значительно выше, чѣмъ среди другихъ группъ заключенныхъ. Образованные люди страдают невыносимо первыхъ два-три мѣсяца „моральнаго карантина.“ За это время всѣ больные и старики обычно умираютъ. Выдержавшіе адъ карантина постепенно устраиваются на работы сообразно со своей спеціальностью и назначаются даже на отвѣтственныя техническія и хозяйственныя должности. Разумѣется, это не даетъ никакого матеріальнаго улучшенія, но зато избавляетъ отъ тяжелыхъ работъ, и, самое главное, даетъ возможность жить не въ соборахъ, а въ бывшихъ монашескихъ кельяхъ. Это очень много значить. Можно спать на отдѣльной койкѣ, можно мыться въ закрытомъ помѣщеніи и можно иногда погрѣться около печки. Вполнѣ естественно, что мечта каждаго заключеннаго — какъ можно скорѣе вырваться изъ ада „карантина“, и попасть въ одну изъ спеціальныхъ ротъ. Благодаря счастью, знакомствамъ по прежней тюрьмѣ, ловкости, иногда удастся кому-нибудь проскочить въ спеціальную роту ранѣе положеннаго срока, и даже попасть на какое-нибудь отвѣтственное мѣсто. Но это всегда кончается грустно. Сексоты не дремлютъ, весь лагерьъ кишитъ предателями и въ одинъ прекрасный день, „специалиста“ снимаютъ съ должности и переводятъ безъ всякаго объясненія причинъ въ одну изъ ротъ собора. Надо все опять начинать сначала. Весь ужасъ Соловецкаго лагеря въ томъ и состоитъ, что ни одинъ заключен-

ный никогда не увѣренъ за ближайшую минуту своего существованія. Ничего прочнаго и опредѣленнаго. Никто не знаетъ, что именно можно дѣлать и чего нельзя. Напримѣръ, выводить партію заключенныхъ мостить дорогу. На всю партію выдано два молотка для разбиванія щебня и одна лопата. Въ партіи 20 человекъ. Какъ быть? Просить, чтобы партію снабдили инструментомъ въ надлежащемъ количествѣ — нельзя, такъ какъ это недисциплинарно: возможно, что не дадутъ инструмента нарочно, чтобы сдѣлать работу труднѣе. Но можетъ случиться и иначе. Кто либо изъ проходящаго мимо „начальства“ вдругъ обратитъ вниманіе, что заключенные носятъ щебень пригоршнями рукъ. Тогда всю партію обвинять въ саботажѣ. Малѣйшее замѣчаніе влечетъ за собой дисциплинарное взысканіе.

Самое слабое наказаніе — 30 сутокъ заключенія въ темномъ подвалѣ, съ обязательнымъ ежедневнымъ выходомъ на исключительно тяжелыя работы. Два дисциплинарныхъ взысканія, полученныхъ на протяженіи 3-хъ мѣсяцевъ, — и заключеннаго переводятъ въ особый отдѣлъ лагеря на Сѣкирную гору. На этой горѣ имѣется церковь, обращенная въ казармы для заключенныхъ. Въ церковь ведетъ лѣстница въ 247 ступеней, по которой надо 4 раза въ день спуститься и подняться, такъ какъ всѣ работы происходятъ внизу, у подножія горы. По этой же лѣстницѣ надо принести все необходимое для хозяйственныхъ потребностей казармы: воду, дрова, провіантъ. Съ Сѣкирной горы рѣдко кто возвращается обратно, а если и возвращается, то съ увеличеннымъ срокомъ пребыванія въ лагерѣ, такъ какъ административная коллегія лагеря имѣетъ право выносить приговоры, помимо Москвы, включительно до смертной казни и этимъ правомъ коллегія пользуется въ самомъ широкомъ объемѣ. Я видѣлъ однажды, какъ вели партію заключенныхъ съ Сѣкирной горы для работъ по засыпкѣ кладбища цынготныхъ и тифозныхъ. Это кладбище отравляло весь воздухъ, такъ какъ подпочвенная вода размыла ямы съ погребенными заключенными. Я именно говорю „ямы“, а не могилы, такъ какъ заключенныхъ хоронятъ въ ямахъ, какъ бездомныхъ собакъ. О приближеніи партіи заключенныхъ съ Сѣ-

кирной горы мы догадались по громкой команде: „Прочь съ дороги!“. Разумѣется, мы всѣ шарахнулись въ сторону и мимо насъ прошли истощенные, совершенно звѣроподобные люди, окруженные многочисленнымъ конвоемъ. Нѣкоторые были одѣты за неимѣніемъ платья, въ мѣшки. Сапогъ я не видѣлъ ни на одномъ.

Очень опасно быть назначеннымъ на какое нибудь отвѣтственное мѣсто, въ особенности по хозяйственной части, или въ лавку, или въ многочисленные мастерскія, изготовляющія для свободнаго населенія материка и для арміи обувь и платье. Во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ происходятъ періодическія панамы: воровство, подлоги, безхозяйственность. Во всѣхъ случаяхъ, безъ исключенія, злоупотребленія разслѣдываются мѣстной комиссіей лагеря, и, разумѣется, самому строгому наказанію подвергаются заключенные не-чекисты. Нѣтъ никакой возможности оградить себя отъ такихъ неприятностей, такъ какъ у заключеннаго, какое бы онъ ни занималъ мѣсто, нѣтъ никакихъ правъ, а есть лишь одни обязанности. Составъ помощниковъ — тоже заключенные самаго пестраго прошлаго, и среди нихъ нерѣдко попадаются уголовные преступники.

Я встрѣтилъ въ лагерѣ нѣсколькихъ изъ моихъ бывшихъ сослуживцевъ по Россійскому Императорскому флоту. Приблизительно въ этотъ періодъ, начальство Соловецкаго лагеря, собиравшись возродить бывшую флотилію Соловецкаго монастыря, состоявшую изъ нѣсколькихъ довольно большихъ парусныхъ судовъ. Предполагалось вновь организовать рыболовную промышленность и транспортъ лѣсныхъ заготовокъ на материкъ. Кое кто изъ моихъ бывшихъ сослуживцевъ былъ привлеченъ къ этому дѣлу. Начальство лагеря, рѣшительно ничего не понимая въ судоходномъ дѣлѣ и ожидая отъ него большихъ доходовъ для лагеря, т. е. для Чеки, выхлопотало изъ Москвы, необходимыя ассигнованія и началась типичная совѣтская организація предпріятія. Широкой размахъ, масса фантастическихъ проектовъ на бумагѣ, грошевыя средства и полное невѣжество на „верхахъ“. Для вновь организуемаго дѣла требовалось много специалистовъ, а настоящихъ моряковъ съ высшимъ спе-

пiальнымъ образованiемъ было въ лагерѣ не больше 15 человекъ. Поэтому мои прiатели рѣшили привлечь и меня къ этому дѣлу, и подѣ этимъ благовиднымъ предлогомъ вытащить меня изъ „собора“. Для меня было очень соблазнительно переѣхать въ 10-ю роту на житье и работать въ знакомой специальности. Но я все-таки колебался, такъ какъ въ любой моментъ начальство могло спохватиться, что я Ка-Эрѣ и ША-Пѣ (т. е. осужденный за контр-революционную дѣятельность и за шпионажъ) и пробылъ въ моральномъ карантинѣ всего нѣсколько дней; поэтому меня съ большимъ скандаломъ водворили бы обратно въ 13-ю роту. Руководясь этими соображенiями, я отказался наотрѣзъ отъ любезныхъ предложенiй моихъ друзей и не раскаиваюсь въ этомъ. Черезъ нѣсколько дней въ „судостроѣ“ (такъ было названо морское рыболовное предпрiятiе) уже произошла перетасовка и половина моихъ друзей была отправлена прямо отъ чертежныхъ столовъ въ каменоломни Кондѣ-острова. Говорили, что кто-то изъ сексотовъ донесъ начальству, что, будто бы, моряки организуются, чтобы устроить побѣгъ. Тѣмъ временемъ я былъ, совершенно случайно, назначенъ сторожемъ на одинъ изъ огородовъ, обслуживающихъ два расквартированныхъ на Соловецкихъ лагеряхъ полка. Это занятiе мнѣ очень понравилось и я рѣшилъ, что надо, во что бы то ни стало, прочно устроиться на этомъ спокойномъ мѣстѣ. Я попалъ въ ночную смѣну и моимъ товарищемъ былъ старичекъ архіепископъ Петръ и писатель Игорь Ильинскiй. Другой ближайшiй огородъ стерегли молодой князь В., товарищъ моихъ братьевъ по Пажескому корпусу, профессоръ духовной академiи Вербицкiй, и бывшiй тамбовскiй вице губернаторъ Князевъ. Я пробылъ въ почетной должности сторожа совѣтскихъ огородовъ нѣсколько ночей, и долженъ сказать, что за весь перiодъ моего пребыванiя не только въ тюрьмахъ, но и въ Совѣтской Россiи—это самое мое прiятное воспоминанiе.

Стояли тихiя осеннiя лунныя ночи и изъ стоявшаго на пригоркѣ сторожевого шалаша были видны безконечныя площади огородовъ посеребренныхъ луной. Вокругъ огородовъ стоялъ темной стѣнной густой лѣсъ. Въ шалашѣ можно было разводять огонь, варить

въ котелкѣ картофель и рѣпу, которые мы, какъ сторожа, воровали съ довѣренныхъ намъ огородовъ (архіепископъ тоже). По очереди мы обходили порученный намъ районъ, но сторожить огороды, было, собственно говоря, не отъ кого, такъ какъ они находились отъ Кремля въ разстояніи 7 километровъ, а по ночамъ заключенные ходятъ по острову только на ночныя работы всегда въ сопровожденіи чекистовъ.

Архіепископъ былъ очень умный и широко образованный человекъ съ неизсякаемымъ запасомъ юмора и добродушія. Онъ попалъ въ ссылку по подозрѣнію въ контръ революціонныхъ замыслахъ. Остальные мои компаньоны попали въ лагерь приблизительно за то же самое. Молодой князь В., успѣлъ уже три года отсидѣть въ Бутырской тюрьмѣ. Это былъ очаровательный молодой человекъ, мечтатель и поэтъ, Странное впечатлѣніе должна была производить на посторонняго наблюдателя наша пестрая группа у костра въ шалашѣ, когда мы слушали молодого В., декламирующаго на распѣвъ свои сонеты луннымъ лучамъ. Къ шести часамъ утра мы всѣ возвращались въ Кремль и расходились по своимъ ротамъ Помѣщенія были почти безлюдны и можно было свободно отсыпаться на нарахъ до двѣнадцати часовъ. Въ два часа всѣхъ сторожей ночной смѣны выводили на уборку площади. Это была не трудная работа и, такъ какъ черезъ площадь проходило масса заключенныхъ въ лагерьъ какъ мужчинъ, такъ и женщинъ то я встрѣчалъ массу знакомыхъ не только по прежней тюрьмѣ, но по петербургскому дореволюціонному обществу. Приблизительно въ это же время я успѣлъ получить высланное мнѣ консульствомъ бѣлье, платье и деньги. Это было весьма пріятно, такъ какъ доказывало, что консульство не потеряло моего слѣда. Съ каждымъ днемъ становилось все холоднѣе, чайки улетѣли на югъ и по площади бродили птицы, еще не успѣвшія отрастить крыльевъ для полета...

Мысль зимовать на Соловкахъ приводила меня въ ужасъ. Почти 7 мѣсяцевъ быть отрѣзаннымъ отъ внѣшняго міра! Почти 6 мѣсяцевъ полярной ночи во власти дегенератовъ и палачей!

Во второй половинѣ сентября окончилась охрана огородовъ и я съ большимъ безпокойствомъ ждалъ, куда меня теперь назначать. Какъ-то проходя мимо кіоска на площади, я увидѣлъ за прилавкомъ длинноносую физиономію знакомаго еврея ювелира, который нѣкогда сидѣлъ вмѣстѣ со мной въ тюрьмѣ на Шпалерной. Звали его Кюммельмахеръ. Въ тюрьмѣ онъ былъ въ чрезвычайно тяжелыхъ условіяхъ, такъ какъ его арестовали въ театрѣ и прямо оттуда привезли въ тюрьму. Сидѣлъ онъ со мной три мѣсяца въ общей камерѣ и не получалъ со стороны никакой помощи, такъ какъ его магазинъ и квартира были опечатаны, а семья арестована. Я подкармливалъ иногда несчастнаго, перепуганнаго Кюммельмахера и даже покупалъ ему папиросы. За что его посадили и за что сослали, я до сихъ не знаю, такъ какъ никогда не имѣлъ терпѣнія дослушать до конца чрезвычайно болтливаго еврея, начинавшаго неизмѣнно свой разсказъ о злоключеніяхъ почему-то съ 1899-го года..

Увидя меня, Кюммельмахеръ пришелъ въ неописуемый восторгъ, хотя и неумѣстный, но совершенно искренній. Повидимому, онъ чувствовалъ себя за прилавкомъ совершенно въ своей тарелкѣ. Шутя, я спросилъ его, не нуженъ ли кіоску сторожъ, и сверхъ всякаго ожиданія, получилъ восторженный отвѣтъ: „Обязательно нуженъ. И такой образованный и деликатный человѣкъ, какъ вы, Борисъ Леонидовичъ, самый подходящій человѣкъ для этого мѣста“. Въ этотъ же день, въ 2 часа дня, я вступилъ въ мою новую должность. Мой предшественникъ, мексиканскій генеральный консулъ въ Египтѣ, синьоръ Віолара, получилъ повышеніе, такъ какъ его назначили продавать молоко и онъ помѣстился тутъ же у кіоска. Станный контингентъ служащихъ былъ у этой лавки. Завѣдующій лавкой былъ бывший маклеръ Петербургской фондовой биржей Барканъ, кстати сказать, исполнявшій до революціи и мои порученія. Его помощникомъ былъ ювелиръ Кюммельмахеръ. Бухгалтеромъ кіоска былъ священникъ, докторъ богословія Лозина-Лозинскій. Продавалъ молоко мексиканскій генеральный

консуль въ Египтѣ,—Виолара. Сторожами были я и камергеръ Елагинъ.

Самая интересная и необычная исторія мексиканца Виолара. Онъ былъ женатъ на русской и его жена тоже была заключена въ женскомъ отдѣленіи лагеря. До 1924 года супруги жили въ Александріи, гдѣ Виолара имѣлъ крупное коммерческое предпріятіе и былъ мексиканскимъ генеральнымъ консуломъ въ Египтѣ. Слухи о Нэпѣ дошли и до ушей г-жи Виолара, которая рѣшила, что политическое положеніе въ Россіи улучшилось и можно туда поѣхать, чтобы повидаться со старушкой матерью, проживавшей въ Тифлисѣ. Уговорить мужа было не трудно и весной 1924-года супруги приѣхали въ Тифлисъ. Повидавшись со своей матерью, госпожа Виолара захотѣла посмотреть Петербургъ и Москву. Въ Европейской гостиницѣ въ Петербургѣ мужъ и жена были арестованы агентами Чеки и отвезены въ Бутырскую тюрьму. Въ Москвѣ имъ было предъявлено обвиненіе въ шпионажѣ и контръ-революціи. Основаніемъ для этихъ обвиненій послужило то, что братъ г-жи Виолара былъ офицеромъ Деникинской арміи. Послѣ 6 ти мѣсяцевъ заключенія въ Бутырской тюрьмѣ, обоихъ супруговъ выслали на три года въ Соловецкій лагерь. Когда я впервые встрѣтилъ Виолара, то прошелъ уже почти годъ его пребыванія въ лагерь. Несмотря на громадные деньги, проживаемыя имъ въ лагерь, положеніе его было очень плачевное. Почти ни слова не говоря по руски, онъ часто попадалъ въ весьма рискованныя положенія. Свою жену онъ могъ видѣть только мелькомъ, когда она проходила черезъ площадь съ группой другихъ женщинъ, работающихъ на мельницѣ и въ хлѣбопекарнѣ.

Братъ г-на Виолара, живущій въ Александріи, перевелъ на текущій счетъ арестованнаго брата очень крупную сумму, и это позволяло мужу и женѣ проживать въ мѣсяць до 30) долларовъ. За эти деньги супруги сносно питались, скверно, но чисто и тепло одѣвались и могли подкармливать кое кого изъ своихъ товарищей по заключенію. Благодаря послѣднему обстоятельству, они могли пользоваться помощью при тяжелыхъ работахъ. Разумѣется, никакихъ льготъ ни мужъ, ни жена не получали и лишь по истеченіи нѣ-

скольких мѣсяцевъ г-на Віолара перевели въ 10 ю роту, а его жену перевели съ торфяныхъ разработокъ на мельницу. Віолара жилъ въ одной комнатѣ съ другими 4-мя заключенными и эта комната напоминала провіантскій складъ. Зная по опыту, что зимой въ лавкѣ ничего нельзя достать ни за какія деньги, запасливый мексиканецъ заполнилъ всю комнату продуктами на себя, на жену и на товарищей. Какъ и другіе заключенные, жены которыхъ отбывали наказаніе въ Соловецкомъ лагерѣ, Віолара не могъ имѣть съ женой свиданій и больно было смотрѣть, какъ этотъ любящій и экспансивный человѣкъ, часами сидѣлъ съ ведромъ молока у кіоска, выжидательно смотря на тотъ уголь площади, гдѣ должна была показаться группа женщинъ, возвращающихся съ работъ на мельницѣ. Чувствительный Кюммельмахеръ, въ такихъ случаяхъ стряхивалъ слезу со своего длиннаго носа, и, кивая на мексиканца, говорилъ: „Н-н-н-у? И я хотѣлъ бы знать, какая имъ выгода, что человѣкъ мучается? А почему мы не можемъ видѣть нашихъ дѣточекъ? Какая имъ выгода, этимъ сволочамъ?“ Отвѣтъ на свой вопросъ Кюммельмахеръ получилъ нѣсколько позже, такъ какъ „они“, наши мучители, всюду имѣли уши...

* * *

Стоять сторожемъ у ларька было не труднымъ, а въ условіяхъ Соловецкаго лагеря, даже приятнымъ занятіемъ. Во-первыхъ, ничего не было ниже этой должности, такъ что не могло быть никакихъ интригъ. Во-вторыхъ, не было помощниковъ, значить никто не могъ меня подвести подъ неприятность.

Я вступалъ на дежурство въ 6 часовъ утра и дежурилъ до 12-ти часовъ дня. Въ полдень меня смѣнялъ камергеръ Елагинъ и дежурилъ онъ до 6-ти часовъ вечера. Въ шесть часовъ я опять вступалъ въ дежурство, а въ 8 часовъ къ ларьку ставили часового и я уходилъ въ роту. Цѣлый день у ларька было движеніе и тутъ былъ своего рода клубъ, въ которомъ обсуждались всякія новости. По части вывѣдыванія новостей Кюммельмахеръ былъ большой мастеръ. Какъ только къ ларьку подходили покупатели чекисты, Кюммельмахеръ начиналъ ловко заговаривать имъ зубы и мы всегда были въ курсѣ различныхъ пере-

мѣщеній начальства, новыхъ распоряженій, прїѣздовъ всевозможныхъ комиссій изъ центра и т. п. вещей, которыя играютъ первостепенную роль въ монотонной жизни обезличенныхъ заключенныхъ лагеря. Однажды была разсказана такая „новость“. Помощникъ начальника лагеря, московскій чекистъ Васьковъ, воспыалъ страстью къ одной изъ заключенныхъ — Томилиной. Ея мужъ былъ тоже заключеннымъ лагеря. Супруги были сосланы въ лагерь на одинъ годъ и срокъ ихъ заключенія истекалъ въ сентябрѣ. Поэтому ихъ надлежало отправить на материкъ въ пересыльный лагерь Кеми, гдѣ ихъ должны были освободить. Томилинь все время находился на тяжелыхъ работахъ, а его жена состояла секретаршей Васькова. Однажды, Томилина назначили на такія работы, какихъ онъ не могъ выполнить, и за это его перевели на Сѣкирную гору, продливъ срокъ пребыванія въ лагерьѣ. Томилина оказалась во всѣхъ отношеніяхъ свободной и сдѣлалась законной супругой Васькова. Послѣ цѣлаго ряда такихъ новостей, въ которыхъ разстрѣлы чередовались съ предательствомъ, у меня пропала всякая охота слушать разговоры посѣтителей ларька. Я избралъ себѣ другое занятіе. Въ промежуткахъ между подметаніемъ площадки вокругъ кіоска, установленіемъ очередей покупателей и разсыпаніемъ картошки по кулькамъ—все это входило въ кругъ моихъ обязанностей,—я усаживался на ящикъ и бросалъ кусочки хлѣба готовившимся къ отлету молодымъ чайкамъ. Но и это невинное занятіе мнѣ опротивѣло послѣ одного случая. Какъ-то Елагинъ заповдалъ меня смѣнить. Закрывъ ларекъ, я усѣлся на ящикъ и, пожевывая ветчину съ хлѣбомъ, началъ бросать маленькіе кусочки хлѣба птицамъ. Онъ очень ловко и забавно ловили кусочки на лету и даже пытались вырывать хлѣбъ у меня изъ рукъ. Изъ этого занятія меня вывели два до нельзя истощенныхъ и оборванныхъ челоуѣка, которые, повидимому уже нѣсколько разъ пытались обратиться ко мнѣ, но я по своей глухотѣ и разсѣянности не обращалъ на нихъ вниманія. Одинъ изъ нихъ, молодой сказалъ мнѣ: „Бросьте лучше намъ нѣсколько кусочковъ. Мы не хуже птицъ поймемъ ихъ на лету“. Эта фраза была для меня точно ударъ хлыстомъ по моей совѣсти. На бѣду ла-

рекъ былъ запертъ, и у меня въ рукахъ былъ до смѣшного маленькій кусочекъ хлѣба. Видя мое смущеніе, другой, постарше, сказалъ: „Можетъ быть вы, гражданинъ, дадите намъ нѣсколько картошекъ изъ этого мѣшка?“ Я далъ имъ нѣсколько картофелинъ, и оба съ жадностью принялись грызть сырой картофель.

Птиць я пересталъ кормить.

* * *

Въ двадцатыхъ числахъ сентября священникъ Лозина-Лозинскій, безъ всякаго объясненія причинъ, былъ снятъ съ обязанностей бухгалтера кіоска и назначенъ на очистку отхожихъ мѣстъ главнаго управленія. Сутки спустя убрали болтливаго Кюммельмахера и отправили его на лѣсопилку. На его мѣсто назначили удивительно противнаго поляка, бывшаго директора какого-то банка. Во избѣжаніе всевозможныхъ сюрпризовъ я сталъ подыскивать пути къ уходу на какую-нибудь новую, подходящую мнѣ безответственную и незамѣтную должность. Какъ разъ напротивъ нашего кіоска высилось зданіе десятой роты, предметъ моихъ тайныхъ и страстныхъ желаній, увы недостижимыхъ для меня какъ для Ка-Эра и Ша-Пэ. Во время ежедневныхъ разводовъ на работы, происходившихъ на площади, неподалеку отъ кіоска, я обратилъ вниманіе на высокуч, представительную фигуру какого-то человѣка въ полуофицерской формѣ дореволюціоннаго образца. Это оказался бывшій полковникъ П. одного изъ блестящихъ гвардейскихъ полковъ, однополчанинъ моего дяди, разстрѣляннаго въ Холмогорахъ До революціи я часто встрѣчался съ полковникомъ П въ Царскомъ Селѣ, и потому, улучшивъ удобный моментъ, я подошелъ къ нему и назвалъ себя. Бравый полковникъ былъ уже старожиломъ лагеря и достигъ высокаго званія младшаго помощника командира 10-й роты. Командиромъ роты былъ кубанскій казакъ, славный парень, осужденный на 10 лѣтъ за бандитизмъ и вооруженный грабежъ совѣтскихъ поѣздовъ. Полковникъ обѣщаль мнѣ попытаться пристроить меня разсыльнымъ въ ротную канцелярію, но надежды на это было мало, такъ какъ я былъ уже при „дѣлѣ“, и мой „начальникъ“ — полякъ, могъ меня не отпустить. Къ счастью, меня выручилъ Віолара, который давно уже прикармливалъ

поляка и я въ концѣ концовъ попалъ въ разсылные при канцеляріи десятой роты. Это было предѣломъ моихъ желаній, такъ какъ у меня были деньги, было платье, но не было здоровья и я не могъ больше жить въ кошмарной обстановкѣ 13-й роты. Я могъ устроиться въ инвалидную команду, но это было мнѣ противно, такъ какъ тамъ были настоящіе больные и царила атмосфера больницы, притомъ грязной, советской больницы.

Какъ разъ въ послѣднюю ночь моего пребыванія въ соборѣ произошла любопытный эпизодъ. Часовъ около 3-хъ часовъ ночи насъ внезапно подняли и выстроили въ нѣсколько шеренгъ въ громадномъ помѣщеніи собора. Никто не зналъ, въ чемъ дѣло и заключенные предполагали, по обыкновенію, что насъ всѣхъ поведутъ подъ пулеметный огонь. Говорю „по обыкновенію“, такъ какъ, благодаря постояннымъ массовымъ разстрѣламъ, заключенные видятъ въ каждомъ неожиданномъ распоряженіи начальства, прежде всего перспективу разстрѣла. Дѣло оказалось значительно проще. Начальникъ нашего отдѣленія, чекистъ изъ кубанскихъ казаковъ, Ногтевъ, сильно подвыпилъ, „инспектируя“ состояніе женскаго барака, и, чтобы освѣжиться, онъ приказалъ подать себѣ лошадь, на которой и поднялся по 47-ми ступенямъ на каменную галлерею и началъ объѣзжать ввѣренныя ему роты. Ввѣхавъ къ намъ въ соборъ и сильно собравъ лошадь на мундштукъ, онъ остановился передъ фронтомъ и весело крикнулъ: „Здорово, ребята! Какъ поживаете, господа буржуйчики?“ Но скоро Ногтева, что навывается, развезло и онъ сошелъ съ лошади, передавъ поводья двумъ подскочившимъ дневальнымъ. Во фронтѣ я стоялъ рядомъ съ какимъ-то приземистомъ старикомъ священникомъ, все время что-то шептавшимъ про себя. Думая, что старику дурно, я обратился къ нему съ вопросомъ: „Вамъ дурно, батюшка? Что съ вами?“ Священникъ нервно взялъ меня за локоть и, показывая пальцемъ на полъ, сказалъ: „Боже, Боже! вѣдь здѣсь какъ разъ попираемъ ногами мѣсто святаго престола и какія слова слышимъ? Пьяный безумецъ и на конѣ въ храмъ святомъ“. Мы, действительно, какъ разъ стояли въ центрѣ бывшаго алтаря и священникъ былъ потрясенъ: такъ какъ у право-

славныхъ то мѣсто, гдѣ стоитъ жертвенникъ, считается заповѣдной святыней, на которой можетъ стоять только посвященный въ санъ священника.

Ногтевъ пытался держать намъ какую то рѣчь, но не докончилъ и приказалъ всѣмъ разойтись. Какимъ образомъ его убрали и какъ увели лошадь, мнѣ неизвѣстно.

Г л а в а 42-я

Въ десятую роту я явился съ утра со всѣми моими пожитками. Такъ какъ я весь былъ покрытъ насѣкомыми и ими кишѣли мои вещи, меня отправили въ баню, которая находится внѣ Кремля. Всѣ мои вещи я передалъ двумъ заключеннымъ, исполнявшимъ обязанности дневальныхъ въ корридорѣ: одинъ бывший охранникъ, а другой—бывшій жандармскій вахмистръ. За три фунта сахара, пять пачекъ махорки и два куска мыла они обѣщали вычистить и вытряхнуть всѣ мои вещи и тщательно обрызгать ихъ скипидаромъ (скипидаръ за мой счетъ). Сразу чувствовалось, что я попалъ, наконецъ, въ культурную обстановку. Надолго ли?

Всѣ заключенные кромѣ находящихся въ карцерахъ и на Сѣкирной горѣ, ходятъ по острову совершенно свободно. Но для выхода изъ Кремля нужно всякій разъ брать у дежурнаго по Кремлю пропускъ. Разумѣется, никто не бродитъ по острову безъ дѣла, такъ какъ, во-первыхъ, всѣ заключенные всегда заняты, во вторыхъ, бродить по острову ради удовольствія прогулки очень опасно, такъ какъ всюду ходятъ патрули и прогуливаются чекисты. Пока я шель въ баню, меня три раза останавливали по дорогѣ и спрашивали. Яркое свѣтило солнце, но приближеніе зимы уже чувствовалось въ рѣзкомъ, холодномъ вѣтрѣ и подмороженной дорогѣ. Встрѣчались заключенные группами и въ одиночку, выполнявшіе различныя работы. Изъ трубъ заводовъ и мастерскихъ валили клубы дыма и изъ за поворота лѣса выползала змѣйкой поѣздъ узкоколейной желѣзной дороги. Я шель и старался себѣ представить, какое впечатлѣніе произвела бы вся эта картина на посторонняго наблюдателя, не знающаго закулисной стороны Соловецкаго лагеря. Мирная, почти идиллическая картина трудо-

вой коммуны. Миѣ кажется, что совѣтская власть можетъ вполне безопасно для себя, пригласить любую иностранную делегацію для поверхностнаго осмотра Соловецкаго лагеря. Разумѣется, не надо пускать делегаціи въ Кремль и въ особенности на каменную галлерею къ соборамъ Упаси Богъ подпускать членовъ делегацій къ заключеннымъ, такъ какъ одинъ видъ заключенныхъ способенъ разрушить всю идиллію. Но для показа можно продемонстрировать передѣтыхъ чекистовъ. они вѣдь тоже считаются заключенными и ихъ наберется нѣсколько сотенъ. Кроме нихъ можно показать „политическихъ“ заключенныхъ, т. е. тѣхъ, которыхъ совѣтская власть считаетъ за „политическихъ“: лѣвые эсеры и лѣвые меньшевики. Имъ живется недурно.

А вотъ, кстати, влѣво отъ дороги, не доходя до бани, громадная вывѣска на двухъ столбахъ: „Дезинфекціонная камера“. Вывѣска отъ времени и непогодъ немного облѣзла, но ее можно подновить. Это ничего не значить, что за вывѣской пустырь и какія-то развалины. Важенъ фактъ, что имѣется доброе желаніе соорудить дезинфекціонную камеру. Объ этомъ свидѣтельствуетъ вывѣска; чего же еще надо? Годъ тому назадъ эта вывѣска вполне удовлетворила прїѣзжавшую изъ Москвы комиссію и въ газетахъ „Правда“ и „Извѣстія“ было написано нѣсколько восторженныхъ статей объ образцовомъ санитарномъ состояніи Соловецкаго лагеря.

Въ банѣ, невѣроятно грязной и полуразрушенной, обосновалась, такъ называемая, „горская республика“. Заключенные, обслуживающіе отдѣльно стоящія предпріятія и хозяйственныя учрежденія, — при нихъ же и живутъ. Конечно все это заключенные старожилы лагеря, преимущественно важные уголовные преступники, такъ какъ къ таковымъ совѣтская власть благоволитъ, и начальство лагеря относится къ нимъ съ довѣріемъ и даже съ симпатіей.

Баней завѣдуютъ кавказцы, осужденные за бандитизмъ и грабежи. Вся баня можетъ вмѣстить въ одинъ прїемъ не больше 50-ти человекъ, но ее обслуживаютъ 15 человекъ здоровенныхъ грузинъ и абхазцевъ, живущихъ въ пристройкѣ у бани и въ самой банѣ. Что они тамъ дѣлаютъ, я не могъ понять. У

меня создало впечатление, что вся баня существует специально для них, так как я почти не видел, чтобы заключенных водили в баню. Для этого у заключенных нет времени, а кроме того этой бани недостаточно на 8,500 человек. Правда, из этого числа надо выключить около 700 человек чекистов, для которых имеется прекрасная баня в Кремле.

За обедание выписывать из лавки сало, сахар, чай и табак, мне восточный человек выстирал тут же в бане мое белье, брюки и пиджак и все это высушил в кочегарке над котлом.

Наконец то я был чист и одет в чистое платье, хотя и совершенно сморщенное от энергичной сушки. Но стоило ли на такие пустяки обращать внимание!

Десятая рота помещается в двух верхних этажах бывшего общежития монахов. В первом этаже помещаются разные канцелярии учреждений Кремля и медицинская амбулатория. Все помещение роты состоит из массы небольших комнат — бывших келий, — расположенных по бокам длинного коридора. Канцелярия роты помещается в одной из келий и в ней живут ротный командир, его помощник, писарь и один из дневальных коридора. Комната вся величиною 12 квадратных метров и, разумеется, мне там нельзя было поместиться. Остальные помещения пока все были переполнены и поэтому я устроился в конце коридора, на так называемом „топчане“, то есть на двух деревянных козлах, на которых положен деревянный щит. Меня это вполне удовлетворяло, так как по сравнению с моей жизнью в собор, спать на топчане было верхом роскоши. Через коридорного дневального (бывшего жандармского вахмистра) я достал два мешка со стружками и он мне устроил из них матрац, а свои вещи я разложил частью в комнату Виолара, частью в комнату румынского офицера Бырсана, с которым я сидел еще в Петербургской тюрьме.

Днем все помещение роты пустовало, так как все были на работах, кроме дневальных. Режим и порядок здесь были несколько иные, чем в карантинных ротах, так как 10-я рота обслуживала

преимущественно канцелярию, бухгалтерию, технические бюро, госпиталь, аптеку и тому подобное.

В шесть часов утра всё поднимались по звонку и трубъ и послѣ повѣрки и уборки въ 8 часов расходились по разнымъ учреждениямъ лагеря. Въ часъ дня всё возвращались и начиналась суeta съ приготовленіемъ обѣда. Въ три часа всё опять уходило на работы и возвращались въ семь часовъ. Опять начиналась суeta съ приготовленіемъ пищи, вечерняя повѣрка—и трудовой день былъ законченъ. И такъ ежедневно, включая и праздники. Фактически рабочий день былъ значительно больше двѣнадцати часовъ, такъ какъ массу времени отнимали повѣрка, стирка бѣлья, уборка помѣщенія и добыча и приготовленіе пищи. Почти всё заключенные 10 й роты получали на руки, такъ называемый, двухнедѣльный сухой паекъ. Дѣло въ томъ, что обѣдъ и ужинъ изъ лагерной кухни былъ настолько отвратителенъ и въ кухнѣ царила такая ужасная грязь, что лучше было не состоять на горячей порціи и разъ въ двѣ недѣли получать изъ провіантскаго склада весь паекъ натурой. Начальство лагеря это охотно разрѣшало для специальныхъ ротъ, такъ какъ время ѣды въ этихъ ротахъ не совпадало съ остальными ротами и выдача двухнедѣльнаго пайка значительно разгружала кухню, кормившую два раза въ день 5,000 человекъ. Такіе же двухнедѣльные пайки получали заключенные, работавшіе и жившіе въ дальнихъ углахъ Соловецкаго острова, на Муксалымъ и на Кондъ-островѣ.

Весьма неизбалованный и вполне здоровый человекъ можетъ просуществовать впроголодь на выдаваемый двухнедѣльный паекъ не больше десяти дней. Паекъ состоитъ изъ соленой трески, гречневой крупы, сушеной зелени (600 граммъ на двѣ недѣли) соли, подсолнечнаго масла (1 литра на двѣ недѣли) сахарнаго песку (150 граммъ на двѣ недѣли) картофеля и 500 граммъ ежедневно чернаго хлѣба.

Получающіе горячій обѣдъ непосредственно изъ лагерной кухни питаются еще хуже, такъ какъ продукты раскрадываются заключенными, обслуживающими кухню. Большинство заключенныхъ специальныхъ ротъ получаютъ ежемѣсячную помощь отъ своихъ близкихъ и друзей, въ видѣ посылокъ съ про-

дуктами и деньгами. Пока есть сообщеніе съ материкомъ, т. е. въ теченіе 5-ти мѣсяцевъ посылки приходятъ регулярно. Съ наступленіемъ зимы, продукты можно приобрѣтать только въ кооперативной лавкѣ, но тамъ всѣ продукты очень дороги и не всегда имѣются въ наличіи. Привожу цѣны нѣкоторыхъ продуктовъ. — въ долларахъ: 1 кгр. полубѣлаго хлѣба—25 центовъ; 1 кгр. соленого топленого коровьяго масла—1 долл. 40 центовъ; 1 кгр. соленого свиного сала—1 долл.; 1 стаканъ молока (изъ вновь возрожденной бывшей монастырской фермы—11 центовъ; 1 жестянка 250 граммъ мясныхъ консервовъ—40 центовъ; 1 кгр. сахарнаго песку—50 центовъ. Если у заключеннаго даже есть возможность приобрѣтать продукты, это все-таки еще далеко не рѣшаетъ вопроса питанія. У cadaго заключеннаго свободнаго времени имѣется въ обрѣзъ. На все помещеніе 10-й роты имѣется только 3 маленькихъ печки въ корридорѣ, на которыхъ официально не разрѣшается готовить. Разумѣется, всѣ готовятъ на этихъ печахъ, всегда съ рискомъ навлечь на себя гнѣвъ начальства и оказаться на Сѣкирной горѣ. Поэтому, какъ только проносится слухъ, что въ Кремлѣ бродитъ кто-либо изъ высшихъ чиновъ администраціи, всякое приготовленіе пищи прекращается. Спрашивается, гдѣ же готовить? Вѣдь, если разрѣшается получать на руки двухнедѣльный сухой паекъ, то значитъ разрѣшается гдѣ нибудь готовить изъ этого пайка обѣдъ. Никто изъ заключенныхъ этого не знаетъ и никогда не рѣшится поднять этотъ вопросъ, такъ какъ за это могутъ перевести обратно въ соборъ.

Заключенные специальныхъ ротъ группируются для питанія по нѣсколько человекъ, живущихъ въ одной комнатѣ. Если въ комнатѣ случайно живетъ большинство не получающихъ со стороны денежной помощи, то получающіе такую присоединяются къ какой-нибудь группѣ приблизительно равнаго съ ними экономическаго уровня. Въ такихъ случаяхъ надо быть очень осторожнымъ, такъ какъ среди товарищей по комнатѣ можетъ оказаться сексотъ. Изъ чувства зависти или по злобѣ, что ему не удалось подкормиться за счетъ болѣе зажиточныхъ товарищей, сексотъ можетъ донести по начальству объ образовавшейся

опасной группировки". Тогда — прощай 10 я рота! Пожалуйте обратно в первобытное состояние „морального карантина“.

В перебивъ между работами в коридорах шумъ и суета. У печекъ безконечныя очереди, ссоры, чадь отъ поджариваемой трески и сала. Очень зажиточные заключенные, имѣющіе возможность кормить и даже одѣвать нѣсколькихъ товарищей, чувствуютъ себя нѣсколько спокойнѣе, такъ какъ кто либо изъ друзей всегда успѣетъ занять очередь у печки и приготовить неприхотливый обѣдъ. Но и тутъ есть „но“. Подкармливать товарищей надо чрезвычайно осторожно, чтобы это не носило характера платы за услуги. В противномъ случаѣ начальство усмотритъ „буржуазныя наклонности“, и, какъ неисправимаго, переведутъ надолго въ сборъ. Поэтому въ Соловецкомъ лагерѣ всѣ всегда суетятся и стараются придать себѣ занятой видъ даже внѣ рабочаго времени, такъ какъ у заключеннаго, при данномъ режимѣ, не можетъ быть ни минуты свободной. Если остается свободное время — значитъ что нибудь не ладно — кто нибудь подкупленъ. Въ результатъ — переводъ на тяжелыя работы и житье въ одномъ изъ сборовъ.

* * *

Мои новыя обязанности заключались въ разность пакетовъ изъ ротной канцеляріи по разнымъ учреждениямъ лагеря, въ уборкѣ коридора, въ приемѣ изъ канцеляріи Кремля писемъ для заключенныхъ 10-й роты и въ переписываніи ролей, для артистовъ лагернаго театра. Последняя обязанность была совершенно неожиданной, но я разумѣется не протестовалъ, такъ какъ это давало мнѣ возможность и законный поводъ заходить разъ по десять въ день въ театръ и присутствовать на репетиціяхъ. Въ Соловецкомъ лагерѣ имѣется два театра: одинъ обслуживается уголовнымъ элементомъ, другой — интеллигенціей. Въ обоихъ театрахъ идутъ пьесы исключительно коммунистическаго содержанія. Артисты театра избавлены отъ тяжелыхъ работъ и пользуются незначительными льготами. Но артисты и въ особенности артистки должны

имѣть собственныя костюмы, и, такъ какъ они всегда заняты на репетиціяхъ, то должны всегда кого-нибудь подкармливать изъ товарищей и подругъ, чтобы на нихъ готовили обѣды. Благодаря этому, составъ труппы театра „интеллигенціи“ пополняется бывшими спекулянтами, чекистами, бывшими дамами полусвѣта, однимъ словомъ тѣмъ элементомъ, который пользуется въ совѣтской Россіи относительнымъ благосостояніемъ. Среди „артистовъ“ царятъ вѣчныя интриги и поэтому нерѣдко случается, что сегодняшняя „героиня“ или „герой“ завтра — отправляются на кирпичный заводъ или въ кочегарку. Въ Соловецкомъ лагерѣ все непрочное и измѣнчиво.

Мнѣ удалось очень удовлетворительно разрѣшить вопросъ моего питанія, войдя въ компанію съ четырьмя очень милыми людьми: профессоромъ Императорской Академіи художествъ Бразомъ, румынскимъ офицеромъ Бырсаномъ, афганцемъ инженеромъ Саидъ-Султаномъ Кабиръ Шахомъ и бывшимъ начальникомъ одного изъ департаментовъ Императорскаго Министерства иностранныхъ дѣлъ Вейнеромъ. Бразъ находился въ Соловецкомъ лагерѣ болѣе года и успѣлъ уже побыть въ одной изъ спеціальныхъ ротъ, занимая какую-то должность по архитектурной спеціальности. За два мѣсяца до моей встрѣчи съ Бразомъ въ лагерѣ, на него донесъ кто-то изъ сексотовъ — и знаменитаго профессора перевели на тяжелыя работы въ гавани. Въ 10-ю роту Браза перевели недавно, и теперь онъ былъ, по остроумному выраженію Бырсана, „придворнымъ живописцемъ“. Ежедневно, старый, заслуженный профессоръ Императорской академіи художествъ отправлялся зарисовывать различные виды Соловецкаго лагеря. Эта работа вполне удовлетворила бы профессора, если бы не обязанности „придворнаго живописца“, которыя чрезвычайно угнетали чуткаго и самолюбиваго художника. Ему было приказано начальствомъ лагеря, зарисовывать сцены изъ жизни заключенныхъ и внутренности историческихъ церквей стараго монастыря. Все нарисованное проходило черезъ цензуру начальства и, по указаніямъ Васькова, Ногтева и т. п., старый профессоръ долженъ былъ создавать въ своемъ альбомѣ „потемкинскія деревни“. Всякій разъ, возвращаясь съ „цензурнаго просмотра“

профессоръ принимался съ горькимъ вздохомъ за реставрацію церквей и украшеніе лагерной жизни... на бумагъ своего альбома. Эти рисунки предназначались для какого то совѣтскаго изданія, долженствовавшего изобразить въ картинахъ и описаніяхъ—райское житіе заключенныхъ въ тюрьмахъ Союзной Соціалистической Республики

Былъ на Соловкахъ и „придворный фотографъ“. Но этотъ былъ чекистъ и однажды я сдѣлался свидѣтелемъ такой сцены.

Меня отправили въ госпиталь съ пакетами. Госпиталь помѣщался въ двухъ-этажномъ зданіи недалеко отъ выхода изъ Кремля. Раньше зданіе было занято монастырской больницей и было въ образцовомъ состояніи. Отъ прежняго остались жалкія воспоминанія и то лишь благодаря поистинѣ самоотверженной работѣ обслуживающихъ госпиталь заключенныхъ врачей и сестеръ. Я терпѣть не могъ ходить въ это учрежденіе, такъ какъ больные лежали даже въ корридорахъ, прямо на полу, и распространяли невыносимое зловоніе. Подходя къ госпиталю, я съ удивленіемъ замѣтилъ, что въ чашомъ садикѣ, разбитомъ на площадкѣ передъ госпиталемъ, были разставлены столики, аккуратно накрытые бѣлыми салфетками. На столикахъ были разставлены чашки, бутылки и за ними возсѣдали однообразно и хорошо одѣтые „больные“. Былъ собачій холодъ и сидѣвшіе за столиками должны были сильно мерзнуть въ своихъ легкихъ костюмахъ. Но здоровымъ людямъ холодъ не страшенъ. Дѣло въ томъ, что среди сидѣвшихъ и позировавшихъ больныхъ не было, въ дѣйствительности, ни одного больного. Все это были наряженные для фотографической съемки статисты, набранные изъ чекистовъ. Должно быть моя весьма непредставительная фигура въ помятой шляпѣ, кроткомъ полушубкѣ и фетровыхъ сапогахъ портила идиллическую прелесть картины „весеняго“ (или „лѣтняго?“) отдыха счастливыхъ больныхъ. Мнѣ два раза крикнулъ кто-то изъ „режиссеровъ“: „Эй, ты, тамъ, съ бородой! Ступай къ черту! Пошелъ вонъ!“

Прошу извиненія у читателя за невольное отклоненіе отъ нити разсказа и возвращаюсь къ прерванному описанію нашей жизни въ кельяхъ 10 й роты.

Браза сослали на Соловки по подозрѣнію въ шпионажѣ, такъ какъ онъ бывалъ въ гостяхъ у германскаго генеральнаго консула въ Петербургѣ. Несчастнѣй художникъ полтора года не имѣлъ связи съ семьей и почти передъ самымъ отъѣздомъ онъ вдругъ получилъ письмо отъ своей старой прислуги, которая сообщила ему, что его семья находится въ Германіи въ тяжеломъ положеніи и что оба сына умерли въ Берлинѣ.

Румыскій офицеръ Бырсанъ былъ славный, немного грубоватый человекъ, но очень сердечный и обязательный. Его схватили въ Одессѣ, куда онъ вполне легально приѣхалъ, чтобы повидаться со своими родственниками. Тамъ онъ увлекся одной русской дѣвушкой и хотѣлъ на ней жениться. Незадолго до женитьбы невѣсту арестовала Одесская Чека и предложила несчастной дѣвушкѣ въ обмѣнъ на свободу давать свѣдѣнія о состояніи румынской арміи. Она, разумѣется, по наивности, согласилась, думая, что это согласіе ее ни къ чему не обязываетъ. Но оказалось, далеко все не такъ просто, какъ думала дѣвица. Когда Бырсанъ женился и собрался уѣхать за границу, то ему разрѣшили выѣхать, а женѣ „безъ объясненія причинъ“ не дали разрѣшенія на выѣздъ. Тутъ только молодая жена спохватилась и рассказала мужу все, что съ ней произошло въ Чекѣ.

Такъ какъ у Чеки имѣлась росписка жены о согласіи стать шпионкой, то Бырсанъ, не желая компрометировать у себя на родинѣ жену и себя, счелъ за лучшее не давать дѣлу официальнаго хода и попытаться нелегально бѣжать. На русско-румынской границѣ онъ былъ пойманъ вмѣстѣ съ женой, и по обвиненію въ шпионажѣ обоихъ супруговъ сослали на Соловки на десять лѣтъ. Родственники г-жи Бырсанъ ежесекундно высылали ей небольшую сумму денегъ и на эти же деньги существовалъ впроголодь и ея мужъ. Ни мужъ, ни жена, не имѣли никакой возможности сообщить подробности ареста своимъ родственникамъ и даже не знали, извѣстно ли объ ихъ судьбѣ что либо Румынскому правительству.

Аркадій Петровичъ Вейнеръ былъ замѣшанъ въ фантастическій процессъ лиценстовъ и съ рѣдкимъ

мужествомъ, достоинствомъ и энергіей несъ свой тяжелый крестъ.

Самымъ интереснымъ изъ всѣхъ вышеописанныхъ моихъ компаньоновъ по продовольствію, былъ афганецъ, инженеръ Саидъ-Кобръ Шахъ, онъ же почетный и наслѣдственный мулла Афганистана. Схваченъ и арестованъ онъ былъ афганскими большевиками од нажды ночью на Памиръ, куда онъ пріѣхалъ по дѣламъ изъ своего родного города Пешауеръ. Связаннаго его везли по ночамъ и передали, въ концѣ концовъ, русскимъ пограничнымъ властямъ. Пройдя массу этапныхъ тюремъ, послѣ самыхъ невѣротныхъ и ужасныхъ страданій Кабиръ Шахъ попалъ въ концѣ концовъ въ Московскую тюрьму Чеки на Лубянкѣ, а оттуда его сослали въ Соловецкій лагерь. Никто въ Афганистанѣ не зналъ ничего о судьбѣ Кабиръ-Шаха и, не получая ни откуда матеріальной помощи, онъ терпѣлъ ужасныя лишенія. Кое-кто изъ заключенныхъ ему помогалъ деньгами, продуктами и платьемъ, но самолюбивый, обидчивый и осторожный афганецъ не отъ всякаго принималъ помощь. Кабиръ Шахъ окончилъ англійскій инженерный колледжъ въ Калькутѣ и прекрасно говорилъ по англійски. Его англійская ориентація и популярность среди его соотечественниковъ были какъ рѣзъ причинами, вызвавшими нападеніе на него афганскихъ агентовъ совѣтской власти и передачу совѣтскимъ властямъ.

По русски онъ говорилъ ужаснымъ языкомъ, и употреблялъ выраженія, болѣе подходящія для боцмана паруснаго корабля, чѣмъ для духовнаго лица. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ Кабиръ-Шахъ изучалъ русскій языкъ практически въ тюрьмахъ и преимущественно у уголовного элемента.

По англійски онъ говорилъ безупречно, даже изысканно и бесѣда съ нимъ мнѣ доставляла огромное удовольствіе. Это былъ прекрасно, всесторонне образованный человекъ съ твердыми взглядами и свѣжимъ яснымъ умомъ европейски воспитаннаго дикаря. Иногда заходилъ къ намъ индусъ Корейша, жившій въ другой ротѣ и отбывавшій наказаніе на Соловкахъ по подозрѣнію въ шпіонажѣ. Почему онъ

попалъ въ Россію, какъ былъ арестованъ и другіе подробности его жизни, мнѣ остались неизвѣстными.

Кабиръ-Шахъ былъ очень красивый мужчина, крѣпко сложенный, стройный и выглядѣлъ моложе своихъ 34-хъ лѣтъ. Безъ всякаго смущенія онъ исполнялъ въ кельѣ, не взирая на наше присутствіе, всѣ положенные мусульманской религіей обряды и въ этомъ смыслѣ онъ былъ большимъ педантомъ.

Помню, однажды, въ лагерѣ прекратили выдачу подсолнечнаго масла и даже въ лавкѣ можно было достать изъ жировъ только свиное сало. Мы жарили картофель и треску на свиномъ салѣ и этимъ кое-какъ питались. Кабиръ Шахъ, избѣгавшій прибѣгать къ чужой помощи, очень страдалъ, не имѣя жировъ и питался исключительно чернымъ хлѣбомъ и гречневой кашей.

Никакіе уговоры не могли заставить его проглотить, хотя бы кусочекъ свиного сала, запрещеннаго закономъ его религіи. Онъ неизмѣнно отвѣчалъ намъ: „Я Саидъ Султанъ Кабиръ-Шахъ, это имя значитъ, что я потомокъ пророка. Если я — потомокъ пророка — нарушу законъ, то что же тогда требовать отъ обыкновенныхъ рядовыхъ мусульманъ“.

Иногда по вечерамъ, послѣ повѣрки, мы всѣ проводили часокъ за дружеской бесѣдой, а я, пользуясь любезнымъ разрѣшеніемъ хозяевъ, мылся въ обширномъ мѣдномъ тазу, оставшимся въ кельѣ отъ старыхъ монастырскихъ временъ.

Г л а в а 43-ая.

Чѣмъ больше живешь въ лагерѣ, тѣмъ все больше и больше проникаешься сознаниемъ, что Соловецкій лагерь — это какой-то гигантскій сумасшедшій домъ.

Въ техническомъ бюро при строительной части лагеря, гдѣ среди другихъ 20-ти чертежниковъ работаетъ и Бырсанъ, разрабатываютъ рядъ съ ногъ сшибательныхъ проектовъ: электрофикаціи всѣхъ Соловецкихъ острововъ, образцовой механической прачешной, судостроительныхъ верфей, астрономической обсерваторіи и зоологической опытной станціи съ аквариумомъ.

Профессоръ Бразъ рисуетъ эскизъ фасада дома,

гдѣ будетъ помѣщаться управленіе воднымъ транспортомъ...

Сеньоръ Віолара ведетъ переговоры съ администраціей лагеря объ устройствѣ на собственный счетъ біо станціи. Мексиканецъ предполагалъ, что ему удастся устроиться при станціи завѣдующимъ и поселиться тамъ вмѣстѣ съ женой. Въ отхожемъ же мѣстѣ, находящемся на центральной площади Кремля провалилась крыша. Заключенные, населяющіе Кремль (около 5,000 человекъ), отправляютъ естественныя потребности во всѣхъ закоулкахъ отхожаго мѣста и вечеромъ туда небезопасно ходить, такъ какъ нѣсколько сидѣній обвалилось и зияетъ зловонная яма. На площади и на каменной галлерей нерѣдко падаютъ въ обморокъ истощенные голодомъ и работой люди и по вечерамъ на повѣркѣ всегда читаются списки разстрѣлянныхъ.

Въ лагерѣ имѣется два театра, одинъ въ Кремлѣ, другой за Кремлемъ около кирпичнаго завода. Въ этомъ театрѣ происходятъ спектакли и кинематографическіе сеансы. Входная плата отъ 5-ти до 20-ти центовъ.

Играютъ заключенные изъ бывшихъ профессиональных артистовъ и интеллигенціи. Недавно изъ Москвы вернулась особо командированная комиссія, которая привезла духовые и струнные инструменты для оркестра.

Князь Максutowъ, тотъ самый, съ которымъ я сидѣлъ въ Петербургской тюрьмѣ, исполнялъ обязанности капельдинера въ Кремлемскомъ театрѣ и за то, что не во время скомандовалъ „смирно“, когда въ театръ вошло начальство, его сослали на Кондъ—островъ въ каменоломни.

По субботамъ въ театрѣ устраиваются антирелигіозныя субботники. Устраиваютъ ихъ по окончаніи работъ и водятъ на нихъ каждую роту по очереди.

Какой нибудь полуграмотный и разбитной лекторъ изъ заключенныхъ чекистовъ, или коммунистовъ дѣлаетъ докладъ на антирелигіозную тему. Я присутствовалъ на одномъ только субботникѣ, но этого вполне достаточно, чтобы получить ясное представленіе о культурно-просвѣтительной работѣ начальства лагеря.



Б. Л. СЕДЕРХОЛЬМЪ послѣ есмьки.

Докладъ былъ на тему: „Что такое богъ (съ маленькой буквой), и для чего нужна религія?“

Передъ аудиторіей, почти сплошь состоявшей изъ университетскихъ людей съ высшимъ образованіемъ, среди которыхъ было много священниковъ, лекторъ повторялъ общесовѣтскія агитаціонныя фразы объ обманѣ народа, о религіозномъ дурманѣ, о недобросовѣстности священниковъ и тому подобное.

Довольно комично вышло, когда лекторъ, солидно откашлившись, обратился къ намъ съ полувопросомъ: „Можетъ быть вы, граждане, не знаете, что такое теорія Дарвина, я вамъ вкратцѣ сейчасъ изложу ее“.

И пошелъ, и пошелъ. На этомъ докладѣ чуть не случилось большого несчастья съ Кабирь-Шахомъ и спасло его только удачное стеченіе обстоятельствъ.

Кабирь Шахъ сидѣлъ между мной и барономъ Б. Справа отъ меня сидѣлъ и мирно похрапывалъ Виолара, ничего не понимавшій по русски, кромѣ самыхъ обыденныхъ фразъ.

Истощивъ весь запасъ краснорѣчія на тему о религіи и о Дарвинѣ, лекторъ перешелъ къ доказательствамъ, что Богъ не существуетъ. Этотъ квази-научный рефератъ, вѣроятно, окончился бы такъ же мирно, какъ и всѣ другіе, подобные ему рефераты, если бы не экспансивный Кабирь-Шахъ, который слушалъ докладъ съ громаднымъ вниманіемъ и все время или безпокойно ерзалъ на мѣстѣ, или приставалъ ко мнѣ и къ барону Б. съ просьбой перевести по англійски непонятную имъ фразу лектора.

Я замѣтилъ, что баронъ Б.—человѣкъ очень милый, но крайне легкомысленный—иногда ради шутки намѣренно искажалъ смыслъ фразы лектора, переводя ихъ Кабирь-Шаху, и афганецъ очень волновался и сердился.

Фразу лектора: „Итакъ все представленіе о богѣ — сплошная чушь и ерунда“... баронъ Б. перевелъ афганцу такъ: „Онъ ругаетъ Бога и говоритъ, что въ него вѣрятъ только дураки“.

Совершенно внѣ себя съ искаженнымъ лицомъ и горящими глазами, Кабирь-Шахъ вскакиваетъ и съ крикомъ: „Собака! свинья! дуракъ!“ Баронъ Б. и я съ громаднымъ усиліемъ усадили разсержаннаго афганца, и одновременно погасло электричество въ театрѣ.

Поднялся свистъ, шумъ, требованіе огня, а тѣмъ временемъ расходившійся Кабирь-Шахъ продолжалъ возмущенно повторять, мѣшая русскіе ругательства съ англійскими фразами; „Дуракъ, свинья, зачѣмъ плохо говорилъ на Бога?“

Кое какъ соединенными усиліями мы успокоили Кабирь-Шаха и я тутъ же, по его настойчивому требованію, поклялся, что переведу на русскій языкъ все, что онъ напишетъ по англійски въ защиту Бога для передачи лектору и начальству лагеря.

Принесли факела, постепенно суета и шумъ утихли и, протискавшись къ выходу, мы пошли темной галлереей, шлепая по лужамъ къ себѣ въ роту.

Въ ротѣ меня ждалъ неприятный сюрпризъ. Бумага, присланная изъ штаба лагеря, глухо безъ всякаго объясненія причинъ гласила: „Финляндскаго гражданина, заключеннаго 10-ой роты У. С. Л. О. Н. Бориса Леонидовича Седергольма, перевести обратно въ 13 ю роту“.

Свершилось то, что рано или поздно должно было случиться. Это было 3-го октября 1925 года.

* * *

Оставивъ всѣ вещи въ комнатахъ Віолара и Бирсана, я съ одѣяломъ и подушкой отправился въ Рождественскій соборъ.

Тамъ все было безъ перемѣны. Было, пожалуй, еще хуже, чѣмъ раньше, такъ какъ прибыло масса новыхъ заключенныхъ и люди спали подъ нарами на кучахъ разлагающагося мусора.

Какъ „старожиль“ и бывшій заключенный 13-й роты я опять попалъ въ правый притворъ алтаря и занялъ мѣсто на нарахъ между однорукимъ инженеромъ полякомъ Врублевскимъ и бывшимъ чиновникомъ царской охраны полиціи Максимовымъ. Оба они работали на кирпичномъ заводѣ лагеря, не мылись уже три мѣсяца и я предоставляю читателю судить о томъ, какъ я провелъ ночь сдавленный съ двухъ сторонъ этими несчастными людьми.

Съ утра меня отправили въ гавань разгружать пароходъ, прибывшій изъ Кеми съ посылками для заключенныхъ.

Тутъ же нагружали баржи кирпичами и я встрѣтился съ одной изъ моихъ бывшихъ сосѣдокъ по камерѣ въ Петербургской тюрьмѣ госпожей Б. и съ той дамой, съ которой я познакомился на параходѣ, когда насъ везли изъ Кеми.

Объ были въ крайне жалкомъ видѣ и отъ нихъ же я узналъ, что ѣхавшая съ нами молоденькая дѣвушка Катя нананунѣ покончила съ собой.

На площади и въ театрѣ я встрѣчалъ нѣсколько заключенныхъ дамъ чрезвычайно элегантно одѣтыхъ и даже употреблявшихъ духи Котти. Это или жены нѣмановъ, сосланные въ лагерь вмѣстѣ съ мужьями, или сосланные артистки, или видныя Московскія и Петербургскія кокетки. Всѣ эти дамы пристраиваются или секретаршами при разныхъ управленіяхъ лагеря, или зачисляются въ театральныя лагерныя труппы. Нѣсколько изъ этихъ дамъ носятъ очень громкія титулованныя фамиліи.

Съ наибольшимъ достоинствомъ держатъ себя въ Соловецкомъ лагерѣ заключенные священники. Они безропотно съ большимъ мужествомъ выполняютъ всѣ, возлагаемыя на нихъ работы, и по окончаніи періода моральнаго карантина занимаютъ хозяйственныя должности, конторщиковъ, писарей, бібліотекарей, и тому подобное. Всѣ они ходятъ въ духовномъ платьѣ, при встрѣчѣ съ высшими іерархами подходятъ подъ благословеніе, троекратно цѣлуются при встрѣчахъ, однимъ словомъ ни на іоту не измѣняютъ вѣковыхъ традицій своей касты.

Среди священниковъ почти не наблюдается случаевъ смерти отъ голода или цынги, такъ какъ многіе изъ нихъ получаютъ многочисленныя посылки съ продуктами отъ друзей и близкихъ.

По субботамъ въ старой кладбищенской церкви, за Кремлемъ, разрѣшается отправлять церковную службу, разумѣется, безъ ущерба для положенныхъ работъ. Несмотря на усталость, священники ходятъ въ эту церковь каждую субботу, послѣ восьми часовъ вечера, то есть по окончаніи работъ.

Литургія никогда не служится, такъ какъ праздниковъ на Соловахъ нѣтъ и съ пяти часовъ утра всѣ уже заняты до восьми часовъ вечера.

Тотъ пароходъ, съ котораго я выгружалъ посылки, носилъ названіе „Глѣбъ Бокій“ и помощникъ капитана, заключенный въ лагеръ, Викторъ Битнеръ оказался мой большой пріятель, съ которымъ я сидѣлъ въ тюрьмѣ на Шпалерной. Битнеръ до тюрьмы былъ капитаномъ совѣтскаго парохода, дѣлавшаго рейсы между Петербургомъ и Англіей. Помощникомъ Битнера былъ бывший офицеръ Императорскаго флота Калакуцкій, секретный сотрудникъ Чеки. По доносу Калакуцкаго Битнера обвинили въ контръ революціонномъ замыслѣ и сослали въ Соловецкій лагеръ. А Калакуцкій назначенъ былъ капитаномъ парохода.

Битнеру еще оставалось два года до отбытія срока наказанія и семья его, оставшаяся въ Петербургѣ безъ всякихъ средствъ существованія, ничѣмъ не могла помочь ему. Поэтому несчастный Битнеръ существовалъ исключительно на казенномъ пайкѣ, такъ же, какъ капитанъ и весь персоналъ парохода. Но я искренно завидовалъ всѣмъ этимъ морякамъ Соловецкаго лагеря, имѣвшимъ возможность дѣлать свое привычное дѣло, жить во все время навигаціи на суднѣ и лишь отдаленно соприкасаться со всей лагерной мерзостью, преступленіемъ и предательствомъ.

Посылки мы выгрузили шла уборка, такъ какъ черезъ часъ пароходъ опять уходилъ въ Кемь, а насъ поставили на разгрузку баржи. Было около одиннадцати часовъ дня. Вваливая на плечи мѣшокъ съ гречневой крупой, я услышалъ, что какой-то чекистъ выкликаеть мою фамилію.

Когда я откликнулся, мнѣ приказали, какъ можно скорѣй, явиться къ дежурному по Кремлю. Такіе внезапные вызовы ничего хорошаго не предвѣщаютъ и я съ тяжелымъ сердцемъ поспѣшилъ въ Кремль.

Дежурный по Кремлю мнѣ приказалъ немедленно собрать вещи и бѣжать на пароходъ, который съ минуты на минуту долженъ былъ уйти въ Кемь. Съ сильно бьющимся сердцемъ, боясь вѣрять въ проснувшуюся надежду на освобожденіе, я собралъ разсѣянные по разнымъ мѣстамъ Кремля мои вещи и въ сопровожденіи конвойнаго чекиста помчался на пристань.

Уже отдавали кормовой швартовъ, когда я прыгнулъ на палубу парохода. Даже сейчасъ встаетъ передо мной картина удаляющейся пристани съ группами оборванныхъ истощенныхъ людей и наглыми чекистами въ кавалерійскихъ длинныхъ шинеляхъ, а на заднемъ планѣ длинное трехэтажное зданіе съ громаднымъ краснымъ флагомъ на крышѣ и вывѣской: У. С. Л. О. Н. На переднемъ планѣ пристани виднѣлась фигура товарища Васькова, нѣжно придерживавшаго свою молодую жену въ котиковомъ манто.

Прощай, Соловки, островъ слезъ, страданій и краснаго кошмара! Будь на вѣки проклятъ! Прощайте, поруганныя древнія, русскія святыни! Прощайте, дорогие страдальцы друзья и товарищи по заключенію!

Многіе ли изъ васъ доживутъ до будущаго года, и суждено ли вырваться кому-нибудь изъ васъ когда-нибудь на свободу?

* * *

Стояла тихая, ясная осенняя погода. За кормой тянулась кильватерная струя и Соловецкіе острова постепенно уходили въ даль. Кромѣ меня было не больше десятка пассажировъ, разумѣется, все заключенные. Два чекиста въ кожаныхъ курткахъ, повидимому, командированные въ Кемскій лагерь, очень быстро и безъ церемоніи заняли маленькую каюту помощника капитана, находившуюся подъ капитанскимъ мостикомъ.

Черезъ полуоткрытую дверь видно было милостивую, молоденькую женщину, которая визгливо хотала и порывалась выскочить изъ каюты.

Два старыхъ кубанскихъ казака въ барашковыхъ шапкахъ расположились на своихъ мѣшкахъ на кормѣ.

Рядомъ со мной на машинномъ люкѣ сидѣлъ пожилой человекъ съ умнымъ усталымъ лицомъ. Не смотря на грязный оборванный полушубокъ и загрузившія отъ тяжелой работы руки, въ незнакомцѣ сразу угадывался свѣтскій, воспитанный человекъ. Я не ошибся, это былъ бывший начальникъ—таможни Ш. Онъ былъ осужденъ за контръ-революцію и находился въ лагерь уже два года. Теперь его переводили

въ лагерь Кемь для работы въ бухгалтеріи лѣсопильного завода Кемскаго лагеря.

Остальные пассажиры были крестьяне, которыхъ назначили на лѣсные работы.

Узнавъ что меня отправляютъ въ Кемь для отправки въ Петербургъ, Ш искренно меня поздравилъ и сказалъ: „Поздравляю васъ лишь оттого, что вы иностранецъ. Иначе не поздравилъ бы“.

Я очень удивился такому замѣчанію моего собесѣдника. Оказалось, вотъ что: изъ совѣтскаго концентраціоннаго лагеря и изъ Кемь люди освобождаются, только умирая. Всякій, благополучно отбывшій срокъ положеннаго наказанія въ лагерь (такихъ почти не бываетъ, такъ всегда имѣется поводъ увеличить срокъ наказанія), отправляется въ Петербургъ въ пересыльную тюрьму. Оттуда всѣхъ, освобожденныхъ съ Соловковъ, отправляютъ на, такъ называемое, вольное поселеніе въ Нарымскій край (Сибирь). Нарымскій край очень мало заселенъ и всѣ административно ссыльные, попадая туда безъ денегъ, безъ платья и съ надорваннымъ здоровьемъ послѣ Соловецкаго ада, осуждены на гибель.

Везутъ въ Нарымскій край въ такихъ вагонахъ, въ какихъ меня привезли въ Кемь, но путешествіе еще ужаснѣе, еще тяжелѣе, такъ какъ длится нѣскольکو недѣль съ длительными остановками и перегрузками въ этапныхъ тюрьмахъ.

Какъ и всѣ русскіе съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться въ тюрьмахъ, г-нъ Ш. придавалъ преувеличенное значеніе моему иностранному подданству. По его мнѣнію, я могъ считать себя теперь въ полной безопасности, такъ какъ было очевидно, что меня вышлютъ за границу.

Для меня это было далеко не „очевидно“, но все-таки, гдѣ-то въ самыхъ тайникахъ сердца шевелилась надежда на поворотъ въ моей судьбѣ къ чему-то хорошему, радостному.

Въ Кемь мы прибыли передъ вечеромъ и на пристани уже ожидалъ насъ вооруженный конвой. Всѣхъ насъ, въ томъ числѣ и чекистовъ съ ихъ веселой спутницей, повели уже мнѣ знакомой дорогой въ пересыльный пунктъ, гдѣ мнѣ объявили, что я отправляюсь съ ближайшимъ этапомъ въ Петербургъ въ

распоряженіе народнаго комиссаріата иностранныхъ дѣлъ. Этапъ уходилъ 12 го октября и до этого времени мнѣ предстояло жить въ пересыльномъ лагерѣ. Теперь, когда все болѣе и болѣе реально вырисовывался передо мной призракъ грядущей свободы, я готовъ былъ жить не только въ пересыльномъ лагерѣ, а у самого чорта.

Чѣмъ можно было меня еще удивить и испугать послѣ всего пережитаго? Въ лагерѣ я встрѣтилъ кое-кого изъ моихъ бывшихъ попутчиковъ изъ Петербурга. Какъ тюрьма быстро старитъ людей! Какихъ-нибудь три четыре недѣли не встрѣчаешь человека и сразу, при первой встрѣчѣ замѣчаешь, какъ углубились морщины, какъ посѣдѣла борода, какъ изменилось выраженіе глазъ.

Меня помѣстили въ наполовину—пустой баракъ, показавшійся мнѣ верхомъ комфорта послѣ соловецкой жизни. Ахъ, какъ все на этомъ свѣтѣ относительно!

Я замѣтилъ, что ко мнѣ стали относиться гораздо лучше, чѣмъ раньше и вечеромъ на повѣркѣ ко мнѣ подошелъ чекистъ, завѣдующій бараккомъ, со словами: „Вы, гражданинъ, назначены на легкія работы. Завтра съ утра будете складывать дрова“.

Поистинѣ рѣдкая предупредительность!

Въ теченіе трехъ дней я складывалъ ежедневно дрова, а на четвертый простудился и температура поднялась до 39-ти градусоѡвъ. Сверхъ всякаго ожиданія, меня перевели въ лазаретъ. Въ лазаретѣ было очень скверно и если бы не лихорадка, я предпочелъ бы лежать въ баракѣ. Койки на деревянныхъ козлахъ стояли вплотную одна къ другой и запахъ отъ цынговыхъ больныхъ вызывалъ тошноту. Но въ лазаретѣ было тепло и не такъ донимали клопы, отъ которыхъ житья не было въ баракѣ.

Я провалялся въ лазаретѣ почти восемь дней. Каждый день уносили одного или двухъ умершихъ. Главный контингентъ больныхъ—туберкулезные въ послѣдней стадіи и цынготные. Въ лазаретѣ я встрѣтился съ бывшимъ моимъ попутчикомъ американскимъ инженеромъ Шевалье. Ему ампутировали руку, такъ какъ послѣ полученной раны въ плечо, у него образовался въ рукѣ Антоноеъ огонь. Шевалье очень

плохо выглядѣлъ и мнѣ кажется, что онъ не доживетъ до освобожденія. 12-го октября меня выписали изъ лазарета, приказали собрать вещи и повели въ штабъ лагеря. Тамъ собралось около 20-ти человекъ заключенныхъ мужчинъ и женщинъ, которыхъ отправляли въ Петербургскую пересыльную тюрьму. 17 человекъ были, такъ называемые, „политическіе“ преступники. Это была все молодежь, студентки и студенты, отбывшіе на Соловкахъ 2 года заключенія и теперь ихъ всѣхъ высылали на три года на вольное поселеніе въ Нарымскій край.

Къ моей большой радости я встрѣтилъ Игоря Владиміровича Ильинскаго, съ которымъ я сторожилъ огороды на Соловкахъ. Ему было замѣнено три года заключенія въ Соловецкомъ лагерѣ 5-ю годами тюремнаго заключенія въ Москвѣ. Онъ былъ на седьмомъ небѣ и говорилъ мнѣ, что этой „милости“ онъ удостоился благодаря заступничеству какихъ-то видныхъ коммунистовъ его прежнихъ товарищей по какой-то социалистической партіи. Если бы я былъ на его мѣстѣ, то есть совѣтскимъ подданныхъ, я былъ бы не въ меньшемъ восторгѣ, такъ какъ пять лѣтъ тюрьмы въ Москвѣ или въ Петербургѣ, безъ всякаго сомнѣнія, во много разъ лучше, трехъ лѣтъ заключенія въ Соловецкомъ лагеря.

Студенты и студентки ѣхали въ разныхъ отдѣленіяхъ почти пустого тюремнаго вагона. Меня, Ильинскаго и вахмистра польской арміи Шуттенбаха помѣстили въ одно отдѣленіе и мы устроились съ большимъ комфортомъ.

Шуттенбахъ былъ схваченъ на польско совѣтской границѣ, во время объѣзда имъ польскихъ пограничныхъ постовъ. Къ счастью для него, польское правительство обнаружило слѣдъ пропавшаго безъ вѣсти вахмистра и теперь Шуттенбаха возвращали въ Москву для отправки въ Польшу въ обмѣнъ на совѣтскихъ шпионовъ, заключенныхъ въ польскихъ тюрьмахъ.

Настроеніе всѣхъ моихъ попутчиковъ было не удержимо веселое, хотя кромѣ Шуттенбаха и можетъ быть меня, никто не могъ помышлять о свободѣ. Молодежь ѣхала въ дальнюю ссылку, а Ильинскій въ тюрьму на пять лѣтъ. Но достаточно было причинъ для веселья, хотя бы потому, что Соловки и Кемь

остались позади и впереди всѣхъ ожидало все-таки лучшее, а не худшее. Хуже того, что было не могло быть. Въ отдѣленіи справа отъ насъ сидѣли студенты, а слѣва студентки. Всю дорогу они пѣли, декламировали стихи. Ильинскій рассказывалъ самые уморительные анекдоты и смѣшилъ меня до коликъ въ животѣ. Конвойные солдаты попались на этотъ разъ довольно покладистые ребята и мы черезъ нихъ покупали на станціяхъ продукты и даже вино.

На станціи Лодейное поле въ вагонъ посадили массу арестованныхъ крестьянъ кареловъ по подозрѣнію въ организаціи контръ-революціоннаго заговора. Большинство изъ нихъ были глубокіе старики, совершенно первобытнаго вида. Одному изъ нихъ я подарилъ рубашку и валенки и онъ меня ужасно сконфузилъ, такъ какъ сталъ на колѣни и полѣзъ цѣловать мнѣ руку.

Послѣднія сутки было ужасно тѣсно и душно, но настроеніе по прежнему было у всѣхъ оживленное, кромѣ, разумѣется, стариковъ-кареловъ.

Въ Петербургъ мы прибыли днемъ 16 го октября и подъ конвоемъ насъ доставили въ пересыльную тюрьму.

Пересыльная тюрьма — она же второй исправительный домъ — громадное зданіе, рассчитанное на 3000 заключенныхъ, но въ моментъ нашего прибытія тамъ находилось 4560 человекъ. Эта цифра абсолютно точная, такъ какъ, когда насъ записывали въ канцеляріи въ пріемныя книги, я лично видѣлъ вывѣшенную на стѣнѣ рапортичку изъ тюремной книги. 2-й исправительный домъ — это одна изъ тюремъ, находящихся въ вѣдѣніи Наркомюста, то есть Народнаго комиссаріата юстиціи. Въ ней содержатся, главнымъ образомъ, лица, осужденныя по суду за различныя преступленія.

Двѣ камеры, каждая вмѣстимостью на 60 человекъ, предназначены для пересыльныхъ заключенныхъ.

Можно себѣ представить, что дѣлается въ этихъ комерахъ. Въ той камерѣ, куда попали Ильинскій, я и Шуттенбахъ и часть студентовъ уже было 140 человекъ. Подавляющее количество были уголовные преступники.

Но чѣмъ можно было удивить насъ, побывавшихъ на Соловкахъ! Мы чувствовали себя, по выра-

женію Ильинскаго, какъ будто „дома у мамы“. Впечатлѣніе семейнаго уюта еще больше усиливалось отъ присутствія ребятешекъ отъ 8-ми до 12-ти лѣтняго возраста. Эти дѣти-преступники—бытовое явленіе въ совѣтской Россіи и они гораздо опаснѣе взрослыхъ злодѣевъ. Въ первый же часъ нашего пребыванія въ камерѣ, насъ обворовали: у меня украли чайникъ, у Ильинскаго запасные сапоги. Заявлять о пропажѣ было наивно и смѣшно, такъ какъ и сапоги, и чайникъ давнымъ давно уже были переданы черезъ рѣшетчатую дверь надзирателю, который за одно съ ворами.

Вотъ въ этомъ была разительная разница съ тюрьмами Чеки и Соловками. Въ тюрьмахъ Чеки и на Соловкахъ желѣзная дисциплина и на удивленіе вымуштрованный персоналъ. Здѣсь, во второмъ исправительномъ домѣ, все было „по семейному“. Надзиратели торговали водкой, за одинъ рубль можно было послать надзирателя въ городъ съ запиской, за 5 рублей получить одинъ граммъ кокаина.

Мнѣ вся эта обстановка была уже знакома по тюремной больницѣ Гааза и къ вечеру я раздобылъ для себя и Ильинскаго одну койку, бутылку со скипидаромъ и пачку персидскаго порошку. Хорошо всюду знать порядки и обычаи!

Старые уголовные преступники относились къ намъ съ большимъ почтеніемъ и предупредительностью, наше „соловецкое прошлое“, окружало насъ въ ихъ глазахъ извѣстнымъ ореоломъ. Очень интересная бытовая подробность, о которой я раньше не зналъ. Дѣло въ томъ, что всѣхъ дѣтей-преступниковъ—по тюремному жаргону „шпану“ старые уголовники на ночь связываютъ по рукамъ и по ногамъ. Этимъ гарантируется цѣлостъ вещамъ и спокойный сонъ ихъ счастливыхъ собственниковъ. Очень остроумно! Но, какъ странно наблюдать всѣ эти бытовые черты въ переполненныхъ тюрьмахъ самаго социалистическаго государства въ мірѣ на восьмой годъ послѣ революціи!

Г л а в а 44-я

На слѣдующій день послѣ нашего прибытія въ пересыльную тюрьму всѣхъ студентовъ, Ильинскаго и

Шуттенбаха забрали на Московскій этапъ. Вечеромъ меня вызвали на свиданіе внизъ и служащая нашего консульства сообщила мнѣ, что я возвращень въ Петербургъ, такъ какъ Финляндское правительство, наконецъ, добилось моего освобожденія, которое состоится въ недалекомъ будущемъ.

Радостный и довольный я вернулся къ себѣ въ камеру.

Черезъ два дня послѣ этого меня перевели въ тюрьму на Шпалерную.

Въ третій разъ входилъ я въ ворота этой столь знакомой мнѣ тюрьмы. Обычная процедура приѣма, всюду внѣшній блескъ, чистота и показная корректность Чеки.

Меня помѣстили въ, такъ называемую, библиотечную камеру, заключенные которой обслуживаютъ находящуюся рядомъ въ томъ же корридорѣ библиотечку. Насъ всѣхъ было 30 человѣкъ, все безъ исключенія интеллигентные люди.

Съ утра насъ выпускали изъ камеры и запирали въ библиотекѣ, гдѣ мы раскладывали книги по всѣмъ камерамъ тюрьмы. За книгами приходили надзиратели изъ соотвѣтствующихъ отдѣленій. Такъ какъ среди насъ было много архитекторовъ и инженеровъ, то въ свободное отъ выдачи книгъ время, мои товарищи рисовали тутъ же въ библиотекѣ различные плакаты для уличныхъ демонстрацій. Тема рисунковъ и текстъ надписей присылались изъ канцелярии тюрьмы. Изъ-за этихъ плакатовъ я пострадалъ.

Такъ какъ я не умѣю рисовать и выписываніе этихъ дурацкихъ лозунговъ было мнѣ глубоко противно, я приводилъ въ порядокъ иностранный отдѣлъ библиотечки.

Однажды, одинъ изъ работавшихъ, инженеръ З. довольно лукаво спросилъ меня, почему я не готовлю плакатовъ.

На это я отвѣтилъ, что не хочу быть похожимъ на собаку, несущую въ своихъ зубахъ тотъ хлыстъ, которымъ ее хозяинъ выпоретъ. Въ библиотекѣ не было никого, кромѣ заключенныхъ, и несмотря на это, меня въ тотъ же вечеръ перевели въ другую камеру № 21. Я лишился изъ-за своего легкомысленнаго поступка мно-

гихъ привеллегій „рабочей камеры“: 1 часа прогулки во дворъ, 1 часа свиданія съ друзьями, выбора книгъ по своему вкусу.

Но кто же могъ предполагать, что и среди избранныхъ интеллигентныхъ людей могутъ оказаться шпионы!

Въ камеръ № 21 было смѣшанное общество, въ большинствѣ были люди моего круга. Въ ближайшій четвергъ увезли на разстрѣлъ, по обыкновенію, много народу и изъ нашей камеры взяли пять человѣкъ: трехъ бывшихъ офицеровъ, и двухъ евреевъ-фальшивомонетчиковъ. Въмѣсто нихъ посадили семь человѣкъ какихъ-то служащихъ какого-то государственнаго кооператива. Всего насъ было около 40 человѣкъ. Время для меня проходило довольно монотонно, такъ меня не вызывали ни на допросы, ни на отправку на этапъ. Надо было вооружиться терпѣніемъ и ждать, пока окончатся всѣ формальности, связанные съ моимъ освобожденіемъ и отправкой меня въ Финляндію.

Прошелъ ноябрь. На свиданіяхъ меня все время мои друзья подбадривали, обѣщая скорое освобожденіе. Становилось невыносимо отъ полнаго бездѣйствія, отъ вида страданій окружающихъ меня людей.

Въ ночь на 24-е декабря въ половинѣ одиннадцатаго меня внезапно вызвали изъ камеры въ канцелярію и объявили, что я освобождаюсь въ распоряженіе финляндскаго генеральнаго консульства въ Петербургъ.

* * *

Дальше, собственно говоря, рассказывать нечего. Ночь стояла тихая, морозная, настоящая рождественская ночь.

Старенькій, обтрепанный извозчикъ съ понурой лошадкой стоялъ недалеко отъ воротъ.

Садясь въ сани и замѣтивъ, что извозчикъ пристально меня разсматриваетъ, я засмѣялся и сказалъ: — „Что дядя смотришь? Не бойся, не жулика повезешь. Вези на Екатерингофскій проспектъ, въ Финляндское консульство, тамъ заплатятъ“.

— „Да развѣ же я про это? Да Господь съ вами! Развѣ же не понимаемъ, какихъ людей въ эту тюрьму

сажаютъ? Я смотрю на васъ, что вы—веселый такой. Долго сидѣть изволили?“

— „Два года, я съ Соловковъ, дядя“.

Извозчикъ обернулся, пристально посмотрѣлъ мнѣ въ лицо и такъ, какъ только можетъ сказать русскій простолюдинъ, сказала: „Ахъ, ты, Господи! Боже мой, спаси насъ Христось и помилуй!“

Долго ѣхали мы по пустыннымъ безлюднымъ снѣжнымъ улицамъ и не сказали больше ни слова другъ другу. Старикъ отъ времени до времени только старчески крякалъ, приговаривая: „Ахъ, ты, Господи! Вотъ оно какое дѣло. Спаси насъ, Христось и помилуй!“.

Въ консульствѣ мое появленіе произвело ошеломляющее впечатлѣніе. Мнѣ, кажется, что мои соотечественники были болѣе растроганы, чѣмъ я.

Я былъ какъ во снѣ. Въ громадной залѣ горѣла елка. Въ стѣнномъ зеркалѣ я увидѣлъ свое отраженіе и... и отшатнулся.

Было понятно, почему мои друзья смотрятъ на меня глазами блестящими отъ слезъ...

Какъ необычно, какъ странно сидѣть въ прекрасной бѣлой ваннѣ и мыться не торопясь. Вотъ флаконъ съ лоціонъ, вотъ бритва, вотъ приборъ для ногтей...

Два часа ночи. Нѣтъ сна. Такъ непривычно лежать въ мягкой, широкой кровати на чистомъ бѣлѣ подъ шелковымъ стеганнымъ одѣяломъ.

Съ ночного столика смотрятъ на меня портреты дорогихъ близкихъ лицъ.

* * *

Шесть дней, какъ я живу въ консульствѣ, не показывая носу на улицу.

Гуляю во дворѣ и европеизируюсь.

Наконецъ всѣ разрѣшенія и нужные бумаги добыты. Утромъ въ сопровожденіи генеральнаго консула, совѣтника нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, дипломатическаго курьера и одного служащаго консульства меня везутъ на вокзалъ финляндской желѣзной дороги.

Въ вагонѣ занимаемъ купе и все молчимъ. Молчаніе—золото, но въ этой странѣ, молчаніе—больше, чѣмъ золото.

Въ Бълоостровѣ проходятъ черезъ вагонъ чекисты и осматриваютъ наши паспорта.

Все проходитъ гладко.

Около четырехъ часовъ дня, мы на финляндской территоріи.

Весь кошмаръ позади.

„Спаси насъ, Христось, и помилуй!“,—вспоминаю слова извозчика, послѣдняго совѣтскаго гражданина, съ которымъ я разговаривалъ.

КОНЕЦЪ.

